E 9/123

С 123.

О ПОСТАНОВКѢ

ВОПРОСОВЪ НА СУДѢ УГОЛОВНОМЪ

ПО РѢШЕНІЯМЪ

КАССАЦІОННАГО СЕНАТА.

СОСТАВИЛЪ

М. Селитренниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.
1875.

170

О ПОСТАНОВКѢ ВОПРОСОВЪ.

2007056015

О ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСОВ.

О ПОСТАНОВКѢ ВОПРОСОВЪ

НА СУДѢ УГОЛОВНОМЪ,

ПО РѢШЕНІЯМЪ

КАССАЦІОННАГО СЕНАТА.

СОСТАВИЛЪ

М. Селитренниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.

1875.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Постановка вопросовъ на судѣ съ присяжными составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ обрядовъ уголовнаго процесса. Лучшимъ доказательствомъ того, насколько важно правильное постановленіе вопросовъ и съ какими трудностями оно сопряжено, служатъ цифры ежегодно отмѣняемыхъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ, по поводу нарушеній, допускаемыхъ при постановкѣ вопросовъ. Такъ, по нашему счету, изъ 2067 приговоровъ, восходившихъ на разсмотрѣніе кассаціоннаго сената съ 1866 по 1873-й годъ, было отмѣнено, по разнымъ причинамъ, 580 приговоровъ; изъ этого же числа, вслѣдствіе неправильной постановки вопросовъ, подверглось кассаціи 144 приговора, причемъ только въ 26 случаяхъ, вмѣстѣ съ неправильной постановкой вопросовъ, были и другіе поводы кассаціи [1]). Такимъ образомъ, нарушенія, допущенныя

[1]) По годамъ, цифры эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Годы:	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	Всего.	
Было въ разсмотрѣніи сената приговоровъ общихъ судебныхъ мѣстъ	8	114	224	318	430	457	516	2067	
Изъ нихъ отмѣнено по разнымъ причинамъ	5	28	73	90	120	117	147	580	
Въ томъ числѣ по неправильной постановкѣ вопросовъ . . .	3	5	17	16	30	26	21	118	144
По той же причинѣ, вмѣстѣ съ другими поводами	—	3	5	1	7	4	7	26	

при постановленіи вопросовъ, были причиною отмѣны почти цѣлой четверти всего количества кассированныхъ приговоровъ. При такомъ важномъ значеніи обряда постановки вопросовъ, разъясненія, преподанныя правительствующимъ сенатомъ по этому предмету, должны представлять особую цѣну и особенный интересъ. На этомъ же основаніи, всякая попытка привести богатый и разнообразный матеріалъ, представляемый кассаціонною практикою по данному предмету, въ сколько-нибудь стройную систему, съ цѣлью уясненія началъ и воззрѣній, которыхъ придерживается въ этомъ случаѣ нашъ кассаціонный судъ, должна быть признана дѣломъ далеко небезполезнымъ. Предлагаемая вниманію юридической публики книга составляетъ именно попытку такого рода. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что трудъ одного человѣка, поставившаго своей задачей справиться съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, какой имѣется въ данномъ случаѣ, въ особенности при новизнѣ самаго предмета изслѣдованія, долженъ страдать и неполнотой, и неточностями, и другими погрѣшностями. Составитель книги вполнѣ сознаетъ это, и потому всякое указаніе на недостатки его труда будетъ принято имъ съ благодарностію.

Въ предлагаемой книгѣ сдѣланъ обзоръ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената съ 1866 по 22 марта 1873 года. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведены указанія на рѣшенія сената за 1873 годъ, тезисы изъ которыхъ помѣщены въ Указателѣ юридическимъ вопросамъ г. Трахтенберга, а также приведены выдержки изъ тѣхъ рѣшеній, состоявшихся въ 1874 и 1875 годахъ, которыя въ полномъ объемѣ или въ тезисахъ помѣщены въ газетѣ «Судебный Вѣстникъ» за первые мѣсяцы настоящаго года.

Обозрѣвая кассаціонныя рѣшенія въ извѣстной системѣ, составитель считалъ своею обязанностію излагать мнѣнія правительствующаго сената возможно точно и объективно. Замѣчанія, которыя авторъ позволялъ себѣ дѣлать по поводу того или другаго высказаннаго сенатомъ положенія, почти вездѣ помѣщены отдѣльно отъ текста, подъ чертою.

М. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Алфавитный указатель 335

Указатель законовъ 343

КНИГА ПЕРВАЯ.

О РАЗГРАНИЧЕНІИ ФУНКЦІЙ СУДЕЙ И ПРИСЯЖНЫХЪ.

ГЛАВА I.

Обзоръ рѣшеній Правительствующаго сената.

Отдѣленіе 1-е.

Опредѣленіе степени власти присяжныхъ и судей . . . . . 1—2

Отдѣленіе 2-е.

Средства, при помощи которыхъ достигается раздѣленіе судебныхъ функцій между присяжными и судьями . . . . . 2—18

ГЛАВА II.

Обзоръ существующихъ узаконеній . . . . 18—46

Стран.

КНИГА ВТОРАЯ.

О СОДЕРЖАНІИ И ФОРМѢ ВОПРОСОВЪ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Вопросы о виновности.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

Отдѣленіе 1-е.

Содержаніе вопросовъ о виновности вообще . . . . . 47—51

Отдѣленіе 2-е.

Форма вопросовъ о виновности вообще . . . . . 52—76
А) Замѣна правовыхъ понятій конкретными фактами и общеупотребительными выраженіями . . . . . 52—57
Б) Соединеніе и раздѣленіе вопросовъ . . . . . 57—76
1. Соединеніе существенныхъ признаковъ преступленія . 58—60
2. Случаи, въ которыхъ вопросы должны быть раздѣлены 60—64
3. Постановка альтернативныхъ вопросовъ. . . . . 64—76

ГЛАВА II.

Главный вопросъ.

Отдѣленіе 1-е.

Отношеніе къ выводамъ обвинительнаго акта . . . . . 76—104
Содержаніе выводовъ обвинительнаго акта. . . . . 76—77
Обязательность постановки главнаго вопроса по обвинительному акту. . . . . 77—79
Редакція главнаго вопроса . . . . . 79—90
Редакція главнаго вопроса въ отдѣльныхъ случаяхъ . . . . . 90—104

Отдѣленіе 2-е.

Отношеніе къ судебному слѣдствію и заключительнымъ преніямъ. 104—118
1. Пополненіе главнаго вопроса вновь открывшимися признаками. . . . . 105—106
2. Измѣненіе главнаго вопроса, вслѣдствіе измѣненія обвиненія. 106—118
Уменьшеніе обвиненія . . . . . 107—111
Усиленіе обвиненія. . . . . 111—118
Случаи, въ которыхъ дѣло обращается къ предвари-

Стран.

тельному слѣдствію и къ составленію новаго обвинительнаго акта. . . . . 111—115

Случаи, въ которыхъ окончаніе дѣла откладывается для новаго и лучшаго приготовленія къ защитѣ. . 116—118

ГЛАВА III.

Вспомогательные вопросы.

Отдѣленіе 1-е.

Содержаніе вопросовъ и важность ихъ постановки . . . . . 118—122

Отдѣленіе 2-е.

Условія, при которыхъ допускается постановка вспомогательныхъ вопросовъ. . . . . 122—130

Отдѣленіе 3-е.

Редакція вспомогательныхъ вопросовъ. . . . . 130—134

ГЛАВА IV.

Постановка вопросовъ о виновности при различныхъ степеняхъ обнаруженія воли и дѣйствія.

Отдѣленіе 1-е.

Приготовленіе къ преступленію . . . . . 135—139

Опредѣленіе понятія о приготовленіи . . . . . 135—136

Фактическіе признаки, соотвѣтствующіе понятію о приготовленіи по отдѣльнымъ видамъ преступленій. . . . . 136—138

Редакція вопросовъ. . . . . 138—139

Отдѣленіе 2-е.

Покушеніе на преступленіе . . . . . 139—149

Опредѣленіе понятія о покушеніи . . . . . 139—140

Редакція вопросовъ о покушеніи . . . . . 140—142

Фактическіе признаки, соотвѣтствующіе понятію о покушеніи по отдѣльнымъ видамъ преступленій. . . . . 142—145

Свойства покушенія. Покушеніе неоконченное . . . . . 145—147

Покушеніе оконченное. . . . . 147—149

Отдѣленіе 3-е.

Оконченное преступленіе . . . . . 149—245

Опредѣленіе 149

Отдѣльные виды преступленій. . . . . 149—245

Стран.

ГЛАВА V.

Разложеніе вопроса о виновности на его составныя части.

Отдѣленіе 1-е.

Общія положенія. . . . . 246—247

Отдѣленіе 2-е.

Вопросъ о событіи преступленія . . . . . 247—252

Отдѣленіе 3-е.

Вопросъ о совершеніи преступленія. 253

Отдѣленіе 4-е.

Вопросы о вмѣненіи . . . . . 253—267
А) Общія положенія. . . . . 253—259
Б) Отдѣльныя причины невмѣняемости. . . . . 260—267

ГЛАВА VI.

Постановка вопросовъ о виновности, при стеченіи преступленій.

Совокупность преступленій . . . . . 267—270
Случаи, когда одно преступленіе служитъ средствомъ для совершенія другаго. . . . . 271—272
Преступленія продолжаемыя. . . . . 272—278

ГЛАВА VII.

Постановка вопросовъ о виновности, при участіи многихъ лицъ въ преступленіи.

Отдѣленіе 1-е.

Общія положенія. . . . . 278—289
Различныя степени участія въ преступленіи. . . . . 278—280
Обязательность постановки вопросовъ о степени участія . . . 280—283
Редакція вопросовъ. . . . . 283—289

Отдѣленіе 2-е.

Участіе безъ предварительнаго соглашенія . . . . . 289—291

Отдѣленіе 3-е.

Участіе по предварительному соглашенію . . . . . 291—298
Зачинщики. 292
Сообщники. . . . . 292—293

Стран.
Подстрекатели . . . . . 293—295
Пособники . . . . . 295—298

Отдѣленіе 4-е.

Прикосновенность къ преступленію . . . . . 298—304
Попустители . . . . . 298—299
Укрыватели . . . . . 299—303
Недоносители . . . . . 303—304

Отдѣленіе 5-е.

Соучастіе необходимое, обусловливаемое самимъ свойствомъ преступленія . . . . . 304—308

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Частные вопросы.

ГЛАВА I.

Вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ степень виновности.

Опредѣленіе обстоятельствъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ вину . . . . . 308—311
Обстоятельства особо увеличивающія вину въ частности . . . . . 311—312
Обстоятельства особо уменьшающія вину въ частности. . . . . 312—313
Важность постановки вопросовъ . . . . . 313—314
Редакція вопросовъ . . . . . 314—315
Замѣчанія . . . . . 316—320

ГЛАВА II.

Вопросы о неполномъ разумѣніи несовершеннолѣтняго. 320—322

ГЛАВА III.

Вопросъ о взаимности обидъ, какъ причинѣ, уничтожающей наказуемость . . . . . 322—323

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Вопросы о послѣдствіяхъ обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ и о порядкѣ производства дѣла.

ГЛАВА I.

Вопросы о послѣдствіяхъ обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ.

Вопросы о наказаніи. 323

Стран.
Вопросы о причинахъ, по коимъ наказаніе отмѣняется. . . . . 323—324
Давность 324
Примиреніе . . . . . 324—325
Гражданскій искъ . . . . . 325—327

ГЛАВА II.

Вопросы о порядкѣ производства дѣла . . . 327—328

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О ФОРМАЛЬНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСОВЪ.

ГЛАВА I.

Составленіе и прочтеніе вопросовъ.

Время составленія вопросовъ 329
Кѣмъ составляются . . . . . —
Изложеніе на вопросномъ листѣ . . . . . 329—330
Прочтеніе вопросовъ . . . . . 330—331

ГЛАВА II.

Дополненіе и измѣненіе вопросовъ.

Кто можетъ предъявлять замѣчанія на вопросы 331
Необходимость возраженій противъ постановленныхъ вопросовъ . 331—333
Форма, въ которой предъявляются замѣчанія сторонъ . . . . . 333—334
Обязанности суда 334

КНИГА ПЕРВАЯ.

О разграниченіи функцій судей и присяжныхъ.

ГЛАВА I.

Обзоръ рѣшеній правительствующаго сената.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

Опредѣленіе степени власти присяжныхъ и судей.

Правительствующій сенатъ, во многихъ рѣшеніяхъ своихъ, высказываетъ свой общій взглядъ на степень участія присяжныхъ и судей въ постановленіи уголовнаго приговора. Опредѣляя роль присяжныхъ засѣдателей въ уголовномъ процессѣ, сенатъ говоритъ, что разрѣшеніе всего того, что относится къ фактической сторонѣ дѣла, принадлежитъ исключительно присяжнымъ ($^{831}/_{69}$, $^{87}/_{72}$ и др. [1]); что присяжные засѣдатели входятъ въ составъ суда единственно для разрѣшенія фактической стороны дѣла, т. е. вопросовъ о дѣйствительности событія преступленія и о вмѣненіи въ вину совершившему его, не касаясь вопросовъ права уголовнаго или гражданскаго ($^{770}/_{68}$, $^{1811}/_{71}$, $^{300}/_{72}$, $^{1305}/_{72}$), и что они должны разрѣшить только вопросы о томъ, совершилъ ли подсудимый извѣстное дѣяніе, послужившее основаніемъ къ обвиненію его, и должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину ($^{1123}/_{72}$, $^{1265}/_{72}$). Съ другой стороны, сенатъ призналъ, что судьи опредѣляютъ юридическій характеръ дѣйствія по фактическимъ даннымъ, признан-

[1]) Указанія на кассаціонныя рѣшенія, помѣщенныя въ сборникѣ, мы будемъ изображать въ видѣ дроби, обозначая вверху № рѣшенія, а внизу годъ.

нымъ присяжнымъ (1818/71); что опредѣленіе законной квалификаціи преступнаго дѣянія не принадлежитъ никогда присяжнымъ, но напротивъ всегда суду (1621/71); что предоставленіе присяжнымъ въ вопросѣ юридической оцѣнки обстоятельствъ, составляющихъ признаки преступленія, есть незаконное расширеніе правъ присяжныхъ (305/69, 1211/71, 330/72) и что приговоръ, основанный не на обсужденіи фактовъ, признанныхъ присяжными засѣдателями, а на квалификаціи поступка обвиняемаго, сдѣланной самими присяжными засѣдателями, не можетъ имѣть силы судебнаго приговора (1306/72).

Таковъ общій взглядъ правительствующаго сената, опредѣляющій вѣдомство и степень власти присяжныхъ и судей. Взаимное отношеніе присяжныхъ засѣдателей и судей такимъ образомъ, по разъясненію кассаціоннаго сената, сводится къ извѣстной формулѣ: de jure respondent judices, de facto juratores, — судьи рѣшаютъ вопросъ юридическій, а присяжные — фактическій. Дѣятельность этихъ двухъ факторовъ суда въ постановленіи рѣшенія должна явиться поэтому въ слѣдующемъ видѣ: присяжные рѣшаютъ вопросъ о достовѣрности предложенныхъ имъ фактовъ и о вмѣненіи подсудимому въ вину совершеннаго имъ дѣянія, а судьи постановляютъ, что такіе-то законные признаки преступленія дѣйствительно осуществляются въ признанныхъ присяжными фактахъ, что вся совокупность этихъ признаковъ исчерпываетъ требуемый закономъ составъ извѣстнаго преступленія и что, наконецъ, подсудимому должно быть назначено такое-то наказаніе.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Средства, при помощи которыхъ достигается раздѣленіе судебныхъ функцій между присяжными и судьями.

Установивъ для судей и присяжныхъ двѣ отдѣльныя области, въ которой каждый изъ этихъ факторовъ суда долженъ являться независимымъ и самостоятельнымъ дѣятелемъ, правительствующій сенатъ для сохраненія на практикѣ раздѣльной черты между функціями судей и присяжныхъ, требуетъ выполненія извѣстныхъ правилъ. Къ числу такихъ требованій относится прежде всего то постоянно проводимое сенатомъ положеніе, что въ вопросахъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ, должно ограничиваться

лишь изложеніемъ фактическихъ признаковъ преступленія ($^{1621}/_{71}$, $^{1260}/_{72}$ и др). Чтобы выполнить это требованіе, т. е. чтобы разрѣшить, какіе изъ признаковъ въ каждомъ случаѣ слѣдуетъ включать въ вопросы, какъ подлежащіе утвержденію или отрицанію присяжныхъ засѣдателей, и какіе не слѣдуетъ помѣщать въ вопросахъ, такъ какъ они должны быть выведены самимъ судомъ изъ утвержденныхъ присяжными обстоятельствъ,—необходимо имѣть ясное представленіе о томъ, въ чемъ заключается разграничительная черта между признаками фактическими и правовыми. Обращаясь для уясненія этого важнаго въ практическомъ отношеніи вопроса къ рѣшеніямъ сената, мы находимъ здѣсь слѣдующія указанія. Во многихъ изъ рѣшеній своихъ ($^{1621}/_{71}$, $^{831}/_{69}$, $^{305}/_{69}$, $^{1211}/_{71}$, $^{87}/_{72}$, $^{1123}/_{72}$ и др.) правительствующій сенатъ высказываетъ, въ видѣ общаго положенія, что въ вопросахъ о виновности слѣдуетъ ограничиться лишь изложеніемъ тѣхъ фактовъ, которые послужили основаніемъ къ преслѣдованію подсудимаго и которые выяснились на судѣ; оцѣнка же этихъ фактовъ, соображенія, на основаніи которыхъ къ признаннымъ присяжными засѣдателями фактамъ примѣняется та или другая статья закона, должны быть изложены въ приговорѣ суда. Такимъ образомъ разграничительною чертою между фактическими и правовыми признаками, на основаніи вышеприведенныхъ словъ сената, служитъ *оцѣнка* (appréciation des faits), *соображеніе*, *выводъ:* все, что носитъ на себѣ печать юридической оцѣнки, что составляетъ обсужденіе историческихъ данныхъ съ точки зрѣнія закона, что является обобщеніемъ частныхъ конкретныхъ обстоятельствъ, то принадлежитъ къ правовой сторонѣ дѣла: все же остальное должно быть отнесено къ факту, къ фактической сторонѣ дѣла. На этомъ основаніи правительствующій сенатъ требуетъ, напр., чтобы въ вопросахъ о виновности въ кражѣ церковнаго имущества были помѣщены обстоятельства, указывающія на принадлежность похищеннаго имущества церкви, напр., что украденныя деньги были выручены отъ продажи церковныхъ свѣчей, изъ чего судъ долженъ вывести заключеніе о принадлежности похищенныхъ денегъ церкви ($^{300}/_{70}$), чтобы въ вопросахъ о виновности въ мошенничествѣ были указаны факты, изъ которыхъ слагается понятіе объ обманѣ, напр., что подсудимый сообщилъ потерпѣвшему такія-то свѣдѣнія, съ цѣлью выманить имущество, откуда уже самъ судъ сдѣлаетъ выводъ, заключаются ли въ этихъ фактахъ признаки обмана, преслѣдуемаго уголовнымъ закономъ ($^{388}/_{68}$, $^{299}/_{69}$). Такимъ же образомъ, въ пре-

ступленіи подлога духовнаго завѣщанія присяжные засѣдатели должны констатировать факты, по которымъ завѣщаніе признается подложнымъ, напр. что оно было подписано послѣ смерти завѣщателя другимъ лицомъ, что свидѣтели подписались на немъ по смерти завѣщателя и проч., а судъ изъ этихъ же данныхъ выводитъ заключеніе о томъ, что завѣщаніе «подложно» ($^{1274}/_{70}$); при обвиненіи въ грабежѣ перваго рода, присяжные засѣдатели утверждаютъ, что подсудимый, во время похищенія, совершилъ тѣ или другія насильственныя дѣйствія надъ личностью ограбленнаго, а судъ—что въ этихъ дѣйствіяхъ заключается насиліе ($^{510}/_{70}$, $^{243}/_{70}$, $^{623}/_{71}$ и др.). Точно также при обвиненіи въ сопротивленіи должностнымъ лицамъ, или въ оскорбленіи ихъ, въ вопросахъ присяжнымъ указываются дѣйствія, которыя приписываются подсудимому, а равно и обстоятельства, при которыхъ находилось во время сопротивленія или нанесенія обиды должностное лицо, судъ же рѣшаетъ, заключаютъ ли въ себѣ констатированные присяжными факты признаки сопротивленія или оскорбленія и находился ли въ это время чиновникъ при исполненіи обязанностей службы. Такъ напр., присяжные засѣдатели утверждаютъ, что «подсудимый виновенъ въ томъ, что когда въ квартиру его прибылъ судебный приставъ для описи его имущества, согласно рѣшенію мироваго судьи, то онъ, подсудимый, заперъ пристава въ своей квартирѣ»; судъ же оцѣниваетъ эти факты съ точки зрѣнія закона и находитъ, какъ было это по дѣлу Щелканова ($^{69}/_{68}$), что въ дѣйствіяхъ, констатированныхъ присяжными, заключается сопротивленіе съ насиліемъ чиновнику при исполненіи имъ обязанностей службы, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное 271 ст. Улож. При обвиненіи въ преступленіяхъ должности, присяжные засѣдатели разрѣшаютъ вопросъ о томъ: «совершено ли подсудимымъ извѣстное дѣяніе», «совершилъ ли подсудимый тѣ дѣйствія, которыя послужили основаніемъ къ преданію его суду и которыя выяснились на судѣ, и о томъ, должно ли быть совершенное подсудимымъ дѣяніе вмѣнено ему въ вину», а судъ — «имѣлъ ли подсудимый право совершить означенное дѣяніе по предоставленной ему закономъ власти должностнаго лица, а равно и то, составляетъ ли такое дѣяніе неисполненіе возложенныхъ на него обязанностей по службѣ», «должны ли быть эти дѣйствія признаны противными обязанностямъ службы» ($^{1123}/_{72}$, $^{1621}/_{71}$); присяжные признаютъ, что у подсудимаго были такія-то, раскрытыя слѣдствіемъ побужденія, вслѣдствіе которыхъ допущены нарушенія при засвидѣтельствованіи или

совершеніи офиціальнаго акта, а судъ — были ли тѣ побужденія корыстныя или личныя (487/70). Точно такимъ же образомъ, при обвиненіи въ покушеніи на преступленіе, а равно въ приготовленіи къ преступленію, въ вопросахъ присяжнымъ указываются тѣ внѣшнія дѣйствія, которыя совершены подсудимымъ и изъ которыхъ судъ выводитъ, заключается ли въ нихъ начало исполненія преступленія (31/67, 815/68, 194/68, 871/69, 1025/69, 929/72, 216/70) и т. д. Отсюда же, такъ какъ для присяжныхъ безразлично, какого именно рода, съ юридической точки зрѣнія, они утверждаютъ или отрицаютъ фактическіе признаки, ибо оцѣнка фактовъ изъята изъ ихъ вѣдѣнія, то ничто не препятствуетъ предлагать присяжнымъ вопросы и о такихъ дѣяніяхъ, въ которыхъ не заключается вовсе признаковъ преступленія. Правительствующій сенатъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ своихъ находитъ, что нѣтъ закона, воспрещающаго постановку такихъ вопросовъ (1200/71, 798/72). Но провозглашая, какъ основаніе для разграниченія фактической стороны дѣла отъ правовой, *оцѣнку* конкретныхъ обстоятельствъ, правительствующій сенатъ допускаетъ множество отступленій отъ высказаннаго имъ положенія. Такъ напр., сенатъ относитъ къ фактической сторонѣ дѣла, подлежащей разрѣшенію присяжныхъ, слѣдующіе признаки: опредѣленіе того, какого свойства была рана, т. е. тяжелая или легкая (91/66), были ли нанесены побои тяжкіе и представляли ли они опасность для жизни побитаго (114/68, 1094/69, 390/70); представляли ли опасность для жизни и здоровья насильственныя дѣйствія, коими сопровождалось нападеніе (88/66, 1099/69 и др.); принадлежатъ ли увѣчья къ болѣе или менѣе тяжкимъ (1072/72), завѣдомо ли фальшивы кредитные билеты, въ сбытѣ которыхъ подсудимый обвиняется (307/68); могъ ли подсудимый орудіемъ, бывшимъ у него при кражѣ, нанести смерть или увѣчье (567/69, 774/72); былъ ли подсудимый лицомъ, которому имущество церковное ввѣрялось на храненіе (525/69); внушалъ ли виновный, по званію своему или по мѣсту, или по особымъ отношеніямъ къ обманутому, особое къ себѣ довѣріе (144/73); было ли пособничество необходимо (138/70), совершено ли преступленіе «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ» (98/71); по легкомыслію (526/68), по предварительному договору (1624/72 и др.); совершено ли преступленіе ночью (868/71) и т. д. Всѣ эти признаки отнесены къ фактической сторонѣ дѣла и должны быть непремѣнно, въ ихъ законной формѣ, предложены на разрѣшеніе присяжныхъ. Но между тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ этихъ признакахъ содержатся не го-

лые факты, а оцѣнка ихъ, сужденіе о конкретныхъ фактахъ, и притомъ въ выраженіяхъ закона. Отправлялись съ точки зрѣнія чистаго факта и строго держась того мнѣнія, что оцѣнка его не принадлежитъ присяжнымъ, слѣдовало бы требовать, чтобы въ вопросахъ по вышеприведеннымъ предметамъ было представлено: описаніе раны, причиненной потерпѣвшему, напр. было обозначено, что она нанесена такимъ орудіемъ, въ такомъ-то мѣстѣ, имѣетъ столько-то дюймовъ въ длину, въ глубину и проч.; описаніе орудія, бывшаго при кражѣ, напр что это былъ большой плотничій топоръ, желѣзный ломъ въ аршинъ и три вершка длины; обозначеніе того, что подсудимый занималъ такое-то мѣсто или принадлежалъ къ такому-то званію; что подсудимый, обвиняющійся въ кражѣ церковныхъ вещей, былъ ктиторомъ церкви или сторожемъ, что кража совершена въ 9 или 10 часовъ ночи и т. п. А затѣмъ уже изъ этого матеріала предоставить суду сдѣлать выводъ о свойствѣ раны, о свойствѣ орудія, о томъ, долженъ ли быть причисленъ подсудимый къ лицамъ, внушающимъ къ себѣ особое довѣріе или долженъ ли онъ считаться такимъ лицомъ, которому церковное имущество ввѣрялось на храненіе; была ли совершена кража ночью и т. д. Но между тѣмъ вопросы въ такомъ видѣ постановлены быть не могутъ. С.-Петербургскій окружный судъ, по дѣлу Прокофьева ($^{280}/_{73}$), предложилъ на разрѣшеніе присяжныхъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый Прокофьевъ въ томъ, что 24 сентября 1872 г., разсердясь на своего рабочаго Егорова, схватилъ попавшееся ему подъ руку четырехгранное желѣзо и этимъ орудіемъ нарочно нанесъ Егорову ударъ, отъ котораго образовалась на головѣ послѣдняго *рана отъѣзная, въ 2 дюйма длиною, въ 2 линіи шириною, проникающая въ глубину до кости и отъ которой онъ лечился въ клиникѣ шестнадцать дней*»? По объявленіи этого вопроса защитникъ подсудимаго просилъ поставить еще вопросъ: была ли рана, нанесенная Егорову, тяжелая или легкая. Принимая во вниманіе: 1) что на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросы ставятся исключительно по фактическимъ признакамъ преступленія, юридическіе выводы котораго опредѣляются уже самимъ судомъ; 2) что опредѣленіе затѣмъ и въ данномъ случаѣ тяжести или легкости раны, по тѣмъ фактическимъ признакамъ, которые будутъ признаны или отвергнуты присяжными засѣдателями, какъ опредѣленіе юридическое, лежитъ, по закону и разъясненію правительствующаго сената, на обязанности короннаго суда,—судъ постановилъ: оставить прочитанный вопросъ

безъ измѣненій. На предложенный вопросъ присяжные отвѣтили утвердительно, вслѣдствіе чего судъ, находя, что по тѣмъ фактическимъ признакамъ, которые утверждены присяжными засѣдателями, причиненная Егорову рана, по мѣсту, силѣ и послѣдствіямъ ея нанесенія, должна, согласно правиламъ врачебнаго устава, быть отнесена къ разряду ранъ тяжкихъ, приговорилъ подсудимаго къ наказанію по 1 отд. 1483 ст. улож. Сенатъ, по жалобѣ защитника подсудимаго, доказывавшаго нарушеніе 751 ст. уст. и неправильное примѣненіе 1483 ст. ул., нашелъ, что «въ виду различія, дѣлаемаго закономъ, который примѣненъ къ подсудимому Прокофьеву, между тяжкими и легкими ранами, разрѣшеніе вопроса о томъ, къ какой категоріи должна быть отнесена рана, нанесенная Прокофьевымъ Егорову, представляло существенное условіе, на основаніи котораго судъ могъ приступить къ постановленію приговора. Это было признано по настоящему дѣлу и судомъ, который разрѣшилъ вопросъ о свойствѣ раны на основаніи устава врачебнаго. Это послѣднее дѣйствіе суда должно быть признано существеннымъ нарушеніемъ закона, ибо врачебный уставъ, опредѣляя признаки и отличіе ранъ тяжкихъ и легкихъ, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ, но эти указанія имѣютъ лишь значеніе правилъ, коими и обязаны руководствоваться врачи при предъявленіи своихъ заключеній о свойствѣ ранъ и другихъ поврежденіяхъ, но они не отмѣняютъ того общаго правила, въ силу коего всѣ фактическіе вопросы, служащіе основаніемъ приговора, если дѣло разрѣшается съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, должны быть разрѣшаемы не на основаніи предустановленнаго доказательства, но по внутреннему убѣжденію, основанному на соображеніи представленныхъ сторонами доказательствъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежатъ и всѣ вопросы о тяжкихъ поврежденіяхъ, для предъявленія заключенія по коимъ приглашаются эксперты врачи. Поэтому правительствующій сенатъ не можетъ не признать, что судъ, отказавъ защитнику въ постановкѣ вопроса о свойствѣ нанесенной Егорову раны и принявъ разрѣшеніе этого вопроса на себя, нарушилъ 7 ст. учр. суд. уст. и 804 ст. уст. уг. суд.». Точно также попытка калужскаго окружнаго суда по дѣлу Мекиданова ($^{528}/_{69}$) замѣнить законный признакъ: былъ ли подсудимый *лицомъ, которому имущество церковное было вверено на храненіе* конкретнымъ фактомъ, что подсудимый былъ сторожемъ той церкви, изъ которой совершилъ похищеніе, повлекла за собою кассацію приговора. Та-

кое же послѣдствіе имѣла и замѣна с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ по дѣлу Фролова, Калинина и Еремѣева (138/70) выраженія закона: «было ли пособничество необходимо» фактическимъ обстоятельствомъ, заключавшимся въ томъ, что подсудимый, согласившись съ похитителями, зазвалъ потерпѣвшихъ, подъ предлогомъ угощенія, въ трактиръ, чтобы въ это время дать возможность своимъ товарищамъ совершить въ квартирѣ ихъ кражу. Такимъ образомъ, при слишкомъ большомъ количествѣ отступленій отъ высказаннаго правила, едва-ли оно можетъ быть принято за руководящее. Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ своихъ правительствующій сенатъ даетъ, повидимому, другое основаніе для раздѣленія фактическихъ признаковъ отъ правовыхъ. Говоря о томъ, что присяжные не могутъ разрѣшать вопросовъ: о силѣ и достоинствѣ бланковой надписи (137/69), о силѣ и значеніи гражданскихъ сдѣлокъ по имуществу (168/69), вопросовъ о подсудности (982/69), о существованіи въ данное время законнаго брака (1233/70), о возрастѣ подсудимаго (107/71, 490/67), о томъ, могли ли быть получены деньги по ассигновкѣ (982/69), могъ ли одинъ изъ соучастниковъ быть судимъ до открытія другихъ соучастниковъ (982/69), о томъ, въ какой мѣрѣ подсудимый переступилъ границы власти, присвоенной его должности (1123/72),—правительствующій сенатъ указываетъ на то, что всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены не обстоятельствами дѣла, открывшимися на судебномъ слѣдствіи, а на основаніи установленныхъ въ законѣ особыхъ правилъ. Отсюда можно, кажется, вывести, что раздѣльною чертой между правовыми и фактическими признаками должна служить не вообще оцѣнка конкретнаго матеріала, но такая оцѣнка, которая опирается на какія-либо особенныя правила и постановленія закона. Еслибы принять это правило за руководящее, то оно было бы важною опорою при сужденіи о томъ, что именно слѣдуетъ включать въ вопросы присяжнымъ; стоило бы только въ каждомъ данномъ случаѣ сообразить, существуютъ или не существуютъ въ нашемъ законодательствѣ особыя постановленія, на основаніи которыхъ можно сдѣлать оцѣнку факта, и если такихъ постановленій нѣтъ, то отнести и самый признакъ, хотя бы онъ былъ въ законныхъ выраженіяхъ, къ предметамъ, подлежащимъ рѣшенію присяжныхъ. Такимъ образомъ, въ виду того, что обязанности чиновниковъ и другихъ служащихъ лицъ, при исполненіи ими должности, болѣе или менѣе опредѣлены въ особыхъ постановленіяхъ закона, къ признакамъ, не подлежащимъ разрѣшенію присяжныхъ, были бы отнесены слѣдующіе:

вопреки обязанностей службы (ст. 373, 374, 375 улож.), при исполненіи обязанностей службы (ст. 285, 286 и др.), вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей (ibid.), по дѣйствію, касающемуся до обязанностей по службѣ (ст. 372, 377), противозаконные сборы денегъ (ст. 379), противозаконное требованіе (ст. 393), отступленіе отъ установленныхъ правилъ о счетоводствѣ, отъ порядка пріема, храненія и выдачи денегъ, несоблюденіе опредѣленнаго порядка въ содержаніи и веденіи книгъ приходо-расходныхъ (ст. 474) и т. п. Такіе и подобные признаки могли бы быть замѣняемы въ вопросахъ конкретными обстоятельствами, въ которыхъ они осуществляются и оцѣнка которыхъ дѣлалась бы судомъ по соображеніи съ существующими узаконеніями: всѣ же другіе, не подходящіе подъ эту категорію, въ ихъ законной формѣ, должны бы быть разрѣшаемы присяжными. Нѣтъ сомнѣнія, что и при такомъ разграниченіи фактической правовой стороны дѣла трудно избѣжать споровъ и ошибокъ, но во всякомъ случаѣ ихъ было бы меньше, такъ какъ имѣлась бы для сужденія точка опоры. По дѣлу о церковномъ сторожѣ Мекидановѣ ($^{528}/_{69}$), преданномъ суду за похищеніе церковныхъ свѣчныхъ огарковъ, по провозглашеніи проекта вопросовъ, защитникъ просилъ постановить отдѣльный вопросъ о томъ, былъ ли Мекидановъ такое лицо, которому ввѣрялось на храненіе церковное имущество, но судъ отказалъ въ этомъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что вопросъ о томъ: лежитъ ли на обязанности сторожа хранить церковное имущество—разрѣшается существующими на этотъ предметъ постановленіями, и что поэтому постановка такого вопроса представляется излишнею. Затѣмъ судъ приговорилъ подсудимаго къ наказанію по 228 ст. улож. Сенатъ нашелъ, что ст. 228 улож вовсе не исчисляетъ тѣхъ лицъ, кого слѣдуетъ признавать хранителемъ того или другаго церковнаго имущества; что разрѣшеніе этого вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла; что судъ, не постановивъ, вопреки 7 ст. учр. суд. уст. и 763 ст. уст. уг. суд., означеннаго вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ, подъ предлогомъ существующихъ будто бы въ законѣ особыхъ постановленій, разрѣшающихъ этотъ вопросъ, таковыхъ въ приговорѣ своемъ не указалъ; вслѣдствіе этого правительствующій сенатъ кассировалъ приговоръ суда. Такимъ образомъ, отъ того, кто находитъ, что въ извѣстномъ признакѣ заключается оцѣнка, которую можно сдѣлать, соображаясь съ существующими въ законѣ постановленіями, достаточно потребовать указанія на эти законы,—и вопросъ о томъ,

должепъ ли быть данный признакъ предложенъ присяжнымъ въ его законной формѣ, или же слѣдуетъ выразить его въ формѣ конкретныхъ обстоятельствъ, можетъ разрѣшиться въ каждомъ случаѣ безъ особенныхъ затрудненій. Но какъ бы то ни было, и этотъ разграничительный признакъ факта отъ права не можетъ быть установленъ на основаніи рѣшеній правительствующаго сената. Сенатъ, напр., въ одномъ случаѣ признаетъ, что присяжные должны быть спрошены о томъ, могла ли подложно-составленная бумага служить доказательствомъ правъ на имущество (1401/71, 153/70) въ то же время требуетъ, чтобы законные признаки: «съ насиліемъ» (243/70) «помогалъ и устранялъ препятствія» (367/70), «старался скрыть слѣды преступленія» (153/70) «изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» (487/70, 560/70,) «истязанія» (330/72) и т. п. замѣнялись конкретными фактами. Между тѣмъ первый изъ приведенныхъ признаковъ можетъ быть разрѣшенъ, по соображеніи съ существующими постановленіями законовъ гражданскихъ, опредѣляющихъ силу и значеніе различнаго рода актовъ, а разрѣшеніе всѣхъ прочихъ зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, выясненныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ, и самая оцѣнка, выражающаяся въ этихъ признакахъ, болѣе фактическаго, чѣмъ юридическаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, какими законами можетъ руководствоваться судъ при опредѣленіи того, что извѣстныя дѣйствія (напримѣръ схватываніе за пальто (1051/71), взятіе за плечо (510/70) и т. п.) составляютъ насиліе?

Такимъ образомъ изъ рѣшеній правительствующаго сената едвали можно вывести твердое и опредѣленное правило, которое служило бы руководствомъ при разграниченіи фактическихъ признаковъ отъ правовыхъ и которымъ можно бы было пользоваться при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ безошибочно. Отсутствіемъ такого правила объясняется, конечно, то явленіе въ нашей судебной практикѣ, что одинъ и тотъ же признакъ, который судъ считаетъ фактическимъ, слѣдовательно подлежащимъ разрѣшенію присяжныхъ, правительствующій сенатъ находитъ правовымъ. Такъ напр. с.-петербургская судебная палата по дѣлу Ушакова (1123/72) признала, что вопросъ о томъ: принадлежитъ ли данное превышеніе или бездѣйствіе власти къ *случаямъ особенно важнымъ* (ст. 341 улож.) относится къ фактической сторонѣ дѣла и потому долженъ быть разрѣшенъ присяжными, а правительствующій сенатъ нашелъ, что вопросъ этотъ, въ подобномъ видѣ, не долженъ быть предлагаемъ на разрѣшеніе присяжныхъ. Тою же причиною дол-

жно объяснить и существованіе тѣхъ случаевъ, въ которыхъ самъ правительствующій сенатъ относитъ одинъ и тотъ же признакъ то къ правовымъ, подлежащимъ замѣнѣ въ вопросахъ конкретными фактами, то къ фактическимъ, подлежащимъ утвержденію присяжныхъ въ законной формѣ, напр. далъ *ложное* подъ присягою показаніе (354/70, 458/71 и 45/73).

Требованіе о помѣщеніи въ вопросахъ присяжнымъ исключительно конкретнаго матеріала, по рѣшеніямъ правительствующаго сената, представляется не вполнѣ безусловнымъ. Въ рѣшеніи 243/70 сенатъ, высказавъ, что слова: «было ли употреблено насиліе, которое однако не подвергало опасности ни жизнь, ни здоровья ограбленной»—«понятны для всякаго и довольно точно выражаютъ свойство и степень насилія», замѣчаетъ, что «хотя свойство насилія лучше и ближе всего къ требованію закона (ст. 760) можетъ быть выражено указаніемъ самыхъ насильственныхъ дѣйствій, когда эти дѣйствія опредѣлены несомнѣнно и точно, но о томъ, была ли возможность такого указанія въ данномъ случаѣ, можетъ судить лишь тотъ судья, который разсматривалъ дѣло въ существѣ». Изъ этого рѣшенія такимъ образомъ выходитъ, что конкретныя обстоятельства должны быть указываемы въ вопросахъ только тогда, когда они опредѣлены *несомнѣнно* и *точно* и что, слѣдовательно, во всѣхъ прочихъ случаяхъ, т. е. когда эти признаки представляются шаткими и недостаточно опредѣленными, примѣненіе общаго правила не должно имѣть мѣста. Сюда же должны быть отнесены и тѣ случаи, когда дѣло не представляетъ вовсе конкретнаго матеріала, въ которомъ бы законный признакъ, необходимый для состава преступленія, осуществлялся, хотя наличность такого признака по дѣлу представляется несомнѣнною, вслѣдствіе чего правительствующій сенатъ предписываетъ пополнять вопросы признаками по статьямъ уложенія, указаннымъ въ обвинительномъ актѣ. Такъ напримѣръ, по дѣлу Розанова (191/68), вопросъ о способѣ похищенія былъ дополненъ признаками по 1701 ст. улож., по дѣлу Кораблюка (565/70) вопросъ о предумышленіи былъ постановленъ въ виду ссылки въ обвинительномъ актѣ на ст. 1451 и 1453 улож.—и сенатъ призналъ таковую постановку вопросовъ правильнымъ. По дѣлу Рожкова (751/71) сенатъ кассировалъ рѣшеніе присяжныхъ потому, что въ вопросѣ былъ опущенъ законный признакъ грабежа «съ цѣлью похищенія», несмотря на указаніе въ конечномъ выводѣ обвинительнаго акта на 1637 и 1643 ст. улож.

Второе средство, при помощи котораго достигается установленное сенатомъ разграниченіе судебныхъ функцій между присяжными и судьями,—это устраненіе изъ вопросовъ юридическихъ терминовъ.

Юридическими терминами обозначаются, обыкновенно, или родъ, или видъ преступленія (разбой, грабежъ, ложный донось, изнасилованіе, растрата и т. п.), или опредѣляется степень участія въ преступленіи (пособничество, попустительство, подстрекательство, главный виновный и пр.), и степень обнаруженія воли и дѣйствія (приготовленіе, покушеніе), или же обозначаются признаки, образующіе законный составъ преступленія (предумышленіе, съ намѣреніемъ, открытою силою, изъ корыстныхъ видовъ и пр.) При наличности въ вопросахъ такихъ терминовъ присяжнымъ по необходимости предоставляется право подведенія историческихъ признаковъ преступленія подъ законные, предоставляется юридическая оцѣнка матеріальнаго факта. Правительствующій сенатъ безусловно воспрещаетъ употребленіе въ вопросахъ юридическихъ терминовъ (74/67, 31/67, 216/70, 379/69, 22/68, 1708/71, 1328/70, 1253/71, 47/68, 367/70 и др.), но кассируетъ однако рѣшенія присяжныхъ, постановленныя съ такими недостатками, далеко не всегда. Такъ онъ не подвергалъ рѣшенія кассаціи въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда присяжнымъ было объяснено подробно и точно значеніе употребленнаго въ вопросѣ термина, помѣщеннаго и въ обвинительномъ актѣ (74/67);

2) когда сенатъ, по отвѣтамъ присяжныхъ, убѣждается въ правильномъ разрѣшеніи ими предложенныхъ имъ вопросовъ (22/68, 305/69);

3) когда сторона не возражала противъ редакціи вопросовъ, и рѣшеніе присяжныхъ удобопонятно и можетъ быть приведено въ дѣйствіе безъ затрудненія (1123/71);

4) когда содержащійся въ вопросахъ терминъ и въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ имѣетъ то же значеніе, какое даетъ ему законъ (324/67);

5) когда вопросъ, въ которомъ помѣщенъ юридическій терминъ, оставленъ по какимъ-нибудь причинамъ безъ отвѣта (289/68);

6) когда на ряду съ юридическимъ терминомъ, стоящимъ въ вопросѣ, исчислены и фактическіе признаки, изъ коихъ слагается понятіе, обозначенное тѣмъ терминомъ (534/71), или когда вообще въ вопросѣ понятіе это опредѣлено въ формѣ, доступной пониманію каждаго (399/71);

когда, при постановкѣ вопросовъ судомъ, сторона не возражала про-

тивъ употребленія въ нихъ юридическихъ терминовъ ($^{359}/_{71}$, $^{73}/_{70}$, $^{22}/_{68}$, $^{1253}/_{71}$).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ были употреблены слѣдующіе термины: покушеніе, приготовленіе, ложный доносъ, шайка, главный виновникъ, участникъ, истязаніе, въ первой степени свойства, подстрекнулъ, растрата, грабежъ.

Вмѣстѣ съ этимъ правительствующій сенатъ допускаетъ помѣщеніе въ вопросахъ выраженій, заимствованныхъ изъ закона, если выраженія эти представляются удобопонятными. По дѣлу Григорьева ($^{859}/_{68}$) правительствующій сенатъ, въ видѣ общаго правила, высказалъ: «что ст. 760 не воспрещаетъ помѣщать въ вопросахъ такія выраженія, которыя хотя и заключаются въ подлежащихъ статьяхъ закона, но не составляютъ какихъ-либо юридическихъ терминовъ и представляются для всѣхъ удобопонятными». Тоже самое высказываетъ онъ и въ рѣшеніи по дѣлу Михайлова и Слядиева ($^{829}/_{70}$).

Дозволеніе употреблять въ вопросахъ законныя выраженія и, съ другой стороны, помѣщеніе въ вопросахъ конкретнаго матеріала только при наличности извѣстныхъ условій должны неминуемо вести къ пестрой смѣси въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, законныхъ признаковъ съ голыми фактами. То явленіе, когда на ряду съ конкретными фактами стоятъ признаки, считающіеся правовыми, встрѣчается въ любомъ изъ вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ; при-этомъ можно часто наблюдать, что на долю присяжныхъ въ такихъ случаяхъ выпадаетъ разрѣшеніе признаковъ болѣе трудныхъ, чѣмъ на долю суда. Для примѣра укажемъ на два случая. По дѣлу Тиханова ($^{1051}/_{71}$) вопросъ, предложенный на разрѣшеніе присяжныхъ, былъ слѣдующій: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, схвативъ полицейскаго надзирателя, во время отправленія имъ обязанностей службы, за пальто, сказалъ ему: «пошелъ вонъ!» Здѣсь разрѣшеніе того, указываютъ ли данныя обстоятельства, выясненныя по дѣлу, на отправленіе квартальнымъ надзирателемъ обязанностей службы, предоставлено присяжнымъ, а вопросъ о томъ, заключается ли въ схватываніи за пальто признакъ, выражаемый закономъ: «явно насильственное дѣйствіе», оставленъ судомъ для собственнаго разрѣшенія, хотя нѣтъ сомнѣнія, что оцѣнка этого послѣдняго факта представляется болѣе легкою, чѣмъ оцѣнка фактовъ, въ которыхъ выражалось отправленіе обязанностей службы. Тоже самое видимъ по дѣлу Лаврентьева ($^{347}/_{69}$), гдѣ вопросъ о томъ, имѣютъ ли видъ бого-

хуленія, порицанія православной церкви и ея таинствъ слова, сказанныя подсудимымъ, отданъ на разрѣшеніе присяжныхъ, а вопросъ о публичности мѣста, въ которомъ произнесены были означенныя слова (свадебное собраніе), разрѣшенію присяжныхъ не предоставленъ.

Провозглашая строгое отдѣленіе вопросовъ факта отъ вопросовъ права, правительствующій сенатъ требуетъ, чтобы вопросы, предлагаемые на разрѣшеніе присяжныхъ, были составляемы съ такою полнотою относительно предметовъ, подлежащихъ ихъ обсужденію и рѣшенію, чтобы приговоръ суда могъ быть основанъ на точномъ и положительномъ смыслѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, безъ всякаго дополненія, распространенія или ограниченія этого рѣшенія со стороны самого суда во всемъ томъ, что касается въ чемъ-либо фактической стороны дѣла ($^{831}/_{69}$, $^{87}/_{68}$, $^{1260}/_{72}$). Но, существуя въ теоріи, правило, высказанное правительствующимъ сенатомъ, весьма часто нарушается на практикѣ.

При оцѣнкѣ фактическихъ обстоятельствъ часто невозможно ограничиться только тѣми главными фактами, которые помѣщены въ вопросахъ, утвержденныхъ присяжными, но приходится обращаться и къ побочнымъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ главный фактъ, такъ какъ оцѣнка этого послѣдняго зависитъ часто отъ степени интенсивности побочныхъ фактическихъ обстоятельствъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующій случай: Ивановъ ($^{510}/_{70}$) былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что 28 февраля 1868 года днемъ на улицѣ, взявъ Судакова за плечо, заставилъ его отдать бывшія у него деньги Маркова. Судъ подвелъ дѣяніе подсудимаго подъ 1642 ст. улож., т. е. подъ грабежъ съ насиліемъ, не представлявшемъ опасности для жизни и здоровья потерпѣвшаго. Сравнивая конкретныя обстоятельства, помѣщенныя въ вопросѣ, съ законными признаками, мы находимъ, что фактъ «взялъ за плечо» признанъ равнымъ «насилію, не представлявшему опасности для жизни и здоровья». Но фактъ этотъ не всегда можетъ соотвѣтствовать законному признаку; взятіе за плечо можетъ быть насиліемъ, но можетъ и не быть таковымъ; все зависитъ отъ того, *какъ* оно выполнено; рѣшить же это можно только соображаясь съ обстоятельствами даннаго дѣла, принявъ во вниманіе другіе факты, не внесенные въ вопросы. Такимъ образомъ, судъ, признавая, что означенное конкретное обстоятельство соотвѣтствуетъ приведенному законному признаку, долженъ былъ, по необходимости, вторгнуться въ воспрещенную для него область фактовъ. Иногда, въ случаяхъ,

когда законный признакъ выводится не изъ одного какого-либо факта, а изъ цѣлаго ряда ихъ, приходится при оцѣнкѣ фактовъ дѣлать предположенія чисто фактическаго свойства, допускать, что присяжные признали не только данные факты, но и вытекающія изъ нихъ другія обстоятельства. Приведемъ такой примѣръ. По дѣлу крестьянъ Васильева и Емельяновыхъ ($^{15}/_{11}$) были предложены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли Герасимъ Васильевъ въ томъ, что, согласившись заранѣе съ Емельяновыми воспользоваться деньгами Савельева и получивъ отъ послѣдняго деньги для разсчета съ кабатчикомъ, далъ себя, въ глазахъ Савельева и посторонихъ лицъ, вытолкать изъ кабака съ деньгами и, скрывшись такимъ образомъ изъ кабака, воспользовался частью денегъ? 2) виновенъ ли подсудимый Петръ Емельяновъ въ томъ, что, находясь въ кабакѣ съ Герасимомъ Васильевымъ и Екимомъ Савельевымъ и имѣя намѣреніе воспользоваться деньгами сего послѣдняго, въ то время, когда Савельевъ вручилъ свои деньги Герасиму Васильеву для разсчета съ кабатчикомъ, не допустилъ Васильева отдать Савельеву деньги обратно и вытолкалъ его, Васильева, съ вышеуказанною цѣлью, вмѣстѣ съ деньгами изъ кабака, въ глазахъ бывшихъ тутъ же Савельева и посторонихъ лицъ, и впослѣдствіи воспользовался частью этихъ денегъ? Послѣдній вопросъ былъ о томъ, возвратилъ ли Васильевъ добровольно деньги. Присяжные дали утвердительные отвѣты на вопросы, за исключеніемъ послѣдняго, на который отвѣчали отрицательно. С.-Петербургскій окружной судъ подвелъ дѣяніе подсудимыхъ подъ грабежъ, предусмотрѣнный послѣднею частью 1643 ст. улож. Въ кассаціонной жалобѣ защитники подсудимыхъ доказывали, что въ дѣйствіяхъ, признанныхъ присяжными, нѣтъ признаковъ грабежа, и что дѣяніе подсудимыхъ составляетъ мошенничество. Сенатъ нашелъ, «что хотя присяжными и признано, что деньги Савельева перешли въ руки Васильева посредствомъ обмана, а именно онѣ взяты у него подъ предлогомъ уплаты за водку, но затѣмъ они признали, что другіе подсудимые, Емельяновы, не допустили Васильева отдать Савельеву деньги обратно, а вытолкали его изъ кабака. Изъ этихъ послѣднихъ словъ вопроса, утвержденнаго присяжными, продолжаетъ сенатъ, видно, что Савельевъ требовалъ возвращенія ему денегъ немедленно послѣ того, какъ передалъ ихъ Васильеву, но что онѣ не возвращены ему и похищены открыто, въ его присутствіи и въ то время, когда онъ передалъ ихъ не въ собственность и пользованіе Васильева, а единственно для передачи

ихъ кабатчику, когда, слѣдовательно, не могло существовать предположенія о принадлежности ихъ Васильеву и когда, если разсматривать этотъ фактъ отдѣльно, преступленіе мошенничества не могло почитаться еще оконченнымъ». Вслѣдствіе этого, сенатъ призналъ, что дѣяніе подсудимыхъ подведено подъ 1643 ст. улож. правильно. Но, вникая въ толкованіе отвѣтовъ присяжныхъ, сдѣланное сенатомъ, нельзя не замѣтить, что здѣсь отъ фактовъ, признанныхъ присяжными, сдѣлано заключеніе о существованіи въ данномъ случаѣ чисто фактическихъ обстоятельствъ о томъ, что «Савельевъ требовалъ возвращенія ему денегъ» и что требованіе это было «немедленно послѣ того, какъ деньги были переданы Васильеву», обстоятельствъ, не утвержденныхъ присяжными. Иногда встрѣчаются случаи, въ которыхъ оцѣнка констатированныхъ присяжными обстоятельствъ производится не только на основаніи этихъ обстоятельствъ, но и другихъ, почерпнутыхъ изъ посторонннихъ источниковъ. Подсудимый Лаврентьевъ ($^{347}/_{69}$) признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что 18 и 19 октября 1866 года, будучи *на свадебныхъ собраніяхъ*, произносилъ по неразумѣнію, невѣжеству или пьянству, но безъ умысла оскорбить святыню, слова, имѣющія видъ богохуленія, порицанія православной церкви, ея таинствъ и священниковъ. Изъ словъ вопроса: «на свадебныхъ собраніяхъ» судъ вывелъ заключеніе, что преступленіе было совершено въ публичномъ мѣстѣ и примѣнилъ къ дѣянію подсудимаго 180 ст. улож. Въ кассаціонной жалобѣ подсудимый жаловался, что судъ нарушилъ точный смыслъ 180 ст. улож. тѣмъ, что призналъ свадебное собраніе публичнымъ мѣстомъ и что если бы вопросъ былъ поставленъ согласно редакціи 180 ст., то присяжные на него отвѣтили бы отрицательно, такъ какъ они не признали бы свадебное собраніе публичнымъ мѣстомъ. Правительствующій сенатъ, объяснивъ, что *въ виду удостовѣренія суда, что на свадебныя собранія у крестьянъ являются всѣ желающіе* и что, слѣдовательно, входъ въ это собраніе не ограниченъ никакими условіями, нашелъ, что свадебное собраніе представляется такимъ образомъ публичнымъ мѣстомъ, и потому оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Такимъ образомъ судъ, помимо присяжныхъ, при толкованіи ихъ рѣшенія призналъ, что «у крестьянъ на свадебныя собранія являются всѣ желающіе» и что данное собраніе было «крестьянское». Такъ какъ законъ нигдѣ не опредѣляетъ, что такое крестьянскія свадебныя собранія и какими условіями ограниченъ входъ на нихъ, слѣдовательно, обстоятельство это относится къ области частныхъ фак-

товъ, то приходится заключить, что судъ, въ данномъ случаѣ, для примѣненія законныхъ условій къ факту, дополнилъ вопросъ другими фактами. Наконецъ, случается весьма не рѣдко, что судъ признаетъ наличность какого-нибудь признака, необходимаго для состава преступленія, между тѣмъ какъ таковой признакъ вовсе не былъ предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ, а правительствующій сенатъ, разсматривая дѣло въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, допускаетъ, съ своей стороны, возможность такого признанія отсутствующихъ въ вердиктѣ присяжныхъ признаковъ. Сюда должны быть отнесены всѣ тѣ случаи, въ которыхъ сенатъ признаетъ, что несодержащійся въ вопросахъ, утвержденныхъ присяжными, признакъ вытекаетъ изъ существа обвинительнаго акта [корыстная цѣль, при обвиненіи въ уничтоженіи росписки ($^{751}/_{71}$)], или содержится въ дополнительномъ вопросѣ и слѣдовательно онъ былъ въ виду присяжныхъ ($^{673}/_{68}$), или отсутствіе опущеннаго признака не представляется вѣроятнымъ ($^{79}/_{70}$) и проч. Въ практикѣ правительствующаго сената встрѣчается даже такой случай, когда сенатъ, на основаніи обстоятельствъ, помѣщенныхъ въ исторической части обвинительнаго акта, призналъ наличность въ данномъ дѣлѣ такого признака, который не только не былъ утвержденъ присяжными, но и самое существованіе котораго не было возбуждено ни обвинительною камерою, ни окружнымъ судомъ, при разсмотрѣніи дѣла по существу. Этотъ случай представляетъ дѣло Кочкаевыхъ ($^{1119}/_{72}$), гдѣ правительствующій сенатъ, разсматривая дѣло въ кассаціонномъ порядкѣ и разъясняя, что подсудимые, обвинявшіеся въ покушеніи на отравленіе Ивана Кочкаева и въ убійствѣ этого послѣдняго, совершили одно продолжаемое преступленіе, призналъ, что подсудимые имѣли *одно намѣреніе* извести Ивана Кочкаева. Случаи подобнаго рода должны быть объясняемы, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что кассаціонный судъ, требующій строгаго отдѣленія фактическихъ признаковъ отъ правовыхъ, для самого себя не выработалъ еще по этому предмету сколько-нибудь твердыхъ началъ, которыми въ каждомъ данномъ дѣлѣ можно руководствоваться.

Все изложенное нами приводитъ, наконецъ, къ тому заключенію, что и второе положеніе, установленное правительствующимъ сенатомъ, для разграниченія судебныхъ функцій между присяжными и судьями, именно, что разрѣшеніе всего того, что относится къ фактической сторонѣ дѣла, принадлежитъ исключительно однимъ присяжнымъ, оказывается на практикѣ не совсѣмъ выполни-

мымъ. Отсюда же можно сдѣлать и тотъ окончательный выводъ, что раздѣленіе задачи судьи между двумя различными факторами, присяжными и судомъ, на дѣлѣ невозможно и что выводъ этотъ, признаваемый юридической наукой за несомнѣнный, подтверждается какъ нельзя лучше и нашей судебной практикой.

За симъ обратимся къ постановленіямъ нашего положительнаго законодательства и постараемся уяснить себѣ, существуютъ ли въ немъ указанія на разграниченіе функцій судей и присяжныхъ по началу дѣленія вопросовъ на вопросы о фактѣ и вопросы о правѣ.

ГЛАВА II.

Обзоръ существующихъ узаконеній.

Высказывая общее положеніе о томъ, что присяжные засѣдатели должны рѣшать исключительно вопросы факта, а судъ долженъ опредѣлять законныя свойства этихъ фактовъ, правительствующій сенатъ ни разу не пытался привести въ подтвержденіе такого положенія какія-либо доказательства, ограничиваясь простою ссылкою на ст. 7 учр. суд уст , 754 и 760 ст. уст. гр. суд. Между тѣмъ точный смыслъ всѣхъ относящихся къ этому предмету законоположеній не дастъ достаточнаго основанія для такого вывода.

Цѣль учрежденія института присяжныхъ засѣдателей выражена въ 7 ст. учр. суд. уст. Для опредѣленія въ уголовныхъ дѣлахъ, говоритъ эта статья закона, вины или невинности подсудимыхъ, къ составу судебныхъ мѣстъ, въ случаяхъ, означенныхъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, присоединяются присяжные засѣдатели. Такимъ образомъ присяжные засѣдатели призываются для разрѣшенія вопроса о винѣ или невинности подсудимаго. Согласно этому и вопросы, предлагаемые на разрѣшеніе присяжныхъ, формулируются словомъ «виновенъ» (ст. 754 и 755 уст. уг. суд.). Хотя слова «вина, невинность, виновенъ» въ своемъ обыкновенномъ значеніи и не даютъ опредѣленнаго указанія на то, что именно ими утверждается, рѣшеніе ли о преступномъ дѣяніи во всей его полности, или же только причина событія или происшествія; но если взять во вниманіе, что на судѣ дѣло идетъ о виновности или невинности въ преступленіи или проступкѣ и что въ сферѣ уголовнаго права вина немыслима иначе, какъ вина въ дѣяніи, воспрещенномъ уголовнымъ закономъ, то должно будетъ

придти къ заключенію, что смыслъ 7 ст. учр. суд. уст. вовсе не на столько очевиденъ, чтобы на этой статьѣ можно было основываться при разрѣшеніи такого важнаго вопроса и что напротивъ статья эта скорѣе служитъ противъ положенія объ ограниченіи компетентности присяжныхъ констатированіемъ однихъ голыхъ фактовъ [1]). Засимъ не подтверждаютъ этого положенія и всѣ тѣ статьи закона, которыя указываютъ на содержаніе вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ. Такъ ст. 752 и 755 уст. уг. суд. говорятъ о *преступномъ* дѣяніи подсудимаго; ст. 753—о *преступныхъ* дѣйствіяхъ подсудимаго; ст. 757 — о событіи *преступленія*; ст. 758 — о *преступленіи* или проступкѣ; ст. 811 — также о *преступленіи*; вообще во всѣхъ статьяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о содержаніи вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ, всегда говорится не вообще о дѣяніи подсудимаго, а о дѣяніи преступномъ, о преступленіи или проступкѣ, конечно, въ техническомъ значеніи этихъ словъ. Къ такому же заключенію приводитъ и анализъ 754 ст. уст., опредѣляющей составныя части главнаго вопроса. Вопросы о томъ: совершилось ли событіе преступленія, говорится въ этой статьѣ, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину, соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности. Такимъ образомъ, совокупный вопросъ о виновности состоитъ изъ трехъ элементарныхъ частей. Разсмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно. Что разумѣется подъ выраженіемъ: событіе преступленія? Долженъ ли быть изложенъ въ вопросѣ объективный составъ преступленія въ тѣхъ признакахъ, которые указаны въ законѣ, или же объективный составъ даннаго единичнаго факта? Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ первомъ смыслѣ. Событіе только тогда получаетъ названіе преступнаго, событія преступленія, когда въ немъ осуществились всѣ условія, требуемыя отъ преступленія закономъ; индивидуальный же случай, единичный фактъ, въ его конкретной формѣ, является ни больше ни меньше, какъ только фактомъ съ признаками преступленія, какъ происшествіемъ, нуждающимся еще въ изслѣдованіи для того, чтобы быть признаннымъ преступнымъ. Поэтому, чтобы изобразить событіе преступленія, необходимо представить его такимъ, какимъ оно изображается въ законѣ, т. е. выразить его въ формѣ законныхъ признаковъ. Вотъ почему событіе въ

[1]) Такого же мнѣнія Квачевскій: «Судъ присяжныхъ», стр. 375; фонъ-Резонъ, Ж. гр. и уг. права 1874 г., кн. третья, стр. 116.

конкретной формѣ, вообще говоря, не можетъ быть помѣщено въ вопросѣ присяжнымъ, ибо оно можетъ оказаться несовмѣщающимъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ законныхъ условій преступности, т. е. можетъ оказаться непреступнымъ, и вотъ почему, въ виду требованія 754 ст., чтобы вопросъ предлагался непремѣнно о событіи преступленія, это послѣднее по необходимости должно быть предложено на разрѣшеніе въ его законной формѣ. Отсюда разрѣшается и второй изъ элементарныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго: было ли оно, т. е. событіе преступленія, дѣяніемъ подсудимаго, совершилъ ли его подсудимый въ томъ видѣ, въ какомъ понимаетъ его законъ. Наконецъ, третій изъ элементарныхъ вопросовъ: должно ли быть дѣяніе подсудимаго вмѣнено ему въ вину еще болѣе указываетъ на то, что здѣсь можетъ быть только рѣчь о дѣяніи преступномъ, о преступленіи, въ смыслѣ закона, ибо вмѣнять въ вину въ смыслѣ уголовномъ можно только преступленіе, караемое закономъ; спрашивать же о вмѣненіи, о поставленіи въ вину дѣянія, которое можетъ оказаться непреступнымъ, было бы нецѣлесообразно. Кромѣ того, разрѣшеніе вопроса о вмѣненіи и о совершеніи преступнаго дѣянія, т. е. двухъ послѣднихъ элементарныхъ вопросовъ, стоитъ въ прямой зависимости отъ разрѣшенія перваго, т. е. вопроса о событіи преступленія. Если съ перваго взгляда видно, что данное событіе, какимъ оно представляется въ конкретной формѣ, не совмѣщаетъ въ себѣ законныхъ условій преступленія, то отрицательный отвѣтъ долженъ послѣдовать на первый вопросъ, а за симъ всѣ остальные, какъ не нуждающіеся въ разрѣшеніи, должны быть оставлены безъ отвѣта. Присяжные составляютъ важный и великій факторъ уголовнаго правосудія и потому самый трудъ ихъ долженъ цѣниться также высоко. Но цѣна этого труда будетъ слишкомъ не велика, когда при постановкѣ вопроса о событіи, не подходящемъ подъ законныя условія, по фактическимъ даннымъ, мы намѣренно заставимъ ихъ безполезно рѣшать цѣлую массу такихъ вопросовъ, которые не требуютъ вовсе рѣшенія. Независимо отъ всего этого, разрѣшая вопросъ о вмѣненіи, присяжные несомнѣнно разрѣшаютъ вопросъ права. «Вмѣненіе, говоритъ сенатъ, есть раскрытіе причинной связи между сознательною волею обвиняемаго и преступнымъ его дѣяніемъ связи, которая нарушается указанными въ законѣ (ст. 92—103 улож.) причинами невмѣняемости» ($^{368}/_{69}$). Такимъ образомъ, для разрѣшенія вопроса о вмѣненіи необходимо знаніе законныхъ причинъ невмѣняемости, необходимо знакомство съ пра-

вомъ, и утверждая, что преступленіе должно быть вмѣнено, присяжные тѣмъ самымъ разрѣшаютъ вопросъ объ отсутствіи общихъ законныхъ условій невмѣняемости. Такимъ образомъ уже одно это обстоятельство подрываетъ теорію о разрѣшеніи присяжными исключительно однихъ вопросовъ факта, не касаясь отнюдь, какъ выражается правительствующій сенатъ, вопросовъ права уголовнаго. Но теорія эта не находитъ себѣ достаточной опоры и въ ст. 760 уст., на которую правительствующій сенатъ, въ подтвержденіе высказываемаго имъ взгляда, обыкновенно ссылается. Статья 760 говоритъ: «въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы составляются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій». Изъ смысла этого закона вытекаютъ троякаго рода требованія относительно постановки вопросовъ, именно, постановка ихъ: а) въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, б) по существеннымъ признакамъ преступленія и в) не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій.

Предписаніе закона постановлять вопросы присяжнымъ «въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ» само по себѣ не даетъ вовсе никакого положительнаго указанія на то, что въ вопросахъ должны излагаться одни конкретные факты. Дѣло въ томъ, что какъ при изложеніи вопросовъ по законнымъ признакамъ, такъ и при постановкѣ ихъ исключительно по признакамъ фактическимъ, могутъ быть допущены выраженія совершенно необщеупотребительныя. Какъ вопросъ, составленный изъ чисто юридическихъ терминовъ, такъ и вопросъ о голыхъ фактахъ, съ употребленіемъ въ немъ выраженій ученыхъ, литературныхъ, областныхъ и т. п., одинаково не будутъ изложены въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ. Слѣдовательно, требованіе закона сводится исключительно къ тому, чтобы вопросы были поставляемы въ формѣ общедоступной; но должны ли они быть излагаемы по признакамъ фактическимъ или по законнымъ, означенное правило, выраженное въ 760 ст., указанія не даетъ. Правительствующій сенатъ, опираясь весьма часто на 760 ст. въ подтвержденіе своей теоріи объ ограниченіи власти присяжныхъ разрѣшеніемъ вопросовъ факта, въ тоже время, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ рѣшеній, проводитъ тотъ взглядъ, что законныя выраженія вообще вовсе не суть выраженія необщеупотребительныя и что, наоборотъ, многія изъ нихъ представляются выраженіями вполнѣ удобопонятными. Такъ напр. по дѣлу Гри-

горьева ($^{839}/_{68}$) былъ предложенъ вопросъ: «если Григорьевъ виновенъ по какому-либо изъ предложенныхъ вопросовъ, то сдѣлалъ ли онъ изъ означеннаго свидѣтельства (подложнаго) употребленіе для какихъ-либо видовъ?» Выраженіе: «сдѣлалъ употребленіе для какихъ-либо видовъ» составляетъ законный признакъ и взято буквально изъ подлежащей статьи уложенія. Сенатъ нашелъ, что ст. 760 не воспрещаетъ помѣщать въ вопросахъ такія выраженія, которыя хотя и заключаются въ подлежащихъ статьяхъ закона, но не составляютъ какихъ-либо юридическихъ терминовъ и представляются для всѣхъ удобопонятными. Изъ редакціи означеннаго вопроса—продолжаетъ сенатъ не видно, чтобы въ немъ были помѣщены какія-либо выраженія, которыя могли бы быть непонятны присяжнымъ засѣдателямъ. Тоже самое находимъ въ рѣшеніи по дѣлу Михайлова и Сляднева ($^{829}/_{70}$) и въ рѣшеніи по дѣлу Цукерманъ ($^{45}/_{73}$). Такимъ образомъ и по разъясненію сената, означенное требованіе закона касается только удобопонятности выраженій, помѣщаемыхъ въ вопросахъ, безъ всякаго воспрещенія заимствовать таковыя изъ статей закона. Но при такомъ пониманіи вышеупомянутаго требованія ст. 760 выводъ, къ которому необходимо прійти, будетъ вовсе не въ пользу теоріи объ ограниченіи правъ присяжныхъ областью конкретныхъ фактовъ. Въ выраженіяхъ закона, обыкновенно, содержатся общія правовыя нормы, общіе признаки преступленія, подъ которые конкретные факты должны быть подведены, а предлагая на разрѣшеніе присяжныхъ такіе признаки, мы предоставляемъ имъ юридическую оцѣнку факта, рѣшеніе вопросовъ права. Еще болѣе утверждаютъ въ такомъ мнѣніи дальнѣйшія слова 760 статьи: «по существеннымъ признакамъ преступленія». Подъ существенными признаками преступленія (essentialia) въ наукѣ [1]) разумѣются признаки, которые обусловливаютъ понятіе и наличность преступленія, такіе признаки, безъ которыхъ преступленіе немыслимо. Правительствующій сенатъ также подъ существенными признаками разумѣетъ такіе, которые входятъ въ составъ того или другаго преступленія ($^{1506}/_{70}$, $^{260}/_{71}$, $^{91}/_{66}$ и др.). Если такимъ образомъ обязательно поставлять вопросы по существеннымъ признакамъ преступленія, то утверждать, что присяжные рѣшаютъ только вопросы факта, уже невозможно. Мы выше видѣли, что существуютъ случаи, когда невозможно подыскать конкретные факты въ которыхъ овеществлялся бы тотъ

[1]) Бернеръ, уч. уг. пр., стр. 338. Спасовичъ, учебн. уг. пр., стр. 90.

или другой законный признакъ преступленія, что существованіе такихъ случаевъ допускаетъ самъ сенатъ и что послѣдній даже обязываетъ пополнять вопросы признаками по статьямъ уложенія, когда они не содержатся въ выводахъ обвинительнаго акта, но когда это необходимо для состава преступленія. Строгое поэтому выполненіе правила о констатированіи въ вопросахъ однихъ фактическихъ обстоятельствъ съ одной стороны и исполненіе требованія закона о постановкѣ вопросовъ по существеннымъ признакамъ преступленія съ другой—представляется невозможнымъ. Кромѣ того, фактическія обстоятельства того или другаго дѣянія, вообще говоря, не могутъ быть отожествляемы съ существенными признаками преступленія, такъ какъ между тѣми и другими можетъ не оказаться надлежащаго или даже никакого соотвѣтствія, вслѣдствіе чего вопросъ постановленный по конкретнымъ фактамъ, вовсе не будетъ постановленъ по существеннымъ признакамъ преступленія. Такимъ образомъ, при существованіи положительнаго правила о составленіи вопросовъ по существеннымъ признакамъ преступленія, вопросы, предлагаемые присяжнымъ, въ силу необходимости, должны быть излагаемы по законнымъ признакамъ.

Этому заключенію противорѣчатъ, повидимому, дальнѣйшія слова 760 ст. Требуя постановки вопросовъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія подсудимаго, статья эта прибавляетъ: «а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій». Подъ опредѣленіемъ, въ научномъ смыслѣ, разумѣется выясненіе содержанія извѣстнаго понятія, т. е. его существенныхъ, отличительныхъ признаковъ. Но такихъ опредѣленій, выясняющихъ существенные признаки преступленія, свойства его, въ уложеніи о наказаніяхъ, какъ извѣстно, очень мало (ст. 219, 253, 262, 331, 340, 392, 1627, 1637, 1644, и 1665), а въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Г. Буцковскій [1]) находитъ, что ст. 760 даетъ выраженію «опредѣленіе закона» не тѣсное значеніе логическаго опредѣленія, изъясняющаго отличительныя свойства предмета (въ Уложеніи—свойства преступленія), но обширное значеніе всякаго постановленія, опредѣляющаго вину и наказаніе. Сказавъ, что объяснительныхъ опредѣленій въ Уложеніи весьма не много и что всѣ прочія опредѣленія имѣютъ характеръ не объясненій, а постановленій, въ которыхъ краткое означеніе преступленія можетъ

[1]) Очерки суд. поряд., стр. 278.

возбудить сомнѣніе на счетъ отличительныхъ его свойствъ, и замѣтивъ, что объяснительныя опредѣленія, какъ указывающія отличительныя свойства преступленія въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, могли бы быть употребляемы (въ вопросахъ) безъ большаго неудобства, г. Буцковскій продолжаетъ: «но нельзя того-же сказать объ опредѣленіяхъ постановительныхъ, въ которыхъ за преступленія, означаемыя иногда отвлеченно и юридическими терминами, полагаются извѣстныя наказанія. Не говоря о томъ, что для присяжныхъ не всегда могутъ быть вразумительны такія опредѣленія, нельзя оставить безъ вниманія, что употребленіе ихъ въ вопросахъ предоставило бы присяжнымъ юридическую квалификацію фактовъ, и по поводу всякой въ ней неправильности подвергало бы рѣшеніе ихъ кассаціи [1])». Правительствующій сенатъ опредѣленіями, упоминаемыми въ ст. 760 также разумѣетъ юридическіе термины. Такъ, по дѣлу Дрязгина ($^{1321}/_{70}$), онъ говоритъ: «ни въ одномъ изъ предложенныхъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросовъ относительно того преступленія, въ которомъ подсудимый признанъ виновнымъ, не употреблены ни слово «покушеніе», ни какое либо иное выраженіе, которое представляло бы вопросъ въ видѣ принятаго въ законѣ опредѣленія». Или: «ст. 760 уст. уг. суд. воспрещаетъ употребленіе въ вопросахъ юридическихъ терминовъ, выражающихъ собою извѣстное законное опредѣленіе ($^{1328}/_{70}$)»... «Въ виду этого, употребленіе въ вопросѣ слова «подлогъ», представляющаго собою законное опредѣленіе извѣстныхъ дѣйствій, не можетъ не быть признано нарушеніемъ 760 ст. (ib.)». Такимъ образомъ, защитники мнѣнія, противоположнаго тому, которое мы поддерживаемъ, опираясь на 760 ст., могутъ сказать, что въ вопросахъ, постановляемыхъ присяжнымъ, опредѣленія объяснительныя не могутъ быть употребляемы въ силу прямаго воспрещенія закона ставить вопросы вообще въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій, а постановительныя и въ виду того, что та же статья предписываетъ постановлять вопросы въ выраженіяхъ общеупотребительныхъ, къ каковымъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены юридическіе термины, слѣдовательно какъ тѣ, такъ и другія опредѣленія должны быть замѣняемы конкретными фактами. Такой выводъ представляется, повидимому, вполнѣ вѣрнымъ, но только повидимому. Дѣло въ томъ, что выводъ этотъ противорѣчитъ 760 ст. въ цѣломъ ея составѣ. Статья эта предписываетъ по-

[1]) Ibid., стр. 280.

становлять вопросы по существеннымъ признакамъ преступленія; опредѣленіе есть выясненіе существенныхъ признаковъ предмета, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, существенныхъ признаковъ преступленія. Если же мы примемъ во вниманіе, что по существеннымъ признакамъ преступленія вопросъ можетъ быть постановленъ, вообще говоря, только въ формѣ законныхъ признаковъ, то выйдетъ, что ст. 760 и повелѣваетъ и воспрещаетъ ставить вопросы по признакамъ существеннымъ. Но такого несовмѣстимаго противорѣчія въ одномъ и томъ же законѣ допустить нельзя, и приходится искать другаго выхода. Мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ центръ тяжести лежитъ не въ словѣ «опредѣленіе», а въ выраженіи «принятыхъ въ законѣ». Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ постановка вопросовъ иначе, какъ въ законной формѣ, не возможна [1]); въ другихъ, замѣна объяснительныхъ опредѣленій если невозможна, то повела бы къ такому многословію и къ такой путаницѣ въ вопросахъ, что присяжные могли бы быть совершенно сбиты съ толку [2]); притомъ самъ сенатъ требуетъ утвержденія признаковъ, входящихъ въ составъ объяснительныхъ опредѣленій, непремѣнно присяжными [3]). Если-жъ это такъ, то выводъ, который можно сдѣлать изъ 760 ст. въ полномъ ея объемѣ, будетъ тотъ, что она воспрещаетъ употребленіе въ вопросахъ, во-первыхъ, юридическихъ терминовъ, называемыхъ постановительными опредѣленіями, какъ словъ не общеупотребительныхъ, и во-вторыхъ, употребленіе въ вопросахъ законныхъ опредѣленій вообще въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ они изображены, напр., въ уложеніи, т. е. безъ всякаго старанія изложить ихъ въ формѣ общедоступной, посредствомъ замѣны принятыхъ въ законѣ техническихъ выраженій другими подобозначущими. Но во всякомъ случаѣ, упомянутый выше выводъ могъ бы быть принятъ за достовѣрный только въ томъ случаѣ, когда бы онъ находилъ себѣ подтвержденіе въ другихъ законоположеніяхъ, относящихся къ данному предмету. Но эти-то законоположенія, какъ мы уже видѣли и какъ сейчасъ увидимъ еще яснѣе, и не подтверждаютъ его. Обращаемся къ этимъ законоположеніямъ.

---

[1]) Какъ напримѣръ, укажемъ на 1465 ст. уложенія, вопросы по которой сенатъ признаетъ совершенно общепонятными ($\frac{829}{70}$).

[2]) Примѣромъ можетъ служить вопросъ о кражѣ, приводимый г. Фонъ-Розаномъ. Ж. гражд. и угол. пр. 1874 г. кн. III, стр. 117.

[3]) Напр. при разбоѣ, что насильственныя дѣйствія представляли опасность для жизни и здоровья; при грабежѣ, что отнятіе имущества было совершено «съ цѣлью похищенія» и т. п.

Статья 811 говоритъ: рѣшеніе каждаго вопроса должно состоять изъ утвердительнаго *да*, или отрицательнаго *нѣтъ*, съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ заключается сущность отвѣта. Такъ на вопросы: совершилось ли преступленіе? Виновенъ ли въ немъ подсудимый? Съ *предумышленіемъ* ли онъ дѣйствовалъ? Утвердительные отвѣты должны быть: Да, совершилось.— Да, виновенъ.—Да, *съ предумышленіемъ*». Статья 812 предоставляетъ присяжнымъ право, въ случаѣ отрицанія ими какого-либо признака, отвѣчать: «Да, виновенъ, но *безъ предумышленія*». Никто, думаемъ, не станетъ утверждать, что выраженія «*съ предумышленіемъ*» или «*безъ предумышленія*» заключаютъ въ себѣ фактическій, а не правовой признакъ. Но если такъ, то выходитъ одно изъ двухъ: или примѣрные вопросы и отвѣты присяжныхъ, приведенные въ означенныхъ статьяхъ, крайне неудачны и находятся въ прямомъ противорѣчіи съ основнымъ положеніемъ о рѣшеніи присяжныхъ исключительно фактическихъ обстоятельствъ дѣла, или же самое это положеніе признано въ нашему закону неудачно и расходится съ мыслью и волею законодателя, выразившимися въ его постановленіяхъ.

Нельзя не сдѣлать здѣсь одного замѣчанія относительно 812 ст. уст. уг. суд. Правило, изображенное въ этой статьѣ, имѣетъ свое значеніе только при постановкѣ вопросовъ по законнымъ признакамъ. Приведенный въ сей статьѣ примѣръ указываетъ на то, что предоставленіемъ присяжнымъ засѣдателямъ права ограничивать смыслъ вопроса прибавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, предполагалось между прочимъ дать имъ право низводить болѣе тяжкое преступленіе въ менѣе тяжкое. Такъ на вопросы: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что тогда-то предумышленно убилъ такого-то? что при такихъ-то обстоятельствахъ открыто похитилъ имущество такого-то, что съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ тогда-то нанесъ тяжкую рану? и т. п., присяжные засѣдатели, отвѣчая: да, виновенъ, но безъ предумышленія»; «виновенъ, но не открыто»; «виновенъ но безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія» низводятъ преступленіе въ менѣе тяжкое. Но при постановкѣ вопросовъ по фактическимъ даннымъ такіе отвѣты, въ большинствѣ случаевъ, немыслимы. Изъ множества примѣровъ приведемъ одинъ. По дѣлу о рядовомъ Александровѣ ($^{1306}/_{72}$) былъ предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что утромъ 6 мая, на углу Загороднаго проспекта и Верейской улицы, съ цѣлью похищенія, уда-

ривъ по головѣ крестьянина Тиханова, сшибъ его съ ногъ и, выхвативъ у Тиханова мѣшокъ съ вещами, съ ними убѣжалъ, но былъ задержанъ на Подольской улицѣ?» Присяжные отвѣчали: «да, виновенъ въ кражѣ, но безъ нанесенія удара». Правительствующій сенатъ нашелъ, что рѣшеніями его неоднократно было разъясняемо, что если какое-либо преступленіе выражено въ вопросахъ фактическими признаками, то присяжные засѣдатели, желая отвергнуть какія-либо обстоятельства обвиненія, должны перечислить въ отвѣтахъ своихъ тѣ фактическіе признаки, которые они отвергаютъ, но не вправѣ отвѣчать юридическимъ терминомъ. Поэтому сенатъ кассировалъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда. Но спрашивается: какъ должны были отвѣчать присяжные на предложенный вопросъ, чтобы постановить рѣшеніе, согласное съ ихъ убѣжденіемъ, выраженнымъ въ отвѣтѣ ихъ. Какую бы форму отвѣта они ни придумали, напр. виновенъ, но безъ нанесенія удара, виновенъ, но не билъ по головѣ и не сшибалъ съ ногъ, все же получился бы отвѣтъ, несогласный съ ихъ мнѣніемъ; имъ поэтому представлялось или обвинить подсудимаго въ грабежѣ, хотя и безъ насилія, или же совершенно оправдать его. Но если бы вопросъ былъ постановленъ по законнымъ признакамъ, присяжные получили бы полную возможность выразить свой отвѣтъ установленными выраженіями и согласно съ своимъ мнѣніемъ. Такъ напр. на вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что такого-то числа и тамъ-то, открыто похитилъ у крестьянина Тиханова мѣшокъ съ вещами, причемъ причинилъ ему насиліе, не представлявшее опасности для жизни и здоровья? Присяжные могли бы отвѣчать: «Виновенъ, но не открыто и безъ насилія». Кромѣ того правило, установленное 812 ст., получаетъ свое значеніе вообще только въ томъ случаѣ, когда присяжные могутъ отрицать существенные признаки преступленія; отрицаніе же фактическихъ обстоятельствъ, когда ихъ приведено въ вопросѣ, для обозначенія законнаго признака преступленія, безчисленное множество, не достигаетъ цѣли и самый трудъ присяжныхъ можетъ пропадать даромъ. Для примѣра, укажемъ на дѣло Серикovыхъ ($^{3\,30}/_{72}$), гдѣ въ вопросѣ, предложенномъ присяжнымъ, какъ видно изъ приговора суда, было помѣщено болѣе сорока фактическихъ обстоятельствъ, для обозначенія понятія объ истязаніяхъ. Если бы присяжные отвергли 20 изъ такихъ признаковъ, они только потратили бы напрасно трудъ и время, такъ какъ понятіе объ истязаніяхъ могло быть признано осуществившимся въ остальныхъ

20 фактахъ, и подсудимые все-таки были бы приговорены по 1542 ст. улож. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что отрицать факты какъ факты, вообще говоря, нельзя, а можно только отрицать то значеніе, которое приписывается этимъ фактамъ, смыслъ, который имъ придается; поэтому при указаніи въ вопросахъ однихъ голыхъ фактовъ, присяжнымъ и отрицать ничего не прійдется. Такимъ образомъ, если бы на практикѣ возможно было вполнѣ осуществить правило о помѣщеніи въ вопросахъ однихъ только чистыхъ фактовъ, право, предоставленное присяжнымъ 812 ст., было бы въ сильной степени ограничено.

Но чуть ли не самое важное изъ законоположеній, выясняющихъ степень власти присяжныхъ въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, законоположеніе, несомнѣнно доказывающее право участія присяжныхъ въ рѣшеніи юридической стороны дѣла—это ст. 801 уст. уг. суд «Въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, говоритъ эта статья, предсѣдатель суда, вручая имъ старшинѣ вопросный листъ, объясняетъ имъ: 1) существенныя обстоятельства дѣла и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія или проступка, и 2) общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго». Первый пунктъ настоящей статьи возлагаетъ на предсѣдателя обязанность разяснить присяжнымъ: а) существенныя обстоятелства дѣла и б) законы относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія. Г. Буцковскій [1]), замѣчая, что подъ словами: «объясненіе существенныхъ обстоятельствъ дѣла» не слѣдуетъ разумѣть очерка всего дѣла, который былъ бы излишнимъ повтореніемъ того, что прежде уже высказано въ обвинительной и защитительной рѣчахъ, полагаетъ, что во всякомъ случаѣ необходимо указать существенные факты, входящіе въ составъ предложенныхъ вопросовъ, и главные спорные пункты въ опредѣленіи достовѣрности и значенія этихъ фактовъ. Для объясненія же законовъ, опредѣляющихъ свойство разсматриваемаго преступленія, предсѣдатель долженъ указать присяжнымъ: во первыхъ, существенные элементы того рода преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый; во вторыхъ, законные этого рода преступленія признаки, соотвѣтствующіе различнымъ его видамъ и степенямъ, и въ третьихъ, обстоятельства, особо увеличивающія или уменьшающія сте-

[1]) Очерки, стр. 290

пень виновности, если они представляются въ разсматриваемомъ преступленіи [1]). Правительствующій сенатъ высказалъ, что предсѣдатель въ заключительной рѣчи присяжнымъ обязанъ разъяснить внутренній смыслъ закона, предусматривающаго судимое преступленіе, т. е. указать тѣ законные признаки, изъ которыхъ слагается понятіе о преступленіи ($^{84}/_{06}$, $^{1506}/_{70}$). Такимъ образомъ изъ предыдущаго явствуетъ, что по силѣ 1 п. 801 ст. предсѣдатель обязанъ, съ одной стороны, указать присяжнымъ тѣ существенные конкретные факты, тѣ дѣйствія, которыя ставятся въ вину подсудимому, а съ другой—разъяснить имъ законные признаки, образующіе составъ даннаго преступленія. Существованіе правила о разъясненіи присяжнымъ свойства преступленія не можетъ быть иначе, конечно, объяснено, какъ тѣмъ, что это разъясненіе необходимо для присяжныхъ, что оно должно служить имъ руководствомъ при ихъ дѣятельности, что отправленіе ими своихъ обязанностей безъ таковаго разъясненія не будетъ удовлетворительно. Но если стать на ту точку зрѣнія, что присяжные должны только констатировать одни фактическія обстоятельства по дѣлу, то необходимо будетъ придти къ заключенію, что какъ указаніе имъ на существенные факты, такъ и, въ особенности, объясненіе свойства преступленія для нихъ совершенно излишни. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ указывать на существенные факты, входящіе въ вопросы, если они входятъ въ вопросы? Достаточно указанія главныхъ спорныхъ пунктовъ въ опредѣленіи достовѣрности этихъ фактовъ. Еще болѣе излишнимъ представляется разъясненіе свойствъ судимаго преступленія. Если присяжные рѣшаютъ вопросъ только о томъ, совершилъ или не совершилъ тѣ или другія дѣйствія подсудимый,

---

[1]) Г. Квачевскій полагаетъ, что предсѣдатель въ своемъ заключительномъ словѣ долженъ: 1) «изложить краткое содержаніе дѣла, не останавливаясь на мелочахъ и подробностяхъ; 2) объяснить законныя постановленія, которыми опредѣляется то преступленіе или тотъ проступокъ, въ которомъ обвиняется подсудимый, чтобы присяжные засѣдатели могли обсудить, что судебнымъ слѣдствіемъ, обстоятельствами дѣла подтверждено это преступленіе или этотъ проступокъ, то есть, что въ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ подсудимому, заключаются всѣ тѣ признаки, свойства, которыми законъ опредѣляетъ извѣстное преступленіе, именно то, о которомъ идетъ рѣчь, или не заключаются въ немъ всѣ эти признаки; если обстоятельствами дѣла не подтверждаются законные признаки преступнаго дѣянія, за которое преданъ суду подсудимый, то указываютъ ли эти обстоятельства на какое либо другое преступленіе или проступокъ, или же въ нихъ нѣтъ никакого преступленія, ни проступка». Судъ присяжныхъ, стр. 361—362.

если не имъ, а суду принадлежитъ право подведенія этихъ дѣйствій подъ законные признаки, то зачѣмъ, спрашивается, объяснять имъ эти послѣдніе? Для примѣра, возьмемъ случай изъ практики. По дѣлу Щелканова (⁶⁹/₆₈) С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ былъ предложенъ присяжнымъ засѣдателямъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 30 іюля 1866 года, когда въ квартиру его прибыли судебный приставъ столичнаго мироваго съѣзда для описи его имущества, согласно рѣшенію мироваго судьи, то Щелкановъ заперъ пристава въ своей квартирѣ?» Дѣйствія эти были подведены судомъ подъ 271 ст. улож. о наказ. При вручепіи вопроснаго листа, предсѣдатель обязанъ въ данномъ случаѣ объяснить присяжнымъ признаки 271 ст. улож., именно разъяснить имъ, что разумѣетъ законъ подъ «сопротивленіемъ», кого онъ называетъ «чиновникомъ», когда этотъ чиновникъ можетъ считаться «при отправленіи имъ своей должности» и что разумѣетъ законъ «явно насильственными дѣйствіями». Если бы во время преній былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что въ дѣйствіяхъ подсудимаго нѣтъ признаковъ сопротивленія, но что дѣяніе его подходитъ подъ 285 ст. улож., то предсѣдатель долженъ былъ разъяснить внутренній смыслъ и этого закона и указать разницу между оскорбленіемъ явно насильственными дѣйствіями и сопротивленіемъ съ насиліемъ. Все это обязанъ исполнить предсѣдатель въ силу прямаго предписанія закона. Но спрашивается: къ чему же всѣ эти разъясненія, если отъ присяжныхъ требуется только отвѣтъ на то, дѣйствительно ли пришелъ къ Щелканову для означенной цѣли приставъ и дѣйствительно ли Щелкановъ заперъ его въ своей квартирѣ? Такъ какъ присяжные совершенно безсильны выразить свое мнѣніе о томъ, какое именно преступленіе, по ихъ убѣжденію, заключается въ дѣяніи подсудимаго, то всѣ сдѣланныя имъ разъясненія свойства означенныхъ преступленій должны быть признаны ненужными и безцѣльными. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вся эта длинная часть рѣчи о законахъ, объ истинномъ ихъ смыслѣ, когда обсужденіе фактовъ съ точки зрѣнія закона для присяжныхъ составляетъ запретный плодъ? Это выходитъ даже нѣсколько неловко. Занимающій насъ предметъ до такой степени важенъ, что мы рѣшаемся привести еще одинъ случай изъ практики. Случай этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ немъ высказывается взглядъ нашихъ судебныхъ дѣятелей на дѣятельность присяжныхъ при разрѣшеніи вопросовъ по фактическимъ и законнымъ признакамъ. По дѣлу вдовы ротмистра Житковой и др. (¹²⁷⁴/₇₀) былъ предло-

женъ вопросъ, на который присяжные отвѣчали отрицательно, о томъ: «подложно ли духовное завѣщаніе ротмистра Житкова». Прокуроръ просилъ, на основ. 760 ст. уст., измѣнить редакцію этого вопроса, такъ какъ она, въ настоящемъ ея видѣ, *трудна для разрѣшенія присяжныхъ*, присовокупляя, что вмѣсто одного вопроса онъ полагалъ бы постановить два, а именно: 1) подписано ли духовное завѣщаніе самимъ Житковымъ и 2) составлено и подписано ли духовное завѣщаніе послѣ смерти Житкова другими лицами. Но не говоря о томъ, что прокуроръ, домогаясь постановки проектированныхъ имъ вопросовъ, предлагалъ въ одномъ изъ нихъ вопросъ не о событіи *преступленія*, а о событіи, въ которомъ никакихъ признаковъ преступленія не заключается, что раздѣленіемъ вопроса на два нарушалось общее правило о постановкѣ вопроса о событіи, со всѣми входящими въ него существенными признаками преступленія ($^{409}/_{71}$, $^{655}/_{72}$) и что совокупность обоихъ вопросовъ не обнимала собою полнаго понятія преступленія подлога духовнаго завѣщанія, не говоря обо всемъ этомъ, 1 п. ст. 801 уст. будетъ, при подобной постановкѣ вопросовъ, не причемъ. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, объяснять присяжнымъ свойства подлога духовнаго завѣщанія, когда отъ нихъ требуется только утвержденіе или отрицаніе того, подписалъ или не подписалъ Житковъ духовное завѣщаніе, было ли оно подписано другими лицами послѣ его смерти, или не было. Нѣтъ сомнѣнія, что объясненіе это, при такомъ положеніи дѣла, излишне. Но послушаемъ, почему вопросъ въ той редакціи, въ какой допустилъ его окружный судъ, не можетъ быть предложенъ присяжнымъ. Прокуроръ суда въ своемъ протестѣ, по поводу предложенія того вопроса, объясняетъ, что «судъ предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ опредѣлить не фактическіе признаки даннаго преступленія, а юридическое понятіе подлога, понятіе столь широкое и въ проявленіяхъ своихъ разнообразное, что законодательство наше не даетъ опредѣленія этого преступленія, предоставляя право суду опредѣлять въ каждомъ данномъ случаѣ, заключается ли въ извѣстныхъ признакахъ преступленія подлогъ или нѣтъ Духовное завѣщаніе можетъ быть подложно и тогда, когда оно подписано самимъ завѣщателемъ, но свидѣтелями подписано послѣ смерти завѣщателя, и прокурору неизвѣстно, почему судъ не принялъ предложенныхъ имъ вопросовъ [1]); но если судъ имѣлъ въ виду нѣкоторую

[1]) Судъ, отказывая въ измѣненіи редакціи постановленнаго имъ вопроса,

неполноту ихъ, то это не могло служить основаніемъ къ отказу, такъ какъ предложенная имъ, прокуроромъ, редакція вопросовъ не была окончательною, потому что такая редакція зависитъ не отъ сторонъ, а, на основаніи 762 ст. уст., отъ суда. Не раздѣливъ вопроса — продолжаетъ прокуроръ — *судъ стѣснилъ бы совѣсть присяжныхъ* въ томъ случаѣ, еслибы они находили, что завѣщаніе подписано самимъ Житковымъ, а свидѣтелями подписано послѣ его смерти; при этомъ у присяжныхъ могло составиться и такое убѣжденіе, что духовное завѣщаніе Житкова дѣйствительно согласно съ его послѣдней волей, хотя оно составлено не имъ самимъ и не имъ подписано, а въ рѣшеніи своемъ они признали его не подложнымъ только на этомъ основаніи, тогда какъ если бы они разрѣшили фактическіе признаки этого преступленія, отвѣтъ могъ послѣдовать иной и на основаніи этихъ признаковъ судъ могъ признать, что утвержденные отвѣтами присяжныхъ признаки преступнаго событія заключаютъ въ себѣ всѣ свойства подлога духовнаго завѣщанія». Правительствующій сенатъ съ своей стороны нашелъ, что судъ предложилъ на разрѣшеніе присяжныхъ одно юридическое понятіе о подлогѣ, что выводъ, заключеніе о томъ, подложно или неподложно завѣщаніе, не можетъ быть, за силою 760 ст., предоставленъ самимъ присяжнымъ, а составляетъ обязанность суда, который долженъ вывести свое заключеніе изъ фактовъ, признанныхъ присяжными; поэтому сенатъ кассировалъ рѣшеніе присяжныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что возраженія прокурора справедливы только въ томъ случаѣ, еслибы присяжнымъ не были объяснены свойства преступленія подлога духовнаго завѣщанія. Если же такое объясненіе было, то возраженія падаютъ сами собою. Совѣсть присяжныхъ въ данномъ случаѣ не только не была стѣснена, но наоборотъ судъ предоставилъ ей полную свободу дѣйствія: чѣмъ общѣе вопросъ, тѣмъ большее количество частныхъ фактовъ можетъ быть подъ него подведено: это истина элементарная. Напротивъ, эта совѣсть могла быть стѣснена, и дѣйствительно стѣсняется, только при противоположномъ характерѣ постановки вопросовъ, именно при изложеніи въ нихъ однихъ голыхъ фактовъ: какъ бы ни были убѣждены присяжные въ несоотвѣтствіи даннаго факта съ законными условіями преступленія,

---

не мотивировалъ своего опредѣленія, но несостоятельность редакціи предложенныхъ прокуроромъ вопросовъ не нуждалась въ особенныхъ доказательствахъ.

они безсильны выразить объ этомъ свое мнѣніе, ибо о таковомъ ихъ вовсе не спрашиваютъ. При объясненіи предсѣдателемъ свойства разсматриваемаго преступленія, не могло явиться у присяжныхъ убѣжденіе въ дѣйствительности духовнаго завѣщанія только потому, что оно было согласно съ волею покойнаго, а вслѣдствіе этого не могъ явиться и отрицательный отвѣтъ на предложенный вопросъ. Между тѣмъ прокуроръ вовсе умалчиваетъ о томъ, было ли выполнено требованіе 801 ст. уст., а правительствующій сенатъ, задаваясь мыслью объ отдѣленіи вопросовъ факта отъ вопросовъ права, также не обратилъ на это вниманія. Но какъ бы то ни было, при постановкѣ вопросовъ въ формѣ, предложенной прокуроромъ орловскаго окружнаго суда по означенному дѣлу, постановленіе закона, изображенное въ 1 п. 801 ст., остается праздными.

Но еще болѣе представляется безцѣльнымъ исполненіе правила о разъясненіи присяжнымъ свойства преступленія въ томъ случаѣ, когда на разрѣшеніе присяжныхъ предлагается вопросъ о такихъ фактахъ, въ которыхъ, какой бы ни послѣдовалъ отвѣтъ, не заключается никакого преступленія [1]). Положимъ, присяжныхъ спрашиваютъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что взялъ въ займы у такого-то такую-то сумму денегъ и не возвратилъ ее, несмотря на требованіе, и въ тоже время объясняютъ имъ свойства преступленія присвоенія по закону. Присяжные убѣдились, что въ поименованныхъ фактахъ дѣйствительно нѣтъ признаковъ присвоенія, но что же изъ этого? Развѣ они могутъ отвѣчать отрицательно на предложенный вопросъ, если деньги на самомъ дѣлѣ взяты и не возвращены. Не значитъ ли это ставить присяжнаго въ такое положеніе, въ которомъ онъ, будучи убѣжденъ въ невиновности подсудимаго по закону, долженъ пожертвовать самымъ фактомъ изъ опасенія, чтобы невинный подсудимый не былъ признанъ виновнымъ. Ужели такое положеніе удобно и желательно? Но, къ счастію, наше законодательство не такія цѣли имѣло въ виду, устанавливая правило о разъясненіи присяжнымъ свойствъ тѣхъ преступленій, для сужденія о которыхъ они призываются. Что цѣли были на самомъ дѣлѣ не таковы, доказываетъ та заботливость, съ которою законъ охраняетъ истинное пониманіе присяжными смысла закона, предписывая предсѣдателю (ст. 802 уст.) «возстановлять истинный разумъ закона, не точно истолкованнаго

[1]) Правительствующій сенатъ, какъ мы видѣли, допускаетъ постановку и такихъ вопросовъ.

сторонами, а самимъ присяжнымъ предоставляетъ право (ст. 673) во всякомъ положеніи дѣла просить предсѣдателя разъяснить имъ признаки, коими опредѣляется въ законѣ преступленіе, приписываемое подсудимому» [1]).

Интересно послушать, какъ объясняютъ присутствіе въ закопѣ означенныхъ правилъ защитники теоріи объ ограниченіи правъ нашихъ присяжныхъ областью историческихъ фактовъ. Въ нашей литературѣ, какъ помнится, одинъ только г. Буцковскій пытался дать такое объясненіе въ одной изъ статей «Судебнаго Вѣстника» [2]). Здѣсь онъ говоритъ, что объясненіе, упоминаемое 1 п. 801 ст., небезполезно, вопервыхъ, въ виду обвинительнаго акта, въ которомъ приписываемое подсудимому преступленіе опредѣляется по закону (ст. 520 п. 5) и въ виду заключительныхъ преній, въ которыхъ стороны также трактуютъ о законахъ, опредѣляющихъ свойства разсматриваемаго преступленія (ст. 757 и 746 уст. уг. суд.). «Странно было бы—говоритъ авторъ - оставлять присяжныхъ, не имѣющихъ юридическихъ свѣдѣній, безъ разъясненія имъ,

---

[1]) Такое же важное значеніе придаетъ объясненію предсѣдателя въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ и правительствующій сенатъ. Такъ по дѣлу Кудрявцева и Захарова ($^{260}/_{74}$) онъ призналъ существеннымъ нарушеніемъ неправильное объясненіе, данное присяжнымъ засѣдателямъ, свойства свитотатства по закону. По дѣлу Гайдукова и др. ($^{1506}/_{70}$) товарищъ прокурора тульскаго окружнаго суда въ протестѣ своемъ оспаривалъ право предсѣдателя суда излагать предъ присяжными разъясненія внутренняго смысла преступленій, основанныя не на законѣ, а на личномъ или почерпнутомъ изъ какого либо сочиненія мнѣніи. Сенатъ нашелъ, «что по вопросу о томъ, принадлежитъ ли предсѣдателю право объяснять присяжнымъ засѣдателямъ признаки, требуемые закономъ для наличности преступленія, въ случаѣ, если законъ не даетъ точнаго опредѣленія этого преступленія, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду 760 ст. уст. уг. суд., по которой вопросы, предлагаемые присяжнымъ засѣдателямъ, постановляются по существеннымъ признакамъ преступленій, и ст. 801, въ силу которой предсѣдатель объясняетъ присяжнымъ законы, относящіеся до опредѣленія свойства разсматриваемаго дѣянія, т. е. объясняетъ внутренній смыслъ закона. Такимъ образомъ, и въ данномъ дѣлѣ предсѣдательствующій не только имѣлъ право, но и обязанность, объясняя вопросъ, поставленный присяжнымъ, по поводу словъ «насильственное совокупленіе» и «вопреки ея волѣ», коснуться этихъ понятій, какъ законныхъ признаковъ преступленія изнасилованія, т. е. объяснить внутренній смыслъ этихъ выраженій для полнаго разъясненія присяжнымъ законныхъ свойствъ преступленія, предусмотрѣннаго въ ст. 1525 улож. о нак.»

[2]) «Судебный Вѣстникъ» 1867 г., № 78.

въ чемъ мнѣнія, выраженныя въ обвинительномъ актѣ и въ заключительныхъ преніяхъ, различествуютъ на счетъ свойства разсматриваемаго преступленія». Такимъ образомъ, все дѣлается для избѣжанія странности, такъ сказать, нѣкоторой неловкости... Великое правило, которое придаетъ все значеніе нашему суду присяжныхъ, установлено не для чего иного, какъ для того, чтобы не ставить присяжныхъ въ положеніе, въ которомъ они, слушая содержаніе статей закона и даже трактаты о законахъ, оставались бы несвѣдущими въ этихъ законахъ, хотя знаніе это для нихъ вовсе не нужно... Для этой же цѣли, должно думать, предоставлено присяжнымъ и право обращаться къ предсѣдателю съ просьбой разъяснить имъ признаки, коими опредѣляется судимое преступленіе въ законѣ, а предсѣдателю вмѣнено въ обязанность возстановлять истинный разумъ закона, неправильно истолкованнаго сторонами... Другой доводъ, приводимый тѣмъ же авторомъ, заключается въ слѣдующемъ: объясненіе, дѣлаемое предсѣдателемъ присяжнымъ, не безполезно: «въ виду того, что присяжные могутъ нѣкоторые изъ фактическихъ признаковъ отвергнуть (ст. 812 [1]), а иные утвердить, и для того, чтобы присяжные сознательно пользовались этимъ правомъ, т. е. имѣли въ виду, къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ разрѣшеніе ими вопроса въ ограничительномъ смыслѣ — къ обвиненію ли только въ меньшемъ преступленіи или къ совершенному оправданію, имъ необходимо знать, какіе фактическіе признаки и въ какой совокупности соотвѣтствуютъ законному опредѣленію того или другаго преступленія». Это вторая причина, — въ силу коей введено въ уставъ нашъ означенное постановленіе. Согласно этому разсужденію, объясненіе предсѣдателемъ, напр., свойства преступленія предумышленнаго убійства можетъ повести къ слѣдующему результату. Если вопросъ поставленъ напр. по голымъ фактамъ въ такомъ видѣ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, пригласивъ крестьянина N къ себѣ въ домъ, убилъ его», и если присяжные изъ заключительной рѣчи вынесли убѣжденіе, что фактическій признакъ: «пригласивъ къ себѣ въ домъ» соотвѣтствуетъ законному «съ предумышленіемъ», то это свѣдѣніе необходимо для того, чтобы они могли сознательно воспользоваться правомъ отвергнуть означенный фактъ, если не признаютъ существованія предумышленія. Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ

[1]) Указанный въ этой статьѣ признакъ (предумышленіе), какъ мы уже видѣли, вовсе не фактическій, а правовой.

данномъ случаѣ свѣдѣнія, сообщенныя предсѣдателемъ, дѣйствительно полезны. Если судебное слѣдствіе убѣдило присяжныхъ, что мысль убить N явилась у подсудимаго внезапно, въ самомъ домѣ, и если для нихъ стало очевидно, что не пожертвуй они фактомъ, подсудимый будетъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ предумышленномъ, то имъ для достиженія справедливаго рѣшенія, остается только отвергнуть то, что убитый былъ приглашенъ въ домъ, хотя этого обстоятельства никогда не отрицалъ и самъ подсудимый. Такимъ образомъ выходитъ, что законъ создалъ извѣстное постановленіе для того, чтобы присяжные могли сознательно пользоваться правомъ насиловать факты, отрицать дѣйствительность... Къ такимъ-то послѣдствіямъ можно прійти, защищая явно несостоятельное положеніе!... По поводу вышеприведеннаго разсужденія г. Буцковскаго совершенно вѣрно было замѣчено [1]), что «если объясненіе предсѣдателя дѣлается для того, чтобы присяжные могли сознательно пользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ 812 ст., то это вышло бы, что присяжные должны сообразоваться не съ своимъ убѣжденіемъ въ наличности или отсутствіи этого признака, а съ послѣдствіями его отрицанія, что отъ присяжныхъ, кромѣ сознательнаго убѣжденія и совѣсти, требуется еще какая-то другая сознательность».

Защищая извѣстное положеніе, что присяжные наши, по смыслу закона, должны являться судьями исключительно однихъ фактовъ, г. Буцковскій опирается на томъ соображеніи, что съ предоставленіемъ присяжнымъ права рѣшать вопросы по законнымъ признакамъ, правильность отвѣта ихъ въ отношеніи примѣненія закона не представляла бы никакого ручательства, такъ какъ присяжные не имѣютъ необходимыхъ для того юридическихъ свѣдѣній [2]). Такую же мысль высказываетъ и правительствующій сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Дмитріева (1870 г.). Онъ говоритъ: «Цѣль этого постановленія (т. е. постановленія предлагать вопросы присяжнымъ по фактическимъ даннымъ) состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что присяжные засѣдатели, очевидно, не могутъ обладать тѣми юридическими познаніями, которыя необходимы для того, чтобы вполнѣ понимать смыслъ всякаго законнаго опредѣленія и отдавать себѣ отчетъ о тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ коихъ слагается данное юридическое понятіе». Такимъ образомъ признается, что наши

[1]) «Судебный Вѣстникъ», 1867 г., № 84.

[2]) «Судебный Вѣстникъ», № 78.

присяжные засѣдатели, по выслушаніи заключительныхъ преній и наставленія, даннаго имъ предсѣдателемъ, не въ состояніи исполнить, съ надлежащею правильностью, извѣстный умственный процессъ, заключающійся въ подведеніи конкретныхъ фактовъ подъ законные признаки, помѣщенные въ вопросахъ. Вмѣстѣ же съ этимъ утверждается, что присяжные для того, чтобы сознательно пользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ 812 ст., должны знать, къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ разрѣшеніе ими вопроса въ ограничительномъ смыслѣ, и что имъ поэтому необходимо знать, какіе фактическіе признаки и въ какой совокупности соотвѣтствуютъ законному опредѣленію преступленія. Но если это послѣднее положеніе вѣрно, то оно подрываетъ несомнѣнно первое. Если, въ самомъ дѣлѣ, присяжные могутъ усвоить понятіе о законномъ составѣ преступленія и о соотвѣтствіи между признаками его и фактическими обстоятельствами дѣла и, кромѣ того, могутъ пользоваться сообщенными имъ свѣдѣніями сознательно, при осуществленіи права, предоставленнаго имъ 812 ст., то непонятно, почему тѣ же присяжные не будутъ давать своихъ отвѣтовъ также сознательно въ обратномъ случаѣ, т. е. при постановкѣ вопросовъ, по признакамъ законнымъ. Положеніе дѣла какъ при томъ, такъ и при другомъ условіи не измѣняется. Отсюда двоякій выходъ: или нужно отступиться отъ перваго положенія, или же признать, что и при пользованіи правомъ указаннымъ въ 812 ст., присяжные дѣйствуютъ наугадъ, несознательно. Это послѣднее положеніе признать, конечно, не трудно, но чѣмъ же тогда объяснить существованіе въ уставѣ уголовнаго судопроизводства 1 п. 801 ст.?

Засимъ статьи закона, которыми опредѣляются послѣдствія виновности подсудимаго, признанной присяжными, по своему содержанію также служатъ скорѣе въ пользу защищаемаго нами мнѣнія, чѣмъ во вредъ ему. Это тѣ статьи, которыми, за обвинительнымъ вердиктомъ присяжныхъ, опредѣляется дѣятельность прокурора или частнаго обвинителя, подсудимаго и его защитника и суда, при постановленіи приговора. Разсмотримъ эти законы. Статья 820 говоритъ: «по обвинительному рѣшенію присяжныхъ засѣдателей предсѣдатель суда предлагаетъ прокурору или частному обвинителю предъявить заключеніе относительно наказанія и другихъ послѣдствій виновности подсудимаго, признанной присяжными».

По силѣ этой статьи, непосредственно за вердиктомъ присяжныхъ слѣдуетъ трактатъ о наказаніи и другихъ послѣдствіяхъ виновности подсудимаго. Но такой переходъ возможенъ единственно

только при постановкѣ вопросовъ по законнымъ признакамъ, такъ какъ съ признаніемъ виновности въ преступленіи по закону ничего болѣе не остается какъ назначить и опредѣлить другія послѣдствія обвинительнаго вердикта. Если же допустить что вопросы должны содержать въ себѣ исключительно конкретные факты, то заключенію о наказаніи долженъ предшествовать моментъ подведенія этихъ фактовъ подъ законъ, должна предшествовать юридическая оцѣнка ихъ. Но такого момента уставъ уголовнаго судопроизводства не устанавливаетъ. Отсюда одно изъ двухъ: или пропускъ очень существенный въ законѣ, или предположеніе о разрѣшеніи присяжными исключительно конкретнаго матеріала — невѣрно. Ссылка же на заключительныя пренія, въ которыхъ трактуется о свойствѣ преступленія, не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ, ибо при невозможности знать, какіе изъ фактическихъ признаковъ судъ помѣститъ въ вопросахъ и какіе изъ нихъ будутъ утверждены присяжными, трактаты о свойствѣ преступленія во время преній представляются преждевременными. Такимъ образомъ опять двоякій выводъ: или моментъ для трактата о свойствѣ преступленія выбранъ закономъ неудачный, или же самое предположеніе о констатированіи присяжными однихъ чистыхъ фактовъ несогласно съ закономъ. Но, какъ бы ни была почтенна наша цѣль, едва ли слѣдуетъ объяснять законъ въ худую сторону, когда есть возможность и право истолковать его иначе, когда въ постановленіяхъ его можно видѣть разумную цѣлесообразность, а не ошибки и недостатки. Объясняя же съ этой точки зрѣнія вышеприведенный законъ, мы найдемъ, что отнесеніе трактата о свойствѣ судимаго преступленія къ моменту судебныхъ преній, до постановки вопросовъ, составляетъ постановленіе вполнѣ цѣлесообразное.

Установивъ въ 820 ст. непосредственный переходъ отъ обвинительнаго вердикта къ заключенію прокурора или частнаго обвинителя о наказаніи и къ рѣчи гражданскаго истца, законъ очень мудро затѣмъ отнесся къ дѣятельности подсудимаго и его защитника. Онъ не ограничился правиломъ о правѣ его ходатайствовать о смягченіи наказанія, но прежде этого помѣстилъ и право его доказывать, что дѣйствія, признанныя присяжными, не запрещены закономъ. Ст. 823 говоритъ: «подсудимый и защитникъ его не вправѣ отвергать достовѣрность дѣйствій, признанныхъ присяжными, но могутъ только доказывать, что эти дѣйствія не запрещены закономъ...» Повидимому, слова эти служатъ подтвер-

жденіемъ той мысли, что въ вопросахъ могутъ быть помѣщены всякія дѣйствія, даже не воспрещенныя закономъ, и что законъ такимъ образомъ идетъ прямо противъ насъ, но такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшное. Дѣло въ томъ, что при постановкѣ вопросовъ по законнымъ признакамъ встрѣчается множество случаевъ, въ которыхъ обвинитель, не останавливаясь на квалификаціи преступленія, можетъ прямо ссылаться на статьи уголовнаго кодекса и требовать примѣненія даннаго наказанія, между тѣмъ какъ для защитника именно можетъ представляться необходимость доказывать, что въ совокупности тѣхъ признаковъ, которые утверждены присяжными, вовсе не содержится преступленія. Укажемъ такіе случаи, и притомъ позаимствуемъ ихъ изъ нашей же судебной практики. Такими случаями представляются слѣдующіе. Во-первыхъ, когда въ обвинительномъ актѣ и затѣмъ въ вопросахъ опущенъ существенный признакъ даннаго преступленія. По дѣлу Бильбасова ($^{49}/_{68}$) былъ поставленъ вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что для полученія денегъ и документовъ отъ князя Гагарина и графа Шувалова употребилъ подложно составленную отъ имени Кушпаковой росписку? Здѣсь недостаетъ существеннаго признака преступленія, предусмотрѣннаго 1697 ст. улож., именно: «зная, что росписка та подложна». По воспослѣдованіи утвердительнаго отвѣта присяжныхъ на этотъ вопросъ, что остается дѣлать прокурору, если только онъ несогласенъ на оправданіе подсудимаго, какъ дать заключеніе о наказаніи подсудимаго по ст. 1697 улож.? Но защитнику предоставляется право доказывать, что дѣйствія его кліента, признанныя присяжными; не воспрещены закономъ... Во-вторыхъ, когда къ дѣянію подсудимаго примѣняется статья закона по аналогіи и когда въ вопросахъ, согласно общему правилу, указываются только наличные признаки, означенные въ выводахъ обвинительнаго акта и выясненные на судѣ, а не всѣ тѣ, которые образуютъ составъ преступленія, принимаемаго по аналогіи. По дѣлу Умецкихъ ($^{160}/_{68}$), преданныхъ суду по обвиненію въ вовлеченіи чрезъ употребленіе во зло родительской власти дочери своей въ преступленіе, по ст. 151 и 1587 улож., были постановлены вопросы: «виновны ли подсудимые въ томъ, что чрезъ употребленіе во зло родительской власти, вовлекли малолѣтнюю дочь свою Ольгу въ совершеніе приписываемыхъ ей преступленій?» Преступленія Ольги заключались въ поджогѣ имущества, принадлежащаго самимъ подсудимымъ, слѣдовательно нельзя было предположить, что они умышленно вовлекли

свою дочь къ истребленію своей же собственности, между тѣмъ существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1587 ст. улож., составляетъ *умышленное* вовлеченіе въ преступленіе, каковаго признака въ дѣяніи подсудимаго такимъ образомъ не заключалось. Прокурору, поддерживавшему обвинительный актъ и трактовавшему о свойствахъ преступленія подсудимыхъ въ обвинительной рѣчи, по воспослѣдованіи обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ, оставалось только дать заключеніе о наказаніи по 1587 ст. улож., но между тѣмъ защитникъ, по силѣ 823 ст. уст уг. суд., могъ доказывать, что въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ вовсе нѣтъ преступленія. Въ-третьихъ, когда присяжные отвергнутъ по праву, предоставленному имъ 812 ст. уст., одинъ изъ существенныхъ признаковъ преступленія, означеннаго въ предложенныхъ имъ вопросахъ. По дѣлу Дмитріева ($^{576}/_{69}$) былъ предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 12-го мая 1868 года зажегъ съ умысломъ, въ деревнѣ Давидовѣ, сарай крестьянина той-же деревни Захара Аверьянова, въ которомъ хранилось сѣно, вслѣдствіе чего сарай этотъ и скатанные возлѣ него срубы сгорѣли»? Присяжные отвѣчали: «да, виновенъ, но безъ умысла». Правительствующій сенатъ, вслѣдствіе протеста на оправдательный приговоръ суда, нашелъ, что отвѣтъ присяжныхъ составленъ по правилу, содержащемуся въ 811 и 812 ст. уст. уг. суд., такъ какъ въ немъ содержится признаніе подсудимаго виновнымъ съ оговоркой, которою отвергнутъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ обвиненія – умыселъ. Въ виду такого отвѣта (и при отсутствіи обвиненія подсудимаго въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ) судъ обязанъ былъ постановить оправдательный приговоръ, за силою 5 ст. улож. и 1 п. 771 ст. уст. уг. суд. Такой же примѣръ можно видѣть въ рѣшеніи по дѣлу Толстолуцкаго ($^{2020}/_{69}$).

Во всѣхъ такихъ и подобныхъ случаяхъ прокуроръ можетъ, если находитъ согласнымъ съ своимъ мнѣніемъ, давать заключеніе о наказаніи подсудимаго, но защитникъ ограничиваться однимъ молчаніемъ не можетъ, вслѣдствіе чего законъ мудро предусмотрѣлъ эти случаи и установилъ для нихъ особое правило. Другаго толкованія 823 ст., безъ нарушенія строгой связи между этою статьею и 820, по нашему мнѣнію, дать нельзя

Послѣ этого представляется излишнимъ толковать о 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., въ которомъ говорится объ оправданіи подсудимаго въ случаѣ, когда дѣянія, въ коихъ онъ обвиненъ присяж-

ными, признаются невоспрещенными закономъ подъ страхомъ наказанія. Мы скажемъ только два слова о ст. 827 уст. Въ этой послѣдней статьѣ изображено, что въ протоколѣ приговора, постановленнаго по рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, заключеніе прописывается безъ указанія его основаній, и соображенія суда приводятся только по предметамъ, относящимся къ примѣненію законовъ». Говорятъ [1]), что если бы законъ представлялъ присяжнымъ право опредѣлять вину по закону, то правило объ изложеніи соображеній въ приговорѣ по всѣмъ безъ ограниченія предметамъ, относящимся къ примѣненію законовъ, не имѣло бы мѣста. Но это не совсѣмъ убѣдительно. Мѣста для соображеній суда по примѣненію законовъ и при постановкѣ вопросовъ по законнымъ признакамъ слишкомъ много, и непонятно, какія могъ сдѣлать законъ въ этомъ отношеніи ограниченія. Не говоря о соображеніяхъ, при примѣненіи законовъ въ случаѣ рецидива, несовершеннолѣтія подсудимаго или малолѣтства, признанія особо увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствъ; не говоря о необходимости такихъ соображеній, при признаніи подсудимаго виновнымъ въ покушеніи, остановленномъ по собственной волѣ, когда содѣянное само по себѣ есть преступленіе и т. п., означенныя соображенія необходимы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ примѣняется по аналогіи или когда присяжные отвергаютъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ даннаго преступленія. Кромѣ того правило ст. 827 относится не къ квалификаціи преступленія, а къ примѣненію наказанія и вообще послѣдствій виновности подсудимаго, что̀ видно изъ связи ея съ предыдущею 826 ст. уст., гласящею: *въ опредѣленіи наказанія и другихъ послѣдствій* преступленія.. судъ поступаетъ по правиламъ, установленнымъ во 2 мъ отдѣленіи сей главы, съ *соблюденіемъ лишь изъятій, въ слѣдующихъ статьяхъ опредѣленныхъ*.

Наконецъ, что касается того возраженія, что присяжные могутъ ошибаться въ правильной квалификаціи преступленія вслѣдствіе чего подсудимый будетъ осужденъ не за то преступленіе, за которое слѣдовало бы осудить его, то возраженіе это не можетъ считаться особенно сильнымъ. Errare humanum est. Присяжные могутъ, конечно, ошибаться какъ ошибаются и судьи, какъ ошибаются и всѣ люди. Но это вовсе не должно служить причиною,

---

[1]) Г. Буцковскій, „Судебн. Вѣстникъ“ 1867 г., № 78.

изъ-за которой слѣдовало бы лишать институтъ этотъ всякаго значенія низверженіемъ его на степень сопрягателей. Къ тому же законъ устанавливаетъ и средство противъ такихъ ошибокъ. Такое средство указано въ 818 ст. уст. уг. суд., по которой, если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, то постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ. Невинность, о которой говорится въ этой статьѣ, должна быть понимаема не только въ томъ смыслѣ, что подсудимый представляется невиновнымъ въ совершеніи приписываемаго ему дѣянія, но, конечно, и въ смыслѣ невинности передъ закономъ, и потому судъ можетъ пользоваться предоставленнымъ ему правомъ и при неправильномъ опредѣленіи вины подсудимаго по закону. Но кромѣ этого, существуетъ и другое средство исправить ошибку —это обжалованіе приговора предъ кассаціоннымъ судомъ. Когда этотъ послѣдній найдетъ противорѣчіе между фактическими признаками и тѣми правовыми выводами, которые сдѣлалъ изъ нихъ обвинительный актъ и подтвердившее его рѣшеніе присяжныхъ, онъ имѣетъ власть кассировать приговоръ. Заключеніе же о томъ, какіе существенные факты представлялись по дѣлу, можно вывести какъ изъ обвинительнаго акта, такъ и изъ другихъ данныхъ, напр. изъ рѣчи предсѣдателя, обязаннаго изложить въ ней существенныя обстоятельства дѣла, изъ рѣчи, которая можетъ быть, по просьбѣ стороны, внесена въ протоколъ. Случаи кассаціи рѣшеній присяжныхъ по означенной причинѣ встрѣчаются и въ настоящее время, при общемъ стремленіи предоставить присяжнымъ разрѣшеніе одних чистыхъ фактовъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. По дѣлу Врожска ($^{168}/_{68}$) вопросъ, утвержденный присяжными, былъ слѣдующій: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что получивъ отъ Русановой вексель въ 1000 рублей на имя купца Лопанова для взысканія съ него этихъ денегъ въ пользу Русановой, *присвоилъ* себѣ этотъ вексель»? Вопросъ постановленъ былъ по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1681 ст. улож. Правительствующій сенатъ, основываясь на томъ, что между подсудимымъ и Русановою, *какъ видно изъ обвинительнаго акта*, шелъ споръ о значеніи передаточной надписи на векселѣ, нашелъ что въ этомъ дѣлѣ не представлялось явныхъ признаковъ преступленія, подлежавшаго разсмотрѣнію уголовнаго суда, прежде и независимо отъ суда гражданскаго, и потому отмѣнилъ приговоръ суда вмѣстѣ съ рѣшеніемъ присяжныхъ и опредѣленіемъ судебной палаты о преданіи

суду. О купцѣ Степановѣ ($^{299}/_{69}$) былъ предложенъ вопросъ, на который присяжные отвѣчали утвердительно: «виновенъ ли купецъ Иванъ Степановъ въ томъ, что, сообщивъ 23 сентября 1865 г. Евстратову ложныя свѣдѣнія о покупкѣ у него быковъ за цѣну, которую онъ не имѣлъ намѣренія уплатить, выманилъ тѣмъ у Евстратова 48 быковъ и, воспользовавшись этимъ, не выдастъ Евстратову ни росписки, ни должныхъ денегъ»? Сенатъ, разсмотрѣвъ обвинительный актъ, нашелъ, что въ немъ не указано явныхъ признаковъ совершенія Степановымъ такихъ дѣйствій, въ которыхъ заключался бы явный обманъ или мошенничество, и потому отмѣнилъ опредѣленіе судебной палаты о преданіи Степанова суду, съ рѣшеніемъ присяжныхъ и приговоромъ суда. О купцѣ Зюзинѣ ($^{305}/_{70}$) вопросъ былъ слѣдующій: «виновенъ ли Зюзинъ въ томъ, что, пріобрѣвъ отъ Федора 173 пуда воску, показалъ онаго купленнымъ только 73 пуда, а остальные сто пудовъ *присвоилъ себѣ*»? Судъ, по обвинительному рѣшенію присяжныхъ, приговорилъ подсудимаго къ наказанію по 1681 и 1666 ст улож. Сенатъ нашелъ, что «Московская судебная палата предала Зюзина суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1681 ст. улож., причемъ въ утвержденномъ ею обвинительномъ актѣ объяснено, что показаніемъ Федора о взятіи у него Зюзинымъ 173 пудовъ воску и объясненіемъ самаго Зюзина о покупкѣ имъ у Федора только 73 пудовъ воска, тогда какъ у него, Зюзина, по обыску отыскано 173 пуда, Зюзинъ уличается въ желаніи утаить сто пудовъ воска, на сумму болѣе 300 рублей. По закону (520 ст. уст. уг. суд.) въ обвинительномъ актѣ должны быть означены признаки преступнаго дѣянія, приписываемаго обвиняемому, и какому именно преступленію, въ законѣ предусмотрѣнному, соотвѣтствуютъ эти признаки. Хотя въ обвинительномъ актѣ, по которому Зюзинъ преданъ суду, указаны дѣйствія его, составляющія предметъ обвиненія и родъ преступленія, которому, по мнѣнію обвинительной власти, эти дѣйствія Зюзина соотвѣтствуютъ; но указанія по симъ предметамъ въ актѣ несогласны съ требованіями закона. Введенные въ составъ обвиненія факты (взятіе Зюзинымъ у Федора, по показанію сего послѣдняго, 173 пудовъ воску, дѣйствительно оказавшагося у Зюзина при обыскѣ, тогда какъ онъ заявлялъ, что купилъ у Федора только 73 пуда воска), не соотвѣтствуютъ главнымъ условіямъ преступленія, предусмотрѣннаго въ законѣ, указанномъ въ актѣ (уложеніе о нак. ст. 1681)—именно присвоенія или растраты такого чужаго имущества, которое было ввѣрено для сохраненія или извѣстнаго

употребленія, а сдѣланный изъ означенныхъ фактовъ выводъ, заключающій въ себѣ обвиненіе Зюзина собственно *въ желаніи* утаить сто пудовъ воска, не можетъ быть отнесенъ въ томъ видѣ, какъ этотъ выводъ изложенъ въ актѣ, къ какому-либо преступному дѣянію, въ уголовномъ законѣ опредѣленному». Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣяніи подсудимаго, за которое онъ преданъ суду, нѣтъ признаковъ преступленія, повѣрка правильности подведенія фактическихъ признаковъ подъ законные возможна для кассаціоннаго суда и независимо отъ вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ и ими утвержденныхъ. Въ другихъ же случаяхъ, когда дѣяніе подсудимаго не соотвѣтствуетъ преступленію, въ обвинительномъ актѣ означенному, у суда есть могучее средство исправить этотъ недостатокъ — это предложеніе присяжнымъ вспомогательныхъ вопросовъ. При отчетливомъ объясненіи имъ предсѣдателемъ свойствъ разсматриваемаго преступленія и правильномъ указаніи существенныхъ фактовъ, выясненныхъ по дѣлу, едва-ли можно опасаться особенно грубыхъ ошибокъ и прибѣгать слишкомъ часто къ праву, предоставленному суду 818 ст. уст. уг. суд.

Сведемъ же въ заключеніе въ одно цѣлое все добытое нами изъ разсмотрѣнія существующихъ законоположеній, относящихся къ опредѣленію компетентности присяжныхъ засѣдателей.

Учрежденіе института присяжныхъ засѣдателей для рѣшенія вопроса о *винѣ* подсудимаго, безъ всякаго ограниченія во всемъ ея объемѣ, между тѣмъ какъ при замѣнѣ, по усмотрѣнію суда, законныхъ признаковъ конкретными фактами, существенная часть вопроса о виновности была бы изъята изъ вѣдѣнія присяжныхъ; требованіе закона о постановкѣ вопросовъ присяжнымъ не о безразличномъ дѣяніи подсудимаго, а о преступленіи его, о дѣяніи преступномъ, подъ которымъ, по силѣ 1 ст. улож., разумѣются дѣянія, воспрещенныя закономъ подъ страхомъ наказанія: употребленіе законныхъ признаковъ въ примѣрномъ вопросѣ и отвѣтѣ, изложенномъ въ ст. 811 и 812 уст. уг. суд.; трактаты сторонъ о свойствахъ судимаго преступленія во время заключительныхъ преній, а не послѣ утвержденія присяжными вопросовъ; обязанность, которую возлагаетъ законъ на предсѣдателя относительно объясненія присяжнымъ свойства разсматриваемаго преступленія, и притомъ при врученіи старшинѣ присяжныхъ вопроснаго листа; обязанность, возлагаемая на предсѣдателя, возстановлять предъ присяжными истинный разумъ закона въ случаѣ неправильнаго истол-

кованія его смысла сторонами, а также предоставленіе присяжнымъ права обращаться къ предсѣдателю съ просьбою, во всякомъ положеніи дѣла, разъяснить имъ признаки, коими опредѣляется судимое преступленіе по закону; отсутствіе въ законѣ положительнаго и категорическаго указанія на то, что присяжные засѣдатели суть только судьи факта, и неудовлетворительность, слабость тѣхъ доводовъ, которые приводятся въ защиту такого мнѣнія и которыми сопровождается объясненіе существующихъ узаконеній,—все это приводитъ къ непоколебимому убѣжденію, что цѣль законодателя, насколько выражалась она въ его постановленіяхъ, была предоставить присяжнымъ право субсумаціи, право подведенія фактическихъ обстоятельствъ дѣла подъ законные признаки, т. е. право разрѣшенія вопроса о винѣ подсудимаго во всей ея полнотѣ, о винѣ передъ закономъ. Если при-этомъ принять во вниманіе, что правительствующій сенатъ, провозгласивъ торжественно правило объ отдѣленіи вопросовъ факта отъ вопросовъ права, не указалъ до сихъ поръ какой-нибудь твердой разграничительной черты между признаками фактическими и правовыми, и, судя по установившемуся въ наукѣ мнѣнію, едва-ли онъ и въ состояніи будетъ указать когда-нибудь эту раздѣльную черту; что, провозгласивъ означенную теорію, правительствующій сенатъ самъ на каждомъ шагу допускаетъ отступленія отъ нея, дозволяя употребленіе въ вопросахъ законныхъ выраженій и даже терминовъ, чѣмъ подрываетъ въ основаніи поддерживаемую имъ теорію; что есть цѣлая категорія преступленій и ихъ признаковъ, которые не могутъ быть замѣнены частными конкретными обстоятельствами; что даже въ той категоріи преступныхъ дѣяній, гдѣ таковая замѣна возможна, приходится, въ силу необходимости, какъ призналъ это и правительствующій сенатъ, дѣлать постоянныя исключенія въ пользу законныхъ признаковъ, особенно при существованіи положительнаго требованія закона объ изложеніи вопросовъ по существеннымъ признакамъ преступленія; что, наконецъ, при полученіи, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вердикта присяжныхъ въ видѣ голыхъ фактовъ, при оцѣнкѣ ихъ часто невозможно оставаться на почвѣ исключительно признанныхъ фактовъ, а приходится принимать въ соображеніе и другіе, предполагая ихъ достовѣрными, т. е. вторгаться въ область, принадлежащую вѣдѣнію присяжныхъ; если, говоримъ, принять во вниманіе всѣ эти результаты, добытые нашею практикою въ теченіе девятилѣтняго примѣненія къ дѣлу провозглашенной правительствующимъ сенатомъ теоріи раздѣленія функцій

между присяжными и судьями, результаты, доказывающіе съ достаточною ясностью полную несостоятельность этой теоріи, то должно будетъ придти къ заключенію, что поддерживать въ будущемъ такую теорію, не опирающуюся на положительномъ смыслѣ нашего законодательства, едва-ли возможно на какихъ-либо раціональныхъ основаніяхъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

О содержаніи и формѣ вопросовъ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Вопросы о виновности.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

Содержаніе вопросовъ о виновности вообще.

Вопросы о виновности, по отношенію къ предмету обвиненія, раздѣляются на *главные* и *вспомогательные*. Главный вопросъ ставится, обыкновенно, по обвинительному акту и содержитъ въ себѣ вопросъ о виновности въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія. Вспомогательные вопросы, называемые также *условными* и *эвентуальными*, содержатъ въ себѣ иное какое-либо обвиненіе и ставятся на случай неутвержденія главнаго. Правила, относящіяся къ содержанію и формѣ вопросовъ о виновности, за немногими исключеніями, которыя будутъ разсмотрѣны нами въ слѣдующихъ главахъ, общи какъ для главнаго, такъ и для вспомогательныхъ вопросовъ. Изложеніе этихъ правилъ составляетъ предметъ настоящей главы.

Индивидуальная сторона дѣла. Такъ какъ обвиненіе должно быть опредѣленнымъ дѣяніемъ подсудимаго, то въ вопросѣ о виновности должны быть означены непремѣнно конкретные факты, необходимые для точной характеристики даннаго случая, такъ ска-

зать, для индивидуализированія дѣла. Предложеніе вопроса въ общей неопредѣленной формѣ, въ родѣ: «виновенъ ли подсудимый въ попустительствѣ убійства» (288/70), и осужденіе по такому вопросу, кромѣ того что оскорбляетъ общечеловѣческое чувство правды, не можетъ быть допущено и потому, что вопросъ, утвержденный присяжными или судомъ, служитъ основаніемъ судебнаго приговора, и потому долженъ содержать въ себѣ весь матеріалъ, всѣ тѣ данныя, которыми обусловливается примѣненіе наказанія и всѣ послѣдствія осужденія.

Согласно съ этимъ и правительствующій сенатъ призналъ (705/70), что «вопросы должны быть постановляемы о обнаруженному слѣдствіемъ опредѣленному событію или случаю а не въ видѣ отвлеченнаго понятія, опредѣляемаго закономъ».

Къ фактамъ, необходимымъ для спеціализированія даннаго обвиненія, относятся: обозначеніе въ вопросѣ званія, имени, отчества фамиліи или прозвища подсудимаго, лѣтъ его, времени и мѣста совершенія преступнаго дѣянія и, наконецъ, объекта преступленія. Кромѣ того, иногда необходимо обозначать отношенія между подсудимымъ и жертвою преступленія, если эти отношенія вызываютъ примѣненіе особыхъ постановленій закона. Правительствующій сенатъ призналъ (371/72), что обозначеніе въ вопросѣ званія, имени и отчества подсудимаго безъ означенія его фамиліи, не есть существенное нарушеніе, если 1) по дѣлу былъ всего одинъ подсудимый и 2) фамилія его была означена въ заглавіи вопроснаго листа и въ дополнительномъ о подсудимомъ вопросѣ, связанномъ съ главнымъ вопросомъ условно. Относительно обозначенія въ вопросѣ времени событія преступленія сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Власова и др. (1665/72) разъяснилъ, что «правильность означенія судомъ времени событія преступленія въ вопросѣ, предложенномъ присяжнымъ засѣдателямъ, противъ котораго стороны возраженій не представили, не можетъ быть повѣрена въ кассаціонномъ порядкѣ, и хотя бы время совершенія кражи было ошибочно указано въ вопросѣ, то и при этомъ условіи кассаціонному суду не представляется никакихъ уважительныхъ основаній къ заключенію, чтобы присяжные засѣдатели были поставлены этимъ обстоятельствомъ въ какое-либо существенное недоумѣніе при обсужденіи вины подсудимаго». Относительно возраста подсудимаго, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что когда возрастъ можетъ имѣть вліяніе на наказаніе подсудимаго, несогласіе въ указаніи возраста въ вопросахъ присяжнымъ съ имѣющимися въ дѣлѣ до-

кументами ($^{5}/_{73}$), или совершенное необозначеніе таковаго въ приговорѣ суда, при тѣхъ же условіяхъ, составляетъ существенное нарушеніе 788 ст. устава ($^{1437}/_{72}$).

Существенные признаки преступленія и виновности. Кромѣ индивидуальной стороны дѣла, вопросъ о виновности, по силѣ 760 ст. уст. уг. суд., долженъ обнимать существенные признаки преступленія и виновности подсудимаго. Онъ долженъ быть постановленъ по признакамъ такого преступленія, которое предусмотрѣно одною изъ статей уложенія ($^{260}/_{70}$, $^{295}/_{70}$). Въ вопросѣ о виновности подсудимаго должны быть упомянуты всѣ тѣ дѣянія, которыя составляютъ признаки преступленія и изъ совокупности которыхъ слагается законное понятіе преступленія ($^{777}/_{69}$). Отъ редакціи вопросовъ въ этомъ отношеніи требуется безусловная полнота и опредѣленность. Вопросы, говоритъ сенатъ, должны быть составлены съ такою ясностью и опредѣленностью, чтобы отвѣтами на нихъ могла быть положительно указана степень виновности подсудимаго, опредѣленіе которой законъ предоставляетъ присяжнымъ засѣдателямъ ($^{87}/_{68}$, $^{475}/_{70}$). Вопросы, предлагаемые присяжнымъ, должны быть составлены въ такой формѣ, чтобы они представляли возможность разрѣшить опредѣлительно и точно, что было совершено подсудимымъ, такъ чтобы приговоръ суда могъ быть основанъ на тѣхъ именно фактахъ, которые признаны присяжными, безъ всякаго дополненія, распространенія или толкованія самаго суда во всемъ томъ, что относится до фактической стороны дѣла ($^{1260}/_{72}$, $^{831}/_{69}$, $^{87}/_{68}$).

Помѣщеніе въ вопросахъ всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія обязательно и *для суда безъ присяжныхъ*. Сенатъ мотивируетъ это требованіе ($^{764}/_{70}$, $^{871}/_{69}$, кромѣ ссылки на 751, 754 и 760 ст. уст., еще тѣмъ, что такъ какъ 762 ст. предоставляетъ сторонамъ возражать противъ постановленныхъ судомъ вопросовъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что при постановкѣ вопросовъ съ упущеніемъ существеннаго признака подсудимый лишается возможности сдѣлать замѣчаніе относительно этого признака, что для него было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы въ вопросѣ было упомянуто это существенное условіе преступленія. Хотя вышеупомянутыя статьи закона (751 и др.), продолжаетъ сенатъ, помѣщены въ раздѣлѣ о порядкѣ производства дѣлъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, но онѣ обязательны въ равной мѣрѣ и для дѣлъ, производящихся безъ участія присяжныхъ, такъ какъ правильность постановки вопросовъ и право

сторонъ представлять противъ нихъ возраженія принадлежатъ къ числу существеннѣйшихъ условій, ограждающихъ правильность приговора. Въ дѣлахъ, подлежащихъ разрѣшенію безъ участія присяжныхъ засѣдателей, говоритъ сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Петрова (15 февраля 1874 г. С. В. $^{114}/_{73}$), судебныя мѣста должны въ точности соблюдать правила, выраженныя въ 751 ст. и слѣдующихъ статьяхъ уст. уг. суд., т. е излагать въ вопросахъ всѣ тѣ факты, которые входятъ въ составъ обвиненія, а въ приговорахъ своихъ не выходить изъ предѣловъ вопроса, причемъ всякое отступленіе отъ этого, т. е. обвиненіе подсуднмаго въ такихъ дѣяніяхъ, которыя не указаны въ вопросѣ, признается существеннымъ нарушеніемъ 762 ст. уст.

Но отъ общаго правила о включеніи въ вопросъ всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія сенатъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ допускаетъ *отступленія*. Такъ онъ не подвергалъ приговоры кассаціи:

а) когда изъ обстоятельствъ дѣла не представляется основанія предполагать, что присяжные не признали существованіе опущеннаго въ вопросѣ признака, ибо признакъ этотъ вытекаетъ изъ существа обвинительнаго акта (корыстная цѣль, при обвиненіи въ уничтоженіи росписки ($^{751}/_{71}$).

б) когда сторона не возражала противъ редакціи вопроса и когда предсѣдателемъ объяснены присяжнымъ значеніе и сила помѣщеннаго въ вопросѣ признака. («Завѣдомо», при обвиненіи въ укрывательствѣ ($^{178}/_{68}$).

в) когда отсутствіе опущеннаго въ вопросѣ признака не представляется вѣроятнымъ, по обстоятельствамъ дѣла, и когда признакъ этотъ можетъ быть выведенъ изъ толкованія смысла другихъ выраженій, утвержденныхъ присяжными. По дѣлу крестьянки Коюды (^{79} 70) сенатъ нашелъ, что хотя въ вопросѣ и не упоминается о поджогѣ «съ умысломъ», но такъ какъ подсудимая признана виновною въ совершеніи поджога не въ припадкѣ умопомѣшательства или безпамятства, то и не можетъ быть признано, чтобы сарай былъ зажженъ ею случайно, безъ умысла, тѣмъ болѣе, что подъ словомъ «поджогъ» всегда подразумѣвается пожаръ, сдѣланный съ корыстною цѣлью. Въ рѣшеніяхъ $^{43}/_{69}$ $^{178}/_{68}$ и др. сенатъ нашелъ, что при постановкѣ вопроса о виновности по 1643 ст. улож. употребленіе одного только выраженія «отнятіе», какъ вполнѣ обнимающаго собою понятіе о грабежѣ втораго рода, безъ указанія на другіе существенные признаки этого преступленія, не можетъ служить

основаніемъ отмѣны приговора, если только другими, сопровождавшими дѣло, обстоятельствами не возбуждается сомнѣніе въ виновности подсудимаго въ самоуправствѣ.

г) когда признакъ, опущенный въ вопросѣ, по которому подсудимый признанъ виновнымъ, содержится въ дополнительномъ вопросѣ и слѣдовательно онъ былъ въ виду присяжныхъ засѣдателей ($^{673}/_{68}$).

д) когда подсудимый подвергнутъ наказанію по совокупности преступленій и на опредѣленное ему наказаніе не имѣло вліянія признаніе его виновнымъ по вопросу, въ которомъ существенный признакъ опущенъ. О волостномъ писарѣ Щегловѣ ($^{490}/_{70}$) второй вопросъ былъ поставленъ съ опущеніемъ фактическаго признака: «за составленіе приговора общества», или законнаго: «по дѣйствію, относящемуся къ обязанностямъ службы». Сенатъ не кассировалъ приговора за признаніемъ Щеглова виновнымъ, сверхъ того, по ст. 362 улож.

Всѣ вышеприведенныя соображенія сената, по коимъ онъ не подвергалъ кассаціи приговоровъ судовъ, какъ видно, чисто практическаго свойства и вызваны желаніемъ избѣгнуть вторичнаго производства дѣла, при очевидной наличности по дѣлу признака, опущеннаго въ вопросѣ. Но какъ бы то ни было, толкованія вопросовъ, подобныя вышеприведеннымъ, противорѣчатъ тому основному положенію, принятому сенатомъ, что судъ не долженъ входить въ обсужденіе обстоятельствъ дѣла, не помѣщенныхъ въ вопросахъ присяжнымъ и относящихся до такихъ предметовъ, которые могли быть разрѣшены только присяжными ($^{500}/_{67}$); что обстоятельство, опущенное въ вопросахъ присяжнымъ, не можетъ быть принято судомъ во вниманіе при постановленіи приговора ($^{88}/_{66}$); что всякое сомнѣніе должно быть толкуемо въ пользу подсудимаго ($^{13}/_{67}$, $^{317}/_{69}$, $^{325}/_{69}$, $^{113}/_{70}$ и др.), и что приговоръ суда долженъ быть основанъ на точномъ и положительномъ смыслѣ рѣшенія присяжныхъ, безъ всякаго дополненія, распространенія или ограниченія этого рѣшенія ($^{87}/_{68}$, $^{831}/_{69}$, $^{1260}/_{72}$).

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Форма вопросовъ о виновности вообще.

А) Замѣна правовыхъ понятій конкретными обстоятельствами и общеупотребительными выраженіями.

Правительствующій сенатъ, согласно общему своему взгляду на присяжныхъ, какъ на судей факта, требуетъ, чтобы и въ вопросахъ, предлагаемыхъ на ихъ разрѣшеніе, излагались исключительно фактическія обстоятельства. Въ вопросахъ о виновности, говоритъ онъ, слѣдуетъ ограничиться лишь изложеніемъ тѣхъ фактовъ которые послужили основаніемъ къ преслѣдованію подсудимаго и которые выяснились на судѣ ($^{1621}/_{71}$). Вопросы, предлагаемые присяжнымъ, должны быть составляемы въ такой формѣ, чтобы они представляли возможность разрѣшить опредѣлительно и точно, что было совершено подсудимымъ ($^{1260}/_{72}$). Въ вопросахъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ, должно быть изложено, съ надлежащею полнотою, все то, что касается въ чемъ-либо фактической стороны дѣла ($^{831}/_{69}$, $^{87}/_{72}$, $^{305}/_{69}$, $^{330}/_{72}$, $^{1447}/_{72}$).

Постановку вопросовъ по фактическимъ признакамъ правительствующій сенатъ признаетъ обязательною и *для суда безъ присяжныхъ*. Такъ, сенатъ признаетъ неправильною постановку вопроса въ общихъ юридическихъ терминахъ, напр. «виновенъ ли подсудимый въ попустительствѣ убійства» ($^{288}/_{70}$) или: «виновенъ ли подсудимый Мехтій Ширинъ оглы въ разбоѣ, учиненномъ составившеюся для того шайкою, т. е. въ разбойническомъ нападеніи: а) на двухъ татаръ и б) на сотника Голиховскаго» ($^{441}/_{70}$). Впрочемъ, не признается поводомъ къ отмѣнѣ приговора постановка вопросовъ въ юридическихъ терминахъ, когда фактическіе признаки преступленія, соотвѣтствующіе юридическому ихъ изложенію въ вопросахъ, подробно изложены въ самомъ приговорѣ, вслѣдствіе чего представляется для кассаціоннаго суда возможность провѣрить правильность приговора относительно опредѣленія свойства преступленія и примѣненія къ нему законовъ ($^{1524}/_{70}$).

Замѣна правовыхъ понятій конкретными фактами, какъ мы уже видѣли, возможна далеко не всегда; во многихъ случаяхъ, при существованіи требованія закона о постановленіи вопросовъ по существеннымъ признакамъ преступленія, приходится помѣщать въ вопросахъ или законныя выраженія, если они представляются обще-

употребительными, или же въ противномъ случаѣ замѣнять ихъ другими, общедоступными. Правительствующій сенатъ, настаивая постоянно на замѣнѣ юридическихъ терминовъ фактическими обстоятельствами, не коснулся вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли эти термины замѣнять другими выраженіями, однозначущими, и въ удобопонятной формѣ. Не касаясь этого вопроса, сенатъ не преподалъ общаго правила о томъ, какіе изъ законныхъ терминовъ слѣдуетъ считать неудобопонятными и подлежащими замѣнѣ, ограничиваясь въ каждомъ данномъ случаѣ только признаніемъ, что извѣстное выраженіе закона есть юридическое, а другое общеупотребительное. Такимъ образомъ, сенатъ признаетъ *необщеупотребительными* слѣдующіе термины и выраженія: *покушеніе* (74/67, 31/67), *приготовленіе* (216/70), *растрата* (379/69), *ложный донос*ъ (22/68), *присвоилъ* (1708/71), *подлогъ* (1328/70), *грабежъ* (1253/71), *превышеніе власти*, *лихоимство* (47/68), *принудить* (ст. 200 улож. 642/72), *истязанія* [534/71 [1])], *взломъ* (367/70, 1720/71), *намѣреніе* (198/70, 560/70), *обманъ* (388/68), *вмѣненіе* (1414/72), *существныя дѣйствія* (1147/72), *противодѣйствіе власти* (807/71), *въ случаяхъ особенно важныхъ* (при обвиненіи по 341 ст. улож. 1123/72), *ложное показаніе* [354/70 [2])], *подложно ли духовное завѣщаніе* (1274/70), *изъ корыстныхъ или иныхъ видовъ* (487/70), *въ первой степени свойства* (390/71), *оказалъ помощь и устранялъ препятствія* (367/70), *механическимъ способомъ* (11 іюня 1873 г. Кочетковыхъ. Указ.).

Изъ воспрещенныхъ къ употребленію въ вопросахъ терминовъ сенатъ далъ разъясненіе относительно слова «растратилъ», предписавъ замѣнять его выраженіями: «израсходовалъ», «издержалъ на свои надобности» и т. п. (379/69). Кромѣ того, сенатъ допустилъ замѣну законнаго выраженія: «открыто похитилъ» (ст. 1643 улож.) словомъ «отнялъ» (43/69, 178/68 и др.). Затѣмъ практика допускаетъ слѣдующія замѣны: вмѣсто *кража* — «тайное похищеніе»; вмѣсто *шайка* – «по предварительному уговору съ другими лицами заниматься сообща воровствомъ» (613/69), «заниматься сообща кражами» (1305/70), *съ умысломъ*—«желая этого» (608/70), *завѣдомо* —«зная», *съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія* — «сознавая, что дѣлаетъ» (1202/72).

Общеупотребительными признаны сенатомъ слѣдующія закон-

---

[1]) Сенатъ признаетъ до нѣкоторой степени юридическимъ терминомъ.

[2]) Но въ рѣшеніи по дѣлу Цукермана (15/73) выраженіе: «ложное подъ присягою показаніе на судѣ» признано вполнѣ общеупотребительнымъ.

ныя выраженія: въ начавшейся безъ всякаго намѣренія на убійство дракѣ нанесъ смерть (839/70), безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости и раздраженіи, но однако не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія, нанесъ тяжкую рану (1165/71), въ умышленномъ нанесеніи тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности побоевъ (562/69), безъ умысла на убійство намѣренно причинилъ такіе побои, отъ которыхъ послѣдовала смерть (329/68), было употреблено насиліе, которое не подвергало опасности ни жизнь, ни здоровье ограбленнаго (213/70), шайка (344/67), поврежденіе (533/67), насильно (958/69), оскорбительный (502/68), ярлыкъ (вмѣсто знакъ, по ст. 1354 улож. 329/71), сдѣлалъ употребленіе для какихъ-либо видовъ (859/68), близкое сосѣдство (въ ст. 1609, 19 мая 1873 г. Доброва), былъ лицомъ, которому имущество церковное ввѣрялось на храненіе (528/69), настоящія дѣйствія представляли явную опасность для жизни, или здоровья, или свободы (944/70), порицаніе (въ прест., предусм. 178 ст. уложенія, 822/72); зналъ о намѣреніи совершить кражу, давалъ у себя пріютъ лицамъ, задумавшимъ совершить эту кражу, а по совершеніи ея способствовалъ скрыть похищенное (470/71); не имѣя никакого участія въ похищеніи, заѣдомо участвовалъ въ сокрытіи слѣдовъ онаго передачею и продажею (товара) (247/68), руководилъ дѣйствіями другихъ (695/68), было ли пособничество необходимо (138/70, 470/71), не учинилъ преступленія единственно по совершенному отъ случайной ошибки или вслѣдствіе происшедшаго обмана невѣдѣнію тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ дѣяніе обратилось въ противозаконное (22/68), доказано ли (932/71), ложное подъ присягой показаніе на судѣ (45/73).

Вообще относительно употребленія въ вопросахъ законныхъ выраженій правительствующій сенатъ, въ видѣ общаго правила, высказалъ, что «ст. 760 уст. не воспрещаетъ помѣщать въ вопросахъ такія выраженія, которыя хотя и заключаются въ подлежащихъ статьяхъ закона, но не составляютъ какихъ-либо юридическихъ терминовъ и представляются для всѣхъ удобопонятными» (859/68, 45/73). Хотя въ ст. 760 уст., говоритъ сенатъ въ другомъ рѣшеніи (829/70), и сказано, что въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы составляются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, но изъ этого нельзя выводить запрещеніе употреблять выраженія, упоминаемыя въ законѣ, когда они заключаютъ въ себѣ термины для всѣхъ понятные; такъ какъ цѣль вышеприведеннаго закона, конечно, та, чтобы не могли быть

предложены присяжнымъ засѣдателямъ вопросы, смысла которыхъ они не созпавали бы».

Практика нашихъ судовъ, исходя изъ той мысли, что всѣ вообще правовыя понятія недоступны пониманію представителей нашего общества на судѣ присяжныхъ засѣдателей (причемъ оставляется безъ вниманія установленное закономъ и обязательное для предсѣдателя объясненіе ихъ присяжнымъ), поставляетъ себѣ задачей избѣгать во что бы то ни стало употребленія такихъ понятій въ вопросахъ. Отсюда являются попытки считать неудобопонятными чуть-ли не всѣ слова и выраженія, которыя содержатся въ уложеніи о наказаніяхъ. Такой невѣрный взглядъ неминуемо приводитъ и къ невѣрнымъ послѣдствіямъ. Существуютъ, какъ извѣстно, два общераспространенныхъ способа замѣны прямой рѣчи: употребленіе синонимовъ и перифразъ. Замѣна правовыхъ понятій посредствомъ этихъ двухъ способовъ, нетолько въ виду требованія закона спрашивать присяжныхъ языкомъ общедоступнымъ, но и вообще для пользы дѣла представляется во многихъ случаяхъ необходимою, тѣмъ болѣе, что при такой замѣнѣ юридическихъ выраженій сущность дѣла не измѣняется и присяжнымъ предоставляется разрѣшеніе всего вопроса о виновности. Но пользоваться означенными способами необходимо только при крайней въ томъ нуждѣ, иначе можно придти совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, которые имѣются въ виду. Наука о языкѣ признаетъ общимъ правиломъ, что въ нынѣшнемъ состояніи языка приличнымъ именемъ для каждаго предмета можетъ быть признано только одно имя въ каждомъ языкѣ. Отсюда прямой выводъ, что замѣна однихъ словъ другими, синонимическими, или совершенно невозможна, или же должна быть совершаема съ большою осторожностью. Тоже должно сказать и относительно перифразъ. Выясненіе содержанія понятій, опредѣленіе ихъ и притомъ правильное, такое, которое включало бы въ себѣ всѣ существенные признаки понятія, дѣло достаточно трудное; притомъ, когда принимаются замѣнять перифразами слова всѣмъ извѣстныя, или такія, значеніе которыхъ съ большимъ удобствомъ можетъ быть объяснено въ словесной рѣчи—дѣло безполезное. Между тѣмъ, въ нашей судебной практикѣ мы встрѣчаемъ нѣчто подобное. Укажемъ два-три примѣра. Въ Харьковскомъ окружномъ судѣ по дѣлу Пастушника ($^{1246}/_{71}$) прокуроръ требовалъ замѣны слова «подкопъ» (подъ кладовую), за неимѣніемъ, конечно,

подходящаго фактическаго признака, выраженіемъ: «былъ прорытъ проходъ въ землѣ» (подъ кладовую), каковое требованіе и было уважено судомъ. Но каждый можетъ видѣть, что замѣна эта и неудачна, и безполезна. Между «подкопомъ» и «проходомъ въ землѣ», строго говоря, такая же разница, какъ между проломомъ въ стѣнѣ и коридоромъ въ домѣ; еслибы рѣчь шла о подкопѣ подъ крѣпость, то противъ подобной замѣны возражать не стоило бы; но когда дѣло идетъ о подкопѣ подъ кладовую, т. е. о такомъ отверстіи, въ которое можно было только пролѣзть, а не пройти, то замѣна является странною. Притомъ замѣна эта, въ виду того, что значеніе слова подкопъ извѣстно каждому русскому человѣку, и безполезна: во всякомъ случаѣ, присяжнымъ никогда не понять, что слово подкопъ замѣнено означеннымъ «общеупотребительнымъ» выраженіемъ собственно для облегченія ихъ пониманія. Почему слово подкопъ причислено къ неудобопонятнымъ юридическимъ терминамъ, трудно сказать, и можно думать, что только потому, что оно помѣщено въ 1647 ст. улож. Въ судебномъ засѣданіи по дѣлу Петровой и Малковой ($^{1057}/_{71}$) товарищъ прокурора Бѣлозерскаго окружнаго суда домогался замѣны въ вопросѣ выраженія: «доказано ли», другимъ: «дѣйствительно ли», считая первое юридическимъ, а послѣднее—общеупотребительнымъ. Судъ отказалъ въ такой замѣнѣ, и товарищъ прокурора жаловался на это сенату, который, съ своей стороны, призналъ, что выраженіе «доказано ли» нельзя считать юридическимъ. Такимъ образомъ выходитъ, что понятіе объ общеупотребительности выраженія или слова — вещь слишкомъ относительная. По общему мнѣнію, степень общеупотребительности того или другаго выраженія или слова пропорціональна степени ихъ распространенности въ народѣ. Поэтому, выраженіе: «доказано», какъ употребляющееся въ народныхъ пословицахъ [1]), должно имѣть предпочтеніе предъ словомъ «дѣйствительно», не получившимъ такого права гражданства въ народномъ языкѣ. По дѣлу Бѣляева ($^{1202}/_{72}$), товарищъ прокурора находилъ, что слово «ссора» (ст 1485 улож.) *необщепонятно*, но какимъ другимъ словомъ общепонятнымъ слѣдуетъ замѣнить его не сказалъ, по всей вѣроятности, потому, что подыскать такое слово оказалось невозможнымъ. Этою именно невозможностью замѣны правовыхъ понятій какими-либо другими, при общераспространенномъ мнѣніи о неудобо-

---

[1]) «Легко сказать, да не легко *доказать*». Толковый словарь Даля, т. 1, стр. 405.

понятности законныхъ выраженій для присяжныхъ и при игнорированіи правила, установленнаго въ 1 п. 801 ст. уст. уг. суд., долженъ быть объяснепъ одинъ очень распространенный способъ избѣгать юридическихъ выраженій, это совершенное исключеніе ихъ изъ вопросовъ, хотя эти выраженія составляютъ существенные признаки преступленія, включать которые въ вопросы обязательно по ст. 760 уст. уг. суд. На этомъ, по всей вѣроятности, основаніи опускаются, напр. слѣдующія выраженія: «съ умысломъ» (при обвиненіи въ поджогѣ $^{79}/_{70}$), «съ корыстною цѣлью» ($^{751}/_{71}$), «завѣдомо» (при обвиненіи въ укрывательствѣ $^{673}/_{68}$); на томъ же основаніи опускаются слѣдующіе существенные признаки преступленія: что росписка подложная «могла служить доказательствомъ права на имущество» ($^{66}/_{68}$, $^{282}/_{70}$), что побои (при обвиненіи въ разбоѣ) подвергали жизнь опасности ($^{158}/_{69}$) и т. п. Что же касается законнаго признака грабежа «съ цѣлью похищенія», то его должно признать совершенно исчезнувшимъ изъ вопросовъ. Обыкновенно спрашиваютъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что подбѣжавъ къ отставному рядовому Мельникову, выхватилъ у него изъ рукъ бумажникъ съ деньгами ($^{515}/_{70}$); виновенъ ли Иваковъ въ томъ, что днемъ на улицѣ, взявъ Судакова за плечо, заставилъ его отдать бывшія у него деньги Маркова ($^{570}/_{70}$); виновенъ ли Повѣткинъ ($^{1194}/_{71}$) въ томъ, что войдя въ шинокъ Фейнберга, потушилъ свѣчу и, выхвативъ изъ рукъ жены его 25 рублей, убѣжалъ? и т. п. Отсюда, по вопросамъ, утвержденнымъ присяжными, вмѣсто грабежа, выходитъ въ дѣяніи подсудимыхъ какое-то буйство, хотя оно и признается за грабежъ ($^{673}/_{68}$, $^{73}/_{68}$, $^{536}/_{69}$, $^{1418}/_{70}$ и др.). Все это приводитъ къ тому заключенію, что преподаніе руководящихъ правилъ относительно того, какъ должно поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда частныхъ конкретныхъ обстоятельствъ для замѣны правовыхъ понятій (если только требованіе о помѣщеніи въ вопросахъ конкретныхъ обстоятельствъ будетъ удержано и на будущее время) подыскать невозможно, было бы крайне полезно.

Б) Соединеніе и раздѣленіе вопросовъ.

По ст. 756 уст. уг. суд. «не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно».

Здѣсь мы разсмотримъ рѣшенія правительствующаго сената,

разъясняющія: а) какіе признаки и обстоятельства должны быть соединяемы въ одномъ вопросѣ; б) въ какихъ случаяхъ вопросы должны быть раздѣлены и соединеніе ихъ не дозволяется, и в) допускается ли постановка альтернативныхъ вопросовъ.

1) *Соединеніе существенныхъ признаковъ преступленія въ одномъ вопросѣ.*—По вопросу, должны ли быть существенные признаки преступленія соединены въ одномъ вопросѣ о виновности, или же могутъ быть раздробляемы на нѣсколько вопросовъ, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что главный вопросъ о виновности подсудимаго долженъ быть, по смыслу 754 и 755 ст. уст., поставленъ по всѣмъ признакамъ того преступленія, въ коемъ подсудимый обвиняется обвинительнымъ актомъ (307/68); что соединеніе всѣхъ составныхъ частей, изъ коихъ слагается понятіе о преступленіи, составляющемъ предметъ обвиненія въ одинъ общій вопросъ требуется закономъ (536/69); что обстоятельства, составляющія признаки даннаго преступленія, соединяются въ одинъ вопросъ (1192/70); что въ вопросъ о виновности включаются всѣ обстоятельства, входящія въ составъ преступнаго дѣянія (562/72); что отдѣленіе въ особый вопросъ одного изъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ законнаго понятія преступленія, противорѣчитъ 754 и 760 ст. (367/69), и что выдѣленіе одного изъ существенныхъ признаковъ преступленія въ особый вопросъ, на основаніи 751 и 754 ст. уст., не допускается (595/71). Мнѣніе свое о соединеніи въ одинъ общій вопросъ всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія сенатъ основываетъ, кромѣ ссылки на 751, 754, 755 и 760 ст. устава, еще на томъ соображеніи, что присяжные могутъ отвергнуть одинъ изъ признаковъ преступленія, на основаніи 812 ст. уст., если найдутъ это нужнымъ, и что дробность вопросовъ ведетъ нерѣдко къ сбивчивости и противорѣчіямъ (230/67). Въ разъясненіе высказаннаго положенія приведемъ нѣсколько примѣровъ. По дѣлу Ванина (1091/69) защитникъ просилъ судъ о постановкѣ двухъ отдѣльныхъ вопросовъ о томъ: а) были ли нанесены Ваниным Харланову побои тяжкіе и б) подвергали ли они жизнь Харланова опасности? Сенатъ нашелъ, что еслибы нанесеніе съ умысломъ тяжкихъ побоевъ законъ считалъ самостоятельнымъ или главнымъ преступленіемъ, а происшедшую отъ этого опасность для жизни потерпѣвшаго лица лишь особо увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, помѣстивъ его или въ той же статьѣ закона, но отдѣльно отъ главнаго опредѣленія преступленія, или въ особой статьѣ, тогда, конечно, требованіе

защитника подсудимаго имѣло бы основаніе. Но Ванинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1489 ст. улож., въ которой обстоятельство опасности для жизни потерпѣвшаго побои не составляютъ лишь обстоятельства особо-увеличивающаго вину, а входитъ въ существенные признаки, въ составную часть самаго преступленія, а потому и должно быть помѣщено въ главномъ, а отнюдь не въ дополнительномъ вопросѣ. По дѣлу Григорьева ($^{859}/_{63}$), обвинявшагося по ст. 294 улож., вопросы между прочимъ были слѣдующіе: 1) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что просьбами, убѣжденіями и обѣщаніями выгодъ склонилъ другое лице составить подложное отъ имени Богородицкаго уѣзднаго полицейскаго управленія свидѣтельство и 2) если Григорьевъ виновенъ, то сдѣлалъ ли онъ изъ означеннаго свидѣтельства употребленіе для какихъ-либо видовъ? Сенатъ нашелъ, что эти вопросы слѣдовало соединить. По дѣлу Хотева ($^{954}/_{68}$), вопросъ былъ слѣдующій: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что составилъ и предъявилъ къ брачному обыску Лопатина, для сокрытія препятствій къ браку, подложное свидѣтельство со стороны невѣсты, на которомъ росписался за квартальнаго надзирателя Покровскаго и приложилъ къ свидѣтельству печать того-же квартальнаго надзирателя? Защитникъ просилъ раздѣлить вопросъ и постановить отдѣльно: были ли документы представлены для устраненія препятствій къ совершенію брачнаго союза? Сенатъ нашелъ требованіе защитника неправильнымъ, потому что, на основаніи 755 ст., главный вопросъ долженъ обнимать преступное дѣяніе, составляющее предметъ обвиненія. О подсудимомъ Мануковскомъ ($^{430}/_{70}$), были предложены слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 8 іюня 1869 года въ домѣ своемъ, будучи въ раздраженномъ состояніи, нанесъ палкою крестьянкѣ Елизаветѣ Мануковской рану въ голову, хотя и не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій своего поступка и 2) если виновенъ, то была ли эта рана тяжкая или легкая? Защитникъ просилъ раздѣлить первый вопросъ, основывая свое требованіе на томъ, что въ этомъ вопросѣ соединены два понятія, а именно: нанесъ ли подсудимый рану и если нанесъ, то случайно или съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія. Судъ въ требованіи этомъ отказалъ. Сенатъ нашелъ постановку вопроса по признакамъ преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый, правильною. По дѣлу Шишкова и Гребенникова ($^{454}/_{70}$), обвинявшихся въ разбоѣ, защита просила о раздробленіи падавшаго на подсудимыхъ обвиненія въ разбоѣ на составныя части,

т. е. на похищеніе и причиненіе насильственныхъ дѣйствій. Сенатъ нашелъ, что подобное ходатайство ни въ какомъ случаѣ не могло быть уважено, ибо хотя разбой въ сущности и состоитъ изъ указанныхъ двухъ элементовъ (похищенія и насилія), но нашимъ законодательствомъ признается самостоятельнымъ и однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, всѣ виды коего влекутъ за собою каторжную работу, тогда какъ за совокупность простой кражи (1655 ст. уложенія) и причиненія насильственныхъ по 1464 ст. дѣйствій, случайнымъ послѣдствіемъ коихъ была смерть, виновные подлежали бы наказанію по 4 степ. 31 ст. улож., каковой результатъ, очевидно, не соотвѣтствовалъ бы обстоятельствамъ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ составлялъ бы прямой и явный обходъ закона.

Согласно положенію, высказанному въ вышеприведенныхъ рѣшеніяхъ, сенатъ находитъ правильнымъ соединеніе въ одномъ вопросѣ различныхъ фактическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ выражаются признаки преступленія. По дѣлу Кудимова, Самойлова и др. ($^{3}/_{72}$) о Самойловѣ былъ постановленъ вопросъ: «не виновенъ ли подсудимый въ томъ, что указалъ мѣщанину Ивану Корнѣеву на Кудимова и Безпалова, отъ которыхъ можно было получить фальшивые билеты, и затѣмъ вмѣстѣ съ означенными лицами отправился въ питейное заведеніе Корнѣева для сбыта фальшивыхъ билетовъ? Сенатъ разъяснилъ, что онъ «не усматриваетъ въ такой постановкѣ вопроса нарушенія 756 ст. уст., ибо два слѣдовавшія одно за другимъ дѣянія подсудимаго, выраженныя въ этомъ вопросѣ, относились къ одному и тому же предмету обвиненія и не заключали въ себѣ одного изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя особо увеличивали или уменьшали степень виновности и о которыхъ долженъ быть постановленъ особый, независимо отъ главнаго, дополнительный вопросъ». Тоже высказано въ рѣшеніи ($^{359}/_{70}$).

Но, высказывая въ большинствѣ рѣшеній и притомъ категорически общее положеніе о соединеніи въ одномъ вопросѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія, правительствующій сенатъ въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ отступилъ отъ этого взгляда. Такъ, въ одномъ изъ рѣшеній ($^{859}/_{68}$) онъ признаетъ, что выдѣленіе какого-либо существеннаго признака преступленія въ особый вопросъ не воспрещено закономъ, а въ другомъ ($^{538}/_{71}$) находитъ, что раздробленіе такихъ признаковъ въ особые вопросы зависитъ отъ усмотрѣнія суда, рѣшающаго дѣла по существу.

2) *Случаи, въ которыхъ вопросы должны быть раздѣлены.*—

Вопросы должны быть раздѣлены и соединеніе ихъ въ одинъ общій вопросъ составляетъ нарушеніе 756 ст. устава:

1) *Когда соединяются два преступныхъ дѣянія, совершенныхъ неодновременно и противъ разныхъ лицъ, или когда соединяются признаки, относящіеся къ двумъ различнымъ обвиненіямъ.* Крестьянинъ Прокофьевъ (¹/₆₈) былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что вмѣстѣ съ тремя неизвѣстными лицами на дорогѣ, идущей отъ Югскаго монастыря къ Мологѣ, совершилъ надъ крестьянами Павломъ Карповымъ и Дмитріемъ Полковниковымъ грабежъ, опредѣленный въ 1643 ст. улож., учинивъ это преступленіе въ два пріема, при встрѣчѣ означенныхъ крестьянъ порознь. Подсудимый въ кассаціонной жалобѣ указывалъ на то, что судъ неправильно отказалъ ему и прокурору въ соединеніи въ одинъ вопросъ обвиненій по ограбленію означенныхъ крестьянъ. Сенатъ нашелъ: «подсудимый Прокофьевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ двухъ преступныхъ дѣяніяхъ, учиненныхъ неодновременно и противъ разныхъ лицъ, почему домогательство сторонъ о постановленіи по обоимъ этимъ дѣяніямъ одного вопроса не имѣло никакого основанія и судъ, отказавъ въ этомъ домогательствѣ, поступилъ по точному разуму закона, предписывающаго постановлять вопросы о каждомъ преступномъ дѣяніи (ст. 755) и воспрещающаго соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно (ст. 756 уст.)». По дѣлу Низяева (¹⁹⁸/₇₀) окружный судъ предложилъ одинъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что будучи, какъ отецъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей, обязанъ имѣть попеченіе о нихъ и доставлять имъ пропитаніе, съ намѣреніемъ оставлялъ ихъ безъ призрѣнія и пищи, а семилѣтняго сына своего Петра оставилъ безъ пищи запертымъ болѣе сутокъ, въ нетопленной избѣ, чѣмъ подвергъ самую жизнь его опасности»? Сенатъ нашелъ, что окружный судъ, вопреки 756 ст. уст., предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ только одинъ вопросъ, тогда какъ Низяевъ обвинялся въ двухъ различныхъ дѣяніяхъ, а именно: во 1-хъ, въ оставленіи своихъ малолѣтнихъ дѣтей безъ призрѣнія и пищи и во 2-хъ, въ томъ, что оставилъ безъ пищи запертымъ болѣе сутокъ въ нетопленной избѣ семилѣтняго сына своего Петра, чѣмъ подвергъ опасности его жизнь. О подсудимомъ Трунинѣ (⁸³¹/₆₉) былъ постановленъ слѣдующій вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что отдалъ свой домъ завѣдомо въ наемъ для лицъ, занимающихся поддѣлкою государственныхъ билетовъ, самъ доставлялъ крестья-

нину Козлову припасы и средства для таковой поддѣлки? Сенатъ нашелъ, что «въ этомъ вопросѣ, вопреки требованію 756 ст. уст., соединены два отдѣльныхъ вопроса, на которые присяжные могли дать различные отвѣты». О Пряшниковѣ ($^{473}/_{70}$) былъ предложенъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, а) что подговорилъ Ритриха подписаться именемъ Муханова на описи облигаціямъ Дорофѣева и б) въ томъ, что самъ или чрезъ другое лицо вытравилъ именныя подписи на облигаціяхъ городскаго общества, выданныхъ на имя Дорофѣева»? Правительствующій сенатъ нашелъ, что «постановка этого вопроса не можетъ быть признана вполнѣ правильною, такъ какъ вошедшія въ составъ вопроса обстоятельства относятся къ двумъ различнымъ обвиненіямъ противъ подсудимаго и каждое изъ нихъ могло быть разрѣшено различнымъ образомъ». По дѣлу Кулева ($^{491}/_{69}$) былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли крестьянинъ Семенъ Кулевъ въ томъ, что составилъ подложный видъ на жительство и приложилъ къ этому билету подложную печать тульскаго волостнаго правленія»? Сенатъ нашелъ, что судъ «поступилъ бы правильнѣе, поставивъ отдѣльно вопросы по каждому преступленію, на основаніи 756 ст.» Тоже въ рѣшеніяхъ $^{166}/_{67}$, $^{183}/_{67}$.

2) *Когда соединяются обвиненія въ преступленіи, задуманномъ подсудимымъ, и въ другомъ, учиненномъ имъ при совершеніи перваго, безъ прямаго на то намѣренія.* Марининъ ($^{619}/_{71}$) былъ преданъ суду по 1459 ст. улож. Судъ постановилъ два вопроса о виновности въ открытомъ отнятіи денегъ у рядоваго Соловьева и о виновности въ нанесеніи при-этомъ Соловьеву такихъ ударовъ острымъ орудіемъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть его. Сенатъ нашелъ, что «окружный судъ имѣлъ право, и по 756 ст. уст. обязанъ былъ при постановкѣ вопросовъ о виновности подсудимаго указать каждое изъ двухъ преступленій въ отдѣльныхъ вопросахъ».

3) *Когда соединяются вопросы о виновности въ покушеніи и о причинахъ, по коимъ обвиняемый остановился въ приведеніи въ исполненіе задуманнаго.* Объ Ивановой ($^{102}/_{68}$) былъ постановленъ вопросъ: «если Иванова нанесла раны (Пименовой), то нанося эти раны, имѣла ли Иванова намѣреніе убить Пименову и была ли въ томъ остановлена независимыми отъ нея обстоятельствами»? Сенатъ нашелъ, что «вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ постановленъ судомъ, составляетъ собственно два вопроса (имѣла ли Иванова намѣреніе убить Пименову и была ли въ томъ остановлена незави-

сѣвшими отъ нея обстоятельствами), требовавшихъ отъ присяжныхъ двухъ отдѣльныхъ отвѣтовъ и не дававшихъ имъ права ограничиться однимъ отвѣтомъ утвердительнымъ или отрицательнымъ.

4) *Когда въ вопросъ о виновности помѣщается и вопросъ объ обстоятельствѣ, особо-уменьшающемъ или увеличивающемъ степень виновности* Фіалковскій (1318/71) жаловался въ кассаціонномъ порядкѣ на то, что защитнику его было отказано судомъ въ ходатайствѣ о соединеніи вопросовъ, перваго — о виновности въ растратѣ и втораго—о возвращеніи растраченнаго, въ одинъ общій вопросъ. Сенатъ нашелъ, что отказъ суда представляется правильнымъ и согласнымъ съ закономъ, ибо 756 ст. воспрещаетъ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно. По дѣлу Васильченко (954/72), обвинявшагося въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія, защитникъ просилъ постановить о цѣли, съ которою учинено убійство, отдѣльный вопросъ. Сенатъ нашелъ, что на основаніи 756 ст. уст. въ вопросахъ не должны быть соединяемы такіе, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно. На этомъ основаніи, если во время судебнаго слѣдствія по настоящему дѣлу возбуждаемо было сомнѣніе относительно цѣли убійства, то суду слѣдовало постановить по этому обстоятельству отдѣльный вопросъ.

Нарушеніемъ 756 ст. также признается:

а) *Когда въ вопросъ содержится невѣрное обобщеніе двухъ различныхъ дѣяній, приписываемыхъ подсудимому.* По дѣлу Мошкова (379/69) судъ предположилъ постановить, по ст. 354 улож., слѣдующій вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, получивъ 136 руб. выкупныхъ суммъ, вмѣсто отсылки по принадлежности, растратилъ ихъ, возвративъ только 50 руб.? Товарищъ прокурора предложилъ въ проектированномъ вопросѣ слово «растратилъ» замѣнить «израсходованіемъ на свои надобности», а затѣмъ постановить второй вопросъ о томъ: «виновенъ ли Мошковъ въ употребленіи денегъ, безъ разрѣшенія начальства, на жалованье себѣ, писарю и другіе по волости расходы»? Судъ въ измѣненіи вопроса отказалъ, а затѣмъ предсѣдательствующій, въ заключительной рѣчи къ присяжнымъ, выразилъ, что буде они найдутъ, что употребленіе денегъ на жалованье себѣ и другіе мірскіе расходы слѣдуетъ считать растратою, то должны признать его виновнымъ, а въ противномъ случаѣ должны дать оправдательный отвѣтъ. Сенатъ, по протесту прокурорскаго надзора, между прочимъ нашелъ, что

«вмѣсто постановки, для разрѣшенія присяжныхъ засѣдателей, согласно требованію товарища прокурора, двухъ вопросовъ, изъ коихъ первый вытекалъ изъ обвинительнаго акта и имѣлъ бы цѣлью признаніе подсудимаго виновнымъ или невиновнымъ въ израсходованіи въ свою пользу ввѣренныхъ ему денегъ, а второй — въ израсходованіи этихъ денегъ на потребности волости, судъ, въ нарушеніе 756 ст., совокупилъ въ одномъ вопросѣ эти два обстоятельства, изъ коихъ одно могло быть разрѣшено утвердительно, а другое отрицательно».

б) *Когда при обвиненіи подсудимаго въ двухъ преступленіяхъ, вопросъ о виновности во второмъ преступленіи поставленъ въ зависимости отъ признанія его виновнымъ по первому преступленію.* О мѣщанинѣ Шишкинѣ (183/67) были постановлены слѣдующіе вопросы: «виновенъ ли Григорій Шишкинъ въ кражѣ съ мельницы муки со взломомъ внѣшней двери? если Шишкинъ не виновенъ въ самой кражѣ, то не виновенъ ли онъ въ пріемѣ похищенной муки, зная что она украдена со взломомъ? если Шишкинъ не виновенъ въ пріемѣ этой муки, какъ украденной со взломомъ, то не виновенъ ли онъ въ пріемѣ оной, зная лишь вообще, что она краденая? *если онъ, Шишкинъ, не виновенъ въ самой кражѣ, ни въ укрывательствѣ*, то не виновенъ ли онъ въ недопущеніи сельскаго старосты до обыска въ его домѣ»? Сенатъ нашелъ: послѣ вопроса о виновности Шишкина въ пріемѣ украденной муки судъ объ этомъ преступленіи упомянулъ и въ послѣднемъ вопросѣ, постановленномъ по предмету обвиненія Шишкина въ недопущеніи сельскаго старосты и понятыхъ къ обыску, и тѣмъ, въ нарушеніе 756 ст. уст., соединилъ въ одномъ вопросѣ два различныя обвиненія.

Относительно редакціи вопросовъ правительствующій сенатъ признаетъ, что вопросъ, начинающійся словомъ «виновенъ» не можетъ быть подраздѣляемъ на части, съ указаніемъ въ каждой изъ нихъ особаго преступленія. Такъ, сенатъ нашелъ неправильно редактированнымъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый Пряшниковъ въ томъ, а) что подговорилъ Риттиха подписаться именемъ Муханова на оныя облигаціямъ Дорофѣева и б) въ томъ, что самъ или чрезъ другое лицо, вытравилъ именныя подписи на облигаціяхъ городскаго общества, выданныхъ на имя Дорофѣева?» (452/60).

3) *Постановка альтернативныхъ вопросовъ.* — Подъ альтернативными вопросами разумѣются такіе, въ которыхъ представляется

на выборъ одно изъ двухъ или нѣсколькихъ положеній, раздѣляемыхъ союзомъ: или.

По рѣшеніямъ правительствующаго сената не могутъ быть постановляемы въ альтернативной формѣ:

1) *Два различныя преступленія или двѣ различныхъ степени виновности.* По дѣлу Тауберъ ($^{843}/_{72}$), полтавскимъ окружнымъ судомъ былъ поставленъ вопросъ о виновности подсудимой въ томъ, «что украденную у чиновника Мисюревича шубу купила *или* приняла на сохраненіе, зная что та шуба краденая». Судъ приговорилъ подсудимую по 172 ст. уст. о нак. Сенатъ нашелъ, «что предложенный судомъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросъ соединялъ въ себѣ обвиненіе въ двухъ различныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, ибо въ выраженіяхъ того вопроса: *купила или приняла* (шубу) *на сохраненіе, зная, что та шуба краденая*, содержится указаніе: во 1-хъ, на покупку краденой шубы—что составляетъ обвиненіе въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 180 ст. уст. о нак., а не въ укрывательствѣ кражи, такъ какъ въ вопросѣ не означено, чтобы упомянутая вещь куплена была обвиняемою съ знаніемъ обстоятельствъ, коими самая кража сопровождалась, и во 2-хъ, на принятіе краденой шубы на сохраненіе, что, по точному смыслу 14 ст. улож., составляетъ укрывательство кражи, наказуемое по 124 ст. улож. и 172 ст. уст. о нак. Въ такой неясности предложеннаго на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопроса усматривается нарушеніе 756 ст. уст., при которомъ приговоръ по настоящему дѣлу не можетъ быть признанъ въ силѣ судебнаго рѣшенія. По дѣлу Голдовскаго ($^{202}/_{69}$), судъ постановилъ одинъ вопросъ о виновности въ томъ, что, *составивъ подложно вексель* отъ своего имени на имя купца Эгиза, на сумму 300 р., *или какимъ-либо образомъ пріобрѣвъ таковой завѣдомо подложный вексель*, передалъ его Егизу вмѣсто дѣйствительнаго на имя Егиза векселя, оставленнаго имъ у себя и подлежавшаго передачѣ Егизу за долгъ его, Голдовскаго. Въ требованіи защиты о раздѣленіи этого вопроса, судъ отказалъ на томъ основаніи: 1) что вопросъ составленъ согласно признакамъ 1160 ст. улож., по которой Голдовскій преданъ суду; 2) что при постановкѣ вопросовъ слѣдуетъ избѣгать юридическихъ терминовъ, и 3) что нѣтъ никакого основанія раздѣлять этотъ вопросъ на два, такъ какъ выраженнымъ въ немъ двумъ дѣяніямъ 1160 ст. улож. придаетъ одинаковое значеніе. Сенатъ нашелъ, что, на основаніи 756 ст. уст., судъ обязанъ былъ удовлетворить требованіе въ этомъ отношеніи защитника подсуди-

маго, и соображенія суда, на которыхъ былъ основанъ отказъ въ удовлетвореніи этого требованія, не согласны съ вышеозначенною статьею закона. По дѣлу Щурина (1079/72) сенатъ нашелъ, что помѣщеніе въ вопросѣ двухъ обстоятельствъ: употребленіе ввѣренныхъ должностному лицу суммъ на свои надобности или сокрытіе ими постороннихъ лицъ составляетъ нарушеніе 756 ст. уст., хотя нарушеніе несущественное, такъ какъ обстоятельства эти имѣютъ одинаковое значеніе въ смыслѣ уголовномъ и влекутъ за собою одинаковыя послѣдствія. По дѣлу Егоровой (1028/72) судъ отказалъ товарищу прокурора въ просьбѣ о дополненіи вопроса о виновности (въ томъ, что она, подъ вліяніемъ стыда, утопила незаконнорожденнаго ею ребенка), словами: «или съ умысломъ лишить жизни ребенка оставила его въ холодномъ погребѣ». Сенатъ нашелъ, что судъ правильно оставилъ безъ уваженія требованіе товарища прокурора, ибо требованіе это нарушало точный смыслъ ст. 756 уст., запрещающей соединять въ вопросѣ такія обстоятельства, изъ коихъ одно можетъ быть разрѣшено утвердительно, а другое отрицательно. По дѣлу Бусурина и Шахова (113/70) владимірскимъ окружнымъ судомъ были предложены присяжнымъ вопросы: виновны ли подсудимые въ томъ, что ночью, на шоссейной дорогѣ, для отнятія у ямщика Семеликова тройки лошадей съ санями, шапки, рукавицъ и сапоговъ, убили, или прямо, на мѣстѣ совершенія преступленія, содѣйствовали убійству его, Василія Семеликова? Присяжные дали утвердительные отвѣты, и судъ приговорилъ подсудимыхъ къ наказанію за убійство съ цѣлію ограбленія. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «окружный судъ, предложивъ присяжнымъ засѣдателямъ, вопреки 756 ст. уст., такой вопросъ, въ которомъ заключались двѣ степени виновности, не имѣлъ права собственною властью признавать, что подсудимые признаны виновными въ непосредственномъ совершеніи преступленія, а не въ томъ, что прямо содѣйствовали убійству». Поэтому сенатъ кассировалъ приговоръ суда и передалъ дѣло въ другое отдѣленіе суда для постановленія новаго приговора, на основаніи рѣшенія присяжныхъ.

2) *Существенные признаки преступленія, относящіеся:*

а) *къ внутренней сторонѣ дѣянія.* По дѣлу Преображенскаго (187/70) окружнымъ судомъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый, бывшій становой приставъ Преображенскій, въ томъ, что вслѣдствіе предписанія Алексинскаго земскаго суда, составляя 22-го марта 1862-го года, по обязанности своей становаго пристава, описи имѣнію жены надворнаго совѣтника По-

ловцевой, находящемуся въ Алексинскомъ уѣздѣ, подъ названіемъ села Покровскаго, съ намѣреніемъ, *изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*, не помѣстилъ лѣсъ, разныя постройки каменныя и деревянныя, фруктовый садъ, подъ № 1 въ описи назвалъ кухню ветхою, тогда какъ она была прочная, а не ветхая, каменный сарай подъ № 2 назвалъ плетневымъ и наконецъ означенныя описи составилъ безъ бытности свидѣтелей, подписавшихся подъ ними?» Присяжные отвѣтили: да, виновенъ, но безъ корыстныхъ видовъ. Судъ приговорилъ подсудимаго къ наказанію по ст. 362 улож. Сенатъ, по жалобѣ подсудимаго, нашелъ, что «объясненіе Преображенскаго о неясности рѣшенія присяжныхъ и неправильности, вслѣдствіе сего, приговора суда, представляется уважительнымъ, и изъ внесеннаго въ протоколъ наставленія предсѣдателя присяжнымъ видно, что онъ дѣлалъ присяжнымъ указаніе о томъ, какъ они должны отвѣчать на предложенные имъ вопросы, въ томъ случаѣ, когда они признаютъ существованіе корыстныхъ видовъ; въ вопросѣ же говорится о корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ, а засимъ остается неизвѣстнымъ, подразумѣвалъ ли самъ предсѣдатель и присяжные подъ корыстными видами и всѣ другія противозаконныя побужденія, какія могли быть у Преображенскаго къ совершенію преступленія, тогда какъ точное фактическое опредѣленіе тѣхъ побужденій, вслѣдствіе которыхъ были помѣщены въ описи имѣнія Половцевой свѣдѣнія, признанныя невѣрными, было необходимо, потому что противозаконность намѣренія составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ, отличающихъ преступленіе, предусмотрѣнное 362 ст. улож., отъ однородныхъ съ нимъ, но имѣющихъ меньшую важность преступленій, указанныхъ въ 417 ст. уложенія.» Поэтому, въ виду того, что изъ отвѣтовъ присяжныхъ нельзя вывести положительнаго заключенія о томъ, что они, признавъ Преображенскаго невиновнымъ въ совершеніи нарушенія изъ корыстныхъ видовъ, признали какія-либо иныя обнаруженныя слѣдствіемъ, противозаконныя побужденія, правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда.

б) *Къ внѣшнему составу преступленія.* По дѣлу Немѣшаева и Рѣшетниковой ($^{405}/_{70}$) были предложены слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли Немѣшаевъ въ томъ, что безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости или раздраженіи, но, однакожъ, умышленно, причинилъ *раны или увѣчья*, отъ которыхъ Зайцевъ умеръ? 2) виновна ли Рѣшетникова въ томъ, что, не принимая никакого участія въ преступленіи Немѣшаева, но совершеніи уже

онаго, завѣдомо участвовала *въ сокрытіи слѣдовъ этого преступленія или же въ сокрытіи самаго преступника*? Судъ въ своемъ доношеніи сенату объяснилъ, что въ вопросѣ о Немѣшаевѣ говорится о ранахъ *или* увѣчьяхъ потому, что Зайцеву были нанесены раны въ голову и выбитъ кусокъ нижней челюсти, что не можетъ не быть почитаемо увѣчьемъ; что частица *или* поставлена потому, что для отвѣтственности въ изложенномъ въ вопросѣ преступленіи однозначительно, раны ли нанесены или увѣчья, бывшія причиною смерти, и что частица эта въ вопросѣ о Рѣшетниковой вставлена также въ виду того же соображенія, т. е. въ виду однозначительности укрывательства слѣдовъ преступленія или самого преступника для отвѣтственности укрывателя. Правительствующій сенатъ, замѣтивъ, что на основаніи 754 ст. и 760 ст. уст., вопросы должны быть постановляемы по обнаруженному слѣдствіемъ опредѣленному событію или случаю, а не въ видѣ отвлеченнаго понятія, опредѣленнаго закономъ, нашелъ, что «въ этомъ отношеніи отступленіе отъ требованій закона простерлось даже до того, что въ вопросѣ о Немѣшаевѣ ему приписывалось причиненіе ранъ *или* увѣчья, а въ вопросѣ о Рѣшетниковой она обвинялась въ сокрытіи слѣдовъ преступленія, *или* самого преступника, тогда какъ въ дѣйствительности могло быть или то и другое вмѣстѣ, какъ указывалъ обвинительный актъ, или же что-нибудь одно изъ двухъ; приведенное же въ вопросахъ двойное обвиненіе внесло въ вопросы неопредѣленность и представило дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто-бы слѣдствіемъ не обнаружено даже и того, въ чемъ именно обвиняются подсудимые.» Правительствующій сенатъ призналъ нарушеніемъ 756 ст. постановку вопроса въ такой формѣ: «растратилъ 17 саженъ дровъ *или* часть этого количества» ($^{837}/_{72}$). На этомъ же основаніи должна быть признана неправильною редакція вопроса по дѣлу Рудневыхъ ($^{130}/_{68}$): если Руднева виновна, то согласилась ли она на совершеніе преступленія надъ крестьяниномъ Черныхъ крестьянина *Дмитрія Руднева или какого-либо другаго?*

3) *Главное обвиненіе съ обстоятельствомъ особо увеличивающимъ вину.* По дѣлу Сергѣевыхъ ($^{642}/_{72}$, окружный судъ предложилъ присяжнымъ слѣдующіе вопросы: «виновны ли подсудимые въ томъ, что съ 1867 г. *уговаривали или принуждали* Матрену Кузьмину перейти изъ православія въ расколъ?» Сенатъ нашелъ, что «судъ, вопреки 756 ст. уст., редактировалъ вопросъ свой въ такой формѣ, что однимъ утвердительнымъ отвѣтомъ вопросъ раз-

рѣшенъ быть не могъ, вслѣдствіе чего изъ даннаго присяжными засѣдателями утвердительнаго отвѣта нельзя вовсе вывести заключенія, признавали ли они подсудимыхъ виновными въ одномъ только уговариваніи или кромѣ того и въ принужденіи Кузьминой перейти въ расколъ?»

4) *Двѣ различныя причины невмѣняемости.* Защитникъ по дѣлу Филиповой ($^{166}/_{67}$) просилъ постановить слѣдующіе вопросы: если подсудимая не виновна въ намѣреніи, то не виновна ли *въ ошибкѣ случайной или неосторожности?* Судъ отказалъ въ этой просьбѣ. Сенатъ нашелъ, что редакція предложеннаго защитникомъ вопроса не соотвѣтствуетъ требованіямъ 756 ст., по силѣ коей не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой—отрицательно.

Но въ альтернативной формѣ могутъ быть поставовлены:

Признаки безразличные для состава преступленія.

По дѣлу Глумовыхъ ($^{257}/_{72}$) были предложены вопросы: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что принадлежа къ сектѣ скопцовъ и слѣдуя ихъ вѣроученію, по заблужденію фанатизма, отрѣзалъ себѣ дѣторождныя части или же дозволилъ совершить это надъ собою другому лицу?» Присяжные отвѣтили утвердительно. Подсудимые объясняли въ своихъ жалобахъ, что самооскопленіе и допущеніе оскопить себя—не одно и то же; что послѣднее дѣяніе вовсе не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія и что судъ, соединивъ въ одномъ вопросѣ обвиненіе и въ самооскопленіи и въ дозволеніи оскопить себя, въ виду утвердительнаго отвѣта присяжныхъ, не былъ вправѣ признавать ихъ виновными въ такомъ дѣяніи, которое представляется болѣе важнымъ. Сенатъ по этому пункту жалобы нашелъ: «жалоба Макеина Глумова и Шаранова содержитъ въ себѣ объясненіе о неправильномъ примѣненіи закона по поводу того, что вопросъ о нихъ поставовленъ въ нарушеніе 756 ст уст. и что судъ не имѣлъ основанія примѣнять къ нимъ 201 ст. улож., опредѣляющую наказаніе за дозволеніе оскопить себя. Не говоря о томъ, что они не возражали своевременно противъ редакціи поставовленныхъ о нихъ вопросовъ, нельзя не признать, что законъ не можетъ дѣлать никакого различія въ преслѣдованіи лицъ, оскопившихъ себя, смотря по тому, сдѣлали ли они это сами себѣ, или дозволили оскопить себя другимъ, ибо какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ свойства и цѣль преступленія нисколько не измѣняются и оно удерживаетъ

въ себѣ тотъ отличительный признакъ, характеризующій скопческую ересь, который въ законѣ называется противонравственнымъ и гнуснымъ дѣйствіемъ, а именно: отнятіе дѣтородныхъ частей.»

Общая цѣль, къ достиженію которой должно стремиться при редактированіи вопросовъ, высказана сенатомъ въ рѣшеніи $^{1122}/_{71}$. Здѣсь онъ говоритъ: «Главныя условія правильнаго разрѣшенія предлагаемыхъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросовъ состоятъ въ точной соотвѣтственности отвѣтовъ постановленнымъ вопросамъ и несомнѣнномъ смыслѣ послѣднихъ, т. е. въ ясно выраженномъ мнѣніи присяжныхъ засѣдателей».

Жалоба на соединеніе такихъ вопросовъ, которые, на основаніи 756 ст. уст., должны быть раздѣлены, оставляется сенатомъ безъ разсмотрѣнія, если ни подсудимый, ни защитникъ его противъ такой постановки своевременно не возражали ($^{831}/_{69}$, $^{329}/_{67}$, $^{113}/_{70}$, $^{453}/_{70}$ и др.).

Нарушеніе 756 ст. уст. уг. суд. не считается существеннымъ:

а) Если присяжные засѣдатели дали непротиворѣчивые и опредѣленные отвѣты, въ истолкованіи которыхъ не представляется затрудненія ($^{831}/_{69}$, $^{1177}/_{72}$).

б) Если присяжнымъ было объяснено, что они могутъ при отвѣтѣ своемъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ 812 ст. уст. уг. суд. ($^{956}/_{72}$, $^{453}/_{70}$).

в) Если присяжные поняли вопросъ и дали на него отвѣты ясные и опредѣленные ($^{108}/_{68}$, $^{1019}/_{72}$).

г) Если при изложеніи въ вопросѣ въ альтернативной формѣ двухъ различныхъ обвиненій каждое изъ нихъ подвергаетъ подсудимаго одинаковой отвѣтственности (^{992} 69).

Предложеніе сторонею вопроса въ альтернативной формѣ не даетъ суду права отказывать по этой причинѣ въ постановкѣ вопроса по существу домогательства стороны, такъ какъ окончательная постановка вопросовъ, а слѣдовательно и редакція ихъ, принадлежитъ не сторонамъ, а суду ($^{166}/_{67}$).

Изъ буквальнаго смысла 755 ст. уст. уг. суд., по нашему мнѣнію, можетъ быть выведено достаточно опредѣленное правило о томъ, что̀ слѣдуетъ соединять въ вопросахъ и чего соединять нельзя. Статья эта говоритъ: «не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно».

Для объясненія смысла этой статьи прежде всего необходимо

обратить вниманіе на выраженіе: *вопросы*. Слово это должно быть понимаемо не въ обыкновенномъ смыслѣ всякаго сужденія, выраженнаго въ вопросительной формѣ, а въ техническомъ его смыслѣ, въ значеніи обстоятельствъ или положеній, которыя законъ предписываетъ предлагать въ особыхъ вопросахъ на судѣ уголовномъ. Отсюда будетъ ясно и требованіе 756 ст. уст., именно выйдетъ, что статья эта воспрещаетъ соединять такія обстоятельства или положенія, которыя, на основаніи закона, предлагаются на разрѣшеніе присяжныхъ отдѣльно другъ отъ друга и которыя поэтому не могутъ быть слиты въ одинъ общій вопросъ. Не придавать же слову *вопросы* его спеціальнаго значенія и допустить такое предположеніе, что ст. 756 разумѣетъ соединеніе всякаго рода положеній, изъ которыхъ на одно можно отвѣчать утвердительно, а на другое—отрицательно, безъ отношенія къ тому, предписываетъ ли законъ или не предписываетъ излагать эти положенія каждое въ особомъ вопросѣ,—это значило бы впасть въ явное противорѣчіе съ другими, достаточно ясными и несомнѣнными постановленіями закона. Такъ ст. 754 уст. предписываетъ ставить одинъ совокупный вопросъ о виновности въ преступленіи, составляющемъ предметъ обвиненія, слѣдовательно со всѣми входящими въ него существенными признаками преступленія. Цѣль такого постановленія закона, конечно, та, чтобы присяжные могли сосредоточить на этомъ вопросѣ все свое вниманіе, чтобы они знали, гдѣ именно лежитъ центръ обвиненія, его сущность и сила, каковая цѣль не достигалась бы, еслибъ признаки преступленія раздробились на отдѣльные вопросы, ибо въ массѣ ихъ неминуемо исчезли бы изъ глазъ присяжныхъ относительное значеніе и важность каждаго изъ нихъ. Но такъ какъ всегда возможно, что одни изъ признаковъ будутъ утверждены, а другіе отвергнуты, то при толкованіи 756 ст. въ томъ смыслѣ, что она воспрещаетъ соединеніе всякаго рода положеній, на которыя можетъ послѣдовать неодинаковый отвѣтъ, пришлось бы допустить раздробленіе на отдѣльные вопросы существенныхъ признаковъ преступленія т. е. допустить противорѣчіе между двумя постановленіями закона, стоящими въ уставѣ одно послѣ другаго. Въ такомъ же явномъ противорѣчіи съ 756 ст. оказалась бы и ст. 812 уст. предоставляющая присяжнымъ право ограничивать смыслъ предложеннаго имъ вопроса о виновности отрицаніемъ какого-либо признака и утвержденіемъ другихъ. Вслѣдствіе этого необходимо придти къ заключенію, что 756 ст. воспрещаетъ только соединеніе такихъ обстоя-

тельствъ, которыя по самому закону должны быть предметомъ отдѣльныхъ вопросовъ. т. е. вопросовъ въ техническомъ значеніи этого слова. Поэтому нарушеніемъ 756 ст. будетъ соединеніе въ одномъ общемъ вопросѣ о виновности различныхъ предметовъ обвиненія, т. е. различныхъ преступленій, о каждомъ изъ которыхъ долженъ быть по закону (ст. 754) предложенъ особый вопросъ, соединеніе главнаго вопроса съ обстоятельствами особо увеличивающими или уменьшающими вину, о которыхъ законъ предписываетъ ставить отдѣльные вопросы (ст. 755) и т. д. Но соединеніе въ одномъ вопросѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія не только не будетъ нарушеніемъ 756 ст., а, напротивъ, раздѣленіе этихъ признаковъ на отдѣльные вопросы составитъ нарушеніе этой статьи, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ будутъ возведены на степень обстоятельствъ, могущихъ быть предметомъ особаго вопроса, такія, которымъ подобнаго значенія законъ не придаетъ. Вотъ почему и нельзя согласиться съ тѣми положеніями, высказанными правительствующимъ сенатомъ въ двухъ приведенныхъ нами выше рѣшеніяхъ, по которымъ выдѣленіе существенныхъ признаковъ преступленія въ особые вопросы, какъ признаетъ сенатъ, не воспрещено закономъ и зависитъ отъ усмотрѣнія суда. Мнѣніе это противорѣчитъ какъ положенію, которое высказано самимъ сенатомъ во множествѣ другихъ рѣшеній и которое должно быть признано общимъ и основнымъ, такъ и смыслу приведенныхъ законовъ. На основаніи предъидущаго, не составляетъ нарушенія 756 ст. также и включеніе въ вопросъ о виновности всѣхъ конкретныхъ фактовъ, въ которыхъ овеществляются законные признаки преступленія, хотя и нельзя не сознаться, что такого рода постановка вопросовъ по самой силѣ вещей не можетъ не вести къ нарушенію правилъ о постановкѣ вопросовъ вообще и 756 ст. въ частности. Не говоря о томъ, что въ цѣломъ дремучемъ лѣсу конкретныхъ фактовъ которыми иногда наполняются вопросы, предлагаемые присяжнымъ [1]), не мудрено заблудиться, что вопросы такого рода съ достаточнымъ основаніемъ могутъ быть отнесены къ вопросамъ *сложнымъ* (questions complexes), главная опасность которыхъ заключается въ разрѣшеніи общаго вопроса минимумъ большинствомъ голосовъ, самый способъ ихъ изложенія не позволяетъ соблюдать строго правила о постановкѣ вопросовъ. Для

---

[1]) Примѣромъ могутъ служить вопросы, поставленные по дѣлу Сѣриковыхъ ($^{330}/_{72}$).

примѣра возьмемъ вопросы, постановленные С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ по дѣлу объ убійствѣ князя Аренберга ($^{454}/_{70}$). О каждомъ изъ подсудимыхъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, согласившись съ другимъ лицомъ похитить имущество князя Аренберга, вмѣстѣ съ этимъ лицомъ забрались въ его квартиру, и не успѣвъ взять все то, что хотѣли, дождались возвращенія князя Аренберга домой, спрятавшись въ его спальнѣ, и когда князь Аренбергъ, заснувъ, былъ разбуженъ шумомъ въ его квартирѣ, по предварительному между собою условію — связать его и завязать ему ротъ, бросились на князя Аренберга, душили его, сломали въ горлѣ кость и завязали ротъ и носъ, чѣмъ лишили его жизни, и уйдя изъ квартиры князя Аренберга, унесли часть принадлежавшаго ему имущества»? Не говоря уже о томъ, что здѣсь, для соблюденія послѣдовательности въ разсказѣ, внесено много такихъ фактовъ, которые въ юридическомъ отношеніи не имѣютъ никакого значенія, но которые все-таки должны быть разрѣшены присяжными, ибо они имъ предложены,—какъ напр. дождались возвращенія князя Аренберга, спрятались въ его спальнѣ, заснувъ, былъ разбуженъ шумомъ и пр.,— самый вопросъ постановленъ съ нарушеніемъ всѣхъ выработанныхъ правительствующимъ сенатомъ и установленныхъ закономъ правилъ о постановкѣ вопросовъ. Такъ, въ означенномъ вопросѣ, во 1-хъ, соединены въ одинъ вопросъ два преступленія, нападеніе на домъ и убійство безъ прямаго на то намѣренія, о чемъ должно быть постановлено два вопроса ($^{613}/_{71}$), и во 2-хъ, тутъ же, въ главномъ вопросѣ помѣщено и особо увеличивающее вину обстоятельство, предусмотрѣнное 1632 ст. улож., именно предварительный уговоръ, что по предписанію закона (ст. 755) должно было быть предметомъ особыхъ вопросовъ. Эти нарушенія правилъ о постановкѣ вопросовъ, именно: помѣщеніе въ вопросѣ ненужныхъ для состава преступленія обстоятельствъ (ст. 760) и соединеніе такихъ вопросовъ, которые должны были быть раздѣлены, необходимо объяснить исключительно способомъ, который былъ избранъ при редактированіи вопросовъ, изображеніемъ преступнаго дѣянія подсудимыхъ въ формѣ историческаго описанія событія. Отсюда, хотя описаніе это, съ точки зрѣнія литературной, вышло и достаточно полнымъ и составленнымъ съ надлежащею послѣдовательностью въ моментахъ событія, но, взятое въ смыслѣ вопроса о виновности и разсматриваемое съ точки зрѣнія закона, оно явилось совершенно неудовлетворительнымъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о постановкѣ альтернативныхъ вопросовъ. Намъ кажется, что ст. 756, при соображеніи ея съ тою цѣлью, къ достиженію которой должно стремиться при редактированіи вопросовъ, даетъ достаточныя указанія на то, какъ должно поступать при употребленіи въ вопросахъ альтернативныхъ положеній. Въ виду того, что статья 756 воспрещаетъ соединеніе *вопросовъ* и что цѣль, къ которой необходимо стремиться при редактированіи ихъ, по разъясненію сената, заключается въ томъ, чтобы получать отвѣтъ, который бы точно соотвѣтствовалъ вопросу и который бы дѣлалъ самый смыслъ вопроса несомнѣннымъ, мы думаемъ, что при встрѣчѣ съ альтернативными положеніями необходимо, для правильнаго изложенія вопроса, сообразить: не измѣнится ли составъ преступленія оттого, если одно изъ стоящихъ въ альтернативномъ отношеніи положеній будетъ выброшено изъ вопроса и постановлено со всѣми другими признаками, не находящимися въ альтернативномъ отношеніи, въ самостоятельномъ вопросѣ (напр. оскорбилъ ругательными или неприличными словами); не будетъ ли, за выдѣленіемъ такого положенія въ особый вопросъ, хотя и равнаго по наказанію и даже однороднаго по своему составу, по другаго преступленія (напр. составленіе подложнаго акта и его употребленіе) и, наконецъ, не составляетъ ли данное положеніе существеннаго признака преступленія, при отсутствіи котораго разрушается самый составъ преступленія (напр. нарушеніе правилъ, постановленныхъ для совершенія актовъ, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ и т. п.). Во всѣхъ такихъ случаяхъ каждое изъ положеній, стоящихъ въ альтернативномъ отношеніи, должно войти въ составъ отдѣльныхъ вопросовъ, совокупно съ другими существенными признаками преступленія. Неисполненіе этого правила не можетъ не считаться существеннымъ нарушеніемъ 756 ст., даже въ томъ случаѣ, когда обвиненія, поставленныя въ альтернативной формѣ и утвержденныя присяжными, влекутъ одинаковыя послѣдствія для подсудимаго. Главный недостатокъ альтернативныхъ вопросовъ заключается именно въ томъ, что при утвержденіи ихъ нарушается точная соотвѣтственность имъ отвѣтовъ присяжныхъ и представляется темнымъ несомнѣнный смыслъ ихъ. Изъ отвѣтовъ присяжныхъ, при утвержденіи альтернативныхъ положеній, не видно, которое именно изъ предложенныхъ положеній утверждено, и кромѣ того — и это самое главное — представляется опасеніе, не постановлено ли самое рѣшеніе минимымъ большинствомъ голосовъ и не дали ли бы присяжные, при иной редакціи вопроса,

отрицательныхъ отвѣтовъ на каждый вопросъ въ отдѣльности. Вотъ почему постановка такихъ вопросовъ не можетъ быть допущена и вотъ почему законъ (ст. 756) безусловно воспрещаетъ ихъ употребленіе, говоря: *ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ соединять* и т. д.

Но къ другому совершенно заключенію должно придти при обсужденіи тѣхъ случаевъ, въ которыхъ включенныя въ вопросъ въ альтернативной формѣ обстоятельства не составляютъ существенныхъ признаковъ преступленія. Постановка отдѣльныхъ вопросовъ съ помѣщеніемъ въ каждомъ одного изъ такихъ положеній могла бы привести къ опаснымъ послѣдствіямъ. Такъ напр., при обвиненіи подсудимаго по 1648 ст. улож., постановка двухъ отдѣльныхъ вопросовъ: одного — о виновности въ томъ, что тайно похитилъ вещи изъ запертаго помѣщенія, отперевъ для этого замокъ посредствомъ гвоздя, а другаго, въ условной формѣ: если не виновенъ, то не виновенъ ли въ похищеніи изъ запертаго помѣщенія, для чего открылъ замокъ посредствомъ крючка, могла бы привести именно къ такимъ послѣдствіямъ: при невозможности сказать утвердительно, чѣмъ именно отпертъ замокъ, можетъ послѣдовать отрицательный отвѣтъ на оба вопроса, хотя бы присяжные и не сомнѣвались въ томъ, что похищеніе было совершено и запертое помѣщеніе было открыто какимъ-либо орудіемъ. По указаніе въ вопросѣ: отперъ замокъ посредствомъ гвоздя или какого-либо другаго орудія устраняетъ вышеозначенныя послѣдствія и упрощаетъ самую редакцію вопроса. Такой же случай представился и по дѣлу Глумовыхъ. Съ точки зрѣнія закона, совершенно безразлично, кто оскопилъ подсудимаго: самъ ли себя или кто другой съ его согласія, важно только то, что онъ былъ оскопленъ. Вотъ почему включеніе въ вопросахъ двухъ положеній въ альтернативной формѣ, какъ и признанъ это сенатъ, для дѣла не могло имѣть никакого значенія. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ окружный судъ самъ себѣ сдѣлалъ затрудненія, поставивъ, безъ всякой въ томъ нужды, вопросъ въ альтернативной формѣ: «отрѣзалъ себѣ дѣтородныя части *или* дозволилъ сдѣлать это другому лицу». Законъ (ст. 201 ч. 2 улож.) говоритъ: «за оскопленіе самого себя, изобличенный въ томъ и т. д.». Выраженіе *оскопилъ себя*, несомнѣнно,—выраженіе для каждаго понятное, а при объясненіи его, согласно 1 п. 801 ст. уст., исчезаетъ и самая тѣнь сомнѣнія въ томъ, чтобы кто-либо изъ присяжныхъ не понялъ его значенія, слѣдовательно не представлялось никакой настоятельной нужды въ замѣнѣ его другими выраженіями и притомъ въ альтернативной формѣ. Противъ при-

веденнаго выше толкованія 756 статьи можно возразить, что, значитъ, есть такіе вопросы, которые должно соединять, но на которые можно отвѣчать утвердительно или отрицательно? Да, дѣйствительно, такіе вопросы, и притомъ установленные закономъ, есть, и на одинъ изъ нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ можно отвѣчать, смотря по обстоятельствамъ дѣла, утвердительно, и на другіе отрицательно. Это именно вопросы, входящіе въ составъ коллективнаго вопроса о виновности, т. е. вопросы о событіи преступленія, его совершеніи и вмѣненіи въ вину. Вопросы эти, при отсутствіи условій, изложенныхъ въ 754 ст., должно соединять, хотя при выдѣленіи ихъ, на одинъ изъ нихъ можетъ быть данъ утвердительный отвѣтъ, а на другой отрицательный. Такіе же отвѣты могутъ быть даны на нихъ присяжными и при ихъ соединеніи, хотя отвѣты эти и не обозначаются на вопросномъ листѣ, выражаясь въ одномъ словѣ: «невиновенъ».

ГЛАВА II.

Главный вопросъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I-е.

Отношеніе къ выводамъ обвинительнаго акта.

Главный вопросъ по дѣлу долженъ быть постановленъ о томъ: виновенъ ли подсудимый въ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія ($^{254}/_{68}$).

Такъ какъ предметъ обвиненія излагается въ заключительной части обвинительнаго акта, или, говоря словами статьи 751 уст., въ выводахъ обвинительнаго акта, то отсюда содержаніемъ главнаго вопроса должны служить прежде всего эти выводы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда обвинительный актъ замѣняется жалобою частнаго обвинителя, содержаніемъ главнаго вопроса служатъ конечные выводы этой жалобы ($^{972}/_{70}$). При такомъ важномъ значеніи для содержанія главнаго вопроса выводовъ акта обвиненія, необходимо разсмотрѣть, въ чемъ же собственно, по разъясненію сената, должны заключаться эти выводы.

Содержаніе выводовъ обвинительнаго акта.—Правительствующій сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ высказываетъ, что «законъ,

возлагая на составителя обвинительнаго акта обязанность означать, какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія, не требуетъ при-этомъ означенія самаго вида и степени преступленія, опредѣлить которые по одному лишь предварительному слѣдствію было бы иногда затруднительно или даже невозможно, да едва ли и не безполезно, такъ какъ указаніемъ всѣхъ дѣйствій, составляющихъ предметъ обвиненія, и рода преступленія, которому они соотвѣтствуютъ, достаточно достигается цѣль обвинительнаго акта, состоящая въ предоставленіи подсудимому возможности къ опроверженію какъ дѣйствительности фактовъ, входящихъ въ составъ обвиненія, такъ и преступности этихъ фактовъ» ($^{263}/_{67}$). Въ другомъ рѣшеніи сенатъ высказалъ, что «обвинительный актъ указываетъ лишь высшій предѣлъ (максимумъ) обвиненія, но не стѣсняетъ судъ (съ присяжными или безъ присяжныхъ) въ опредѣленіи уголовной отвѣтственности подсудимаго, не переходящей за этотъ предѣлъ» ($^{160}/_{68}$). «Въ обвинительномъ актѣ означаются только признаки преступленія, а не свойство и степень вины, которыя указываются обвинителемъ лишь въ заключительныхъ преніяхъ, по окончаніи судебнаго слѣдствія» ($^{877}/_{69}$). «Обвинительный актъ, выставляя во всемъ объемѣ внѣшнюю сторону дѣянія, можетъ и не опредѣлять его внутренней стороны, состоящей въ участіи злой воли подсудимаго при совершеніи преступленія и въ степени приведенія злаго умысла въ исполненіе» ($^{102}/_{68}$, $^{486}/_{69}$). Но во всякомъ случаѣ, «въ обвинительномъ актѣ слѣдуетъ указать по каждому обвиненію признаки преступнаго дѣянія и законъ, которому эти признаки соотвѣтствуютъ, а не достаточно обозначить только, что подсудимый предается суду за преступное дѣяніе, предусмотрѣнное въ такихъ-то статьяхъ закона» ($^{1818}/_{71}$, $^{135}/_{67}$). Такимъ образомъ, по мнѣнію правительствующаго сената, въ выводахъ обвинительнаго акта должны быть указаны, съ одной стороны, внѣшняя сторона дѣянія, во всемъ ея объемѣ, всѣ дѣйствія, составляющія предметъ обвиненія, признаки преступнаго дѣянія, и съ другой стороны — родъ преступленія, которому эти дѣйствія, эти признаки соотвѣтствуютъ, безъ обозначенія свойства и степени вины подсудимаго.

Обязанность постановки главнаго вопроса по обвинительному акту.

Постановка вопросовъ по обвинительному акту обязательна:

а) *Когда прокуроръ поддерживаетъ на судѣ то же самое обвиненіе, которое содержится и въ обвинительномъ актѣ.* Непоста-

новка такого вопроса въ подобномъ случаѣ есть существенное нарушеніе и влечетъ кассацію приговора суда и рѣшенія присяжныхъ ($^{91}/_{66}$, $^{254}/_{68}$, $^{407}/_{67}$, $^{321}/_{69}$, $^{1061}/_{71}$, $^{1326}/_{72}$, $^{147}/_{73}$). Правило это обязательно и для суда, рѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ ($^{1413}/_{70}$). Нарушеніе этого правила не влечетъ отмѣны приговора только тогда, когда присяжные отвѣтили отрицательно и на вопросъ о менѣе тяжкомъ преступленіи, относящемся къ тому же разряду, за которое подсудимый преданъ суду. Такъ, при обвиненіи по 1455 ст. улож., отрицаніе присяжными причиненія жертвѣ преступленія какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій вообще дѣлаетъ непостановленіе вопроса по обвинительному акту недостаточнымъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ и основаннаго на немъ приговора суда ($^{448}/_{70}$). Непостановка такого вопроса не влечетъ кассаціи и въ томъ случаѣ, когда прокуроръ противъ редакціи вопроса не возражалъ. По дѣлу Сагайчука ($^{1079}/_{70}$) судъ предложилъ вопросъ о покушеніи на кражу, тогда какъ подсудимый обвинялся въ совершеніи оконченной кражи. Сенатъ оставилъ протестъ безъ послѣдствій, такъ какъ прокуроръ противъ неправильной редакціи вопросовъ не возражалъ.

б) *Когда прокуроръ вовсе отказывается отъ поддержки обвиненія и судъ, съ своей стороны, находитъ, что невинность подсудимаго обнаружилась при судебномъ слѣдствіи* Вопросъ о виновности подсудимаго по обвинительному акту все-таки долженъ быть постановленъ и разрѣшенъ въ установленномъ порядкѣ ($^{78}/_{66}$), такъ какъ прокуроръ не можетъ взять назадъ обвиненія и такъ какъ неразрѣшеніе вопроса о виновности могло бы повлечь для подсудимаго новое преданіе суду за то же преступленіе. «Судъ, говоритъ сенатъ, обязанъ постановить вопросы согласно съ обвинительнымъ актомъ, несмотря на то, что невиновность подсудимаго обнаружится при производствѣ судебнаго слѣдствія и сама обвинительная власть откажется отъ обвиненія» ($^{181}/_{73}$). Правило это обязательно и для суда, разрѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ. «Въ случаѣ отказа прокурора отъ поддержки обвиненія, судъ все-таки обязанъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, т. е. постановить вопросы о виновности и разрѣшить ихъ въ законномъ порядкѣ, опредѣленномъ 765 и слѣд. ст. уст. уг. суд.» ($^{206}/_{70}$).

Въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, судъ обязанъ постановить вопросъ о виновности даже въ томъ случаѣ, когда въ дѣлѣ есть заявленіе о примиреніи сторонъ, бывшее въ виду обвинительной камеры, при преданіи обвиняемаго суду,

причемъ судъ по обвинительному вердикту присяжныхъ постановляетъ приговоръ, согласно 2 п. 771 и 826 ст. уст., объ освобожденіи подсуднмаго отъ суда ($^{725}/_{68}$).

Судъ *имѣетъ право* поставовить вопросъ по обвинительному акту:

Когда прокуроръ измѣняетъ на судѣ обвиненіе на менѣе тяжкое. Право, но не обязанность суда, постановлять въ подобномъ случаѣ главный вопросъ, согласно выводамъ обвинительнаго акта, правительствующій сенатъ признадъ во многихъ рѣшеніяхъ ($^{1131}/_{71}$, $^{225}/_{70}$, $^{499}/_{68}$, $^{388}/_{68}$, $^{673}/_{72}$).

Судъ *не имѣетъ права* ставить вопросы о виновности:

Когда подсудимый, къ которому предъявленъ гражданскій искъ, умеръ послѣ преданія суду. Въ этомъ случаѣ вопросъ о виновности умершаго вовсе не предлагается и судъ разсматриваетъ только вопросы, касающіеся гражданской отвѣтственности обвинявшагося, т. е. насколько доказано совершеніе имъ дѣянія, дающаго право требовать вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ, и насколько уважительно самое требованіе о вознагражденіи ($^{674}/_{70}$).

Редакція главнаго вопроса.—*Замѣна законныхъ признаковъ, которыми охарактеризовано преступленіе въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, конкретными фактами и наоборотъ.* Признавая общимъ правиломъ, что присяжные засѣдатели должны рѣшать исключительно вопросы факта, правительствующій сенатъ постоянно требуетъ замѣны правовыхъ признаковъ фактическими обстоятельствами, хотя бы таковые признаки были выражены въ заключительномъ выводѣ обвинительнаго акта и въ законной формѣ. Укажемъ на два примѣра. Бывшіе становые пристава Преображенскій и Косовъ ($^{487}/_{70}$) обвинялись въ томъ, что «при составленіи имѣнію жены надворнаго совѣтника, Половцевой, въ селѣ Покровскомъ описи, изъ личныхъ или корыстныхъ видовъ нарушили правила, для составленія описи постановленныя, причемъ Преображенскимъ учинена фальшивая подпись свидѣтеля Воронина». Судъ въ вопросахъ помѣстилъ выраженіе: «изъ корыстныхъ или личныхъ видовъ». Сенатъ нашелъ, что «въ вопросѣ слѣдовало указать, какія именно дѣйствія, обнаруженныя слѣдствіемъ, указывали на противозаконную цѣль нарушенія установленныхъ правилъ составленія описи и какого именно рода были побужденія или виды, вслѣдствіе которыхъ допущены эти нарушенія». Никитинъ ($^{305}/_{69}$) былъ преданъ суду по обвиненію въ оскорб-

леніи дѣйствіемъ мироваго судьи, при исполненіи имъ обязанностей службы. Правительствующій сенатъ нашелъ, что судъ не имѣлъ права помѣщать въ вопросахъ выраженіе: «при исполненіи обязанностей службы», а долженъ былъ ограничиться только указаніемъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ выражался этотъ признакъ.

Вообще жалобъ на замѣну фактическими обстоятельствами законныхъ признаковъ, употребленныхъ въ выводахъ обвинительнаго акта, и на стѣсненіе чрезъ это правъ обвинительной власти посредствомъ предложенія на разрѣшеніе присяжныхъ не всего конкретнаго матеріала, пріобрѣтеннаго по дѣлу, а только нѣкоторой части его, тѣхъ обстоятельствъ, которыя, по мнѣнію самаго суда, представляются болѣе доказанными, жалобъ на такое ограниченіе обвиненія въ кассаціонной практикѣ не встрѣчается. Зато есть протесты по поводу того, что судъ не изложилъ вопросовъ по фактическимъ признакамъ, хотя обвиненіе въ актѣ преданія суду было формулировано по признакамъ законнымъ. Такъ, подсудимые Житкова, Введенскій и Ляховъ ($^{1271}/_{70}$) были преданы суду по обвиненію «въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени ротмистра Житкова». Правительствующій сенатъ, по протесту прокурора, нашелъ, что судъ не долженъ былъ предлагать первый вопросъ въ такой формѣ: «подложно ли духовное завѣщаніе ротмистра Житкова», а долженъ былъ исчислить въ вопросѣ тѣ факты, по которымъ завѣщаніе признавалось подложнымъ.

Пополненіе главнаго вопроса признаками, не обозначенными въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта. Подсудимый Брайловскій ($^{453}/_{70}$) жаловался, что судъ, вопреки 751 статьѣ уст., отказалъ защитнику его въ ходатайствѣ о постановкѣ вопроса согласно выводамъ обвинительнаго акта, на основаніи котораго онъ *обвинялся лишь въ пріемѣ фальшиваго билета*, но не въ передачѣ его, между тѣмъ окружный судъ *включилъ въ вопросъ и фактъ передачи*. Сенатъ нашелъ, что «изъ обвинительнаго акта видно, что подсудимый былъ преданъ суду по обвиненію въ участіи въ передѣлкѣ свидѣтельствъ государственнаго банка за № 21449, на основаніи 1149, 573 и 571 ст. улож. По признакамъ того же самаго преступленія постановленъ былъ судомъ и вопросъ на разрѣшеніе присяжныхъ, и если этотъ вопросъ изложенъ не въ той самой редакціи, какъ значится въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, то законъ вовсе не требуетъ, чтобы судъ излагалъ вопросы буквально въ томъ самомъ видѣ,

какъ формулировано обвиненіе въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, не обращая вниманія на существо обвиненія, на которое указываютъ и обстоятельства дѣла, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, и самый законъ, подъ дѣйствіе котораго подводится въ этомъ актѣ дѣяніе подсудимаго.» Изъ этого рѣшенія вытекаетъ то положеніе, что судъ вправѣ ставить вопросъ о виновности, не придерживаясь заключительнаго вывода обвинительнаго акта, а сообразуясь съ сущностью обвиненія вообще и съ закономъ, въ актѣ приведеннымъ. Слѣдующее рѣшеніе налагаетъ на судъ *обязанность* редактировать вопросы такимъ образомъ. По дѣлу Арсеньева ($^{1425}/_{71}$) вопросы, предложенные присяжнымъ, по своему содержанію были совершенно согласны съ заключительною частью обвинительнаго акта, въ которой формулировано обвиненіе и которую принято называть окончательнымъ выводомъ [1]). Правительствующій сенатъ, изложивъ въ рѣшеніи своемъ

[1]) Обвинительный пунктъ былъ слѣдующій: «На основаніи вышеизложеннаго, бывшій редакторъ-издатель газеты «Петербургскій Листокъ», надворный совѣтникъ И. А. Арсеньевъ, 48 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что въ началѣ 1866 года поручилъ управляющему конторою редакціи «Петербургскаго Листка», коллежскому ассесору Кассовскому составить приходо-расходныя и гонорарныя книги по газетѣ за 1866 годъ, съ измѣненіемъ дѣйствительнаго дохода и расхода, послѣ чего одна изъ составленныхъ съ такими измѣненіями приходо-расходныхъ книгъ, еще до окончанія переписки, 14 марта 1866 года была отобрана полиціею, а двѣ другія приходо-расходныя и двѣ гонорарныя книги, 16 іюня 1866 года, представлены Арсеньевымъ, чрезъ повѣреннаго въ С.-Петербургскій окружный судъ, въ качествѣ доказательства расхода редакціи «Петербургскаго Листка» по дѣлу о денежныхъ разсчетахъ Арсеньева съ коллежскими секретарями Алексѣемъ и Николаемъ Зарудными. Преступленіе это предусмотрѣно 1692 ст. улож. о нак. Посему вышепоименованнаго И. А. Арсеньева предполагается предать суду С.-Петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей». («Суд. Вѣсти.» 1871 г., № 108). Вопросы, предложенные присяжнымъ, были слѣдующіе: 1) «виновенъ ли подсудимый надворный совѣтникъ Илья Александровъ Арсеньевъ въ томъ, что въ началѣ 1866 г., бывши редакторомъ-издателемъ газеты «Петербургскій Листокъ», поручилъ другому лицу составить приходо-расходныя и гонорарныя книги по газетѣ за 1866 годъ съ измѣненіемъ дѣйствительнаго дохода и расхода, съ цѣлью воспользоваться такими книгами, какъ доказательствомъ по тяжебному дѣлу съ Зарудными о разсчетахъ въ выгодахъ изданія «Петербургскаго Листка», каковыя книги тѣмъ лицомъ составлены»? 2) «Виновенъ ли онъ же, подсудимый Арсеньевъ, въ томъ, что передалъ повѣренному своему для представленія въ судъ, какъ доказательство по исковому дѣлу, означенныя приходо-расходныя и гонорарныя книги, въ которыхъ умышленно былъ выведенъ несогласный съ

часть обвинительнаго акта, предшествующую заключительному пункту, назвавъ ее *выводами* и перешедши затѣмъ къ обсужденію вопросовъ, предложенныхъ присяжнымъ и подведенію изложенныхъ въ нихъ фактовъ подъ законъ,—нашелъ, что «въ вопросахъ этихъ не достаетъ нѣкоторыхъ существенныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1692 и 1697 ст. улож., именно: «въ нихъ заключается обвиненіе только въ томъ, что подсудимый въ отчетныхъ книгахъ представленныхъ въ судъ, показалъ невѣрно доходъ и расходъ по изданію газеты «Петербургскій Листокъ», съ цѣлью воспользоваться этими книгами при разсчетахъ съ Зарудными въ выгодахъ изданія. Но, чтобы обвинить подсудимаго не только въ обманѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ подлогѣ, необходимо было имѣть въ виду свѣдѣнія о томъ: поддѣлалъ ли онъ въ представленныхъ имъ книгахъ чье-либо удостовѣреніе, скрылъ ли онъ подлинныя книги, веденныя имъ по договору съ Зарудными, о чемъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, и были ли подлинныя книги засвидѣтельствованы Зарудными, а также основывалъ ли онъ свои права на представленныхъ имъ книгахъ. Между тѣмъ, объ этихъ существенныхъ по свойству дѣла свѣдѣніяхъ вовсе не поставлено вопросовъ и они остались неразрѣшенными». Признавъ постановку вопросовъ неправильною, сенатъ затѣмъ отмѣнилъ приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другое отдѣленіе суда [1]). Такимъ

дѣйствительностію доходъ и расходъ, зная, что въ этихъ книгахъ доходъ и расходъ показаны неправильно, каковыя книги и были повѣреннымъ его представлены въ судъ»? ($^{1425}/_{71}$).

[1]) При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, вопросы были поставлены въ слѣдующемъ видѣ: «виновенъ ли подсудимый, надворный совѣтникъ Илья Александровъ (Арсеньевъ) въ томъ, что съ намѣреніемъ воспользоваться денежными выгодами по изданію газеты «Петербургскій Листокъ», въ количествѣ болѣе 300 руб., причитавшихся на долю его компаньоновъ, Зарудныхъ, которыми уже былъ предъявленъ окружному суду искъ о взысканіи съ Арсеньева означенныхъ выгодъ, въ началѣ 1866 года скрылъ подлинныя книги приходо-расходныя и корпоративныя, веденныя по газетѣ «Петербургскій Листокъ» въ редакціи, въ силу заключеннаго по сему предмету между Арсеньевымъ и Зарудными условія, поручилъ составить въ замѣнъ этихъ книгъ другія, въ которыхъ умышленно и съ вѣдома Арсеньева, съ цѣлью скрыть истину при опредѣленіи суммы дохода по изданію газеты, были измѣнены, въ ущербъ Зарудныхъ и въ пользу Арсеньева, дѣйствительныя цифры прихода и расхода по газетѣ, представилъ эти ложно составленныя по его порученію книги чрезъ повѣреннаго своего въ окружный судъ, вслѣдствіе опредѣленія сего суда, какъ доказательство по иску

образомъ постановка вопроса согласно окончательному выводу обвинительнаго акта не слагаетъ съ суда отвѣтственности за неправильную редакцію вопроса; судъ, не ограничиваясь однимъ заключительнымъ пунктомъ обвинительнаго акта, обязанъ пополнять вопросъ фактическими признаками, необходимыми для состава преступленія, извлекая ихъ и изъ другихъ частей обвинительнаго акта.

Обращаемся къ другой категоріи рѣшеній. Опредѣленіемъ с.-петербургской судебной палаты ямщикъ Павелъ Рязановъ ($^{171}/_{68}$) былъ преданъ суду вмѣстѣ съ другими лицами по обвиненію въ участіи въ продажѣ масла на 277 руб. 17 коп. изъ отнятаго у крестьянина Ефимова, съ знаніемъ, что оно похищено. Вопросъ о немъ, постановленный на разрѣшеніе присяжныхъ, былъ слѣдующій: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что участвовалъ въ продажѣ масла, зная, что оно насильственнымъ образомъ похищено продававшими его лицами»? Признанный въ этомъ виновнымъ, Рязановъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Защитникъ его указывалъ въ кассаціонной жалобѣ на то, что хотя Рязановъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что участвовалъ въ продажѣ похищеннаго масла, зная, что оно похищено, и хотя въ обвинительномъ актѣ слову «похищеніе» дано было значеніе кражи, а не грабежа, какъ доказывается это ссылкою на 169 и 172 ст. уст. о нак. однако судъ счелъ себя въ правѣ предложить присяжнымъ вопросъ: виновенъ ли Рязановъ въ томъ, что участвовалъ въ продажѣ масла, зная, что оно насильственнымъ образомъ похищено. Защитникъ находилъ, что судъ обвинилъ Рязанова въ преступленіи болѣе важномъ, чѣмъ то, которое опредѣлено въ обвинительномъ актѣ. Сенатъ нашелъ, что «хотя въ обвинительномъ актѣ Рязановъ обвинялся въ продажѣ отнятаго у крестьянина Ефимова масла, съ знаніемъ, что оно похищено, слѣдовательно, этими словами знаніе вида похи-

---

предъявленному на него Зарудными, и основывалъ на этихъ книгахъ права свои по разсчетамъ о выгодахъ по изданію газеты «Петербургскій Листокъ»? «Если Арсеньевъ виновенъ по предыдущему вопросу, то: а) воспользовался ли онъ, при посредствѣ указанныхъ въ 1-мъ вопросѣ дѣйствій, принадлежащими Зарудному деньгами въ количествѣ болѣе 300 руб., или же б) онъ не успѣлъ воспользоваться означенными деньгами по той причинѣ, что представленныя Арсеньевымъ книги, указанныя въ 1-мъ вопросѣ, были исключены судомъ изъ числа доказательствъ и переданы прокурорскому надзору для возбужденія противъ Арсеньева уголовнаго преслѣдованія»? ($^{371}/_{72}$).

щенія съ точностію не было опредѣлено, но затѣмъ ссылка въ обвинительномъ актѣ на 1701 ст. улож., предусматривающую, между прочимъ, и продажу завѣдомо чрезъ насиліе полученнаго имущества, такъ и на 172 ст. уст о нак., указывающую на укрывательство похищеннаго, ясно показываетъ, что судебная палата, не считая возможнымъ опредѣлить съ точностью до судебнаго слѣдствія, какой именно изъ этихъ видовъ преступленія долженъ быть приписанъ Рязанову, предвидѣла, однако, случай продажи завѣдомо чрезъ насиліе полученнаго имущества, почему подсудимый, въ виду такого обвиненія имѣлъ возможность и обязанъ былъ представить свои оправданія и противъ важнѣйшаго изъ предусмотрѣнныхъ въ обвинительномъ актѣ преступленій»? Никифоръ Кораблюкъ (937/11) былъ преданъ по обвиненію суду въ томъ, что «умышленно и съ цѣлью ограбленія лишилъ жизни царапина Крейтора, у котораго находился въ услуженіи, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 1451 п. 4 и 1453 ст. улож.». Судъ поставилъ вопросъ о виновности въ предумышленномъ убійствѣ. Сенатъ нашелъ, что «хотя преступленіе въ обвинительномъ актѣ названо убійствомъ умышленнымъ, причемъ не оговорено, учинено ли это убійство вслѣдствіе заранѣе обдуманнаго умысла или по внезапному побужденію, но такое опредѣленіе палаты въ общихъ чертахъ способа совершенія преступленія дополнено въ обвинительномъ актѣ ссылкою на ст. 1451 п. 4 и 1453 улож., предусматривающія убійство съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ, а потому и въ предложенномъ судомъ фактическомъ вопросѣ, по содержанію статей, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ, не представляется нарушеніемъ ст. 752 уст. уг. суд.» Тоже самое призналъ сенатъ и въ рѣшеніи по дѣлу Халитова (822/72). Сенатъ нашелъ, что «законъ не требуетъ, чтобы вопросы присяжнымъ засѣдателямъ судъ излагалъ не иначе и буквально въ томъ самомъ видѣ, какъ формулировано обвиненіе въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта или замѣняющаго его опредѣленія судебной палаты, не обращая вниманія ни на существо обвиненія, указываемое обстоятельствами дѣла, ни на самый законъ, подъ дѣйствіе котораго подводится дѣяніе подсудимаго (1870, № 453); посему, хотя въ замѣнявшемъ обвинительный актъ опредѣленіи палаты о преданіи Халитова суду, при исчисленіи въ окончательномъ выводѣ признаковъ взведеннаго на него преступнаго дѣянія, не упомянуто о совершеніи его посудимымъ *съ умысломъ*, но такъ какъ въ опредѣленіи палаты преступное дѣяніе Халитова

подведено подъ дѣйствіе 178 ст. улож., съ ссылкою на вторую ея часть, въ которой предусмотрѣно совершеніе того же самаго преступленія, какъ и въ первой ея части, но не въ публичномъ мѣстѣ, а въ первой части 178 ст. улож. употреблено выраженіе «съ умысломъ», и такъ какъ судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями не измѣнилось обвиненіе Халитова по 2 ч. 178 ст. улож., то помѣщеніемъ въ вопросѣ о виновности Халитова означеннаго выраженія нисколько не нарушены указанные въ кассаціонной жалобѣ его повѣреннаго законы о постановкѣ присяжнымъ засѣдателямъ вопросовъ »—Коняхина ($^{448}/_{30}$) была предана суду по обвиненію въ томъ, что хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или въ запальчивости, но однако не случайно, удушила пасынка своего Кононова. Преступленіе было подведено подъ 1455 ст. улож. Судъ предложилъ вопросъ о томъ: виновна ли подсудимая въ томъ, что причинила своему пасынку, не по неосторожности или съ намѣреніемъ и безъ умысла на убійство, насильственныя дѣйствія, отъ которыхъ Кононовъ умеръ; но товарищъ прокурора просилъ постановить, по 1455 ст. улож., вопросъ о томъ, виновна ли Коняхина въ томъ, что безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ не случайно, а зная, что она посягаетъ на жизнь своего пасынка, удушила его. Судъ отказалъ въ постановкѣ этого вопроса, на томъ основаніи, что въ обвинительномъ актѣ не сказано, что Коняхина знала, что она посягаетъ на жизнь пасынка своего, и что одно указаніе въ обвинительномъ актѣ на 1455 ст. улож., безъ изложенія существенныхъ признаковъ преступленія, подходящаго по своему свойству также подъ 1464 ст. улож., не можетъ дать суду право предложить для разрѣшенія присяжныхъ засѣдателей вопросъ въ смыслѣ статьи, могущей подвергнуть Коняхину болѣе тяжкому наказанію. Сенатъ нашелъ, что опредѣленіе свойства преступленія, какъ сдѣлано оно въ обвинительномъ актѣ, соотвѣтствуетъ преступленію, наказуемому по 1455 ст. улож. и что судъ отказавъ товарищу прокурора въ постановкѣ вопроса, нарушилъ 751 ст. уст.. но приговоръ не былъ кассированъ въ виду того, что присяжные отвергли виновность Коняхиной въ причиненіи пасынку ея вообще какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не помѣщенный въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта признакъ былъ онущенъ и въ вопросѣ, но дѣяніе подведено судомъ подъ ту статью закона, по которой подсудимый обвинялся, сенатъ оставляетъ приговоръ суда въ силѣ,

ссылаясь на существо обвинительнаго акта. По дѣлу Рожкова (751/71) былъ предложенъ вопросъ о виновности подсудимаго въ томъ, что 2 декабря 1869 года отнялъ у крестьянина Тимонина и уничтожилъ росписку, выданную имъ же, Рожковымъ, Тимонину въ удостовѣреніе своего долга въ 5 рублей. Судъ примѣнилъ къ этому дѣянію 1657 ст. улож. Подсудимый жаловался, что онъ не признанъ виновнымъ въ уничтоженіи документа съ корыстной цѣлью. Сенатъ нашелъ, что хотя дѣйствительно въ вопросѣ не упоминается о томъ, чтобы поступкомъ своимъ подсудимый имѣлъ въ виду доставить себѣ противозаконную выгоду, но однакожъ не представляется основанія, чтобы присяжные не признали этого существеннаго признака, такъ какъ корыстная цѣль преступленія, совершеннаго Рожковымъ, вытекаетъ изъ существа обвинительнаго акта, согласно выводамъ котораго поставленъ судомъ вопросъ присяжнымъ. — Подсудимый Евгеніевъ (649/70) жаловался, что онъ неправильно преданъ суду за покушеніе на мошенничество, такъ какъ въ обвинительномъ опредѣленіи судебной палаты, вопреки 520 ст. уст.. не указано существеннаго признака мошенническаго обмана съ цѣлью похищенія посредствомъ его денегъ. Сенатъ нашелъ, что «хотя окончательный выводъ въ опредѣленіи судебной палаты по настоящему дѣлу не имѣетъ надлежащей точности, ибо въ виду объясненія Евгеніева, что онъ дѣйствовалъ въ качествѣ повѣреннаго, употребленныя палатою слова: «представилъ билетъ съ цѣлью полученія причитающихся процентовъ» не выражаютъ сами по себѣ намѣренія похитить чужія деньги, но какъ въ предшествовавшемъ этому выводу заключеніи палата признала, что объясненіе Евгеніева о способѣ полученія имъ билета отъ неизвѣстнаго лица голословно и неправдоподобно и что объясненіе относительно дальнѣйшихъ его дѣйствій опровергается свидѣтельскими показаніями, то затѣмъ опредѣленіе судебной палаты, во всей его совокупности, ясно доказываетъ, что Евгеніевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ покушеніи похитить посредствомъ обмана чужія деньги».

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ изложенныхъ рѣшеній сената вытекаетъ тотъ выводъ, высказанный сенатомъ по дѣлу Брайловскаго, что судъ, при изложеніи главнаго вопроса, долженъ слѣдовать не буквальному изложенію обвиненія въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, а обязанъ сообразоваться съ существомъ обвиненія, на которое указываютъ и обстоятельства дѣла, изложенныя въ обви-

нительномъ актѣ, и самый законъ, подъ дѣйствіе котораго подводится въ этомъ актѣ дѣяніе подсудимаго.

Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ правительствующаго сената относительно изложенія главнаго вопроса не только по тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, но и вообще по всѣмъ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя заключаются въ обвинительномъ актѣ вообще. Правило это не согласно, во-первыхъ, съ буквою закона. Статья 751 устава говоритъ: «основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы». Такимъ образомъ, законъ знаетъ только два источника вопросовъ: выводы обвинительнаго акта и судебное слѣдствіе съ заключительными преніями, на сколько эти послѣднія вносятъ новаго въ тѣ выводы. Подъ выводами же обвинительнаго акта, по общепринятому мнѣнію, которое раздѣляетъ и правительствующій сенатъ, разумѣется та часть акта, которая соотвѣтствуетъ указанной въ 5 п. 520 ст. уст.; это та часть, въ которой содержится сущность обвиненія, резюме дѣла, признаки дѣянія подсудимаго въ ихъ соотвѣтствіи законному опредѣленію. Слѣдовательно, полагать, что основаніемъ вопросовъ долженъ служить весь обвинительный актъ, значитъ отступать отъ буквы закона. Но этимъ отступленіемъ отъ буквальнаго смысла закона въ данномъ случаѣ дѣло не ограничивается. Означенное правило нарушаетъ, во-вторыхъ, по нашему мнѣнію и внутренній смыслъ этого закона. Полагая основаніемъ вопросовъ заключительные выводы обвинительнаго акта, законъ предполагалъ, конечно, что обвинительная власть зрѣло обдумала обвиненіе и правильно его формулировала, что въ заключительной части акта преданія суду она сосредоточила всю сущность обвиненія, весь его предметъ, изложила преступленіе во всей его полнотѣ. Противъ этого только обвиненія подсудимый и долженъ направить свою защиту. Когда обвиненіе формулировано по конкретнымъ фактамъ, онъ вправѣ думать, что всѣ тѣ обстоятельства или предположенія, которыя разсѣяны въ исторической части обвинительнаго акта, но которыя не внесены въ его заключительный пунктъ, или оставлены безъ вниманія обвинительною камерою, какъ несущественныя, или же признаны ею недоказанными, и что вслѣдствіе этого ему и не предстоитъ надобности противъ нихъ

бороться; онъ вправѣ ожидать, что если судебное слѣдствіе не раскроетъ чего-нибудь *новаго*, такого, что вовсе не было въ виду обвинительной камеры, то ничто, кромѣ предмета обвиненія, изложеннаго въ заключительной части обвинительнаго акта, и не будетъ направлено противъ него. Но какъ скоро мы распространимъ предметъ обвиненія на весь обвинительный актъ, мы заставимъ подсудимаго горько обмануться въ своихъ ожиданіяхъ: ему придется сознаться, что онъ долженъ былъ направить свое оружіе не только противъ того, что̀ ставится ему въ вину обвинительною властью, но долженъ былъ предвидѣть, что необходимо было запасаться оружіемъ и къ опроверженію того, что̀ пайдетъ противъ него въ данныхъ предварительнаго слѣдствія, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ, и судъ, рѣшающій дѣло по существу, эта вмѣстѣ съ тѣмъ новая обвинительная камера. Но возложить на подсудимаго такую обязанность едвали справедливо. Если обвинитель, вооруженный знаніемъ и пользующійся самымъ благопріятнымъ положеніемъ, чтобы формулировать обвиненіе во всей возможной его полнотѣ, не съумѣлъ или не могъ этого сдѣлать, то какъ же можно требовать отъ подсудимаго, положеніе котораго не можетъ быть поставлено ни въ какое сравненіе съ положеніемъ обвинителя, чтобы онъ въ массѣ историческихъ подробностей, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ, самъ предусмотрѣлъ существенные факты, которые будутъ выдвинуты противъ него судомъ и впередъ запасся оружіемъ къ ихъ опроверженію. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе дѣла подрываетъ значеніе обвинительнаго процесса. Но этого мало. Оно подрываетъ, въ-третьихъ, значеніе обвинительной камеры, какъ высшаго обвинительнаго судилища. Имѣя въ виду, что содержаніе вопроса, составляющаго предметъ обвиненія, должно быть заимствовано изъ всего обвинительнаго акта, что дѣяніе подсудимаго должно быть охарактеризовано по тѣмъ фактическимъ даннымъ, которыя самъ судъ въ этомъ актѣ усмотритъ, и помня правило, провозглашенное правительствующимъ сенатомъ, что судъ не обязанъ подчиняться квалификаціи преступленія, сдѣланной обвинительною камерою, судъ, рѣшающій дѣло по существу, можетъ совершенно измѣнить обвиненіе и стать такимъ образомъ на мѣсто судебной палаты, причемъ—хотя быть можетъ и невольно—пойти противъ ея убѣжденія. Изъ множества примѣровъ подобнаго отношенія къ убѣжденіямъ обвинительной камеры приведемъ одинъ. Постановленіемъ саратовской судебной палаты крестьяне Сергѣевы (642/72)

были преданы суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 196 улож. о нак., заключающемся въ томъ, что въ 1867 году уговорили перейти изъ православія въ расколъ жену Михаила Сергѣева, Матрену Кузьмину, причемъ ими *не было употреблено никакого принужденія или насилія*. Казалось бы, что вопросъ о принужденіи уже ни въ какомъ случаѣ не могъ быть предложенъ присяжнымъ, ибо изъ постановленія обвинительной камеры опредѣленно и точно видно, что она не нашла возможнымъ предать подсудимыхъ суду по этому предмету. Но окружный судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ слѣдующій вопросъ: «виновны ли подсудимые въ томъ, что съ 1867 года *уговаривали* или *принуждали* Матрену Кузьмину перейти изъ православія въ расколъ». Не зная обстоятельствъ дѣла, мы не можемъ сказать, что̀ именно послужило суду основаніемъ къ постановкѣ вопроса о принужденіи; но, во всякомъ случаѣ обстоятельство это было въ виду обвинительной камеры (иначе она и не упомянула бы о немъ въ своемъ окончательномъ выводѣ въ актѣ преданія суду) и было признано ею не настолько вѣроятнымъ, чтобы можно было включить его въ обвиненіе. Между тѣмъ окружный судъ, вопреки постановленію палаты, включилъ его въ вопросъ о виновности подсудимыхъ. Спрашивается: ужели судъ не вышелъ изъ предѣловъ обвиненія и не пошелъ противъ убѣжденія обвинительной камеры? Наконецъ, въ-четвертыхъ, правило высказанное сенатомъ, крайне неудобно въ практическомъ отношеніи. Постановка вопросовъ на судѣ и безъ того представляетъ столько̀ затрудненій, что справиться съ ними не совсѣмъ легко. Между тѣмъ положеніе, провозглашенное сенатомъ, эти затрудненія значительно усугубляетъ. Постановивъ главный вопросъ по выводамъ обвинительнаго акта и оставивъ за собою право постановить уголовный вопросъ, судъ, казалось бы, могъ считать свою обязанность исполненною. Неправильные или неполные выводы обвинительнаго акта могли бы быть поставлены въ вину его составителямъ. Но между тѣмъ выходитъ иначе. Судъ обязанъ исправить недостатки обвиненія, долженъ самъ извлечь все недостающее для состава преступленія изъ всего обвинительнаго акта, долженъ сдѣлать надлежащія розысканія, которыхъ не сдѣлала обвинительная камера. Но гдѣ же предѣлъ этимъ розыскамъ? И чѣмъ будетъ отличаться судъ отъ обвинительной камеры? Гдѣ та граница, которая должна отдѣлять прежнюю обвинительную камеру отъ новой, повѣрочной? Затрудненіе для окружнаго суда слишкомъ велико, въ особенности

если принять во вниманіе колебаніе кассаціонной практики, которая то требуетъ изложенія вопросовъ по фактическимъ обстоятельствамъ и кассируетъ приговоры судовъ за неисполненіе этого правила, то предписываетъ пополнить вопросы признаками по статьямъ уложенія, приведеннымъ въ обвинительномъ актѣ, и также уничтожаетъ приговоры за нарушеніе этого предписанія.

Редакція главнаго вопроса въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Засимъ разсмотримъ отдѣльные случаи редактированія главнаго вопроса въ его отношеніи къ выводамъ обвинительнаго акта.

а. *Когда статья закона, коею опредѣляется дѣяніе подсудимаго приведена въ обвинительномъ актѣ ошибочно.* Московская судебная палата предала Панфила Шишкова (^{2}/$_{68}$) суду по обвиненію въ укрывательствѣ краденаго — преступленіи, предусмотрѣнномъ 124 ст. улож. и 180 уст. о нак. Вопросъ былъ предложенъ объ укрывательствѣ кражи и подсудимый былъ приговоренъ по 169 и 172 ст. уст. о нак. Подсудимый въ кассаціонной жалобѣ объяснялъ, что по опредѣленію судебной палаты онъ подлежалъ преслѣдованію по ст. 124 улож. и 180 уст. о нак., и что окружный судъ, въ нарушеніе 756 ст. уст., неправильно постановилъ о немъ вопросъ. Сенатъ нашелъ, что «въ приговорѣ окружнаго суда не заключается противорѣчія съ опредѣленіемъ судебной палаты, предавшей Шишкова суду также за укрывательство кражи, какъ это положительно ею выражено и притомъ со ссылкою на 124 ст. улож., опредѣляющую наказаніе укрывателямъ». Такимъ образомъ ошибочно выставленная въ обвинительномъ актѣ статья, при ясномъ формулированіи обвиненія, не должна быть принимаема въ соображеніе при постановкѣ вопросовъ.

б. *Когда къ дѣянію подсудимаго въ обвинительномъ актѣ примѣняется статья по аналогіи.* Владиміръ и Екатерина Умецкіе (^{160}/$_{68}$) были преданы суду по обвиненію въ употребленіи во зло родительской своей власти, въ жестокомъ обращеніи съ малолѣтнею своею дочерью Ольгою и въ вовлеченіи ея чрезъ то въ преступленіе, на основ. 151, 1476 и 1587 ст. улож. Вопросы о подсудимыхъ были постановлены въ слѣдующемъ смыслѣ: «виновны ли въ томъ, что чрезъ употребленіе во зло родительской власти своей, вовлекли малолѣтнюю дочь свою Ольгу въ совершеніе приписываемыхъ ей преступленій? Окружный судъ, послѣ утвердительнаго рѣшенія присяжныхъ, принялъ во вниманіе, что суще-

ственный признакъ преступленія, предусм 1587 ст. улож., заключается въ *умышленномъ* вовлеченіи несовершеннолѣтняго въ преступленіе, что Владиміръ и Екатерина Умецкіе не обвинялись и не признаны присяжными виновными въ томъ, что умышленно вовлекли дочь свою въ совершеніе поджоговъ, призналъ подсудимыхъ по этому обвиненію неподлежащими наказанію. Прокуроръ въ протестѣ своемъ объяснилъ, что хотя подсудимые Умецкіе и дѣйствительно не признаны виновными въ *умышленномъ* вовлеченіи дочери своей въ преступленіе и хотя умыселъ составляетъ принадлежность преступленій, указаннаго въ 1587 ст. улож., но какъ дѣйствія Умецкихъ подведены были судебною палатою подъ эту статью примѣнительно, то судъ обязанъ былъ предложить присяжнымъ вопросъ о тѣхъ фактическихъ обстоятельствахъ, которыя признаны за противоположное дѣяніе въ актѣ о преданіи суду, а при утвердительномъ отвѣтѣ присяжныхъ примѣнить къ Умецкимъ ту статью, которою опредѣлено свойство ихъ проступковъ судебною палатою. Сенатъ нашелъ, что «заключеніе прокурора не согласно ни съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ опредѣленіи судебной палаты указаніе на означенную статью (1587), какъ на исходный пунктъ къ опредѣленію наказанія по аналогіи, ни съ установленнымъ закономъ отношеніемъ между обвинительнымъ актомъ и судебнымъ приговоромъ, для котораго обвинительный актъ указываетъ лишь высшій предѣлъ (максимумъ) обвиненія, но вовсе не стѣсняетъ судъ (съ присяжными или безъ присяжныхъ) въ опредѣленіи уголовной отвѣтственности подсудимыхъ»: Затѣмъ сенатъ нашелъ, что къ дѣянію подсудимыхъ, въ которомъ они признаны виновными, судъ долженъ былъ примѣнить 1476 ст. улож. Изъ этого рѣшенія между прочимъ можно вывести то положеніе, что, при обвиненіи въ преступленіи по аналогіи, въ вопросѣ о виновности должны быть указаны только наличные признаки, изложенные въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, и вопросъ не долженъ быть пополняемъ по статьѣ закона, въ актѣ приведенной.

Но въ практикѣ нашихъ судовъ встрѣчаешь случаи, въ которыхъ отсутствующій въ актѣ преданія суду существенный признакъ преступленія, вслѣдствіе чего къ дѣянію подсудимаго и примѣнена статья закона по аналогіи, пополняется въ вопросахъ присяжнымъ. Такъ напримѣръ мѣщанинъ Низяевъ ($^{198}/_{70}$) былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что онъ оставлялъ безъ всякаго призрѣнія малолѣтнихъ своихъ дѣтей, а 20 января 1868 г.,

во время сильныхъ морозовъ, заперъ, въ нетопленой избѣ, 7-ми лѣтняго сына Петра, гдѣ онъ оставался безъ пищи болѣе сутокъ, чѣмъ подвергалъ самую жизнь его опасности; причемъ палата признала, что дѣяніе Низяева, по признакамъ своимъ, на основаніи 151 ст. улож., ближе всего соотвѣтствуетъ преступленію, предусм. 1514. 1516 ст. улож. Калужскій окружный судъ въ вопросы о виновности включилъ отсутствующій въ актѣ преданія суду признакъ «съ намѣреніемъ», который былъ затѣмъ отвергнутъ присяжными.

в. *Когда въ выводахъ обвинительнаго акта нѣтъ указанія, по которому именно отдѣлу привѣенной въ немъ статьи* закона (напр. 309, 225, 1610, 1612, 1643 и др. улож.) *подсудимый обвиняется.* На разсмотрѣніе сената восходило два такихъ случая. Мѣщанинъ Левтѣевъ ($^{153}/_{71}$), преданный суду за поджогъ, предусмотрѣнный 1612 ст. улож., жаловался, что судъ вышелъ изъ предѣловъ обвиненія, такъ какъ въ актѣ преданія его суду не было выговорено, что зданіе, которое онъ поджогъ, было обитаемо, а потому судъ не имѣлъ основанія включать это обвиненіе въ вопросъ и обвинять его въ болѣе тяжкомъ преступленіи. Сенатъ нашелъ этотъ поводъ кассаціи незаслуживающимъ уваженія, «такъ какъ хотя въ обвинительномъ актѣ и сдѣлана ссылка на 1612 ст. улож., безъ указанія спеціально второй части ея, но въ изложеніи обстоятельствъ дѣла приведены фактическіе признаки преступленія, предусм. во 2-й части 1612 ст. улож.» — Крестьянинъ Ивкинъ ($^{120}/_{69}$) былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что подложилъ въ крышу кабака купца Матвѣева зажженную куклу, съ цѣлью поджечь жилое строеніе, что однако было предотвращено усиліями посторонніхъ лицъ и что такимъ образомъ онъ совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1610 ст. улож. Присяжнымъ былъ предложенъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ ночь на 17 мая 1868 года, съ умысломъ произвести поджогъ Помутинскаго питейнаго дома, подсунулъ въ щелину соломенной крыши означеннаго дома зажженный свертокъ изъ тряпокъ съ паклей и спичками, но однако не препятствовалъ немедленному потушенію этого свертка, который тотчасъ былъ замѣченъ и затоптанъ другими». Прокуроръ просилъ послѣднія слова вопроса замѣнить словами обвинительнаго акта: «преступленіе было предотвращено усиліями посторонніхъ лицъ», потому что опредѣленіе преступленія по обвинительному акту ближе подходитъ къ 3-му отдѣлу 1610 ст. Судъ, находя, что вопросъ постановленъ по 751 ст. уст.

и по признакамъ, соотвѣтствующимъ 1610 ст. улож., въ измѣненіи вопроса отказалъ. Въ протестѣ прокуроръ объяснялъ, что вопросъ суда тогда только былъ бы постановленъ по 1610 ст. улож., еслибы судомъ было постановлены не одинъ, а три вопроса, сообразно съ тремя пунктами 1610 ст., и что вопросъ суда не согласенъ съ тѣмъ обвиненіемъ, которое выведено въ обвинительномъ актѣ и было поддерживаемо имъ на судѣ. Сенатъ нашелъ: «въ обвинительномъ актѣ сдѣлано указаніе на 1610 ст. безъ означенія ея отдѣла, что въ обвинительномъ актѣ указаны только общіе признаки покушенія на зажигательство и что судъ поэтому имѣлъ обязанность и право помѣстить въ вопросѣ тѣ, опредѣляющія виновность Ивкина, обстоятельства, которыя соотвѣтствуютъ признакамъ одного изъ преступленій, указанныхъ въ трехъ пунктахъ 1610 ст., и что товарищъ прокурора предлагалъ суду такое измѣненіе вопроса, которое не заключало въ себѣ точныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 3 п. 1610 ст., и не соотвѣтствѣтствовало признакамъ, изложеннымъ во 2-мъ пунктѣ той же статьи». Велѣдствіе этого протестъ былъ оставленъ безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, изъ этихъ рѣшеній вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) что вопросъ ставится по признакамъ одного изъ отдѣловъ, входящихъ въ составъ статьи закона, и 2) что въ вопросѣ помѣщаются тѣ, опредѣляющія виновность подсудимаго, обстоятельства, которыя соотвѣтствуютъ признакамъ извѣстнаго отдѣла и которыя, по мнѣнію суда, вытекаютъ изъ всего обвинительнаго акта. Но это только тогда: а) когда въ выводахъ обвинительнаго акта указаны общіе признаки преступленія, предусмотрѣннаго всей статьей, а не спеціальные, относящіеся къ извѣстному отдѣлу; б) когда редакція вопроса, предлагаемая лицомъ прокурорскаго надзора, также не заключаетъ въ себѣ точныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣнныхъ въ указываемомъ имъ отдѣлѣ, и в) когда редакція эта не имѣетъ основанія въ обстоятельствахъ, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ.

г. *Когда обвиненіе въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта обозначено родовымъ или видовымъ понятіемъ преступленія, безъ указанія фактическихъ обстоятельствъ и составныхъ частей этого понятія.* По дѣлу Брыкова ($\frac{565}{70}$), преданнаго суду за *грабежъ*, предусмотрѣнный въ 1643 ст., постановленъ былъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что на улицѣ отнялъ у крестьянина Андреева принадлежащія ему деньги?» Прокуроръ требовалъ прибавленія въ вопросѣ: «съ цѣлью похищенія». Судъ

отказалъ, въ виду того, что ни изъ обвинительнаго акта, ни изъ обвинительной рѣчи, ни изъ судебнаго слѣдствія не выяснилась цѣль, съ которою подсудимый отнялъ деньги, и затѣмъ подвелъ дѣяніе подсудимаго подъ 142 ст. уст. о нак. Прокуроръ въ кассаціонномъ протестѣ просилъ объ отмѣнѣ приговора потому, что судъ отказалъ въ дополненіи предложеннаго присяжнымъ вопроса существеннымъ признакомъ того преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый. Сенатъ нашелъ, что хотя палата въ окончательномъ выводѣ и повторила, что деньги отняты съ цѣлью похищенія, но обстоятельство это вытекало изъ существа обвинительнаго акта, изъ неозначенія въ актѣ иной цѣли отнятія денегъ и изъ ссылки на ст. 1637 и 1643 улож. Вслѣдствіе этого, сенатъ пришелъ къ заключенію, что судъ отказалъ прокурору въ постановкѣ вопроса согласно выводамъ обвинительнаго акта, которые прокуроръ поддерживалъ на судѣ, чѣмъ нарушилъ 751 ст. уст. Безсрочно-отпускной Филиповъ ($^{1061}/_{71}$) былъ преданъ суду по утвержденному московскою судебною палатою обвинительному акту, въ которомъ за изложеніемъ показанія цеховой Татьяны Глазуновской и четырехъ свидѣтелей о томъ, что, въ бытность Глазуновской въ питейномъ заведеніи, обвиняемый Филатовъ выхватилъ лежавшій подъ ея головою узелокъ съ вещами и скрылся изъ заведенія, сказано, что Филиповъ обвиняется *въ грабежѣ*, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1643 ст. улож. На разрѣшеніе присяжныхъ былъ поставленъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что днемъ 25 сентября 1870 года, у бывшей въ питейномъ заведеніи цеховой Глазуновской вырвалъ, явнымъ и замѣтнымъ для нея образомъ, съ цѣлью похищенія, узелъ съ вещами, по оцѣнкѣ на 50 коп., и съ нимъ скрылся?» Товарищъ прокурора просилъ добавить въ вопросъ выраженіе: «въ присутствіи постороннихъ лицъ». Судъ, имѣя въ виду, что никто изъ спрошенныхъ на судѣ свидѣтелей не удостовѣрилъ того, чтобы они видѣли, что подсудимый похитилъ узелъ у Глазуновской, и что такимъ образомъ обстоятельство, о которомъ товарищъ прокурора проситъ упомянуть въ вопросѣ, не вытекаетъ изъ судебнаго слѣдствія, постановилъ: редакцію вопросовъ оставить безъ измѣненія. Сенатъ кассировалъ рѣшеніе принявъ на видъ, что хотя въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу не выведены категорически всѣ признаки того преступнаго дѣянія, въ которомъ подсудимый Филиповъ обвинялся, однако ясно указано, что, по показаніямъ четырехъ свидѣтелей, Филиповъ, выхвативъ у Глазуновской лежав-

шій подъ ея головою узелокъ, скрылся изъ завѣденія; слѣдовательно, если товарищъ прокурора, въ своей обвинительной рѣчи, дѣйствительно выводилъ совершеніе преступленія въ присутствіи постороннихъ лицъ, чего судъ не отвергаетъ, то требованіе его о дополненіи главнаго вопроса этимъ признакомъ преступленія было обязательно для суда, который въ подобныхъ случаяхъ обязанъ постановить главный вопросъ согласно требованію обвиненія, не измѣнившемуся на судѣ, сохраняя за собою право на постановку дополнительнаго условнаго вопроса по своему усмотрѣнію. По дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева (655/72), первый вопросъ былъ слѣдующій: «было ли составлено, въ августѣ или сентябрѣ 1858 г. фальшивое, отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы Бѣляева, духовное завѣщаніе отъ 10 мая 1858 г., на которомъ подпись: «Козьма Бѣляевъ» была поддѣлана подъ руку Бѣляева другимъ лицемъ?» Повѣренный гражданскихъ истцовъ заявилъ, что, по его мнѣнію, было бы удобнѣе не опредѣлять времени составленія духовнаго завѣщанія, и просилъ дополнить этотъ вопросъ введеніемъ въ него другаго самостоятельнаго признака подложности духовнаго завѣщанія, а именно: «не было ли завѣщаніе подписано свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева при существованіи на завѣщаніи подлинной подписи самого Бѣляева». Судъ, имѣя въ виду, что время составленія подложнаго духовнаго завѣщанія означено въ вопросѣ согласно указанію обвинительнаго акта, которое не измѣнилось и при судебномъ слѣдствіи, и что ни судебное слѣдствіе, ни заключительныя пренія не представляютъ никакихъ данныхъ къ постановкѣ условнаго вопроса о томъ, что подложность завѣщанія заключается въ подписаніи его свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева, при существованіи подлинной подписи Бѣляева, утвердилъ проектъ предложенныхъ вопросовъ. Сенатъ нашелъ, что, по содержанію обвинительнаго акта, подсудимые Мясниковы и Карагановъ преданы были суду по настоящему дѣлу за подложное составленіе домашняго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, и это общее значеніе преступленія въ которомъ они обвинялись, не измѣнилось и на судебномъ слѣдствіи, какъ видно изъ самаго предложеннаго судомъ перваго вопроса; что, по указанію закона (ст. 30 уст. уг. суд. и 565 уст. гр. суд.), то рѣшеніе уголовнаго суда, которымъ отвергается самое событіе преступленія подлога въ актѣ, должно быть основано на такомъ рѣшеніи присяжныхъ засѣдателей, которымъ было бы вполнѣ и безусловно отвергнуто существованіе всѣхъ основныхъ признаковъ

подложности акта, и слѣдовательно, въ дѣлѣ о подложности домашняго духовнаго завѣщанія — существованіе подлога какъ въ подписи завѣщателя, такъ и въ подписяхъ свидѣтелей; что подобное рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, само собою разумѣется, можетъ заключаться въ отрицательномъ отвѣтѣ ихъ только на такой предложенный имъ вопросъ — о событіи подлога домашняго духовнаго завѣщанія, въ которомъ содержится указаніе на подлогъ не только въ подписи завѣщателя, но и въ подписяхъ подписавшихся на завѣщаніи свидѣтелей; что посему окружный судъ не вправѣ былъ отказать повѣренному Лохвицкому въ дополненіи вопроса о событіи преступленія такимъ признакомъ подложности завѣщанія, писаннаго отъ имени Козьмы Бѣляева 10 мая 1858 г., котораго не содержалось въ этомъ вопросѣ, и судъ неправильно основалъ отказъ свой на томъ выводѣ, что на судебномъ слѣдствіи и въ заключительныхъ преніяхъ не возбуждалось вопроса о томъ, чтобы подложность этого завѣщанія заключалась исключительно въ подписаніи его свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева, при существованіи на завѣщаніи подлинной подписи Бѣляева, такъ какъ, безъ сомнѣнія, прямымъ послѣдствіемъ опроверженія подлинности подписи завѣщателя было опроверженіе законности подписей свидѣтелей, удостовѣрившихъ о подлинности завѣщанія; но если утвердительнымъ отвѣтомъ на вопросъ о подлогѣ въ подписи завѣщателя разрѣшался, самъ собою, по смыслу гражданскаго права, вопросъ о подлогѣ въ подписяхъ свидѣтелей на завѣщаніи, то, наоборотъ, отрицательнымъ отвѣтомъ уголовнаго суда относительно подлога въ подписи завѣщателя не могла быть утверждена подлинность завѣщательнаго акта, такъ какъ оставался нерѣшеннымъ вопросъ о существованіи или несуществованіи подлоговъ въ томъ удостовѣреніи свидѣтелей на завѣщательномъ актѣ, которое исключительно придаетъ этому акту, по выраженію гражданскаго права (ст. 1010 X т. 1 ч.), значеніе законнаго объявленія владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти.

Такимъ образомъ, судъ обязанъ обозначать въ вопросахъ всѣ существенные (основные) признаки, входящіе въ составъ того понятія преступленія, которымъ опредѣлено дѣяніе подсудимаго въ обвинительномъ актѣ, если въ такомъ же видѣ обвиненіе поддерживается и на судѣ.

При обозначеніи преступленія въ обвинительномъ актѣ родовымъ или видовымъ понятіемъ, все затрудненіе въ постановкѣ во-

просовъ происходитъ отъ того, что судъ обязанъ соблюдать при этомъ требованіе объ изложеніи въ вопросахъ фактическихъ обстоятельствъ. Такъ какъ, по общему правилу, вопросъ не можетъ быть формулированъ по законнымъ признакамъ, то естественно, что судъ, при изысканіи фактическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ бы осуществился тотъ или другой законный признакъ, долженъ считать себя вправѣ выбирать изъ обстоятельствъ дѣла тѣ факты, которые, по его мнѣнію, представляются достаточно доказанными или обнаружившимися по дѣлу. Отсюда само собою можетъ случиться, какъ и видимъ это по дѣлу Брыкова и Филиппова, что въ вопросѣ не окажется налицо какого-нибудь изъ фактическихъ обстоятельствъ, соотвѣтствующаго извѣстному существенному признаку преступленія. Этимъ же объясняется и то явленіе, что правительствующій сенатъ, разсматривая дѣло въ кассаціонномъ порядкѣ, входитъ въ обсужденіе того, вытекаетъ или не вытекаетъ изъ существа обвинительнаго акта данное фактическое обстоятельство (напр. присутствіе посторонннихъ лицъ при похищеніи, какъ въ приведенномъ случаѣ), и кассируетъ рѣшеніе, если убѣждается въ наличности такого обстоятельства. Но дѣло должно бы разрѣшиться несравненно проще и притомъ безъ противорѣчія сущности кассаціоннаго порядка, еслибы было принято, что въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, т. е. при обозначеніи обвиненія юридическимъ терминомъ, судъ, въ виду того, что формулированіе обвиненія такимъ терминомъ есть ни что иное, какъ сокращенное изложеніе его по законнымъ признакамъ, выраженное однимъ словомъ, вмѣсто перечня входящихъ въ составъ его отдѣльныхъ признаковъ, обязанъ разложить это понятіе на его составныя части, и въ этомъ видѣ редактировать главный вопросъ о виновности, оставивъ за собою право, если находитъ, что фактическіе признаки, выясненные по дѣлу, не соотвѣтствуютъ этому преступленію, поставить вспомогательный вопросъ по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ вопросъ по дѣлу Филиппова могъ быть редактированъ въ такой формѣ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 25 сентября 1870 года у бывшей въ питейномъ заведеніи цеховой Глазуновской открыто похитилъ узелъ съ вещами?», причемъ, согласно 1 п. 801 ст. уст., было бы разъяснено присяжнымъ понятіе объ открытомъ похищеніи по закону и о правѣ ихъ отвергнуть признакъ «открыто», если они придутъ къ убѣжденію, что въ данномъ дѣлѣ нѣтъ признаковъ открытаго похищенія. Результатомъ такой постановки вопроса было бы уменьшеніе цифры кассированныхъ рѣшеній при-

сящихъ, а слѣдовательно и уменьшеніе всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, сопровождающихъ такую отмѣну.

д) *Когда въ дѣяніи подсудимаго, формулированномъ въ выводѣ обвинительнаго акта, не заключается вовсе признаковъ преступленія или проступка.* Дворяне Волейко и Кондратовъ ($^{321}/_{69}$) были преданы суду — первый, между прочимъ, по обвиненію въ томъ, что, зная о предстоящей описи и арестѣ его имущества, для удовлетворенія лежащихъ или могущихъ пасть на него взысканій, написалъ росписку на имя дворянина Кондратова о продажѣ будто бы имъ, Волейко, за 175 руб. лошади, сбруи и экипажей, вслѣдствіе чего означенныя вещи и не могли быть описаны, каковое дѣяніе подведено было подъ 1665 и 1667 ст. улож. и 173 ст. уст. о нак., а Кондратовъ—по обвиненію въ томъ, что вмѣстѣ съ Волейко скрылъ отъ описи имущество сего послѣдняго, получивъ отъ него на свое имя росписку въ несуществовавшей продажѣ ему, Кондратову, лошади, сбруи и экипажей, принадлежащихъ Волейко, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1665 и 1667 ст. улож. и 173 ст. уст. о нак. Согласно этому, были предложены и вопросы присяжнымъ, которые на нихъ дали утвердительные отвѣты. Судъ не нашелъ въ дѣяніи подсудимыхъ ни одного существеннаго признака мошенничества и опредѣлилъ считать ихъ по этому обвиненію отъ суда свободными. Прокуроръ въ протестѣ своемъ жаловался, что судъ нарушилъ 751, 760 и 771 ст. уст., такъ какъ вопросы присяжнымъ предлагаются по существеннымъ признакамъ преступленія, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта ихъ, судъ, не входя въ противорѣчіе съ самимъ собою, долженъ подвергнуть виновныхъ наказанію; если же имъ этого не сдѣлано, то во всякомъ случаѣ остается заключить, что въ вопросахъ не заключалось существенныхъ признаковъ преступленія; соглашаясь съ редакціей постановленныхъ судомъ по настоящему дѣлу вопросовъ, обвинительная власть усматривала въ нихъ существенные признаки мошенничества, и имѣла право думать, что таковые признаки усматриваются судомъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы обязанъ дополнить постановленные вопросы указаніемъ тѣхъ признаковъ, при коихъ дѣяніе Волейко и Кондратова могло бы составить преступленіе, предусмотрѣнное 1665 ст. улож., въ коемъ они обвинялись. Сенатъ нашелъ, что «если въ дѣяніи подсудимаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ, судъ не усматривалъ всѣхъ признаковъ преступленія, подъ кото-

рое дѣяніе это подведено, онъ все-таки обязанъ поставить главный вопросъ согласно обвинительному акту, поддерживаемому прокурорскою властью; но это не обязываетъ его включать въ вопросъ такіе признаки, безъ которыхъ, по его мнѣнію, предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ дѣяніе не составляетъ преступленія, но которые не обнаружились на судебномъ слѣдствіи». По дѣлу Антонова ($^{577}/_{69}$), преданнаго с.-петербургской судебной палатой суду по обвиненію въ томъ, что 7 іюня 1867 года получилъ отъ Ивановой въ займы 895 руб., принятіе которыхъ потомъ отвергнулъ и, по требованію ея, не возвратилъ ей ихъ обратно (ст. 1681 и 1666 улож.), былъ предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ вопросъ такого же содержанія, на который послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ; судъ, не усматривая признаковъ преступленія въ дѣяніи Антонова, призналъ его оправданнымъ. Товарищъ прокурора въ протестѣ указывалъ на то, что если судъ считалъ возможнымъ предложить вопросъ о виновности Антонова во взятіи у Ивановой взаймы и невозвращеніи 895 руб., то онъ обязанъ былъ редактировать его согласно указаннымъ въ обвинительномъ актѣ ст. 1681 и 1666 улож., ибо неправильная редакція вопроса въ обвинительномъ актѣ не даетъ права суду предлагать въ той же редакціи вопросъ присяжнымъ засѣдателямъ, чѣмъ судъ нарушилъ ст. 760 уст. Сенатъ нашелъ, что изъ соображенія ст. 751 и 760 нельзя не придти къ заключенію, что въ вопросъ о виновности подсудимаго въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, должны быть упомянуты всѣ тѣ дѣянія, которыя составляютъ признаки преступленія, и изъ совокупности которыхъ слагается законное понятіе о преступленіи; но само собою разумѣется, что соблюденіе этого правила возможно только тогда, когда составъ преступленія установленъ обвинительнымъ актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ; но если по обвинительному акту для полнаго понятія о преступленіи не достаетъ извѣстныхъ признаковъ его, и когда дѣянія, соотвѣтствующія этимъ недостающимъ признакамъ, не обнаружены и на судебномъ слѣдствіи, то судъ не обязанъ дополнять вопросъ о виновности такими признаками, чтобы, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта присяжныхъ, была возможность примѣнить указанныя въ обвинительномъ актѣ статьи закона? По дѣлу Мизяева ($^{216}/_{70}$) сенатъ высказалъ, что вопросъ о такого рода фактахъ, которые не заключаютъ въ себѣ никакого предусмотрѣннаго уголовнымъ закономъ преступленія, можетъ быть предложенъ по необходимости, когда между обвинительною властью и судомъ существуетъ разно-

рѣчіе относительно наказуемости того дѣянія, за которое подсудимый привлеченъ къ суду по обвинительному акту, поддерживаемому обвинительною властью и на судѣ.

Такимъ образомъ изъ рѣшеній правительствующаго сената вытекаетъ тотъ выводъ, что при преданіи подсудимаго суду за дѣяніе непреступное, судъ излагаетъ вопросъ въ томъ же видѣ, въ какомъ формулировано обвиненіе въ актѣ преданія суду, и не обязанъ редактировать вопросъ по признакамъ статьи закона, въ актѣ томъ приведенной.

е) *Когда дѣяніе подсудимаго, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ, не подходитъ подъ статью закона, подъ которую оно въ немъ подведено.* Бываютъ напр. случаи, что по фактическимъ даннымъ, приведеннымъ въ обвинительномъ актѣ, подсудимый обвиняется въ растратѣ имущества, взятаго для перевозки, а въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта говорится, что подсудимый обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1652 ст. улож. Исходя изъ того положенія, что судъ обязанъ ставить вопросы присяжнымъ по фактическимъ даннымъ и что квалификація преступленія, сдѣланная обвинительною камерою, для суда необязательна, должно думать, что судъ въ этихъ случаяхъ можетъ предлагать вопросы согласно фактическимъ признакамъ. Аналогичный случай представился по дѣлу Волейко ($^{321}/_{93}$). По фактическимъ признакамъ, изложеннымъ въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, дѣяніе его заключалось въ томъ, что онъ, взявъ у Шульца вексель, выданный имъ, Волейко, Мейеру и переданный Фердинанду Бауеру, для сдѣланія на немъ надписи о срокѣ уплаты слѣдуемыхъ съ него денегъ, не возвратилъ обратно упомянутаго векселя Шульцу, и было подведено подъ 1675 ст. улож. Судъ постановилъ вопросы по фактическимъ даннымъ и подвелъ дѣянія подъ 173 ст. уст. о нак. и 1682 ст. улож. По жалобѣ Волейко на то, что судъ подвелъ дѣяніе его подъ преступленіе, не предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ и подвергающее болѣе строгому наказанію, сенатъ нашелъ, что судъ не обязанъ подчиняться опредѣленію свойства преступленія, сдѣланному судебною палатою, и вправѣ былъ примѣнить къ дѣянію ту статью закона, которою, по его мнѣнію, дѣяніе это предусмотрѣно. Но изъ рѣшенія по дѣлу Ракитина и Герасимова ($^{135}/_{67}$) выходитъ, что судъ можетъ ставить вопросы и по признакамъ статьи закона, въ обвинительномъ актѣ приведенной. По фактическимъ даннымъ дѣяніе подсудимыхъ соотвѣтствовало мошенничеству; судъ же постановилъ во-

просъ по признакамъ 1637 ст. улож., указанной въ обвинительномъ актѣ. Сенатъ нашелъ, что подсудимые имѣли полную возможность при судебномъ слѣдствіи указать неправильность заключенія обвинительнаго акта о признаніи ихъ участвовавшими въ грабежѣ и что отъ подсудимыхъ зависѣло просить судъ поставить вопросы согласно съ фактами, обнаруженными по дѣлу.

ж) *Когда возбуждается сомнѣніе, преданъ ли суду обвиняемый по одному или по двумъ преступленіямъ.* По общему правилу, судъ обязанъ поставить вопросы виновности о каждомъ изъ преступленій, въ которомъ подсудимый обвиняется ($^{183}/_{67}$, $^{254}/_{68}$). По затрудненіе можетъ возникнуть въ томъ случаѣ, когда изъ обвинительнаго акта не видно ясно, преданъ ли подсудимый суду по одному или по двумъ преступленіямъ. Такой случай представился по дѣлу Чернышева ($^{486}/_{69}$). Харьковская судебная палата нашла, что крестьянинъ Чернышевъ уличается въ томъ, что заманивалъ малолѣтнихъ — Христину Суворову и Авдотью Копылову въ садъ, старался похитить платокъ у Христины, зажимая ей ротъ, чтобы она не кричала, но потомъ, когда она отъ него вырвалась, снялъ платокъ и серьги съ Авдотьи. По этимъ обстоятельствамъ и на основаніи уликъ, подтверждающихъ обвиненіе Чернышева въ оскорбленіи Авдотьи Копыловой, палата опредѣлила: Чернышева предать суду Воронежскаго окружнаго суда по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1643 ст. улож. На судѣ былъ поставленъ вопросъ объ ограбленіи Копыловой и отказано въ постановкѣ вопроса о покушеніи на ограбленіе Суворовой, такъ какъ въ окончательномъ выводѣ судебная палата предала Чернышева суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1643 ст., а не въ преступленіяхъ, предусматриваемыхъ тою статьею. Сенатъ нашелъ, что мнѣніе окружнаго суда не лишено основанія. Преступныя дѣйствія, въ которыхъ обвинялся Чернышевъ, хотя и относятся къ одному и тому-же виду преступленія, но несомнѣнно, что покушеніе на ограбленіе Суворовой и ограбленіе Копыловой составляютъ два отдѣльныхъ факта, которые, еслибы палата нашла основаніе къ преданію Чернышева суду по обоимъ обвиненіямъ, были бы выражены въ ея опредѣленіи въ такомъ видѣ, что не оставляли бы мѣста никакимъ предположеніямъ. Поэтому сенатъ и съ своей стороны призналъ, что постановка вопроса о покушеніи на ограбленіе Суворовой прямо не истекала изъ опредѣленія судебной палаты. Такимъ образомъ вопросъ, въ подобныхъ случаяхъ, ставится по одному преступленію.

Затѣмъ недоумѣніе можетъ возникнуть, какъ формулировать вопросъ, когда подсудимый, какъ значится въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, преданъ суду по обвиненію въ двухъ преступленіяхъ, между тѣмъ какъ оба дѣянія въ сущности представляютъ одно преступленіе. Одесская судебная палата предала суду Одесскаго окружнаго суда дворянина Сухина, по обвиненію въ томъ: а) что онъ покушался изнасиловать съ растлѣніемъ дѣвицу Л., находившуюся въ его семействѣ, что составляетъ преступленіе, предусм. въ 9, 1525, 1526 и 1528 ст. улож. и б) что при семъ онъ разорвалъ ей пальцемъ дѣвственную плеву, что составляетъ увѣчье, предусмотрѣнное 1478 ст. ул. Судъ постановилъ два самостоятельныхъ вопроса: о виновности въ покушеніи на изнасилованіе съ растлѣніемъ и о виновности въ разорваніи пальцемъ дѣвственной плевы, и затѣмъ назначилъ наказаніе по совокупности преступленій. Сенатъ нашелъ, что признаніе означенныхъ дѣяній двумя отдѣльными преступленіями противно коренным началамъ улож. о нак. и что разорваніе дѣвственной плевы во время покушенія на изнасилованіе можетъ служить только признакомъ при опредѣленіи большей или меньшей близости покушенія къ совершенію самаго преступленія. Отсюда можно вывести заключеніе, что признаніе обвинительною камерою составныхъ частей преступнаго дѣянія отдѣльными преступленіями, не стѣсняя судъ въ квалификаціи дѣянія, обязываетъ его слѣдовать при редактированіи вопросовъ общимъ правиламъ, т. е. постановлять одинъ вопросъ о виновности.

3) *Когда въ преступленіи участвовало нѣсколько лицъ.* По разъясненію правительствующаго сената, законъ не требуетъ опредѣленія въ обвинительномъ актѣ степени участія обвиняемаго въ преступленіи ($^{263}/_{67}$, $^{193}/_{71}$). Положеніе это объясняется тѣмъ, что «указаніемъ всѣхъ дѣйствій, составляющихъ предметъ обвиненія, и рода преступленія, которому они соотвѣтствуютъ, достаточно достигается цѣль обвинительнаго акта, состоящая въ предоставленіи подсудимому возможности къ опроверженію какъ дѣйствительности фактовъ, входящихъ въ составъ обвиненія, такъ и преступности этихъ фактовъ» ($^{263}/_{67}$). Но на практикѣ указаніе всѣхъ дѣйствій, опредѣляющихъ степень участія подсудимаго въ преступленіи, въ обвинительныхъ актахъ встрѣчается рѣдко, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть сознаніе подсудимыхъ; по большей же части въ заключительномъ пунктѣ или вовсе не указывается степень участія каждаго изъ подсудимыхъ, или же она

опредѣляется юридическими терминами, напр. главный виновникъ, зачинщикъ, пособникъ и проч. Относительно того, какъ поступать въ этихъ двухъ случаяхъ, находимъ въ рѣшеніяхъ сената только нѣкоторыя указанія По дѣлу Фатали-Бека и Мамедъ-Али-Бека (193/71), преданныхъ суду по обвиненію въ убійствѣ по предварительному соглашенію и признанныхъ виновными въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, сенатъ нашелъ, что отрицаніе предварительнаго соглашенія между преступниками не можетъ налагать на судъ непремѣнную обязанность въ каждомъ нѣсколькими лицами совершенномъ преступленіи признавать различную степень участія ихъ, и что для примѣненія 12 ст. ул. необходимо, чтобы изъ самыхъ обстоятельствъ дѣла выяснилась наличность предусмотрѣнныхъ сю случаевъ участія въ преступленіи лицъ, управлявшихъ дѣйствіями другихъ, приступившихъ къ дѣйствіямъ прежде другихъ, или имъ помогавшихъ, т. е. совпаденіе такихъ условій, которыя не всегда случаются въ преступленіяхъ, нѣсколькими лицами совершенныхъ. По дѣлу Пасынника и Кактенковой (1246/71), сенатъ нашелъ, что изъ обвинительнаго акта, въ коемъ прописано сознаніе подсудимыхъ, видно, что кража имущества была совершена по уговору четырехъ лицъ, причемъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ подкопъ подъ кладовую и вмѣстѣ съ другими выбрасывалъ изъ кладовой, чрезъ сдѣланный подкопъ, хранившееся въ ней имущество, которое собирала Кактенкова и другая женщина, а по окончаніи кражи всѣ четверо участвовавшихъ лицъ раздѣлили между собою похищенное. При такихъ обстоятельствахъ дѣла, которыя, по удостовѣренію суда, не измѣнились и на судебномъ слѣдствіи (подсудимые сознались и на судѣ), окружный судъ обязанъ былъ принять въ руководство 11 и 13 ст. ул. и затѣмъ, не ограничиваясь постановкою общаго вопроса по законнымъ признакамъ преступленія, поставить, по силѣ 758 ст. уст., отдѣльные вопросы о Кактенковой и Пасынникѣ, означивъ въ нихъ тѣ фактическія дѣянія подсудимыхъ, въ которыхъ, сообразно указаніямъ 13 ст. улож., выразилось участіе ихъ въ преступленіи. Изъ этихъ рѣшеній можно сдѣлать тотъ выводъ, что судъ не обязанъ ставить вопросы о степени участія въ преступленіи каждаго изъ подсудимыхъ, когда изъ обстоятельствъ дѣла не видно, въ чемъ именно состояли дѣйствія того и другаго изъ подсудимыхъ при совершеніи преступленія; но когда наличность такихъ дѣйствій вытекаетъ изъ обвинительнаго акта, въ цѣломъ его составѣ,

то судъ обязанъ опредѣлить въ вопросахъ степень участія подсудимыхъ въ преступленіи.

Относительно обозначенія въ обвинительномъ актѣ степени участія подсудимыхъ юридическими терминами, въ практикѣ правительствующаго сената встрѣчаемъ слѣдующій случай. Безсрочно-отпускной рядовой Дмитрій Андреевъ и крестьянинъ Михаилъ Матвѣевъ были преданы суду какъ главные виновные по обвиненію въ убійствѣ дезертира Бажулина, а другіе какъ пособники (ст. 1454, 117, 120 и 121 ул.); крестьянинъ Матвѣй Елисѣевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ укрывательствѣ преступленія сына своего Михаила Матвѣева (ст. 124 и 128 ул.). Присяжными были признаны виновными: Андреевъ въ томъ, что подстрекнулъ Матвѣева лишить жизни Бажулина, а Елисѣева — въ брошеніи тѣла Бажулина въ рѣчку Брылинскую для сокрытія слѣдовъ преступленія. Въ кассаціонной жалобѣ было сдѣлано указаніе на то, что московская судебная палата по сему дѣлу допустила предварительное соглашеніе, ибо предала ихъ суду какъ главныхъ виновныхъ [1]), и вмѣстѣ отвергала оное, предавъ суду другихъ какъ пособниковъ, что имѣло послѣдствіемъ неправильную постановку вопроса о виновности, которую, въ виду 751 ст. уст., не представлялось возможнымъ устранить. Сенатъ нашелъ, что указаніе судебною палатою степени участія посудимыхъ въ совершенномъ ими преступленіи нисколько не стѣсняло судъ при постановкѣ вопросовъ, основаніемъ которыхъ должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, и что въ вопросахъ по сему дѣлу никакого противорѣчія относительно учиненія преступленія по предварительному соглашенію нѣтъ. Такимъ образомъ, опредѣленіе въ конечномъ выводѣ обвинительнаго акта юридическимъ терминомъ степени участія подсудимыхъ въ преступленіи не обязательно для суда при постановкѣ вопросовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Отношеніе къ судебному слѣдствію и заключительнымъ преніямъ.

Основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта или замѣняющей его жалобы частнаго обвинителя, но также судебное слѣдствіе и заключитель-

[1]) Т. е. наоборотъ.

ныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы (ст. 751). Цѣль установленія этого закона, по разъясненію сената (91/66), состоитъ въ томъ, что предварительное слѣдствіе не всегда можетъ заключать въ себѣ всѣ тѣ данныя, которыя необходимы суду для обнаруженія истины въ уголовномъ дѣлѣ, а въ большинствѣ случаевъ представляетъ лишь собраніе свѣдѣній, посредствомъ которыхъ при судебномъ слѣдствіи и при заключительныхъ по дѣлу преніяхъ истина открывается въ полномъ и настоящемъ ея свѣтѣ. Это-то безъ сомнѣнія обстоятельство—продолжаетъ сенатъ—и послужило поводомъ къ постановленію 751 ст. уст., съ тою, конечно, цѣлью, чтобы съ одной стороны не стѣснять выводами предварительнаго слѣдствія ни прокуроровъ, при изложеніи ими обвинительной рѣчи, ни судъ, при постановленіи рѣшенія, а съ другой—чтобы удержать за судебнымъ слѣдствіемъ все его достоинство и не обратить его въ пустую формальность.

Такимъ образомъ, содержаніе главнаго вопроса находится въ зависимости не только отъ выводовъ обвинительнаго акта, но и отъ судебнаго слѣдствія съ заключительными преніями. Здѣсь можетъ представляться два случая: или главный вопросъ, имѣя своимъ основаніемъ выводы обвинительнаго акта, пополняется какими-нибудь новыми признаками, раскрытыми на судебномъ слѣдствіи и бывшими предметомъ судебныхъ преній, безъ существеннаго измѣненія обвиненія, или же вопросъ этотъ, по отношенію къ выводамъ обвинительнаго акта, совершенно измѣняется, вслѣдствіе измѣненія обвинителемъ самаго предмета обвиненія.

1) *Пополненіе главнаго вопроса вновь открывшимися признаками.* Включеніе въ вопросъ какихъ-либо признаковъ, раскрытыхъ на судебномъ слѣдствіи, по общему правилу, выработанному сенатомъ, зависитъ отъ суда, рѣшающаго дѣло по существу. Подсудимый Карпнъ (831/69), обвинявшійся въ сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, между прочимъ жаловался, что защитникъ его просилъ о томъ, чтобы въ вопросѣ, относительно его предложенномъ присяжнымъ засѣдателямъ, къ слову «Комарову» было добавлено: «котораго считалъ за сбытчика». Судъ отказалъ, не сдѣлавъ въ отношеніи добавленія этихъ словъ никакого постановленія. Сенатъ замѣтилъ, что судъ поступилъ неправильно, оставивъ безъ обсужденія означенный предметъ ходатайства, но, принимая во вниманіе, что добавленіе вопроса, о чемъ просилъ защитникъ Карпна, могло быть сдѣлано въ такомъ только случаѣ, еслибы самъ судъ призналъ, что оно дѣйствительно выте-

кало изъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, и что въ кассаціонномъ порядкѣ не представляется возможности производить такую повѣрку, оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Защитникъ Богатова, обвинявшагося по 1660 ст. улож. ($^{689}/_{72}$), просилъ судъ о включеніи въ вопросъ выраженія: «подписалъ два векселя подъ руку купца Абаковскаго». Судъ въ ходатайствѣ отказалъ. Сенатъ нашелъ, что «постановка вопросовъ по обвинительному акту или по даннымъ судебнаго слѣдствія зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу, и что допустить постановку отдѣльнаго вопроса или включеніе въ постановленный судомъ вопросъ дополненія объ обстоятельствахъ, неуказанныхъ выводами судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній, судъ не вправѣ». Съ другой стороны, пополненіе главнаго вопроса фактическими признаками, обнаруженными на судебномъ слѣдствіи, сенатъ ставитъ въ обязанность суду. Въ обвинительномъ актѣ о Шишковѣ и Гребенщиковѣ ($^{454}/_{70}$) было сказано, что они накинулись на князя Аренберга, *связали ему руки и ноги и задушили его*. Въ вопросахъ о каждомъ изъ подсудимыхъ было изложено: «бросились на князя Аренберга, *душили его, сломали въ горлѣ кость и завязали ротъ и носъ, чѣмъ лишили его жизни*». Сенатъ нашелъ, что, «на точномъ основаніи 751 ст. уст. уг. суд., судъ не только былъ вправѣ, но и обязанъ въ предложенномъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросѣ указать на обнаруженные судебнымъ слѣдствіемъ переломъ горловой кости и завязаніе рта и носа князя Аренберга, такъ какъ признаки эти, опредѣляя съ большою точностію характеръ причиненныхъ кн. Аренбергу истязаній, не влекли однако за собою болѣе строгаго для подсудимыхъ наказанія, нежели заслуженное ими по опредѣленному въ обвинительномъ актѣ фактическому составу преступленія, въ коемъ они обвинялись». Такимъ образомъ дополнить главный вопросъ фактическими признаками преступленія, обнаруженными на судебномъ слѣдствіи, составляетъ не только право, но и обязанность суда.

2) *Измѣненіе главнаго вопроса, вслѣдствіе измѣненія обвиненія.* — Результаты, добытые судебнымъ слѣдствіемъ, иногда на столько измѣняютъ первоначальное обвиненіе, что обвинитель, отказываясь отъ поддержки обвиненія въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ, высказываетъ требованіе объ обвиненіи въ меньшемъ преступленіи, или же настаиваетъ на обвиненіи въ преступленіи, болѣе тяжкомъ. Къ разсмотрѣнію постановки вопросовъ въ этихъ двухъ случаяхъ мы и переходимъ.

Уменьшеніе обвиненія.—При измѣненіи обвиненія въ менѣе тяжкое, очень важно рѣшить: обязанъ ли судъ во всякомъ случаѣ ставить главный вопросъ по выводамъ обвинительнаго акта, или же онъ можетъ совершенно устранить это обвиненіе и постановить главный вопросъ по содержанію новаго обвиненія, поддерживаемаго обвинителемъ на судѣ. Изъ рѣшеній правительствующаго сената должно вывести заключеніе, что судъ въ такихъ случаяхъ не обязанъ ставить вопросъ по первоначальному обвиненію. Выше мы видѣли, что правительствующій сенатъ, при измѣненіи прокуроромъ обвиненія въ менѣе тяжкое, признаетъ за судомъ право ставить вопросъ, если онъ въ томъ находитъ надобность, по выводамъ обвинительнаго акта. Такимъ образомъ, изъ этого признанія за судомъ только права, а не обязанности формулировать вопросъ по обвинительному акту, вытекаетъ само собою право и не ставить такого вопроса, а ограничиться постановкой вопроса о виновности, какъ главнаго по измѣненному обвиненію. Это положеніе можно вывести, кромѣ того, и изъ многихъ другихъ рѣшеній. Такъ сенатъ говоритъ: «могутъ быть случаи, когда судебное слѣдствіе до такой степени измѣняетъ выводы обвинительнаго акта, что послѣдній не поддерживается обвинительною властью и судъ считаетъ возможнымъ постановить вопросъ *только* по выводамъ судебнаго слѣдствія» ($^{673}/_{72}$). «Судъ не уполномоченъ устранять вовсе отъ рѣшенія присяжныхъ вопросовъ объ обвиненіи въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ, *если оно въ этомъ же видѣ было поддерживаемо лицемъ прокурорскаго надзора на судѣ*» ($^{254}/_{68}$). «Судъ обязанъ изложить главный вопросъ о виновности согласно выводамъ обвинительнаго акта, *если послѣдній былъ поддерживаемъ на судѣ прокуроромъ*» ($^{134}/_{72}$). Обвинительный актъ, «во всемъ томъ, въ чемъ онъ не опровергнутъ судебнымъ слѣдствіемъ, долженъ служить основаніемъ къ постановленію по дѣлу вопросовъ» ($^{78}/_{66}$). Такимъ образомъ, въ виду того, что постановка главнаго вопроса по выводамъ обвинительнаго акта обязательна для суда только при поддержкѣ обвинителемъ первоначальнаго обвиненія, само собою вытекаетъ, что при измѣненномъ обвиненіи главный вопросъ можетъ быть постановленъ судомъ исключительно по выводамъ судебнаго слѣдствія.

— —

Въ уставѣ уголовнаго судопроизводства нѣтъ положительныхъ указаній на то, слѣдуетъ ли устранять отъ разрѣшенія присяж-

ныхъ вопросъ о виновности въ преступленіи, за которое подсудимый былъ преданъ суду, въ томъ случаѣ, когда обстоятельства, раскрытыя судебнымъ слѣдствіемъ и опровергающія данныя обвинительнаго акта, привели прокурорскую власть и самый судъ къ убѣжденію, что подсудимый можетъ быть обвиняемъ въ иномъ, менѣе тяжкомъ преступленіи, чѣмъ то, за которое онъ привлеченъ къ суду постановленіемъ обвинительной камеры, или же вопросъ по обвинительному акту долженъ быть постановленъ во всякомъ случаѣ, и право суда распространяется только на постановку, при измѣненномъ обвиненіи, вспомогательнаго, условнаго вопроса. Ст. 751 уст. не разрѣшаетъ этого недоумѣнія. Изъ нея можно выводить то положеніе, что судъ долженъ ставить главный вопросъ, почерпая содержаніе для него какъ изъ обвинительнаго акта, такъ и изъ данныхъ, раскрытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями; съ другой стороны, можно, на основаніи той же статьи закона, прійти и къ иному заключенію. Имѣя въ виду, что въ 751 ст. говорится не о главномъ вопросѣ, а о вопросахъ по существу дѣла вообще, можно думать, что законъ, говоря о судебномъ слѣдствіи и заключительныхъ преніяхъ, какъ основаніяхъ для постановки вопросовъ, разумѣетъ здѣсь вопросы дополнительные. Выводы обвинительнаго акта даютъ содержаніе главному вопросу; тѣ же выводы, но развитые, дополненные или измѣненные судебнымъ слѣдствіемъ,—даютъ содержаніе условнымъ и частнымъ вопросамъ. Вотъ почему законъ и говоритъ, что основаніемъ *вопросовъ* по существу дѣла должны служить нетолько выводы обвинительнаго акта, но и судебное слѣдствіе и заключительныя преніи, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы. Не находя себѣ твердаго основанія въ буквальномъ смыслѣ означеннаго закона, мнѣніе объ устраненіи изъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ, вопроса о преступленіи, за которое подсудимый преданъ суду, въ тѣхъ случаяхъ, когда прокуроръ и судъ, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія, не приходятъ къ убѣжденію въ доказанности первоначальнаго обвиненія,—не выдерживаетъ критики во многихъ отношеніяхъ.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, какъ мы видѣли выше, что въ случаѣ отказа прокурора, на основаніи 740 ст. уст., отъ поддержки обвиненія, судъ хотя бы и находилъ этотъ отказъ совершенно основательнымъ и согласнымъ съ своимъ убѣжденіемъ, не можетъ объявить подсудимаго свободнымъ отъ суда, а обязанъ предложить присяжнымъ вопросъ о виновности по обвинительному

акту, такъ какъ, по нашему закону, прокуроръ не имѣетъ права взять обвиненіе назадъ ($^{78}/_{66}$, $^{225}/_{70}$). Такимъ же точно образомъ, судъ, рѣшающій дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей, при отказѣ прокурора отъ обвиненія подсудимаго, все-таки обязанъ разрѣшить вопросъ о виновности въ установленномъ порядкѣ ($^{206}/_{70}$). Если это мнѣніе вѣрно вообще, если оно вытекаетъ изъ смысла всѣхъ нашихъ узаконеній, опредѣляющихъ кругъ вѣдомства и власти судебныхъ установленій, то непонятно, почему должно быть допущено исключеніе изъ него, безъ прямаго и положительнаго на то указанія закона, для того случая, когда прокуроръ не совершенно отказывается, а только измѣняетъ обвиненіе и когда мнѣніе это раздѣляетъ съ своей стороны и судъ. Если заявленіе прокурора о томъ, что онъ признаетъ подсудимаго оправдавшимся, не уничтожаетъ обвинительнаго акта, даже при согласіи на то окружнаго суда, который все-таки обязанъ дать дѣлу дальнѣйшій законный ходъ, т. е. предложить вопросъ о виновности на разрѣшеніе присяжныхъ, то необходимо думать, что такое же заявленіе прокурора объ отказѣ отъ поддержки обвиненія въ его части, согласное съ мнѣніемъ суда, не должно также измѣнять законнаго хода дѣла, ибо что имѣетъ законную силу по отношенію къ цѣлому, то должно имѣть такую же силу и въ отношеніи его части. Причины, по коимъ дѣло, поступившее на разсмотрѣніе суда съ присяжными, не можетъ быть прекращено, за отказомъ прокурора отъ обвиненія, заключаются въ слѣдующемъ: во 1-хъ, ни прокурору, ни окружному суду законъ (ст. 518 и 523 уст.) не предоставляетъ права прекращать судебное преслѣдованіе по такого рода дѣламъ; во 2-хъ, обвиненіе, разъ заявленное и подвергнутое судебному слѣдствію, должно подлежать обсужденію въ установленномъ порядкѣ, т. е. вопросъ объ утвержденіи или отрицаніи предмета обвиненія долженъ быть рѣшенъ компетентною властью, именно присяжными засѣдателями, и въ 3-хъ, неразрѣшеніе этого вопроса присяжными могло бы повести за собою новое привлеченіе обвиняемаго къ суду. Но эти причины не теряютъ своей силы и при измѣненіи обвиненія въ слабѣйшее. Во-первыхъ. Соглашаясь съ прокуроромъ, что судебное слѣдствіе опровергло, напр., обстоятельство взлома и что подсудимый можетъ быть обвиняемъ только въ простой кражѣ, и постановляя на разрѣшеніе присяжныхъ вопросъ о виновности въ этомъ послѣднемъ преступленіи, судъ разрѣшаетъ ни больше ни меньше какъ вопросъ о прекращеніи дѣла въ одной изъ его частей, того дѣла, которое изъято вовсе изъ его вѣдѣнія,

т. е. нарушаетъ предѣлы своей власти. Вовторыхъ. Окружной судъ, при разрѣшеніи дѣла съ присяжными засѣдателями, вовсе устраненъ отъ разрѣшенія фактической стороны обвиненія, т. е. степени доказанности или недоказанности различныхъ обстоятельствъ дѣла. Это положеніе признано, какъ аксіома, и правительствующимъ сенатомъ. Между тѣмъ, признавая, что извѣстная часть обвиненія, взведеннаго на подсудимаго обвинительнымъ актомъ, какъ напр. въ означенномъ выше случаѣ обстоятельство взлома при кражѣ, не доказана или опровергнута, судъ рѣшаетъ чисто фактическій вопросъ, т. е. вопросъ, на разрѣшеніе котораго онъ не имѣетъ никакого права. Несомнѣнно поэтому, что обвиненіе въ этой части, при исключеніи его изъ вопроса, будетъ разрѣшено не компетентною властью и что присяжнымъ будетъ предоставлено разрѣшить не все содержаніе обвиненія. Если же на разрѣшеніе присяжныхъ будутъ предложены иного рода факты, а не тѣ, которые приведены въ актѣ преданія суду, то выйдетъ, что данное обвиненіе будетъ вовсе устранено отъ разрѣшенія присяжныхъ и будетъ разрѣшено окружнымъ судомъ, согласно съ заключеніемъ прокурора. При этомъ ни что не ручается за то, что, будь вопросъ о виновности предложенъ присяжнымъ по обвинительному акту, быть можетъ, дѣло получило бы иной исходъ. Доказательность или недоказательность того или другаго факта—вещь очень спорная, и то, что для людей кабинетныхъ представляется бездоказательнымъ, для людей практики и жизни, близко знакомыхъ съ нравами, обычаями, образомъ жизни и кругомъ понятій подсудимаго и свидѣтелей, можетъ представиться достаточно доказаннымъ. Вѣдь бываютъ же случаи, что при полномъ отказѣ прокурора отъ обвиненія, вопросъ о виновности подсудимаго по обвинительному акту, постановленный судомъ, получаетъ утвердительный отвѣтъ. Случается также ($^{225}/_{70}$, $^{1131}/_{71}$ и др.), что присяжные признаютъ подсудимаго виновнымъ (конечно, въ томъ случаѣ, когда имъ былъ предложенъ вопросъ) въ преступленіи, за которое онъ былъ преданъ суду, не смотря на измѣненіе обвиненія прокуроромъ. Присоединеніе въ этомъ случаѣ къ мнѣнію прокурора мнѣнія суда не измѣняетъ сущности дѣла. Поэтому устранять компетентную власть отъ рѣшенія вопросовъ, для которыхъ она призвана, не представляется основанія и въ видахъ правосудія. Втретьихъ. Измѣненіе обвиненія и постановка вопросовъ о виновности исключительно по новому обвиненію можетъ повлечь за собою печальныя послѣдствія и для обвиняемаго,—именно: преданіе его суду за то же пре-

ступленіе, за которое онъ былъ уже одинъ разъ къ нему привлеченъ. Такъ напр. если подсудимый былъ преданъ суду по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ, а на судѣ, вслѣдствіе измѣненія прокуроромъ обвиненія, вопросъ былъ предложенъ о виновности въ причиненіи смерти съ превышеніемъ предѣловъ необходимой обороны, на каковой вопросъ присяжные отвѣтили отрицательно,— ничто не мѣшаетъ со временемъ, когда позволятъ обстоятельства, вновь предать суду того же обвиняемаго по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ, ибо оправданіе въ убійствѣ съ превышеніемъ предѣловъ необходимой обороны не исключаетъ виновности въ убійствѣ умышленномъ; по этому же послѣднему обвиненію подсудимый вовсе не былъ признанъ оправданнымъ, такъ какъ вопроса объ этомъ на судѣ предлагаемо не было. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что если постановка вопроса по обвинительному акту не можетъ быть устранена при совершенномъ отказѣ прокурора отъ обвиненія, то она не должна быть устраняема и при отказѣ отъ обвиненія въ его части, или вообще при измѣненіи обвиненія. Новое обвиненіе можетъ быть предметомъ только условнаго вопроса.

Усиленіе обвиненія. Иногда преступное дѣяніе, приписываемое подсудимому обвинительнымъ актомъ, благодаря судебному слѣдствію, дотого осложняется новыми признаками или до того измѣняется въ своихъ составныхъ частяхъ, что въ новомъ своемъ видѣ представляетъ значительное усиленіе уголовной отвѣтственности обвиняемаго. Правительствующій сенатъ случаи измѣненія обвиненія по вновь открывшимся на судѣ обстоятельствамъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: къ одной изъ нихъ онъ относитъ тѣ, въ которыхъ дѣло вновь обращается къ предварительному слѣдствію и къ составленію новаго обвинительнаго акта и въ которыхъ постановка на разрѣшеніе присяжныхъ какихъ бы то ни было вопросовъ вовсе не имѣетъ мѣста, а къ другой—такіе случаи, въ которыхъ разсмотрѣніе дѣла только откладывается для новаго и лучшаго приготовленія сторонъ къ состязанію.

Случаи, въ которыхъ дѣло обращается къ предварительному слѣдствію и къ составленію новаго обвинительнаго акта. По дѣлу Васильева и Григорьева ([72] 68) правительствующій сенатъ нашелъ, что «хотя послѣднія слова закона (ст. 753 уст.) показываютъ, что онъ относится прямо лишь къ тому случаю, когда обвиняемый, преданный суду за одно преступленіе, оказывается

при судебномъ слѣдствіи виновнымъ сверхъ того и въ другомъ преступленіи, болѣе важномъ, отчего здѣсь и говорится о совокупности преступныхъ дѣйствій; однако существенное въ семъ законѣ правило,—что нельзя подвергать рѣшенію такого обвиненія, которое не предъявлено предварительно подсудимому и по которому ему не было дано средствъ приготовиться къ защитѣ, должно служить руководствомъ и въ томъ случаѣ, когда первоначальное обвиненіе измѣнялось при судебномъ слѣдствіи въ своихъ существенныхъ признакахъ и свойствахъ на столько, что оно составляетъ другое дѣяніе, не предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ». Засимъ, въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи, сенатъ устанавливаетъ и правила, когда преступленіе, означенное въ обвинительномъ актѣ, должно считать измѣнившимся въ другое преступное дѣяніе. Изъ этихъ разсужденій видно, что преступленіе измѣняется: а) вслѣдствіе перехода въ другой родъ преступленія по свойству правонарушенія, напр. преступленія о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью и преступленія смертоубійства; б) вслѣдствіе измѣненія формы, т. е. внѣшняго состава, въ однородныхъ по свойству правонарушенія преступленіяхъ, напр. убійство чрезъ насиліе и убійство чрезъ отравленіе, поврежденіе здоровья посредствомъ насилія и поврежденіе здоровья посредствомъ примѣшанія въ пищу или питье вредныхъ веществъ; в) вслѣдствіе различія въ средствахъ, употребляемыхъ для совершенія преступленій однородныхъ по свойству правонарушенія и по основной ихъ формѣ, напр. убійство чрезъ нанесеніе раны и убійство чрезъ поджогъ или иное разрушеніе строенія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ измѣненія обвиненія должна быть примѣнена 753 ст. уст. . . . . .

Обращеніе дѣла къ новому производству обусловливается измѣненіемъ обвиненія въ болѣе строгое, чѣмъ предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ, т. е. когда вновь обнаруженное преступное дѣяніе можетъ подвергнуть наказанію высшему по роду или усиленному въ степени одного и того же рода» (9 марта 1874 г., Хизанова С. В. $^{55}/_{75}$). Но правительствующій сенатъ призналъ одинъ случай, когда дѣло получаетъ подобное же направленіе, хотя преступленіе въ своемъ измѣнившемся видѣ представляется менѣе важнымъ. Это именно тотъ случай, когда подсудимый былъ преданъ суду въ особомъ порядкѣ, установленномъ въ 1077—1102 ст. уст. уг. суд., а новое преступленіе подлежитъ преслѣдованію въ порядкѣ общемъ, установленномъ во 2-й книгѣ уст. уг. суд., въ ст.

510—528, и притомъ, когда это послѣднее не того рода, къ которому принадлежитъ первое (20 сентября 1873 г., Яковлева. Указ.). Въ этомъ случаѣ судъ обязанъ принять въ руководство 549 ст. уст. и объ измѣнившихся обстоятельствахъ дѣла представить судебной палатѣ, пріостановивъ дальнѣйшее производство судебнаго слѣдствія ([1886/70] [1]).

Второе условіе примѣненія 753 ст. заключается въ томъ, чтобы обстоятельства, измѣняющія свойство обвиненія въ болѣе тяжкое, были *вновь открытыя на судебномъ слѣдствіи и не бывшія въ виду обвинительной камеры.* При разбирательствѣ дѣла о крестьянкѣ Непріемниковой ([1035/69]), преданной суду по 1408 ст. улож., прокуроръ, находя, что подсудимая на допросахъ при дознаніи и предварительномъ слѣдствіи высказала ту цѣль, что рѣшилась взять дѣвочку Варвару вмѣсто дочери и что, слѣдовательно, похитивъ эту дѣвочку и желая оставить ее у себя вмѣсто дочери, она совершила преступленіе, предусмотрѣнное въ 1407 ст. улож., просилъ постановить для рѣшенія присяжныхъ два вопроса — одинъ о виновности въ томъ, что увела съ собою дѣвочку Варвару и другой—о виновности въ томъ, что выдавала дѣвочку Варвару за свою, а въ случаѣ, если судъ не признаетъ возможнымъ поставить вопросы по его заявленію, въ такомъ случаѣ обратить дѣло къ предварительному слѣдствію, согласно 752 и 753 ст. уст. Окружной судъ, принимая во вниманіе: что всѣ высказанныя прокуроромъ въ обвинительной рѣчи и въ объясненіи о постановкѣ вопросовъ обстоятельства были уже въ виду при составленіи обвинительнаго акта, и хотя прокуроръ тогда же призналъ ихъ подходящими подъ опредѣленіе 1407 ст. улож., но московская судебная палата при разсмотрѣніи того акта, въ качествѣ обвинительной камеры, не нашла въ дѣяніи подсудимой признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1407 ст., и измѣнила тотъ актъ, подведя дѣяніе Непріемниковой подъ дѣйствіе 1408 ст. улож., опредѣляющей наказаніе за похищеніе младенца, безъ намѣренія скрыть настоящее его происхожденіе; что судебное слѣдствіе по сему дѣлу, представляя лишь одно повтореніе того, что происходило на слѣдствіи предварительномъ, исключая однакоже признанія Непріемниковой той цѣли, которую она высказала слѣдователю, ни въ чемъ

[1]) Кондыревъ былъ преданъ суду за присвоеніе и растрату ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, а по вопросамъ, разрѣшеннымъ присяжными, оказался виновнымъ въ растратѣ денегъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

не измѣнило свойства обвиненія; что постановка втораго вопроса въ предлагаемой прокуроромъ редакціи допущена быть не можетъ, потому что выраженныя въ немъ обстоятельства не вытекаютъ изъ судебнаго слѣдствія и не были предметомъ повѣрки онаго и что, по точному смыслу 752 и 753 ст., дѣло можетъ быть обращено вновь къ предварительному слѣдствію въ томъ только случаѣ, если бы было обнаружено при судебномъ слѣдствіи преступное дѣяніе, не предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ, а въ настоящемъ дѣлѣ, какъ уже объяснено, обнаруженное при предварительномъ слѣдствіи ни въ чемъ на судѣ не измѣнилось и даже ныпѣ обвиняемая не признала той цѣли, которую высказала прежде, постановилъ: не обращая дѣла вновь къ предварительному слѣдствію, по неимѣнію къ тому законныхъ основаній, проектированный вопросъ оставить безъ измѣненія и предложить оный на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей Сенатъ, по протесту прокурора, нашелъ, что «судъ, отказавъ прокурору въ постановкѣ 2-го вопроса о томъ, выдавала ли подсудимая уведенную дѣвочку за свою дочь, нисколько не нарушилъ 753 ст. уст., такъ какъ дѣло обращается вновь къ предварительному слѣдствію и къ составленію обвинительнаго акта, по обнаруженіи при судебномъ слѣдствіи преступнаго дѣянія, не предусмотрѣннаго въ обвинительномъ актѣ и подвергающаго по закону наказанію болѣе строгому, чѣмъ дѣяніе въ томъ актѣ опредѣленное (ст. 752), а въ настоящемъ случаѣ прокуроръ требовалъ постановку вопроса о выдачѣ подсудимой увезенной дѣвочки за свою дочь, на томъ основаніи, что это обстоятельство было обнаружено предварительнымъ слѣдствіемъ. Между тѣмъ обвиненіе по этому предмету не вошло въ выводъ обвинительнаго акта и, по удостовѣренію суда, подсудимая при судебномъ слѣдствіи объ этомъ не показывала, слѣдовательно упомянутый отказъ суда не противорѣчитъ ст. 751 и 760». Впрочемъ, слова правительствующаго сената: «обвиненіе по этому предмету не вошло въ выводъ обвинительнаго акта и подсудимая, при судебномъ слѣдствіи, объ этомъ не показывала» — наводятъ на мысль, что при повтореніи подсудимою своего показанія на судѣ дѣло могло быть обращено вновь по первоначальному производству, причемъ судебной палатѣ пришлось бы предавать подсудимую суду по обвиненію въ такомъ преступленіи, которое палата уже одинъ разъ отвергла и для признанія котораго снова не пріобрѣтено судебнымъ слѣдствіемъ ни одного новаго фактическаго обстоятельства.

Правило, изложенное въ 753 ст. уст., не примѣняется:

а) Когда обнаруживаются новыя, хотя бы и отягчающія вину обстоятельства, но если они не измѣняютъ сущности и свойства предусмотрѣннаго обвинительнымъ актомъ преступленія ($^{454}/_{70}$).

б) Когда вновь выяснившіяся обстоятельства не измѣняютъ ни рода, ни вида преступленія, за которое подсудимый преданъ суду. Храмовъ ($^{1665}/_{72}$) былъ преданъ суду за ограбленіе съ насиліемъ крестьянина Гацкова, причемъ въ обвинительномъ актѣ было выражено, что Храмовъ, отнимая съ товарищемъ деньги и одежду у Гацкова, зажималъ ему ротъ, а въ предложенномъ судомъ вопросѣ присяжнымъ засѣдателямъ было указано, что Храмовъ, при ограбленіи Гацкаго, держалъ его зубами за носъ. Сенатъ нашелъ, что на судебномъ слѣдствіи способъ насилія Храмова надъ Гацковымъ выяснился въ иномъ видѣ, нежели это было на предварительномъ слѣдствіи, но при всемъ томъ подобное измѣненіе обвиненія не имѣло ни рода, ни даже вида преступленія, за которое Храмовъ судился.

в) Когда вопросы только пополняются обнаруженными на судебномъ слѣдствіи фактическими обстоятельствами, съ большею точностью опредѣляющими характеръ преступленія ($^{454}/_{70}$).

г) Когда обстоятельства, вновь обнаруженныя и внесенныя въ вопросы, не имѣютъ вліянія на увеличеніе наказанія (напр. предварительное соглашеніе при кражѣ со взломомъ $^{631}/_{70}$).

д) Когда обстоятельства, обнаруженныя на судѣ и помѣщенныя въ вопросы, касаются признаковъ участія подсудимаго въ преступленіи, указанномъ въ обвинительномъ актѣ. Сенатъ не призналъ нарушенія ст. 752 и 753 уст. въ томъ, что о подсудимомъ, преданномъ суду по обвиненію въ сбытѣ и участіи въ передѣлкѣ непрерывно-доходныхъ билетовъ коммерческаго и государственнаго банка, былъ поставленъ вопросъ о подговорѣ другихъ лицъ къ передѣлкѣ этихъ билетовъ ($^{453}/_{70}$).

Впрочемъ предложеніе вопросовъ и осужденіе подсудимаго и при переходѣ дѣянія въ другой родъ преступленія не влечетъ отмѣны рѣшенія и приговора суда, если подсудимый своевременно не просилъ объ обращеніи дѣла по 753 ст. Волковъ и Владимірова ($^{195}/_{72}$) были преданы суду по обвиненію въ покупкѣ краденаго, а обвинены въ укрывательствѣ краденаго. Сенатъ оставилъ жалобу за нарушеніе 752 и 753 ст. безъ послѣдствій, въ виду того, что подсудимые не заявляли суду, что они просятъ о возвращеніи дѣла въ судебную палату, или что они желаютъ приготовиться къ защитѣ и поэтому просятъ отложить засѣданіе.

Случаи, въ которыхъ окончаніе дѣла откладывается для новаго и лучшаго приготовленія къ защитѣ. Въ приведенномъ выше рѣшеніи по дѣлу Васильева и Григорьева (72/68) сенатъ высказалъ, что въ силу того руководящаго начала, что нельзя подвергать рѣшенію такого обвиненія, которое не предъявлено предварительно подсудимому и по которому ему не было дано средства приготовиться къ защитѣ, даже «въ томъ случаѣ, когда измѣненія въ свойствахъ преступленія, не будучи столь существенными, чтобы требовать новаго обвинительнаго акта, увеличиваютъ однако уголовную отвѣтственность, судъ долженъ сдѣлать постановленіе о возможности продолжать разсмотрѣніе дѣла по обвинительному акту, а предсѣдатель обязанъ предупредить подсудимаго, что обнаруженное судебнымъ слѣдствіемъ новое обстоятельство можетъ повлечь за собою увеличеніе его уголовной отвѣтственности, и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ отказывать подсудимому въ просьбѣ о пріостановленіи засѣданія для предоставленія ему возможности приготовиться къ защитѣ». Разграничительной чертой между такимъ измѣненіемъ обвиненія, при которомъ необходимо составленіе новаго обвинительнаго акта, и такимъ, при которомъ допускается только отсрочка засѣданія для приготовленія къ защитѣ, служатъ приведенныя выше указанія сената, именно: переходъ преступленія въ другой родъ по свойству правонарушенія, измѣненіе основной формы въ преступленіяхъ, по свойству правонарушенія однородныхъ, и измѣненіе въ средствахъ, употребленныхъ для совершенія преступнаго дѣянія, въ преступленіяхъ однородныхъ по свойству правонарушенія и по основной ихъ формѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, въ которыхъ такого измѣненія на лицо нѣтъ, но въ которыхъ вновь раскрытыя обстоятельства усиливаютъ уголовную отвѣтственность, должна быть допущена только отсрочка засѣданія. Такимъ образомъ, при обвиненіи въ поджогѣ (1610 ст. ул.) включеніе въ вопросы того обстоятельства, что «подсудимый по учиненіи поджога скрылся» (3 ч. 1610 ст.), каковое обстоятельство не было указано въ обвинительномъ актѣ, составляетъ такое измѣненіе обвиненія, которое должно влечь предупрежденіе о томъ подсудимаго и отсрочку засѣданія для приготовленія къ защитѣ (1562 : 1). Измѣненіе обвиненія указанія на иной способъ участія подсудимаго въ томъ самомъ преступномъ дѣяніи, за которое онъ преданъ былъ суду (напр. укрывательство и подстрекательство),— также служитъ основаніемъ къ отсрочкѣ судебнаго засѣданія (9 марта 1874 г. Хихапова «Суд. В.», 53/75). Точно также измѣненіемъ обви-

нія считается обстоятельство предварительнаго соглашенія и наличность орудія, коимъ можно нанести смерть или увѣчье, при обвиненіи въ кражѣ со взломомъ. Хотя наказаніе въ этомъ случаѣ измѣняется изъ исправительнаго въ высшее уголовное, однако практика не считаетъ такое измѣненіе дѣленія въ его существенныхъ признакахъ и свойствахъ на столько важнымъ, чтобы обращать дѣло къ составленію новаго обвинительнаго акта. Въ этомъ случаѣ считается достаточнымъ ограничиться перерывомъ засѣданія для приготовленія къ защитѣ—что признаетъ правильнымъ и правительствующій сенатъ (234/70). Въ рѣшеніи по дѣлу Чернышева и др. (6 марта 1875 г. «Суд. Вѣстн.» 76/75) выражено, что если при производствѣ судебнаго слѣдствія откроется такое увеличивающее вину обстоятельство, которое измѣняетъ отвѣтственность подсудимаго, подвергая его вмѣсто исправительнаго уголовному наказанію, то судъ предъ заключеніемъ слѣдствія обязанъ предупредить подсудимаго о томъ, что объ открывшемся обстоятельствѣ будетъ постановленъ вопросъ, и дать ему возможность приготовиться къ защитѣ.

Обязанности суда при усиленіи обвиненія. Въ случаяхъ, когда судъ усматриваетъ вновь открывшіяся обстоятельства, усиливающія виновность подсудимаго, онъ обязанъ сдѣлать надлежащее постановленіе и предупредить подсудимаго о значеніи и послѣдствіяхъ этого обстоятельства до окончанія судебнаго слѣдствія (72/68, 642/72, 1562/71, 6 марта, 1875 г. д. Чернышева). Опредѣленіе суда должно быть ясное и точное, съ изложеніемъ мотивовъ (830/69). Судъ не имѣетъ права мотивировать свой отказъ въ постановкѣ вопроса о болѣе тяжкомъ обвиненіи тѣмъ, что вопросъ этотъ предложенъ по статьѣ, могущей подвергнуть подсудимаго болѣе строгому наказанію, ибо если на судѣ открылись обстоятельства, измѣняющія родъ преступленія, то судъ обязанъ поступить по 752 и 753 ст. уст. (448/70). Но отказъ въ подобномъ требованіи, основанный на томъ, что судебнымъ слѣдствіемъ не раскрыты такія обстоятельства, совершенно правиленъ (859/68). Постановленіе вопросовъ по усиленному обвиненію, безъ исполненія означенныхъ выше правилъ, составляетъ существенное нарушеніе и влечетъ отмѣну приговора суда и присяжныхъ (ibid.). Упущенія такія не признаются существенными, когда предложеніе на разрѣшеніе присяжныхъ вновь открывшагося обстоятельства, усиливающаго вину подсудимаго, послѣдствіемъ своимъ не имѣло увеличенія наказанія (642/72).

Правила о постановкѣ вопросовъ по новымъ обстоятельствамъ, усиливающимъ отвѣтственность подсудимаго, и всѣ предшествующія этой постановкѣ дѣйствія безусловно обязательны и для суда, рѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и притомъ не только для окружныхъ судовъ, но и для судебныхъ палатъ ($^{288}/_{70}$).

ГЛАВА III.

Вспомогательные вопросы.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

Содержаніе вопросовъ и важность ихъ постановки

Вспомогательными, условными или эвентуальными вопросами называются такіе, которые ставятся въ помощь главному, на случай неутвержденія его.

На основаніи 811 ст. уст., говоритъ сенатъ, условные вопросы, постановленные по выводамъ судебнаго слѣдствія, разрѣшаются присяжными лишь въ томъ случаѣ, когда они признаютъ обвиняемаго невиновнымъ по первому вопросу о виновности въ преступленіи, предусмотрѣнномъ обвинительнымъ актомъ, причемъ присяжные не вправѣ оставить безъ всякаго отвѣта главный вопросъ о виновности и перейти непосредственно къ разрѣшенію вопроса условнаго ($^{1254}/_{72}$). Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на главный вопросъ, вопросъ условный долженъ быть разрѣшенъ присяжными, иначе рѣшеніе подлежитъ отмѣнѣ ($^{1573}/_{72}$). Правительствующій сенатъ называетъ часто такіе вопросы *дополнительными*, относя это наименованіе и къ вопросамъ, которые ставятся на случай утвержденія главнаго, и оставляются совершенно безъ отвѣта, при отрицаніи вопроса о виновности.

Какъ предметъ главнаго вопроса служатъ преимущественно, если не всегда, выводы обвинительнаго акта или замѣщающей его жалобы частнаго обвинителя, такъ содержаніе для вопросовъ вспомогательныхъ почерпается главнымъ образомъ изъ данныхъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній ($^{673}/_{72}$).

Предметомъ вспомогательнаго или условнаго вопроса можетъ быть:

а) всякое общее преступленіе, видоизмѣняющее обозначенное въ главномъ вопросѣ и равное ему или менѣе тяжкое по наказанію, когда подсудимый преданъ суду въ общемъ порядкѣ судопроизводства;

б) всякое такое же преступленіе по должности, когда подсудимый преданъ суду въ особомъ порядкѣ, опредѣленномъ въ 1077—1102 ст. уст. гр. суд. Но вопросъ условный не можетъ быть поставленъ о виновности въ такомъ дѣяніи, за которое подсудимый не былъ преданъ суду подлежащимъ начальствомъ и которое не имѣетъ связи съ дѣяніемъ, въ которомъ подсудимый обвиняется. Экспедиторъ одесской почтовой конторы Городецкій ($^{1260}/_{72}$) былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что въ февралѣ 1868 года, завѣдуя по своей должности пріемомъ заграничной корреспонденціи, похитилъ 5 рекомендованныхъ писемъ, высланныхъ изъ Берлина въ Одессу на имя купца Лейбенгерца, со вложеніемъ 100 билетовъ внутренняго съ выигрышами займа. Судебная палата, кромѣ вопроса по обвинительному акту, постановила слѣдующій условный: «если Городецкій не виновенъ по второму вопросу, то не виновенъ-ли онъ въ томъ, что, состоя въ означенной должности, не принялъ своевременно необходимыхъ мѣръ для повѣрки полученной 23 февраля 1868 года берлинской корреспонденціи и для розысканія неоказавшихся упомянутыхъ въ 1-мъ вопросѣ пяти рекомендованныхъ писемъ и тѣмъ оказалъ нерадѣніе въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей?» Сенатъ нашелъ, что палата оставила безъ вниманія, что Городецкій не былъ преданъ суду своимъ начальствомъ за какое-либо вообще нерадѣніе по службѣ, и что если судебное слѣдствіе и пренія возбудили о томъ вопросъ, то лишь по отношенію къ главному предмету дѣла, а именно къ тому обстоятельству, что пакеты, сданные на берлинскую почту для передачи ихъ Лейбенгерцу, не были переданы сему послѣднему; между тѣмъ палата поставила третій вопросъ безъ всякаго указанія на то, что нерадѣніе Городецкаго или вообще не точное исполненіе имъ своихъ обязанностей по должности было причиною неполученія Лейбенгерцомъ адресованныхъ ему пакетовъ и билетовъ; вслѣдствіе сего третій вопросъ представляется несоотвѣтствующимъ самому существу дѣла, ибо относясь къ нарушенію Городецкимъ обязанностей службы, безъ всякой связи этого нарушенія съ недоставленіемъ пакетовъ и билетовъ Лейбенгерцу, вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ обвиненіе Городецкаго въ такомъ дѣяніи, за которое онъ не былъ преданъ суду подлежащимъ начальствомъ;

в) преступленіе, подлежащее преслѣдованію въ порядкѣ, указанномъ въ 1220 ст. уст. уг. суд. ($^{520}/_{68}$).

Но *вспомогательный вопросъ не можетъ быть поставленъ:*

а) о преступленіи общемъ, хотя бы и менѣе тяжкомъ сравнительно съ тѣмъ, которое означено въ обвинительномъ актѣ, но совершенно другаго рода, когда подсудимый преданъ суду въ особомъ порядкѣ установленномъ въ 1077—1102 ст. уст. гр. суд. [$^{186}/_{70}$[1])]. Въ этомъ случаѣ судъ, не постановляя вопросовъ, обязанъ принять въ руководство 549 ст. уст. и объ измѣнившихся обстоятельствахъ дѣла представить судебной палатѣ (ibid.). Но если обнаружится преступленіе того же рода, которое указано въ обвинительномъ актѣ, хотя оно совершено и не по должности, то судъ предлагаетъ такое обвиненіе присяжнымъ, не представляя дѣла въ палату (20 сентября 1873 г., д. Яковлева. Указ.);

б) о дѣяніи, не заключающемъ въ себѣ признаковъ преступленія или проступка ($^{216}/_{70}$, $^{982}/_{70}$, $^{260}/_{71}$). Но въ рѣшеніяхъ $^{1200}/_{71}$ и $^{798}/_{72}$ сенатъ высказалъ противоположное правило. По первому дѣлу защитникъ подсудимаго, обвинявшагося въ кражѣ ковра, просилъ постановить вопросъ о находкѣ. Судъ, имѣя въ виду, что за находку налагается наказаніе только въ томъ случаѣ, если нашедшій не объявитъ о томъ въ теченіе трехъ недѣль, а подсудимый задержанъ съ ковромъ въ тотъ же день, счелъ постановку такого вопроса невозможною. Сенатъ нашелъ, что «нѣтъ закона, воспрещающаго суду постановлять вопросъ объ обстоятельствахъ, не заключающихъ признаковъ преступленія, если они вытекаютъ изъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній». По второму дѣлу (Шереметьева) сенатъ нашелъ, что отказъ суда прокурору въ постановкѣ условнаго вопроса, на томъ основаніи, что указываемыя имъ дѣянія не предусмотрѣны закономъ, неправиленъ, ибо опредѣленіе суда о томъ, подлежитъ ли подсудимый отвѣтственности и въ какомъ размѣрѣ, можетъ быть постановлено лишь послѣ рѣшенія присяжныхъ.

Едвали можно согласиться съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ. Вопервыхъ. Законъ, воспрещающій постановку вопросовъ о непреступныхъ дѣяніяхъ, существуетъ и содержится въ 760 ст. уст.,

---

[1]) Подсудимый Кондеревъ былъ преданъ суду за присвоеніе и растрату ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ (ст. 354 уг.), а былъ признанъ виновнымъ въ растратѣ имущества, ввѣреннаго ему частными лицами.

предписывающей постановлять вопросы по существеннымъ признакамъ преступленія, а что предписано къ исполненію, то составляетъ обязанность для исполнителей. Вовторыхъ. Постановка такихъ вопросовъ не имѣетъ никакого практическаго значенія, кромѣ совершенно безполезной работы, возлагаемой на присяжныхъ, что высказывается и сенатомъ въ рѣшеніи $^{282}/_{70}$. Втретьихъ. Судъ, постановляя условный вопросъ, ставитъ себя на мѣсто обвинительной камеры; но было бы слишкомъ не удобно признать нормальнымъ правиломъ, что и обвинительная камера можетъ предавать суду за дѣянія, завѣдомо непреступныя.

На основаніи 812 ст. уст. присяжные засѣдатели имѣютъ право только ограничивать смыслъ вопроса, предложеннаго на ихъ разрѣшеніе, отрицаніемъ какихъ-либо признаковъ, но имъ не предоставлено права признавать подсудимаго виновнымъ въ преступленіи, о которомъ вопроса не предлагалось ($^{576}/_{69}$, $^{1306}/_{72}$). Правительствующій сенатъ находитъ также, что присяжнымъ не предоставлено закономъ права просить о дополненіи вопросовъ, напр. о постановкѣ вопроса условнаго ($^{1402}/_{72}$, $^{501}/_{68}$). Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ та особенная важность условныхъ вопросовъ, которую они получаютъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ. Если судебное слѣдствіе дастъ матеріалъ для измѣненія обвиненія и если этотъ матеріалъ былъ предметомъ судебныхъ преній, то непостановка вопроса по этимъ даннымъ можетъ влечь за собою стѣсненіе совѣсти присяжныхъ и вредъ для правосудія. Пришедши къ убѣжденію въ виновности подсудимаго не въ томъ преступленіи, о которомъ предложенъ вопросъ, присяжные должны будутъ или обвинить его противъ своего убѣжденія, или же оправдать его, хотя бы онъ, при постановкѣ условнаго вопроса, былъ непремѣнно признанъ виновнымъ въ преступленіи менѣе тяжкомъ. Но постановка условныхъ вопросовъ не теряетъ своего значенія и на судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ большинствѣ случаевъ полное убѣжденіе въ виновности подсудимаго въ томъ или другомъ преступленіи является только послѣ всесторонняго обсужденія всѣхъ подробностей судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній, послѣ тщательнаго сравненія доказательствъ, говорящихъ за и противъ того или другаго обвиненія, что бываетъ уже послѣ постановки вопросовъ о виновности. Вслѣдствіе этого можетъ случиться, что послѣ всесторонняго обсужденія дѣла былъ бы утвержденъ вопросъ условный. Но между тѣмъ, не постановивъ такого

вопроса, судъ не можетъ уже измѣнить обвиненіе и долженъ разрѣшить только тотъ вопросъ, который постановленъ и относительно котораго были выслушаны замѣчанія и объясненія сторонъ. «Допустить возможность разрѣшенія въ отвѣтъ на предложенный вопросъ, говоритъ сенатъ (⁹⁷²/₇₀), не только этого вопроса, но и другаго обвиненія, для разрѣшенія котораго въ предложенномъ вопросѣ не заключалось никакихъ данныхъ, пришлось бы допустить произвольное со стороны суда устраненіе самой дѣйствительной гарантіи въ правильной постановкѣ вопросовъ, состоящей въ участіи сторонъ въ разрѣшеніи дѣла въ границахъ, предоставленныхъ имъ самимъ закономъ. Хотя, конечно, въ опредѣленіи характера преступнаго дѣянія, разсматриваемаго судомъ, судъ не можетъ быть стѣсненъ заявленіями сторонъ и вправѣ опредѣлить виновность подсудимаго и не въ томъ видѣ, признанія котораго требовалъ обвинитель; но для этого необходимо, чтобы это самое опредѣленіе основывалось на тѣхъ только фактическихъ признакахъ разсматриваемаго дѣянія, которые признаны судомъ въ порядкѣ, установленномъ закономъ, т. е. чтобы доказательства, удостовѣряющія существованіе тѣхъ или другихъ признаковъ преступленія, видоизмѣняющихъ его составъ, были разсмотрѣны судомъ при участіи сторонъ и по выслушаніи ихъ взаимныхъ объясненій и возраженій. Соблюденіе этого общаго правила еще болѣе существенно въ дѣлахъ, производящихся въ порядкѣ частнаго обвиненія, за силою 5 п. 511 ст. уст. уг. суд., такъ какъ признаніе тѣхъ или другихъ фактическихъ признаковъ преступленія находится въ полной зависимости отъ оцѣнки доказательствъ, представленіе которыхъ, въ дѣлахъ этого рода, зависитъ отъ самихъ сторонъ». Сходное съ этимъ въ существѣ мнѣніе высказалъ сенатъ и въ рѣшеніи по дѣлу Риттеръ (⁷⁸⁰/₇₂).

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Условія, при существованіи которыхъ допускается постановка вспомогательныхъ вопросовъ.

Постановка дополнительныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ дѣла, зависитъ отъ того, насколько тѣ или другія обстоятельства выяснились на судѣ и насколько представлялось основательнымъ требованіе о постановкѣ дополнительнаго вопроса (¹³⁴/₇₂). Разрѣшеніе

въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса о томъ, долженъ ли быть постановленъ дополнительный условный вопросъ, или нѣтъ, зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло въ существѣ (128/68, 254/68, 576/69, 216/70, 826/70, 905/70, 50/73 и др.). Это общее правило примѣняется и къ дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія (59/66, 752/70, 972/70).

Вспомогательные вопросы могутъ быть постановлены или вслѣдствіе требованій сторонъ, признанныхъ судомъ уважительными, или же по усмотрѣнію самого суда. Но присяжнымъ не предоставлено закономъ право просить о постановкѣ вопроса условнаго (1402/72, 501/68).

Относительно того, что именно должна выполнять сторона, домогающаяся постановки условнаго вопроса, чтобы требованіе ея было признано уважительнымъ, правительствующій сенатъ не далъ опредѣленнаго разъясненія. По дѣлу Анны Григорьевой (2000/69) онъ высказалъ, что для постановки такихъ вопросовъ необходимы положительные выводы изъ судебнаго слѣдствія, указанные въ заключительныхъ преніяхъ.

Подсудимый Горюновъ (1117/72) жаловался въ кассаціонной жалобѣ, что защитникъ его просилъ поставить вопросъ о томъ, не виновенъ ли онъ въ совершеніи убійства въ запальчивости и раздраженіи во время и вслѣдствіе происшедшей между нимъ и Леонтьевымъ ссоры, но судъ ему въ этомъ отказалъ на томъ основаніи, что вопросъ этотъ не вытекаетъ изъ объясненій, данныхъ имъ на судѣ, тогда какъ онъ говорилъ предъ судомъ, что не можетъ объяснить, какъ убилъ Леонтьева, а защитникъ его объяснялъ, что онъ могъ убить Леонтьева въ ссорѣ, въ раздраженіи: такъ какъ, по 751 ст. уст., основаніемъ вопросовъ должны служить и заключительныя пренія, то считая отказъ суда несогласнымъ съ симъ закономъ, подсудимый просилъ приговоръ суда отмѣнить. «Принявъ во вниманіе, что разрѣшеніе того, должны ли вопросы быть постановлены единственно на основаніи обвинительнаго акта, или на свѣдѣніяхъ, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи, совершенно зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу, отказъ котораго въ постановкѣ дополнительнаго вопроса не можетъ подлежать повѣркѣ правительствующаго сената въ кассаціонномъ порядкѣ, какъ основанный на происходившемъ на судѣ, и что воспрещается суду отказывать подсудимому въ постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ лишь о причинахъ, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину, или наказаніе уменьшается или отмѣ-

нятся по причинамъ, указаннымъ въ законѣ (ст. 751, 755 и 763 уст.). правительствующій сенатъ нашелъ, что требованіе защитника Горюнова о постановкѣ такого вопроса, которымъ измѣнялось самое свойство обвиненія, по которому Горюновъ преданъ суду, а не о какихъ-либо обстоятельствахъ, уменьшающихъ его вину, именно объ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, вмѣсто убійства съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ (ст. 1453 и 1455 ул.), при непризнаніи судомъ первоначальнаго обвиненія измѣнившимся, оставлено безъ послѣдствій правильно». По дѣлу Самарина (606/68), обвинявшагося въ участіи въ убійствѣ, защитникъ просилъ поставить вопросъ о недонесеніи и отказался представить тѣ факты судебнаго слѣдствія, на которыхъ онъ основывалъ свои требованія, а сказалъ, что онъ въ своей защитительной рѣчи сдѣлалъ на эти факты намеки, которые вѣроятно поняты присяжными. Сенатъ нашелъ, что «для постановки дополнительнаго вопроса въ измѣненіе обвинительнаго акта необходимы не намеки, а положительные выводы изъ судебнаго слѣдствія, указанные въ заключительныхъ преніяхъ». Въ рѣшеніи по дѣлу Бойко (1401/71) сенатъ говоритъ: «общіе вопросы о виновности, коими измѣняются выводы обвинительнаго акта, или дополнительные вопросы, если главные постановлены согласны этимъ выводамъ, предлагаются присяжнымъ лишь тогда когда они вытекаютъ изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ, и когда притомъ судъ находитъ, что къ постановкѣ дополнительнаго вопроса есть достаточныя фактическія основанія, т. е. когда онъ признаетъ, что подсудимый, домогающійся постановки дополнительнаго вопроса, *доказалъ* дѣйствительность того обстоятельства, о которомъ онъ проситъ постановить вопросъ». Но по дѣлу Юдина и др. (743/68) сенатъ нашелъ достаточнымъ основаніемъ для постановки вспомогательнаго вопроса то обстоятельство, что защитникомъ въ его рѣчи было выражено *сомнѣніе* въ томъ, чтобы нанесенныя потерпѣвшему истязанія были причиною его смерти.

Подсудимый Самойловъ (3/72) въ кассаціонной жалобѣ объяснялъ, что защитникъ его во время заключительной рѣчи пришелъ къ тому выводу, что онъ, Самойловъ, можетъ быть обвиненъ лишь въ недонесеніи объ извѣстномъ ему преступленіи, и что вслѣдствіе этого судъ не имѣлъ права отказать въ постановкѣ о томъ вопроса, за силою 751 ст. уст., которая предписываетъ основывать вопросы столько на обвинительномъ актѣ и судебномъ слѣдствіи, но и на заключительныхъ преніяхъ сторонъ. Сенатъ нашелъ такое толкованіе 751 ст. произвольнымъ и несоотвѣтствующимъ точному ея

смыслу, «ибо вопросы по существу дѣла не могутъ быть постановлены судомъ вслѣдствіе односторонняго взгляда на событіе защитника, но должны вытекать изъ судебнаго слѣдствія и состязанія обѣихъ сторонъ, не выходящаго изъ предѣловъ, указанныхъ въ 735 и 745 ст. уст., т. е. относящагося къ существу разсмотрѣнныхъ и повѣренныхъ доказательствъ, а не новыхъ фактическихъ обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія».

О подсудимыхъ Абрамовѣ и Шаповаловѣ (329/71) были предложены между прочимъ вопросы о виновности въ томъ, что согласившись на открытое похищеніе имущества Ивановой, изъ корыстныхъ видовъ, помогали совершиться преступленію (лишенію жизни Ивановой посредствомъ удушенія) тѣмъ, что въ это время находились на-сторожѣ вблизи дома Ивановой. По прочтеніи вопросовъ, прокуроръ заявилъ, что въ обвинительной рѣчи своей онъ перешелъ съ обвиненія въ задуманіи къ обвиненію въ предварительномъ соглашеніи на открытое похищеніе, безъ участія въ самомъ похищеніи, причемъ подсудимые стояли около дома, а потомъ раздѣлили между собою похищенное имущество, не зная о совершенномъ убійствѣ. Защитникъ присоединился къ мнѣнію прокурора. Судъ постановилъ оставить вопросы въ предложенной редакціи. Сенатъ нашелъ, что «обвинительная рѣчь лица прокурорскаго надзора составляетъ существенную часть судебнаго слѣдствія, что хотя она и не имѣетъ обязательной силы для суда, тѣмъ менѣе официальный обвинитель имѣетъ право требовать, чтобы взглядъ его на дѣло, когда онъ не совпадаетъ съ мнѣніемъ суда, былъ предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей въ числѣ постановляемыхъ имъ судомъ вопросовъ».

Вмѣстѣ съ этимъ правительствующій сенатъ признаетъ обязательнымъ для стороны указаніе фактическихъ признаковъ, входящихъ въ составъ вопроса, о постановкѣ котораго она ходатайствуетъ (384 71). Сторона обязана озаботиться, чтобы внесены были въ протоколъ судебнаго засѣданія тѣ объясненія и показанія, на основаніи которыхъ она просила о постановкѣ условнаго вопроса, потому что обсужденіе того, правильно ли отказалъ судъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса, возможно для кассаціонной инстанціи только при соблюденіи этого условія (305/70, 493/67, 322/72 и др.).

Относительно правъ суда предлагать вспомогательные вопросы по собственному усмотрѣнію, сенатъ разъяснилъ, что судъ въ

этомъ отношеніи пользуется неограниченнымъ и неподлежащимъ контролю въ кассаціонномъ порядкѣ правомъ ($^{576}/_{69}$, $^{326}/_{71}$, $^{254}/_{68}$ и др.). Онъ нетолько вправѣ, но и обязанъ постановить, послѣ главнаго вопроса, вопросъ условный, если только сознаетъ его необходимость (ib). Онъ не вправѣ допустить постановку отдѣльнаго вопроса только о такихъ обстоятельствахъ, которыя не указаны выводами судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній ($^{689}/_{72}$). Неумѣстность постановленія такого вопроса должна быть доказана, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія ($^{209}/_{69}$). Вмѣстѣ съ этимъ въ рѣшеніи $^{1239}/_{70}$ сенатъ требуетъ, чтобы въ дополнительныхъ вопросахъ выяснены были тѣ измѣнившіяся фактическія данныя, которыя послужили основаніемъ постановки такихъ вопросовъ.

Признавая, что судъ можетъ отказывать въ домогательствѣ о постановкѣ условныхъ вопросовъ только въ томъ случаѣ, если не усматриваетъ изъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній никакихъ фактическихъ данныхъ для постановленія такихъ вопросовъ, правительствующій сенатъ находитъ, что судъ не можетъ отказать въ ходатайствѣ о постановкѣ ихъ:

а) На томъ только основаніи, что подсудимый преданъ суду судебной палатой не въ томъ преступленіи о которомъ проситъ постановить вопросъ сторона ($^{884}/_{71}$).

б) На томъ основаніи, что редакція вопроса, предложенная стороной, неправильна, такъ какъ окончательная постановка вопросовъ, а слѣдовательно и редакція ихъ, принадлежитъ не сторонамъ, а суду ($^{166}/_{67}$).

в) На томъ основаніи, что фактическія обстоятельства, о которыхъ поставленъ главный вопросъ, не возбуждаютъ, по мнѣнію суда, сомнѣнія въ достовѣрности ихъ ($^{329}/_{71}$) [1]).

---

[1]) Рыбинскій окружной судъ отказалъ въ постановкѣ условныхъ вопросовъ по слѣдующимъ замѣчательнымъ мотивамъ: 1) что хотя изъ дѣла и видно, что главный преступникъ (умершій Климентьевъ) предлагалъ лишь связать Иванову, чтобы воспользоваться ея имуществомъ, и что только крики ея вынудили его къ совершенію непредумышленнаго убійства, но онъ, можетъ быть, не рѣшился бы на это преступленіе, еслибы не имѣлъ въ сторожившихъ товарищахъ поддержки и 2) что вопросъ о пособничествѣ подсудимыхъ въ грабежѣ съ насиліемъ могъ бы быть постановленъ только въ случаѣ какого-либо сомнѣнія насчетъ разбойническаго нападенія на Иванову, а одно незнаніе о томъ, что именно сдѣлалъ съ нею Климентьевъ, не можетъ измѣнить характера того преступленія, въ коемъ Шаповаловъ и

Но кромѣ признанія, что судебное слѣдствіе и заключительныя пренія не представили положительныхъ данныхъ для постановки требуемаго вопроса, судъ можетъ отказать въ домогательствѣ стороны о постановленіи такого вопроса, если находитъ, что фактическія обстоятельства, приводимыя стороной и долженствующія служить содержаніемъ вопроса, не соотвѣтствуютъ признакамъ той статьи закона, подъ которую сторона подводитъ эти факты. По дѣлу Урбанской (3341/72), товарищъ прокурора просилъ поставить вопросъ слѣдующаго содержанія: не виновна ли Урбанская въ томъ, что ночуя въ одной комнатѣ съ лицомъ женскаго пола и чувствуя приближеніе родовъ, не обратилась за помощью къ ней или къ другому лицу, слѣдствіемъ чего была смерть ребенка, каковое дѣяніе подводилъ подъ преступленіе, предусмотрѣнное въ ст. 1460 ул. Окружной судъ отказалъ въ удовлетвореніи требованія товарища прокурора на томъ основаніи что предлагаемый имъ новый вопросъ не соотвѣтствуетъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго въ ст. 1460 ул., такъ какъ статья эта предусматриваетъ только случаи оставленія безъ помощи уже рожденнаго ребенка. Сенатъ нашелъ, что «ст. 1460 ул. не можетъ быть ни прямо, ни по аналогіи примѣнена къ фактамъ, указаннымъ товарищемъ прокурора, и вслѣдствіе сего опредѣленіе суда, коимъ онъ отказалъ товарищу прокурора въ постановкѣ вопроса, представляется правильнымъ». Такое же заключеніе можно вывести и изъ рѣшеній по дѣлу Дрейера и др. (1491/72) и по дѣлу Постникова (1121/72).

Во всякомъ случаѣ по каждому ходатайству сторонъ относительно постановки условныхъ вопросовъ судъ долженъ постановить опредѣленіе, вносимое въ протоколъ судебнаго засѣданія, причемъ должны быть изложены мотивы, по которымъ судъ отказываетъ въ домогательствѣ стороны или удовлетворяетъ оное (831/69, 322/72). Это правило обязательно и для суда, рѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей (105/72).

Мнѣніе правительствующаго сената, высказанное въ рѣшеніи по дѣлу Бойко, (1401/71) и заключающееся въ томъ, что для полученія права на постановку вопроса, несогласнаго съ выводами об-

---

Абрамовъ участвовали. Поэтому судъ постановилъ вопросы оставить въ предложенной редакціи, каковое постановленіе и было публично прочитано. Сенатъ кассировалъ приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ.

винительнаго акта, защитѣ необходимо *доказать* дѣйствительность того обстоятельства, о которомъ она проситъ постановить вопросъ, не можетъ быть принято за основное, не потому только, что оно расходится съ мнѣніемъ того же сената, высказаннымъ въ другихъ рѣшеніяхъ, напр. въ рѣшеніи по дѣлу Юдина, гдѣ достаточнымъ основаніемъ для постановки такого вопроса признано одно *сомнѣніе* въ дѣйствительности нѣкоторыхъ фактовъ, составляющихъ предметъ обвиненія, но и потому, что оно противорѣчитъ другимъ положеніямъ, высказаннымъ сенатомъ и притомъ представляется на практикѣ очень неудобнымъ для руководства. Правительствующій сенатъ постоянно высказываетъ, что, при разрѣшеніи дѣла съ присяжными засѣдателями, этимъ послѣднимъ исключительно и безусловно принадлежитъ разрѣшеніе въ каждомъ случаѣ фактической стороны дѣла. Между тѣмъ, предоставленіемъ суду права рѣшать, доказано ли или не доказано данное фактическое обстоятельство, существенно нарушается означенное основное правило. Затѣмъ положеніе о доказанности или недоказанности данныхъ обстоятельствъ, будучи крайне стѣснительнымъ для сторонъ, представляетъ собою признакъ слишкомъ неопредѣленный и потому неудобный для руководства: за исключеніемъ предметовъ, достовѣрность которыхъ опредѣляется наглядно и математически точно, увѣренность въ дѣйствительности всѣхъ прочихъ получается на основаніи внутренняго убѣжденія Убѣжденіе же это, по множеству причинъ, можетъ быть у суда и у присяжныхъ различно Подтвержденіемъ этого служатъ тѣ нерѣдкіе случаи, когда вслѣдъ за отказомъ суда въ постановкѣ условнаго вопроса, какъ не вытекающаго изъ обстоятельствъ судебнаго слѣдствія, присяжные возвращаются изъ залы совѣщанія и просятъ или постановить дополнительный вопросъ, тотъ самый, въ постановкѣ котораго судъ отказалъ подсудимому, или же разъяснить имъ, въ какой формѣ они могутъ выразить свое мнѣніе, если признаютъ, что подсудимый совершилъ не то дѣяніе, о которомъ постановленъ вопросъ, а другое, въ постановкѣ вопроса о которомъ отказано. Изъ многихъ примѣровъ приведемъ одинъ. По дѣлу крестьянъ Васильева, Михалычева и др. ($^{1444}/_{72}$) судъ постановилъ вопросъ о виновности каждаго изъ подсудимыхъ въ грабежѣ и отказалъ защитнику въ просьбѣ о постановкѣ вопросовъ о виновности въ кражѣ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что постановка этихъ вопросовъ не вытекаетъ изъ судебнаго слѣдствія. Но между тѣмъ присяжные, получивъ вопросный листъ, чрезъ нѣсколько времени возвратились

въ залу засѣданія и просили или постановить дополнительный вопросъ, или же разрѣшить имъ, въ какой формѣ они могутъ выразить свое мнѣніе, если придутъ къ убѣжденію, что подсудимые виновны не въ грабежѣ, а въ кражѣ; затѣмъ въ отвѣтѣ своемъ они дѣйствительно отвергли существенный признакъ грабежа.

Наконецъ, установленное правительствующимъ сенатомъ основаніе, на которое долженъ опираться судъ при разрѣшеніи просьбъ сторонъ о постановкѣ условныхъ вопросовъ, поведо къ установленію другаго правила, исполненіе котораго едвали можетъ быть признано согласнымъ съ сущностью кассаціоннаго порядка. Въ нѣкоторыхъ изъ рѣшеній своихъ, приведенныхъ нами выше, сенатъ требуетъ, чтобы сторона, жалующаяся на неправильный отказъ суда въ постановкѣ условнаго вопроса, озаботилась внесеніемъ въ протоколъ засѣданія тѣхъ объясненій и показаній, на основаніи которыхъ она просила о постановкѣ означеннаго вопроса, такъ какъ только при этомъ условіи для кассаціоннаго суда возможно обсудить, правильно ли былъ сдѣланъ отказъ, или нѣтъ. Но если судъ въ своихъ постановленіяхъ объ отказѣ или удовлетвореніи ходатайства стороны руководствуется исключительно тѣмъ, доказано или нѣтъ извѣстное обстоятельство, то естественно, что правительствующій сенатъ, обсуждающій въ кассаціонномъ порядкѣ правильность отказа, можетъ провѣрять дѣйствія суда только на этомъ же основаніи. Такимъ образомъ должна произойти повѣрка внутренняго убѣжденія суда, на основаніи котораго тѣ или другіе фактическіе признаки, долженствовавшіе войти въ составъ условнаго вопроса, признаны недоказанными, и притомъ повѣрка, допущенная при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ. Все это наконецъ, приводитъ къ убѣжденію, что правило, преподанное въ руководство суду при оцѣнкѣ домогательствъ о постановкѣ условныхъ и вообще дополнительныхъ вопросовъ, не представляется удачнымъ. Относительно постановки вопросовъ о невмѣняемости преступленія, по одной изъ причинъ, указанныхъ въ законѣ, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что для постановленія такого вопроса достаточно, если подсудимый *доказывалъ* существованіе такой причины ($^{1401}/_{71}$). Было бы правильнѣе и удобнѣе принятіе такого правила въ руководство и при обсужденіи просьбъ о постановкѣ вопросовъ вспомогательныхъ или вообще дополнительныхъ.

Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія другое положеніе, высказанное сенатомъ по дѣлу Урбанской, именно право суда отказывать

въ постановкѣ вопросовъ, если приводимые стороной фактическіе признаки не соотвѣтствуютъ понятію того преступленія, подъ которое они подводятся. Здѣсь дѣло идетъ уже о юридическомъ вопросѣ, въ разрѣшеніи котораго судъ представляется вполнѣ компетентнымъ. Если указываемые стороной факты вовсе не подходятъ подъ данный законъ, если домогательство стороны оказывается несостоятельнымъ съ юридической точки зрѣнія, то судъ не обязанъ исполнять требованіе стороны, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, постановляя вопросъ, онъ выразилъ бы тѣмъ свое мнѣніе о соотвѣтствіи фактическихъ признаковъ съ законными, чѣмъ могъ бы ввести въ заблужденіе присяжныхъ при разрѣшеніи правовой стороны дѣла.

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

Редакція вспомогательныхъ вопросовъ.

Выше сего, въ главѣ первой, были указаны общія правила, относящіяся къ редакціи вопросовъ, какъ главныхъ, такъ и вспомогательныхъ или условныхъ. Исполненіе этихъ правилъ, при редактированіи условныхъ вопросовъ, должно быть признаваемо еще болѣе обязательнымъ, чѣмъ при формулированіи главнаго вопроса, ибо если главный вопросъ находится въ зависимости отъ выводовъ обвинительнаго акта и долженъ прежде всего вмѣщать въ себѣ ихъ содержаніе, притомъ въ той же формѣ, въ которой изложены эти выводы, то вопросъ условный, какъ постановляемый самостоятельно судомъ, долженъ быть редактированъ съ самымъ строгимъ исполненіемъ правилъ о постановкѣ вопросовъ о виновности вообще. Между тѣмъ практика нашихъ судовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о постановкѣ условныхъ вопросовъ, допускаетъ существенныя отступленія отъ такихъ правилъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, приведемъ нѣсколько случаевъ. Новиковъ ($^{73}/_{68}$) былъ преданъ суду по обвиненію въ грабежѣ, преступленіи, предусмотрѣнномъ 1643 ст. улож. Вопросы о немъ были постановлены слѣдующіе: «1) виновенъ ли подсудимый Тихвинскій мѣщанскій сынъ Владиміръ Новиковъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что вырвалъ 18 прошлаго января изъ рукъ жены отставнаго рядоваго Анны Куцевицкой принадлежавшій ей кошелекъ съ деньгами, въ присутствіи другихъ лицъ, и не возвратилъ Куцевицкой этого кошелька и денегъ? 2) если Новиковъ

вырвалъ кошелекъ изъ рукъ Куцевицкой, то, вырывая его, не могъ ли онъ имѣть какого-либо права на полученіе отъ Куцевицкой денегъ и вырвалъ кошелекъ именно въ виду такого права?» Изъ самой постановки этихъ вопросовъ видно, что на судѣ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, не составляетъ ли дѣяніе подсудимаго самоуправства. Окружной судъ, вмѣсто того, чтобы поставить условный вопросъ по признакамъ этого послѣдняго проступка, а въ главномъ соединить всѣ признаки грабежа, согласно обвинительному акту, устранилъ изъ главнаго вопроса одинъ изъ существенныхъ признаковъ «съ цѣлью похищенія» и предложилъ въ условномъ вопросѣ одинъ изъ признаковъ самоуправства, предполагая, что изъ двухъ вопросовъ, смотря по утвердительному или отрицательному отвѣту на второй, образуется составъ преступленія грабежа или самоуправства. Но такая постановка вопросовъ видимо не правильна: во-первыхъ, здѣсь нарушено основное правило о соединеніи въ одномъ вопросѣ о виновности существенныхъ признаковъ преступленія; во-вторыхъ, каждый изъ вопросовъ, взятый отдѣльно, не заключаетъ въ себѣ никакого преступленія, и въ-третьихъ, даже при удовлетворительномъ разрѣшеніи обоихъ, т. е. при удовлетворительномъ отвѣтѣ на первый и отрицательномъ на второй, все-таки не будетъ на лицо, строго говоря, полнаго состава преступленія грабежа, такъ какъ отрицаніе права на деньги еще не служитъ доказательствомъ того, что деньги были вырваны непремѣнно съ цѣлью похищенія. Результатомъ такой постановки вопросовъ было, какъ видно изъ дѣла, затрудненіе сначала для присяжныхъ, при разрѣшеніи вопросовъ, а затѣмъ и для самого суда, при опредѣленіи свойства преступленія. Солдатская дочь Панова ($^{186}/_{68}$) была предана суду по обвиненію въ томъ, что, находясь въ одной комнатѣ съ кр. Михайловымъ, охмѣлѣвшимъ послѣ употребленія водки и пива, сорвала съ него часы и съ ними скрылась, каковое дѣяніе было подведено подъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 1643 ст. улож. На судѣ вопросы были предложены слѣдующіе: «1) виновна ли подсудимая въ томъ, что, находясь одна въ комнатѣ съ кр. Михайловымъ, сняла съ него бывшіе при немъ на цѣпочкѣ часы, которые и похитила; 2) если виновна, то, снимая часы съ Михайлова, предполагала ли она, что Михайловъ въ это время сознаетъ похищеніе у него часовъ?» Присяжные на второй вопросъ отвѣтили: «нѣтъ, не предполагала» и судъ приговорилъ подсудимую къ наказанію по 169 ст. уст. о нак. Такимъ образомъ и здѣсь оба вопроса, въ своей совокупности, не выражали опредѣленнаго понятія ни о

грабежѣ, ни о кражѣ. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «изъ постановленныхъ по этому дѣлу вопросовъ первый указываетъ на такіе внѣшніе признаки преступленія, которые могутъ относиться и къ открытому и къ тайному похищенію, а второй вопросъ, касающійся внутреннихъ признаковъ преступленія, хотя имѣетъ весьма важное значеніе, ибо утвердительнымъ или отрицательнымъ разрѣшеніемъ его обусловливается отчасти признаніе похищенія открытымъ или тайнымъ, однако оба эти вопроса въ совокупности не исчерпываютъ всѣхъ признаковъ судимаго преступленія, ни въ понятіи открытаго, ни въ понятіи тайнаго похищенія; для открытаго похищенія недостаточно, чтобы похититель предполагалъ сознаніе жертвы своей о томъ, что у него совершаютъ похищеніе, а необходимо еще, чтобы образъ дѣйствій его имѣлъ характеръ явнаго похищенія, которое при обыкновенномъ порядкѣ вещей не можетъ остаться незамѣченнымъ во время самаго совершенія похищенія; наоборотъ, для тайнаго похищенія недостаточно того, чтобы похититель предполагалъ въ жертвѣ своей отсутствіе сознанія, а необходимо еще, чтобы и внѣшнія дѣйствія его имѣли характеръ тайнаго похищенія, которое при обыкновенномъ порядкѣ вещей остается незамѣченнымъ». Такую же, если еще не большую неправильность въ редакціи представляютъ слѣдующіе вопросы: «1) Виновенъ ли Тимофѣевъ ($^{156}/_{88}$) въ растратѣ мірской суммы, собранной съ общества крестьянъ деревни Култука, Каинскаго уѣзда, на уплату выкупныхъ платежей 537 руб. 45 коп.? 2) Если виновенъ въ растратѣ, то недостаточно ли доказано, что совершилъ эту растрату не по нерадѣнію или злоупотребленію, но совершенно случайно, въ такихъ обстоятельствахъ, которыхъ онъ ни предвидѣть, ни предотвратить не могъ?» Такимъ образомъ и здѣсь второй, условный вопросъ, постановляемый, по общему правилу, только на случай отрицанія главнаго, былъ, наоборотъ, поставленъ въ зависимость отъ перваго и содержалъ въ себѣ не совокупность признаковъ цѣлаго преступленія, а только нѣкоторые изъ нихъ. Присяжные на означенные вопросы отвѣтили: «да, виновенъ»: «да, достаточно,—совершилъ случайно». — Вслѣдствіе этого вышло, что по утвердительному отвѣту на первый вопросъ подсудимый признанъ виновнымъ въ растратѣ, преступленіи, предусмотрѣнномъ 354 ст. ул., совершенномъ по употребленію во зло сдѣланнаго ему обществомъ довѣрія, а по утвердительному отвѣту на второй вопросъ, содержащій въ себѣ нѣкоторые изъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 357 ст. ул., растрата ока-

залась совершенною случайно, по обстоятельствамъ, которыхъ подсудимый ни предвидѣть, ни предотвратить не могъ.

Разбирая подобный способъ постановки вопросовъ, нельзя не прійти къ заключенію, что главною или единственною причиною существованія его служитъ стремленіе изъять изъ рукъ присяжныхъ квалификацію преступленія и оставить эту работу для суда, предоставивъ ему изъ нѣсколькихъ утвержденныхъ и отвергнутыхъ вопросовъ выводить понятіе о томъ или другомъ преступленіи. Но такое стремленіе, приводя неминуемо къ совершенному игнорированію правилъ о постановкѣ вопросовъ и къ затрудненіямъ при опредѣленіи свойства преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не облегчаетъ и труда присяжныхъ засѣдателей, а напротивъ усугубляетъ его, доказательствомъ чему служатъ частыя, въ подобныхъ случаяхъ, обращенія присяжныхъ къ новому совѣщанію. Обыкновенно говорятъ, что постановка присяжнымъ вопросовъ въ ихъ законной формѣ не представляетъ ручательства въ томъ, что присяжные уразумѣютъ смыслъ ихъ; но опытъ доказываетъ что и изъятіе изъ вѣдѣнія присяжныхъ квалифкаціи преступленія, при употребленіи вышеозначеннаго способа постановки вопросовъ, не только не устраняетъ такого опасенія, но, наоборотъ, усиливаетъ его. При удовлетворительномъ объясненіи предсѣдателемъ свойствъ двухъ преступленій, стоящихъ рядомъ, какъ напримѣръ грабежа и самоуправства, грабежа и тайнаго похищенія, отличіе между этими преступленіями можетъ быть выяснено дотого отчетливо, что едвали возможно будетъ сомнѣваться въ томъ, что разумный человѣкъ не пойметъ смысла вопросовъ. При отдѣленіи же одного изъ отвлеченныхъ признаковъ преступленія въ особый вопросъ, а тѣмъ болѣе, при распредѣленіи по отдѣльнымъ вопросамъ признаковъ различныхъ преступленій, выгода сравненія теряется; притомъ, присяжнымъ никогда не понять, зачѣмъ ихъ обо всемъ этомъ спрашиваютъ и къ чему поведутъ данные ими отвѣты; а, какъ извѣстно, нѣтъ скучнѣе и затруднительнѣе работы, цѣли которой не понимаешь.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ условные вопросы являются въ сокращенномъ видѣ, въ формѣ одного изъ признаковъ, разграничивающаго одно преступленіе отъ другаго, съ нимъ въ остальныхъ частяхъ сходнаго. Такъ наприм., при обвиненіи въ кражѣ, присвоеніи, растратѣ или мошенничествѣ, на сумму свыше 300 руб., если оспаривается цѣна похищеннаго или растраченнаго, слѣдовало бы ставить два вопроса: главный, согласно обвинительному

акту, о кражѣ на сумму свыше 300 руб. и вспомогательный о той же кражѣ, но на сумму менѣе 300 руб. Но для краткости во второй вопросъ выдѣляютъ только цѣну похищеннаго. Такіе же случаи могутъ быть при кражѣ со взломомъ. При обвиненіи въ убійствѣ и т. п., по дѣлу Карпа и Григорія Карповыхъ ($^{374}/_{72}$), первые два вопроса были постановлены о виновности подсудимыхъ въ предумышленномъ убійствѣ, а третій и четвертый, какъ вспомогательные, объ убійствѣ умышленномъ. Защитникъ жаловался, что суду вовсе не слѣдовало ставить 3 и 4 вопросы, разнившіеся отъ 1 и 2 только указаніемъ на предумышленіе, существованіе котораго могло быть отвергнуто присяжными засѣдателями и въ отвѣтахъ ихъ на первые два вопроса Сенатъ съ своей стороны нашелъ что постановка вспомогательныхъ вопросовъ, по приведеннымъ защитникомъ основаніямъ, хотя и была излишня, но не составляла никакого нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства. Въ рѣшеніи по дѣлу Полухина, обвинявшагося въ кражѣ посредствомъ похищеннаго ключа, правительствующій сенатъ призналъ ($^{240}/_{72}$), что отказъ суда въ ходатайствѣ защитника о постановкѣ особаго вопроса о виновности въ простой кражѣ съ предоставленіемъ предсѣдателю разъяснить присяжнымъ обстоятельство, до котораго относилось это ходатайство, если разъясненіе это дѣйствительно было дано, не составляетъ нарушенія 751 и 755 ст. устава уголсудопр.

ГЛАВА IV.

Постановка вопросовъ о виновности, при различныхъ степеняхъ обнаруженія воли и дѣйствія.

Если событіе преступленія не вполнѣ совершилось, то постановляется вопросъ о степени приведенія злаго умысла въ дѣйствіе (ст. 757 уст. $^{815}/_{68}$, $^{1123}/_{71}$).

Законъ (ст. 6 ул.) различаетъ слѣдующія степени приведенія преступнаго умысла въ дѣйствіе: 1) одинъ лишь чрезъ что-либо обнаруженный на преступленіе умыселъ; 2) приготовленіе къ преступленію; 3) покушеніе на совершеніе преступленія, и 4) самое совершеніе преступленія.

Въ настоящей главѣ приведемъ тѣ разъясненія правительствующаго сената, которыя относятся до постановки вопросовъ о винов-

ности въ приготовленіи къ преступленію и въ покушеніи на преступленіе, а равно и тѣ изъ нихъ, которые касаются постановки вопросовъ по отдѣльнымъ видамъ вполнѣ оконченнаго преступленія, причемъ въ виду того, что вопросы, по силѣ 760 ст. уст., должны быть постановляемы по существеннымъ признакамъ преступленія, будемъ постоянно указывать и эти послѣдніе признаки, насколько они выяснены въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

Приготовленіе къ преступленію.

Опредѣленіе понятія о приготовленіи къ преступленію. Приготовленіемъ, по закону (ст. 8 ул.), признается пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія. По разъясненію правительствующаго сената, подъ приготовленіемъ должно разумѣть такое дѣяніе, когда обвиняемый пріобрѣлъ всѣ необходимыя средства къ совершенію преступленія и, приспособивъ ихъ къ дѣйствію, не совершилъ еще дѣянія, направленнаго къ осуществленію злаго умысла ($^{1438}/_{71}$). Но къ числу такихъ средствъ «не могутъ быть причислены дѣйствія, непосредственно касающіяся личности человѣка, который можетъ быть или предметомъ преступленія, лицомъ пострадавшимъ, или участникомъ преступленія, а не средствомъ для совершенія преступленія» ($^{1412}/_{70}$).

Сенатъ не допускаетъ употребленія въ вопросахъ словъ: «приготовленіе» «приготовился», а требуетъ указанія фактовъ, въ которыхъ это понятіе осуществляется ($^{216}/_{70}$). По дѣлу Максимова ($^{595}/_{68}$), защитникъ просилъ постановить вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что пріискивалъ и пріобрѣталъ средства [1]) для залога несуществующаго имѣнія?» Судъ отказалъ въ постановкѣ этого вопроса на томъ основаніи, что «вопросъ о приготовленіи не можетъ быть предложенъ присяжнымъ въ видѣ принятаго въ законѣ опредѣленія, а по факту, и слѣдовательно опредѣленіе того, было ли дѣяніе подсудимаго приготовленіемъ или покушеніемъ, зависитъ

---

[1]) Правильнѣе было бы «пріискалъ и пріобрѣлъ», такъ какъ пріисканіе и пріобрѣтеніе средствъ составляетъ только покушеніе на приготовленіе. Уч. уг. пр. Бернера, Н. Неклюдова, стр. 500.

исключительно отъ рѣшенія суда, основаннаго на отвѣтахъ присяжныхъ Сенатъ нашелъ, что такое постановленіе суда вполнѣ согласно съ 760 ст. уст. и что вопросъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ предложенъ былъ защитникомъ, очевидно не соотвѣтствовалъ изъясненному требованію закона, ибо не заключалъ въ себѣ указанія факта, въ которомъ выразилось бы приготовленіе къ преступленію.

Укажемъ на тѣ конкретные факты, которые признаны сенатомъ приготовительными дѣйствіями по отдѣльнымъ видамъ преступленій:

Статьи уложенія о наказаніяхъ:

576. Покупка завѣдомо фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ съ цѣлью сбыта, съ знаніемъ переводителей или поддѣлывателей ихъ, въ отношеніи къ преступленію сбыта фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, представляется приготовленіемъ, но приготовленіемъ средствами незаконными ($^{397}/_{70}$).

975. О крестьянинѣ Ѳоминѣ ($^{998}/_{69}$) былъ поставленъ вопросъ, утвержденный присяжными: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ январѣ 1869 г. пріобрѣлъ для себя завѣдомо фальшивый билетъ?» Сенатъ нашелъ, что поступокъ подсудимаго можетъ быть признанъ только приготовленіемъ къ указанному въ 975 ст ул. преступленію.

1457. Сенатъ призналъ приготовленіемъ къ убійству фактическія данныя, изложенныя въ слѣдующемъ вопросѣ: «виновенъ ли Злобинъ въ томъ, что для завладѣнія имуществомъ купчихи Круглоголовой, задумавъ убить дѣвицу Болоховскую, сдѣлалъ нужныя для этого убійства приготовленія и рѣшился, съ этою цѣлью, войти 28 августа въ квартиру Круглоголовой, для чего и звонилъ у дверей, но не приступилъ къ совершенію задуманнаго имъ убійства лишь потому, что былъ задержанъ полиціею въ то время, когда долженъ былъ приступить къ совершенію этого преступленія» ($^{329}/_{67}$).

1528. Разорваніе, съ цѣлью половаго совокупленія, дѣвственной плевы пальцемъ, а не посредствомъ совокупленія, слѣдуетъ считать способомъ или средствомъ, пріисканнымъ и употребленнымъ для удобнѣйшаго приступа затѣмъ къ исполненію намѣренія совершить насильственно половое совокупленіе, поэтому составляетъ, по смыслу 8 ст. ул., приготовленіе къ насильственному растлѣнію, наказуемое само по себѣ какъ легкое увѣчье ($^{386}/_{70}$).

1666. Предложеніе купить фальшивые кредитные билеты, сдѣланное съ цѣлью выманить деньги и съ умысломъ, вмѣсто фальшивыхъ денегъ, дать порѣзанныя бумаги, если осуществленію этому помѣшали какія-либо обстолтельства прежде передачи такихъ бумажекъ и полученія денегъ, можетъ быть признаваемо лишь приготовленіемъ къ мошенничеству, которое по закону не наказуемо (15 марта 1873 г. Дашевскаго Указ.).

1705. Максимовъ ($^{695}/_{08}$) былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что обращался къ разнымъ капиталистамъ съ предложеніемъ о ссудѣ денегъ подъ залогъ небывалаго имѣнія, для чего онъ употребилъ въ дѣло подложно составленные межевый планъ, уставную грамату, вводный листъ и отношеніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, зная о ихъ подложности. Сенатъ призналъ, что дѣйствія Максимова составляютъ приготовленіе къ преступленію, предусмотрѣнному въ 1705 ст. ул., но приготовленіе, въ которомъ средства, употребленныя подсудимымъ для совершенія преступленія, преступны и наказуемы по 1697 ст. ул.

Преступленія печати (ст. 250. 1001). Приготовленіе къ преступленію оканчивается составленіемъ возмутительныхъ произведеній и тѣми дѣйствіями, которыя имѣютъ цѣлью приспособленіе ихъ къ распространенію. Слѣдовательно, въ преступленіяхъ этого рода приготовленіе заканчивается отпечатаніемъ, литографированіемъ и т. п. сочиненія или воззванія ($^{1438}/_{71}$). Всѣ дѣйствія, занимающія средину между составленіемъ и распространеніемъ сочиненія, должны быть уравниваемы не съ покушеніемъ, а съ приготовленіемъ. Понятіе приготовленія въ дѣлахъ печати оканчивается тамъ, гдѣ начинается распространеніе (рѣш. по д. Павленкова).

Преступленія подлога (ст. 294, 1690 и др.). Правительствующій сенатъ не далъ опредѣленнаго разъясненія того, какія фактическія дѣйствія должно относить къ приготовленію въ преступленіи подлога. По дѣлу Троицкаго ($^{282}/_{70}$) были предложены между прочимъ слѣдующіе вопросы, утвержденные присяжными: «3) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что во избѣжаніе платежа по заемному письму Семчевской, сочинивъ отъ имени ея черновой проектъ росписки въ полученіи отъ него разновременно платежа долга, но безъ поддѣлки ея подписи, склонилъ губернскаго секретаря Шестопалова переписать эту роспиську набѣло? 4) виновенъ ли онъ въ томъ что съ тѣмъ же намѣреніемъ сочинилъ черновое полицейское удостовѣреніе въ томъ, что Семчевская заявила полиціи о потерѣ помянутаго векселя и о подложности выданной ею Троицкому

росписки?» Окружной судъ нашелъ, что въ сочиненіи отъ имени Семчевской чернового проекта росписки и въ склоненіи Шестопалова къ переписанію онаго, безъ поддѣлки подписи ея, заключается только приготовленіе къ совершенію преступленія поддѣлки домашняго акта, которое перешло бы въ покушеніе лишь тогда, когда на бумагѣ остались бы слѣды старанія подписать ее почеркомъ Семчевской, и что сочиненіе чернового проекта полицейскаго удостовѣренія составляетъ одинъ только выраженный на письмѣ умыселъ на совершеніе преступленія подложной бумаги присутственнаго мѣста, для наличности коего, по смыслу 294 ст. ул., требуется составленіе бумаги извѣстнаго учрежденія, приложеніе печати и означеніе №, т. е. такихъ условій, изъ коихъ ни одно Троицкимъ не исполнено. Сенатъ, по протесту прокурора, нашелъ, что въ вопросѣ 3-мъ, о составленіи росписки, заключаются всѣ признаки покушенія на подлогъ; но составленіе чернового удостовѣренія отъ полиціи, обозначенное въ 4 вопросѣ, сенатъ оставилъ безъ обсужденія, потому, конечно, что не нашелъ въ немъ признаковъ покушенія. Такимъ образомъ въ виду того, что составленіе чернового акта, переписаннаго набѣло, хотя и безъ выполненія существенной его принадлежности, найдено покушеніемъ, необходимо думать, что приготовленіе заканчивается написаніемъ акта вчернѣ. Затѣмъ въ рѣшен. $^{1144}/_{72}$ сенатъ нашелъ что переписка подсудимаго съ братомъ объ отпечатаніи фальшивыхъ акцій желѣзной дороги, отысканіе гравера, способнаго исполнить заказъ на отпечатаніе акцій, пріобрѣтеніе подлинныхъ акцій и отсылка ихъ къ брату — составляютъ дѣянія, представляющія собою приготовленіе къ преступленію, т. е. пріисканіе средствъ къ совершенію преступленія, предусмотрѣннаго 1194 ст. улож.

Редакція вопросовъ. Относительно того, долженъ ли быть вопросъ о свойствѣ приготовленія разрѣшенъ присяжными или судьями, въ практикѣ кассаціоннаго сената нѣтъ прямаго разъясненія. Но такъ какъ условія наказуемости какъ за приготовленіе, такъ и за покушеніе одни и тѣ же (ст. 113 ул.) и такъ какъ правительствующій сенатъ безусловно требуетъ, чтобы вопросъ о томъ, было ли покушеніе оставлено по собственной волѣ подсудимаго или по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, былъ разрѣшенъ присяжными засѣдателями ($^{815}/_{68}$, $^{194}/_{68}$), то нѣтъ сомнѣнія, что это правило должно имѣть полную силу и при постановкѣ вопросовъ о виновности въ приготовленіи на преступленіе. На этомъ же основаніи, т. е. по примѣненію къ правиламъ, преподаннымъ для по-

становки вопросовъ о покушеніи, въ вопросахъ о свойствѣ приготовленія должны быть указаны фактическія данныя, въ которыхъ выражалось бы, что исполненіе задуманнаго остановлено было независящими обстоятельствами ($^{929}/_{72}$ и др.). Наконецъ, по силѣ тѣхъ же правилъ вопросъ о свойствѣ приготовленія долженъ быть поставленъ отдѣльно отъ главнаго вопроса ($^{194}/_{68}$). Впрочемъ, едва ли можно признать, что изложеніе вопроса о свойствѣ приготовленія по фактическимъ даннымъ, въ родѣ того, какъ редактированъ онъ по дѣлу Злобина (не приступилъ къ совершенію потому, что былъ задержанъ полиціею), будетъ согласно съ смысломъ закона. Такъ напр., ст. 1457 ул. подвергаетъ уголовному наказанію за приготовленіе къ убійству, когда подсудимый *вполнѣ изобличенъ* въ томъ, что лишь обстоятельства воспрепятствовали ему приступить къ совершенію предпамѣреннаго; поэтому редакція вопроса должна быть возможно близкою къ выраженіямъ закона, т. е. вопросъ долженъ быть изложенъ такимъ образомъ: «доказано ли вполнѣ, что подсудимый не приступилъ къ совершенію задуманнаго по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, а не по собственному побужденію и раскаянію».

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Покушеніе на преступленіе.

Опредѣленіе понятія о покушеніи. Покушеніемъ на преступленіе признается, по закону (ст. 9 ул.), всякое дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злаго умысла въ исполненіе. Въ разъясненіе существенныхъ признаковъ покушенія и отличія его отъ приготовленія, правительствующій сенатъ высказалъ, что дѣяніемъ, признаваемымъ по закону покушеніемъ, можетъ быть лишь такое дѣяніе, которое послѣдовало по окончаніи приготовленія, т. е. когда обвиняемый, пріобрѣвъ всѣ необходимыя средства къ совершенію преступленія и приспособивъ ихъ къ дѣйствію, совершилъ дѣяніе, направленное къ осуществленію злаго умысла. Хотя въ 9 ст. улож. и опредѣляется понятіе о покушеніи лишь въ общихъ чертахъ, а потому редакція этой статьи не разрѣшаетъ всѣхъ спорныхъ вопросовъ, относящихся до разграниченія приготовленія и покушенія, но какъ бы далеко ни расширять предѣлы приготовленія, нельзя все-таки не признать, что

когда обвиняемый даетъ уже пріобрѣтеннымъ имъ средствамъ направленіе по пути исполненія задуманнаго имъ зла, когда, притомъ, дѣяніе это, находясь въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія, выразило твердое намѣреніе привесть задуманное въ исполненіе и даже представляло извѣстную долю опасности для лица или общества, противъ коихъ преступленіе направлено, то такое дѣяніе должно быть признано за покушеніе ($^{1438}/_{71}$). Въ другомъ рѣшеніи ($^{1144}/_{72}$) сенатъ говоритъ, что покушеніемъ на преступленіе должно быть признаваемо такое дѣяніе обвиняемаго, коимъ онъ даетъ дальнѣйшее движеніе приготовленнымъ имъ средствамъ, съ цѣлью окончательнаго совершенія преступленія. При-этомъ дѣяніе это должно находиться въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія, выражать собою твердую рѣшимость обвиняемаго совершить преступленіе и грозить уже извѣстною опасностью для лица или общества, противъ коихъ преступленіе направлено. Такимъ образомъ для бытія покушенія, по рѣшеніямъ сената, необходимо: а) чтобы пріобрѣтеннымъ или приготовленнымъ средствамъ дано было дальнѣйшее движеніе по пути исполненія задуманнаго зла, съ цѣлью окончательнаго совершенія преступленія; б) чтобы дѣяніе подсудимаго находилось въ непосредственной связи съ самымъ совершеніемъ преступленія, и в) чтобы оно выражало собою твердое намѣреніе обвиняемаго привесть задуманное въ исполненіе, твердую рѣшимость совершить преступленіе, и даже чтобы грозило извѣстною опасностью для лица или общества, противъ коихъ преступленіе направлено. Изъ рѣшеній же сената можно вывести, что дѣйствіе обвиняемаго, для того, чтобы быть покушеніемъ, должно выражать собою дѣйствительную составную часть преступленія, караемаго закономъ (un acte constitutif du délit) ($^{695}/_{68}$, $^{568}/_{68}$, $^{46}/_{70}$). Вмѣстѣ съ этимъ сенатъ призналъ, что покушеніе, какъ самый близкій къ осуществленію моментъ, присуще каждому преступному дѣянію, и такъ какъ преступленіе можетъ быть признано совершившимся лишь тогда, когда цѣль злаго умысла вполнѣ достигнута, то отрицать возможность покушенія при какомъ бы то ни было преступленіи значитъ отрицать невозможность его неудачи, т. е. доходить до явно несостоятельнаго заключенія ($^{569}/_{69}$).

Редакція вопросовъ о покушеніи. — Въ вопросѣ о виновности въ покушеніи должны быть соединены всѣ существенные признаки преступленія и виновности. Правительствующій сенатъ призналъ нижеслѣдующую редакцію вопроса совершенно неправильною: «1)

совершилъ ли Михаилъ Гарсоевъ поступокъ, заключающійся въ уносѣ малолѣтняго Александра Ч. изъ дома Костанова въ свою квартиру? 2) совершилъ ли Гарсоевъ поступокъ заключающійся въ обнаженіи заднихъ частей тѣла малолѣтняго Ч. снятіемъ съ него штановъ и растегиваніемъ своихъ штановъ? 3) совершилъ ли Гарсоевъ поступокъ обнаженіемъ своего дѣтороднаго уда и попыткою ввести его въ задній проходъ Ч.? 4) если Гарсоевъ совершилъ эти поступки или одинъ изъ этихъ поступковъ, то составляютъ ли они покушеніе на мужеложство, остановленное по независящимъ отъ Гарсоева обстоятельствамъ? 5) если поступки Гарсоева не составляютъ покушенія на мужеложство, то не составляютъ ли они приготовленія къ мужеложству, и 6) если Гарсоевъ виновенъ въ покушеніи на мужеложство, то какому подлежитъ наказанію?» Правительствующій сенатъ нашелъ, что судебная палата основала приговоръ свой на отвѣтахъ, данныхъ по вопросамъ, которые были предложены, вопреки 754 и 878 ст. уст., не о виновности Гарсоева въ совершеніи упомянутыхъ въ вопросѣ дѣйствій съ цѣлью мужеложства, а только о томъ, унесъ ли онъ мальчика въ свою квартиру, спустилъ ли его штаны, растегнулъ ли свои собственные и т. д., т. е. палата разрѣшила вопросъ о событіи, независимо отъ вопроса о зломъ намѣреніи и не касаясь его, а засимъ не могла постановить и правильнаго приговора о вмѣненіи или невмѣненіи Гарсоеву въ вину совершенныхъ имъ поступковъ ($^{1412}/_{70}$).

Употребленіе въ вопросахъ слова: *покушеніе*, какъ юридическаго термина, не можетъ быть допущено ($^{31}/_{67}$, $^{74}/_{67}$). Поэтому слѣдующая редакція вопроса признана неправильною: «виновенъ ли подсудимый Розенштейнъ въ покушеніи сбыть мѣдный песокъ за золотой?» Впрочемъ, такое отступленіе отъ 760 ст. уст. не считается существеннымъ, если въ обвинительномъ актѣ преступное дѣяніе названо покушеніемъ, въ продолженіе судебнаго слѣдствія допросы и пренія клонились къ разъясненію этого преступленія и, наконецъ, предсѣдатель въ заключительной рѣчи нетолько объяснилъ присяжнымъ значеніе, которое законъ даетъ понятію о покушеніи, но и указалъ имъ, какія дѣйствія подсудимаго слѣдуетъ отнести къ покушенію и какія къ приготовленію ($^{31}/_{67}$).

Терминъ «покушеніе» не можетъ быть употребленъ и въ вопросахъ на судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Сенатъ призналъ неправильною постановку вопроса въ слѣдующей формѣ

«виновенъ ли подсудимый Гарсоевъ въ покушеніи на мужеложство, остановленное по независящимъ обстоятельствамъ?» ($^{871}/_{69}$).

Вмѣстѣ съ этимъ правительствующій сенатъ воспрещаетъ постановку вопросовъ о покушеніи и въ слѣдующей редакціи: «виновенъ ли подсудимый въ такихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось начало или продолженіе приведенія въ исполненіе намѣренія выпустить фальшивые кредитные билеты, поддѣланные на простой бумагѣ механическими средствами, въ обращеніе?» Сенатъ признаетъ такую редакцію вопроса противною 760 ст. уст., такъ какъ вопросъ выраженъ не въ формѣ, требуемой этою статьею, а заключаетъ въ себѣ перечисленіе тѣхъ признаковъ, изъ которыхъ слагается теоретическое понятіе о покушеніи на преступленіе. За постановку вопроса въ такой формѣ, хотя бы онъ былъ оставленъ присяжными безъ отвѣта, сенатъ дѣлаетъ замѣчаніе окружному суду ($^{286}/_{66}$), но такую редакцію оставляетъ безъ вниманія, при отсутствіи на это жалобы сторонъ ($^{166}/_{67}$).

Слѣдующую редакцію вопроса сенатъ не признаетъ неправильною: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что *пытался* украсть платокъ у Владимірова, но совершить кражу эту не успѣлъ, потому что помѣшали Владиміровъ и Романовъ?» Сенатъ нашелъ, что къ дѣянію подсудимаго правильно примѣнено наказаніе за покушеніе на кражу, потому что попытка украсть вещь, когда самая кража не совершена только вслѣдствіе внѣшняго препятствія, не можетъ быть подводима подъ понятіе о пріисканіи или пріобрѣтеніи средствъ для совершенія преступленія ($^{538}/_{70}$).

Но общее положеніе, которое постоянно высказываетъ правительствующій сенатъ, заключается въ томъ, что въ вопросахъ о покушеніи должны быть указаны тѣ фактическіе признаки, которыми выразилось начало приведенія въ исполненіе преступленія ($^{31}/_{67}$; $^{884}/_{71}$), должны быть указаны, въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, тѣ фактическіе признаки, изъ которыхъ можно удостовѣриться, что дѣяніе подсудимаго соотвѣтствуетъ именно понятію о покушеніи ($^{871}/_{69}$), тѣ дѣянія, направленныя къ совершенію преступленія, на которыхъ подсудимый остановленъ прежде, чѣмъ преступный умыселъ его былъ приведенъ въ исполненіе ($^{1025}/_{69}$).

По отдѣльнымъ видамъ преступленій признано, что слѣдующіе фактическіе признаки соотвѣтствуютъ понятію о покушеніи:

251. Перевозка отпечатанныхъ или литографированныхъ сочиненій или воззваній въ мѣсто, назначенное для ихъ распространенія ($^{1438}/_{71}$).

576. Привозъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ на мѣсто, назначенное для ихъ распространенія ($^{490}/_{67}$); передача другому лицу фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ для сбыта, если таковой однако не приведенъ въ исполненіе ($^{831}/_{69}$); одно пріобрѣтеніе фальшивыхъ билетовъ съ знаніемъ поддѣлывателей ихъ ($^{379}/_{72}$).

995. Насильственный уносъ мальчика для мужеложства ($^{1412}/_{70}$).

1523. Дѣйствія подсудимаго, который легъ на свою дочь съ намѣреніемъ имѣть съ нею совокупленіе и дотрогивался противъ ея воли до ея дѣторадныхъ частей ($^{225}/_{70}$).

1529. Похищеніе дѣвицы съ намѣреніемъ ее изнасиловать, когда самое изнасилованіе не послѣдовало по обстоятельствамъ, отъ виновнаго не зависящимъ ($^{1412}/_{70}$).

1610. Въ разъясненіе этой статьи правительствующій сенатъ высказалъ, что первая часть 2 п. 1610 ст. предусматриваетъ одно равнодушное отношеніе поджигателя къ произведенному имъ пожару, а вторая — раскаяніе поджигателя, доведенное до самоотверженія и пренебреженія личной опасностью. Въ обстоятельствѣ дѣятельнаго способствованія при тушеніи пожара само собою подразумѣвается раскаяніе преступника, безъ коего такое съ его стороны содѣйствіе немыслимо, и упоминаемый во 2 ч. 2 п. признакъ о личной опасности есть чисто случайный, независящій отъ воли раскаявшагося поджигателя ($^{963}/_{69}$).

3 ч. 1610 ст. имѣетъ примѣненіе только тогда, когда присяжными засѣдателями будетъ признано, что поджигатель либо скрылся, либо, оставаясь на мѣстѣ, ничѣмъ не обнаружилъ своего раскаянія. Если же присяжнымъ вовсе не было предложено вопроса о томъ, выражалъ ли подсудимый чѣмъ-либо свое раскаяніе, то хотя бы обстоятельствами дѣла и было установлено, что онъ оставался на мѣстѣ преступленія и что пожаръ былъ потушенъ безъ его содѣйствія, судъ обязанъ примѣнить не 3 ч. 1610 ст., а вторую ея часть (18 января 1875 г., Дымкова).

1627 Нападеніе и причиненіе насилія, если имущество не похищено ($^{637}/_{71}$).

1637. Нападеніе, совершенное съ цѣлью похищенія имущества, если виновные не успѣли завладѣть имъ и если дѣйствія виновныхъ были остановлены въ дальнѣйшемъ приведеніи ихъ намѣренія въ исполненіе, независимо отъ ихъ воли ($^{673}/_{68}$). Но когда уже совершено открытое похищеніе и виновный, замѣтивъ, что его преслѣдуютъ, бросилъ похищенное, грабежъ признается оконченнымъ ($^{46}/_{70}$).

1644. Похищеніе самовара, спрятаніе его въ сараѣ потерпѣвшаго и затѣмъ приходъ за нимъ, причемъ похититель былъ пойманъ ($^{310}/_{68}$); перелѣзаніе черезъ стѣну, съ цѣлью похищенія вещей, находившихся за ней ($^{889}/_{71}$); выбрасываніе похитителемъ вещей изъ окна, чѣмъ подготовлялось и обезпечивалось болѣе удобное похищеніе выброшеннаго имущества, и задержаніе похитителя прежде, чѣмъ онъ успѣлъ овладѣть имъ ($^{46}/_{70}$, $^{191}/_{67}$, $^{750}/_{69}$). Вообще правительствующій сенатъ признаетъ, что существеннымъ условіемъ преступленія кражи считается то, чтобы украденная вещь дѣйствительно перешла во владѣніе вора, или была поставлена въ такое положеніе, чтобы, по понятію о правѣ собственности на движимое имущество, могла быть почитаема находящеюся во владѣніи похитителя, причемъ для признанія кражи совершившеюся не нужно, чтобы похититель унесъ украденную вещь изъ мѣста, находящагося въ обладаніи законнаго владѣльца, ни того, чтобы онъ извлекъ изъ нея пользу. Поэтому сенатъ призналъ, что похищеніе денегъ изъ алтаря и сокрытіе съ ними на колокольнѣ, гдѣ похититель былъ задержанъ ($^{274}/_{68}$), похищеніе вещи въ квартирѣ и спрятаніе ея въ карманъ, хотя бы украденная вещь тутъ же была отнята ($^{215}/_{70}$), похищеніе вещи, съ которою похититель убѣжалъ, хотя и немедленно былъ пойманъ ($^{87}/_{70}$), сложеніе похищенныхъ вещей на повозку ($^{853}/_{71}$, $^{1028}/_{72}$, $^{122}/_{73}$), похищеніе лошади и затѣмъ поѣздка на ней обратно въ то мѣсто, гдѣ она была похищена, причемъ похититель былъ задержанъ ($^{755}/_{68}$), похищеніе колодки пчелъ, упосъ ея и задержаніе похитителя съ нею на пути ($^{750}/_{69}$), задержаніе подсудимаго съ похищенными вещами въ 50 саженяхъ отъ дома, изъ котораго совершена кража ($^{87}/_{70}$), задержаніе съ похищенными вещами на папели возлѣ воротъ дома, изъ котораго совершено похищеніе ($^{134}/_{70}$), захватъ вещи и выходъ съ нею изъ помѣщенія гдѣ она хранилась ($^{321}/_{70}$), похищеніе вещей, которыя подсудимый, по выходѣ изъ квартиры въ сѣни, бросилъ, увидѣвъ пришедшаго туда дворника ($^{769}/_{72}$), похищеніе самовара изъ сѣней дома и отправленіе съ нимъ въ отхожее мѣсто, съ цѣлью вылить воду и высыпать угольи, причемъ подсудимый былъ въ это время задержанъ ($^{801}/_{72}$), похищеніе повозки, которая была увезена изъ корчмы ($^{805}/_{72}$)—составляютъ оконченную кражу.

1653. Вопросъ о покушеніи долженъ быть постановляемъ и при обвиненіи по 1653 ст. ($^{1568}/_{72}$).

1654. Вопросъ о покушеніи ставится и при обвиненіи въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1654 ст. ($^{33}/_{73}$).

1665. Измѣреніе земли невѣрными мѣрами, съ цѣлью воспользоваться излишнимъ противъ условленнаго трудомъ лицъ, обязавшихся обработать ее ($^{1087}/_{71}$, $^{253}/_{72}$); продажа льна хорошаго качества съ примѣсью дурнаго, причемъ дурной былъ обложенъ лучшимъ льномъ, и открытіе этого обмана въ тотъ моментъ, когда ленъ сдавался приказчику покупщика ($^{865}/_{68}$); пріобрѣтеніе завѣдомо оплоченныхъ росписокъ и предъявленіе ихъ съ намѣреніемъ по онымъ получить деньги ($^{264}/_{70}$); взятіе у даннаго лица ярлыковъ на принадлежащіи этому лицу товаръ, подъ предлогомъ показать ихъ покупателю и сокрытіе съ ними съ цѣлью по этимъ ярлыкамъ воспользоваться товаромъ ($^{339}/_{69}$); подача въ государственный земельный банкъ, въ намѣреніи воспользоваться хранившимися въ немъ деньгами постороннаго лица, прошенія, въ которомъ подсудимый заявилъ ложное свѣдѣніе о потерѣ будто-бы билетовъ на эти деньги и просилъ напечатать объ этомъ объявленіе, причемъ деньги не были получены потому, что была обнаружена непринадлежность ихъ подсудимому ($^{1073}/_{72}$); имѣніе у себя на квартирѣ спитаго чая съ цѣлью продажи его за хорошій ($^{157}/_{67}$, $^{513}/_{71}$); имѣніе въ питейномъ домѣ мѣръ нетолько неклейменыхъ, но и невѣрныхъ ($^{399}/_{67}$, $^{400}/_{67}$); имѣніе для продажи на постояломъ дворѣ вина, разлитаго въ посуду съ недомѣромъ ($^{434}/_{69}$, $^{543}/_{71}$).

1692 Составленіе фальшивой черновой платежной росписки и переписка ея на-бѣло, безъ поддѣлки подписи лица, отъ имени коего расписка составлена ($^{282}/_{70}$).

1705. Такъ какъ залогъ недвижимаго имущества совершается крѣпостнымъ порядкомъ, то покушеніемъ на залогъ вымышленнаго имѣнія могутъ быть признаваемы лишь такого рода дѣйствія, коими обусловливается обрядъ совершенія закладной ($^{695}/_{68}$).

Свойства покушенія. Покушеніе неоконченное.—Вопросъ о томъ, остановился ли подсудимый при покушеніи на преступленіе по собственной волѣ или по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, долженъ быть непремѣнно разрѣшенъ присяжными засѣдателями ($^{134}/_{68}$, $^{815}/_{68}$); при неразрѣшеніи же этого вопроса присяжными судъ долженъ признать покушеніе остановленнымъ по собственной волѣ и примѣнить 113 ст., а не 114 ($^{134}/_{68}$, $^{1123}/_{71}$).

Вопросъ этотъ предлагается присяжнымъ по фактическимъ признакамъ, а заключеніе о томъ, слѣдуетъ ли покушеніе признать остановленнымъ по собственной волѣ подсудимаго или по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ, предоставляется суду ($^{929}/_{72}$). Въ томъ случаѣ, когда событіе преступленія невполнѣ соверши-

лось, говоритъ сенатъ, вопросъ долженъ быть изложенъ такъ, чтобы изъ приведенныхъ въ немъ обстоятельствъ можно было вывести заключеніе о томъ, остановился ли подсудимый при исполненіи своего намѣренія по собственной волѣ или по независящимъ отъ него обстоятельствамъ (815/68, 194/68). Статья 757 уст., говоритъ сенатъ, должна считаться вполнѣ исполненною судомъ, если вопросъ будетъ постановленъ такимъ образомъ, чтобы изъ фактическихъ данныхъ можно было вывести заключеніе о томъ, какого рода совершено покушеніе, т. е. остановлено ли оно было по собственной волѣ, или не по собственной, или, наконецъ, по совершенно непредвидимымъ обстоятельствамъ, и вывести, слѣдуетъ ли преступленіе подвести подъ 112, 113, 114 или 115 ст. улож. (216/70). Согласно этому, сенатъ призналъ, что фактическія обстоятельства, помѣщенныя въ вопросѣ и утвержденныя присяжными: «не успѣлъ совершить преступленія потому, что пришли посторонніе люди» (225/70), «не успѣлъ исполнить намѣренное, вслѣдствіе сопротивленія потерпѣвшей и приближенія постороннихъ лицъ» (929/72), «потому что почталіонъ сдѣлалъ по нападавшимъ нѣсколько выстрѣловъ» (72/73),— достаточно ясно выражаютъ, что преступленіе не совершилось по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ воли подсудимаго. На этомъ основаніи вопросы предлагаются напр. въ слѣдующей формѣ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, сговорившись съ другими арестантами для побѣга, разломалъ вмѣстѣ съ ними въ арестантскомъ помѣщеніи, въ которомъ содержался, двери и нанесъ побои сторожамъ, но не бѣжалъ только потому, что пришли крестьяне и связали его?» (930/72), или: «виновенъ ли подсудимый Алексѣевъ въ томъ, что въ ночь на 16-е мая 1869 г. легъ на десятилѣтнюю дочь свою Екатерину, съ намѣреніемъ имѣть съ нею совокупленіе, и дотрогивался пальцами до дѣторолныхъ частей ея, противъ воли Екатерины, но не успѣлъ ввести свой удъ въ ея дѣторолныя части потому, что пришли посторонніе люди?» (225/70).

Впрочемъ, при требованіи стороны, вопросъ можетъ быть постановленъ и въ такомъ смыслѣ: не отказался ли подсудимый отъ продолженія своего преступнаго дѣянія по собственной волѣ, добровольно. По вышеприведенному дѣлу Алексѣева (225/70) защитникъ въ кассаціонной жалобѣ объяснялъ, что окружной судъ неправильно приложилъ къ рѣшенію присяжныхъ не 113, а 114 ст. ул., такъ какъ изъ рѣшенія присяжныхъ видно только, что подсудимый отказался отъ покушенія на преступленіе вслѣдствіе

прихода посторонних лицъ, а вовсе не видно того, чтобы отказъ былъ недобровольный и чтобы приходъ посторонних людей совершился противъ его воли, т. е. чтобы онъ не могъ помѣшать имъ войти къ нему въ квартиру. Сенатъ нашелъ, что слова утвержденнаго присяжными вопроса: «но не успѣлъ въ этомъ потому, что пришли посторонніе люди» совершенно ясно показываютъ, что присяжные отнесли остановку покушенія не къ собственной волѣ подсудимаго, а къ обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, ибо само собою разумѣется, что онъ не могъ продолжать свое преступное дѣяніе въ присутствіи посторонних лицъ; притомъ если защитникъ находилъ возможнымъ вывести изъ судебнаго слѣдствія заключеніе, что подсудимый могъ воспрепятствовать приходу посторонних лицъ, когда бы желалъ продолжать свое преступное дѣяніе, а не самъ добровольно отъ него отказался, то ему, защитнику, слѣдовало бы просить о постановкѣ вопросовъ въ этомъ смыслѣ.

Покушеніе оконченное.—Вопросъ о томъ, какого рода было покушеніе, т. е. остановленное ли по независѣвшимъ отъ подсудимаго обстоятельствамъ, или же по обстоятельствамъ непредвидѣннымъ, причемъ подсудимый сдѣлалъ все, что онъ считалъ нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, относится къ фактической сторонѣ дѣла и, слѣдовательно, долженъ быть разрѣшенъ присяжными ($^{831}/_{69}$). Судъ долженъ опредѣлить въ вопросѣ степень приведенія умысла въ дѣйствіе, согласно 114 или 115 ст. улож.; въ противномъ случаѣ сомнѣніе разрѣшается въ пользу подсудимаго, т. е. къ дѣянію примѣняется 114 ст. ($^{831}/_{69}$). Въ вопросѣ указываются фактическія данныя, изъ которыхъ можно бы сдѣлать выводъ объ остановкѣ покушенія по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ ($^{216}/_{70}$) Такимъ образомъ въ вопросѣ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, умысливъ лишить жизни безсрочно отпускнаго рядоваго Андрея Кондратьева для того, чтобы воспользоваться его имуществомъ, нанесъ ему, съ этой цѣлью, 27 апрѣля 1870 года, выстрѣломъ изъ ружья, заряженнаго пулей, тяжелую рану, причемъ самое убійство не совершилось потому, что рана оказалась не смертельною?»—послѣднее обстоятельство найдено сенатомъ совершенно соотвѣтствующимъ признакамъ, означеннымъ въ 115 ст. ул. ($^{588}/_{72}$). Но задержаніе вора хозяиномъ лавки не можетъ быть признаваемо особымъ, непредвидѣннымъ преступникомъ обстоятельствомъ, ибо виновный при совершеніи кражи *могъ и долженъ былъ предвидѣть*, что онъ можетъ быть застигнутъ

хозяиномъ лавки или кѣмъ либо изъ домашнихъ или посторонихъ лицъ (131/67). Иногда непостановка вопроса о томъ, что преступленіе не совершилось по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не влечетъ отмѣны приговора, когда изъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ вопросѣ о виновности, видно, что преступленіе не совершилось по причинамъ, въ ст. 115 означеннымъ. По дѣлу Захарова (815/68) былъ предложенъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ лишить жизни жену свою, нанесъ ей ножемъ въ животъ рану?» Подсудимый жаловался, что не было постановлено вопроса о степени покушенія Сенатъ нашелъ, что по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя выражены въ вопросѣ и которыя признаны присяжными засѣдателями, дѣяніе подсудимаго представляется заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ на убійство своей жены, приведенное имъ въ исполненіе такимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, которымъ долженъ былъ вполнѣ осуществиться его злой умыселъ, но предпамѣренное имъ зло не совершилось только по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ его воли, и, слѣдовательно, такое преступное дѣяніе Захарова составляетъ покушеніе на убійство, предусмотрѣнное 115, а не 114 ст. ул.

Помѣщеніе въ вопросахъ признаковъ о томъ: соотвѣтствуетъ ли покушеніе 114 или 115 ст. ул., обязательно и для суда, рѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ; неисполненіе сего влечетъ кассацію приговора (214/70).

Вопросъ о близости покушенія къ полному совершенію преступленія не предлагается на разрѣшеніе присяжныхъ. По дѣлу Мизлева (216/70), товарищъ прокурора жаловался на отказъ суда въ требованіи его о постановкѣ вопроса о близости покушенія. Сенатъ нашелъ, что судъ, для того чтобы имѣть возможность уменьшить наказаніе на 1, 2, 3 и 4 степени, не обязанъ помѣщать въ вопросѣ всѣ тѣ данныя, которыя могутъ быть приняты имъ въ основаніе уменьшенія наказанія, такъ какъ суду предоставлено право по собственнымъ соображеніямъ опредѣлять наказаніе въ предѣлахъ 114 и 115 ст. ул.

Вопросъ о свойствѣ покушенія долженъ быть постановленъ отдѣльно отъ вопроса отъ виновности. По дѣлу Терезіи Ивановой (102/68), обвинявшейся въ покушеніи на убійство, былъ предложенъ слѣдующій вопросъ (3-й): «если Иванова нанесла раны Пименовой, то, нанося эти раны, имѣла ли Иванова намѣреніе убить Пименову и была ли въ томъ остановлена независящимъ отъ нея обстоятельствомъ?» Защитникъ просилъ раздѣлить этотъ вопросъ,

на основаніи 756 и 763 ст., указывая, что во второй половинѣ этого вопроса заключается предусмотрѣнная въ законѣ причина, по которой наказаніе за покушеніе вовсе не должно имѣть мѣста, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта присяжныхъ. Судъ отказалъ въ раздѣленіи этого вопроса, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что изъ этихъ только двухъ частей слагается понятіе о самомъ преступленіи покушенія. Сенатъ нашелъ, что вопросъ 3-й въ томъ видѣ, какъ онъ постановленъ судомъ, составляетъ собственно два вопроса (имѣла ли Иванова намѣреніе убить Пименову и была ли въ томъ остановлена независѣвшимъ отъ нея обстоятельствомъ), требовавшихъ отъ присяжныхъ двухъ отдѣльныхъ отвѣтовъ и не дававшихъ имъ права ограничиться однимъ отвѣтомъ, утвердительнымъ или отрицательнымъ. Поэтому сенатъ нашелъ въ постановкѣ вопроса нарушеніе 756 ст. уст., хотя, впрочемъ, нарушеніе не существенное. Такое же заключеніе можно вывести и изъ рѣшенія по дѣлу Трунова (194/68).

Относительно свойства средствъ, употребленныхъ подсудимымъ и упоминаемыхъ въ примѣчаніи къ 115 ст. ул., постановляется отдѣльный вопросъ, который, какъ вопросъ факта, подлежитъ разрѣшенію присяжныхъ (649/70).

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

Оконченное преступленіе.

Преступленіе почитается совершеннымъ, когда дѣяніе осуществляетъ въ себѣ его понятіе, причемъ понятіе это не всегда поставляется въ зависимость отъ наступленія того послѣдствія, въ видахъ котораго предпринято было преступное дѣйствіе (295/70).

Статьи уложенія о наказаніяхъ:

177. «Намѣреніе поколебать вѣру свидѣтелей» составляетъ существенный признакъ преступленія, который долженъ быть разрѣшенъ присяжными (688/70).

По дѣлу Добровольскаго (638/70), обвинявшагося по 177 ст., постановлены были судомъ два вопроса: первый о виновности въ томъ, что «10 декабря 1869 года, въ квартирѣ учителя Пархоменки, произносилъ при свидѣтеляхъ хулу на Господа Бога и Спаса на-

шего Іисуса Христа, Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Дѣву Марію, святаго угодника Божія Святителя Николая Чудотворца и другихъ святыхъ, а второй былъ постановленъ въ слѣдующемъ видѣ: если виновенъ, то произносилъ ли Добровольскій все изложенное въ 1-мъ вопросѣ: а) *съ цѣлью поколебать вѣру свидѣтелей*, при которыхъ онъ говорилъ, или б) въ пьяномъ состояніи, или же по неразумію?» Присяжные оставили первую часть втораго вопроса безъ отвѣта, утвердивъ остальные. Сенатъ нашелъ, что первая часть втораго вопроса, обнимавшая, соотвѣтственно выводамъ обвинительнаго акта, существенный признакъ преступнаго дѣянія, составляющаго предметъ обвиненія, не могла быть оставлена присяжными безъ разрѣшенія.

178. Умыселъ составляетъ существенный признакъ преступленія ([illegible]).

Слово «порицать» не можетъ быть признано юридическимъ терминомъ или опредѣленіемъ, принятымъ въ законѣ, и для всѣхъ понятно ([illegible]).

Слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ по признакамъ 2 ч. 178 ст.: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 9 мая 1870 года, находясь въ школѣ новокрещенныхъ татаръ деревни Янисалы, дозволилъ себѣ, при ученикахъ и учителѣ этой школы, съ умысломъ порицать православную религію и Священное писаніе, говоря, что св. иконы суть доски, Евангеліе —не вѣрно, креститься и носить кресты не должно, и что если они будутъ продолжать молиться иконамъ и носить кресты, то въ рай не попадутъ—съ намѣреніемъ поколебать вѣру слушателей или произвести соблазнъ?» ([illegible]).

180. Существенные признаки: а) публичность мѣста ([illegible]); б) состояніе опьяненія, неразуміе, невѣжество ([illegible]).

Состояніе опьяненія, составляя обстоятельство, входящее въ составъ законнаго понятія о преступленіи, предусмотрѣнномъ 180 ст., должно быть помѣщено въ главномъ вопросѣ, и выдѣленіе его въ особый вопросъ противно 754 и 760 ст. уст. ([illegible]).

Вопросъ, признанный постановленнымъ по признакамъ 189 ст.: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 18 и 19 октября 1866 г., будучи на свадебныхъ собраніяхъ, произносилъ, по неразумію, невѣжеству или пьянству, но безъ умысла оскорбить святыню, слова, имѣющія видъ богохуленія, порицанія православной церкви, ея таинствъ и священниковъ»? Замѣна законнаго признака «въ публичномъ мѣстѣ» конкретнымъ фактомъ «будучи на свадебныхъ

собраніяхъ», при удостовѣреніи суда, что на свадебныя собранія у крестьянъ являются всѣ желающія, признана правильною ($^{347}/_{69}$).

182. Подъ кощунствомъ разумѣются язвительныя насмѣшки, обращенныя къ правиламъ вѣры православной или вообще христіанства. Кощунство преслѣдуется какъ въ томъ случаѣ, когда оно учинено въ мѣстахъ публичныхъ или собраніяхъ, болѣе или менѣе многолюдныхъ, такъ и въ томъ, когда оно совершено при свидѣтеляхъ, причемъ полагается различное наказаніе, смотря по тому, имѣлъ ли виновный намѣреніе произвести соблазнъ и оказать неуваженіе къ вѣрѣ христіанской, или же сдѣлалъ это безъ сего намѣренія, по неразумію, невѣжеству или пьянству. Ст. 182 можетъ быть примѣняема и къ случаямъ произнесенія брани и насмѣшекъ, обращенныхъ къ святынѣ, о которой говорится въ ст. 176 и 178 улож., и высказанныхъ при тѣхъ же условіяхъ, при коихъ преслѣдуется кощунство ($^{805}/_{71}$).

196 статья преслѣдуетъ, по общему правилу, распространеніе существующихъ ересей или заведеніе новыхъ между лицами православнаго вѣроисповѣданія; но распространеніе скопчества преслѣдуется и въ томъ случаѣ, когда оно произошло и между неправославными ($^{877}/_{69}$). Постановленіе этой статьи можетъ имѣть примѣненіе лишь при существованіи дѣйствительнаго обращенія въ расколъ или ересь менѣе вредную ($^{1673}/_{71}$).

Редакція вопроса: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что уговаривалъ Матрену Кузьмину перейти изъ православія въ расколъ» признана крайне неопредѣленною, такъ какъ изъ нея не видно, послѣдовало ли совращеніе или нѣтъ ($^{642}/_{72}$).

197 Статья эта предусматриваетъ распространеніе такихъ еретическихъ ученій и совращеніе въ оныя православныхъ, которыя признаны установленнымъ порядкомъ особенно вредными ($^{1673}/_{72}$). По статьѣ этой наказуется не только распространеніе, но и совращеніе, т. е. покушеніе обратить кого-либо въ ересь, признаваемую особенно вредною, хотя бы покушеніе это не имѣло никакихъ послѣдствій ($^{1673}/_{72}$). Но проповѣданіе лжеученія неправославнымъ не подвергаетъ такой отвѣтственности, если совращенія не послѣдовало ($^{877}/_{69}$).

Неуказаніе въ вопросахъ самыхъ случаевъ распространенія ереси не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ, если подсудимый не возражалъ на судѣ противъ способа изложенія вопросовъ ($^{232}/_{73}$). Вопросъ былъ слѣдующій: виновна ли подсудимая въ томъ, что, принадлежа къ сектѣ скопцовъ, распростра-

няла между православными вѣроученіе этой секты и совращала въ оную разныхъ лицъ (ib.).

200. «Принужденіе» составляетъ обстоятельство, увеличивающее преступность дѣянія, предусмотрѣннаго въ 196 ст. улож. Въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, судъ обязанъ привести факты, въ которыхъ выразилось принужденіе ($^{642}/_{72}$).

201. Въ вопросахъ должны быть указаны тѣ фактическіе признаки, по которымъ признается принадлежность къ скопческой ереси и которые должны состоять въ такихъ противонравственныхъ, гнусныхъ дѣйствіяхъ, которыя характеризуютъ скопческую ересь. Поэтому постановка вопросовъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что принадлежитъ къ скопческой сектѣ, однимъ изъ главныхъ основаній коей есть оскопленіе или поврежденіе половыхъ органовъ», или: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, принадлежа къ сектѣ скопцовъ, слѣдуетъ ихъ вѣроученію» не правильна ($^{1818}/_{71}$, $^{257}/_{72}$). Слѣдующіе вопросы также признаны постановленными неправильно: «1) подсудимая московская цеховая Наталья Герасимова, принадлежа къ скопческой сектѣ, оскопила ли себя по заблужденію фанатизма, посредствомъ поврежденія въ половыхъ органахъ или грудяхъ, или посредствомъ поврежденія того или другаго? 2) Если Герасимова оскопила себя, то виновна ли она въ преступленіи, означенномъ въ предыдущемъ вопросѣ»? Правительствующій сенатъ нашелъ, что первый вопросъ, предложенный относительно Герасимовой, не соотвѣтствуетъ требованію 754 ст. уст.; вопросъ не начинается въ обыкновенной формѣ, словами: «виновна ли подсудимая», а признаннымъ судомъ фактомъ принадлежности Герасимовой къ скопческой сектѣ, безъ объясненія притомъ, въ чемъ заключалась эта принадлежность, тогда какъ, по точному смыслу 754 и 826 ст. уст., совершеніе преступленія можетъ быть признано только присяжными засѣдателями и приговоръ суда долженъ быть основанъ только на ихъ отвѣтахъ, относительно утвержденныхъ ими признаковъ преступленія ($^{887}/_{72}$).

По дѣлу Сергѣева ($^{262}/_{72}$) вопросъ былъ слѣдующій: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, принадлежа къ скопческому вѣроученію, въ 1867 или 1868 г., по заблужденію фанатизма, вырѣзалъ у себя изъ мошонки яички или дозволилъ другому лицу совершить эту операцію?» Присяжные отвѣчали: «да, виновенъ, дозволилъ». Сенатъ нашелъ, что дозволеніе оскопить себя составляетъ дѣяніе, которое по своей цѣли, какъ и по послѣдствіямъ,

должно быть признано преступленіемъ, соотвѣтствующимъ 201 ст. улож. наравнѣ съ самооскопленіемъ, и что въ этомъ случаѣ различію въ пріемахъ, употребляемыхъ виновными, не можетъ быть придаваемо никакого существеннаго значенія. Тоже высказано по дѣлу Глумова (25 7/72).

Крестьяне Казариновъ и Иванковъ (рѣш. 23 ноября 1873 г.) были преданы суду по обвиненію въ самооскопленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 201 ст. улож., на томъ основаніи, что хотя они, по рѣшенію бывшей курской палаты уголовнаго суда 1867 года, были освобождены отъ преслѣдованія, потому что не сами себя оскопили, а были оскоплены другими лицами, безъ собственнаго на то согласія, и уличили своихъ оскопителей, но какъ изъ производствъ 1865 г., послужившихъ основаніемъ для приговора курской уголовной палаты 1867 г., видно, что у Казаринова оскопителемъ Масловымъ въ 1864 г., а у Иванкова оскопителемъ Дмитріевымъ въ 1862 г. были вырѣзаны только яица, при освидѣтельствованіи же ихъ въ 1869 г. они оказались неимѣющими и стволовъ, то изъ сего слѣдуетъ заключить, что Казариновъ и Иванковъ, уже послѣ оправданія курскою уголовною палатою, вторично оскопили себя сами. Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей они были признаны *виновными въ томъ, что, принадлежа къ сектѣ скопцовъ и слѣдуя вѣроученію ихъ, въ періодъ времени съ 1867 г. по іюнь 1869 г., по заблужденію фанатизма, отрѣзали у себя дѣтородный членъ, или дозволили совершить это надъ собою другому лицу.* Защитникъ просилъ судъ въ вопросахъ выраженіе «отрѣзали дѣтородный членъ» замѣнить словами: «оскопили себя, отрѣзавши дѣтородные органы». Судъ отказалъ. Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный Казаринова указывалъ на то, что, въ нарушеніе 751 и 754 ст. уст., предложенный присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ не обнималъ собою признаковъ преступленія самооскопленія и вопреки заявленія защиты отказано было судомъ въ дополненіи этого вопроса, такимъ образомъ, чтобы присяжные засѣдатели могли рѣшить: совершилъ ли Казариновъ самооскопленіе отнятіемъ у себя дѣтороднаго ствола, послѣ суда надъ нимъ въ курской уголовной палатѣ, слѣдовательно присяжнымъ засѣдателямъ не было предоставлено возможности судить о главномъ фактѣ преступленія, т. е. самооскопленія, и что 2 ч. 201 ст. ул. неправильно примѣнена къ рѣшенію присяжныхъ, которые признали Казаринова виновнымъ въ отнятіи у себя ствола, т. е. въ самонзуродованіи, а не въ лишеніи себя потерянной уже прежде

способности оплодотворенія, слѣд. не въ самооскопленіи. Правительствующій сенатъ нашелъ: 1) что оскопленные лица становятся вообще неспособными къ оплодотворенію и дѣторожденію, но, по изслѣдованіямъ науки, сколцы такъ называемой «малой печати», т. е. искусственно лишенные мошонки съ сѣмянными яичками, сохраняютъ возможность половаго совокупленія съ женщиною и физическаго вожделѣнія отъ этого совокупленія, посему оскопленіе такъ называемой «большой печати», т. е. отнятіе самаго ствола дѣтороднаго члена, послѣ оскопленія «малой печати» не есть одно изуродованіе послѣ окончательно совершившагося акта оскопленія, а есть новый физическій актъ оскопленія, дополняющій первоначальное оскопленіе устраненіемъ въ оскопленномъ лицѣ всякой возможности къ плотской похоти, и, слѣдовательно, довершающій осуществленіе физическаго поврежденія, составляющаго цѣль превратнаго ученія о скопчествѣ; 2) что посему вопросъ присяжнымъ засѣдателямъ о виновности Казарипова постановленъ былъ судомъ правильно, по внѣшнимъ (фактическимъ) признакамъ преступнаго дѣянія его, выведеннымъ судомъ, по праву предоставленному ему ст. 751 уст. уг. суд., изъ обстоятельствъ по существу дѣла, и сужденіе о томъ, составляло ли въ данномъ случаѣ отрѣзаніе дѣтороднаго члена новый актъ оскопленія, не могло зависѣть отъ убѣжденія и совѣсти присяжныхъ засѣдателей, а принадлежало праву суда, прилагающему дѣйствіе закона къ признакамъ преступнаго дѣянія, признаннымъ присяжными засѣдателями.

206. Законъ преслѣдуетъ не всякую починку и поправку зданія, иногда необходимую въ видахъ безопасности, а такое передѣлываніе или возобновленіе стараго зданія, которыя означены въ ст. 62 уст. о пред. и прес. прест. ($^{561}/_{69}$), причемъ безразлично, совершались ли въ такихъ возобновленныхъ или устроенныхъ зданіяхъ какія-либо службы и моленія, или нѣтъ ($^{731}/_{69}$).

214. Существенный признакъ этого преступленія есть оскорбленіе священно-служителя во время отправленія имъ службы Божіей; обстоятельство же прерванія или остановки продолженія оной составляетъ лишь признакъ случайный, коего отсутствіе или присутствіе можетъ имѣть вліяніе только на опредѣленіе мѣры наказанія ($^{101}/_{69}$).

219. Существенные признаки святотатства состоятъ: а) въ похищеніи церковныхъ вещей и денегъ и б) въ похищеніи ихъ изъ церковныхъ хранилищъ, постоянныхъ или временныхъ ($^{123}/_{70}$, $^{453}/_{68}$).

Вопросъ: «виновна ли подсудимая въ томъ, что тайно похитила

изъ незапертаго Николаевскаго собора въ гор. Бѣлгородѣ предъявленную на судѣ икону съ серебряною ризою, съ цѣлью воспользоваться стоимостью ризы», не правиленъ, такъ какъ въ немъ не указанъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ, по коему преступленіе могло быть признано святотатствомъ, именно—принадлежность иконы церкви (123/70, 453/68).

Вопросъ о томъ: составляетъ ли данный предметъ церковную собственность или частную,—вопросъ юридическій, подлежащій разрѣшенію суда, а не присяжныхъ (300/70). Поэтому въ вопросахъ присяжнымъ, вмѣсто выраженія закона «денегъ, принадлежащихъ церкви», должны быть помѣщены фактическія обстоятельства, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать заключеніе о принадлежности похищеннаго, напр. что похищенныя деньги были выручены отъ продажи церковныхъ свѣчей. Такой фактическій признакъ, утвержденный присяжными, совершенно достаточенъ для того, чтобы признать, что похищенныя деньги составляютъ собственность церкви (300/70). На этомъ основаніи, слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ правильно: «виновенъ ли Ивановъ въ томъ, что 6 декабря 1869 г., во время заутрени, въ церкви села Ново-Николаевки, изъ ящика, въ которомъ хранились выручennыя за продажу свѣчей деньги, похитилъ 20 руб.?»

221 статья предусматриваетъ одинъ изъ видовъ святотатства, вслѣдствіе чего въ дѣяніи подсудимаго должны содержаться всѣ существенные признаки этого преступленія (123/70). См. ст. 219.

225. Существенныя условія преступленія: а) признаки, по которымъ можно бы судить о принадлежности денегъ церкви, т. е. источникъ ихъ полученія и предметъ, на который онѣ предназначались (121/73, 453/68, 123/70, 300/70 и др.) и б) признаки взлома, напр.: какъ были отперты замки церковной двери, посредствомъ ли поврежденія замковъ или посредствомъ открытія ихъ подобраннымъ ключемъ, или посредствомъ похищенныхъ подсудимымъ или вѣренныхъ ему ключей (121/73).

Слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ съ опущеніемъ означенныхъ существенныхъ признаковъ преступленія: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 21 апрѣля 1872 г. изъ Ильинской Кіинской церкви совершилъ похищеніе денегъ изъ казенки, для чего имъ отперты замки запертой двери церкви и запертой казенки, въ которой хранились деньги?» См. ст. 219.

226. Существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго этою статьею, составляетъ принадлежность похищенныхъ денегъ и

вещей церкви. Поэтому похищеніе денегъ, данныхъ на церковь, но еще въ церковное имущество не поступившихъ, не подходитъ подъ дѣйствіе 226 ст. Противъ кр. Калабина взведено было обвиненіе въ томъ, что 30 мая 1871 г. во время совершенія литургіи въ церкви села Ухтомскаго, при счетѣ церковнымъ старостою на церковномъ казматѣ казенныхъ церковныхъ денегъ, тайно похитилъ 5 коп., которыя опустилъ въ рукавъ своего зипуна, гдѣ онѣ и были найдены. На предварительномъ слѣдствіи церковный староста показалъ, что украденныя Калабинымъ деньги на приходъ записаны еще не были, собирались же эти деньги на украшеніе церкви и прочія церковныя нужды. Въ заключеніи св. синода, доставленномъ сенату, изложено слѣдующее: въ Высочайше утвержденной 17 апрѣля 1808 г. инструкціи церковнымъ старостамъ (Полн. собр. зак. № 22971), въ которой опредѣленъ порядокъ поступленія, храненія и обращенія въ церковное имущество денегъ, отъ кого-либо данныхъ на церковь, а также отчетности, которая поэтому должна быть принята въ основаніе при обсужденіи настоящаго вопроса, сказано, что деньги, выручаемыя при продажѣ свѣчъ, собираемыя отъ доброхотныхъ дателей въ кошельки и кружки и хранящіяся въ ящикахъ за ключами церковнаго старосты, слѣдуетъ считать только данными на церковь, но не поступившими еще въ составъ церковнаго имущества; а тѣ деньги, кои записаны въ церковныя книги и внесены въ кладовую или ризницу для храненія за ключами церковнаго старосты и печатями, какъ его, такъ и священно-церковно-служителей, слѣдуетъ признавать поступившими въ церковное имущество. Примѣняя эти соображенія къ дѣлу о кр. Калабинѣ, св. правительствующій синодъ нашелъ, что деньги, въ похищеніи коихъ обвиняется Калабинъ, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, не были еще записаны по церковнымъ книгамъ, а потому ихъ и должно отнести къ суммамъ, даннымъ на церковь, но еще въ церковное имущество не поступившимъ. Правительствующій сенатъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе св. синода относительно примѣненія 226 и 229 ст. улож., къ дѣламъ о похищеніи и утайкѣ церковныхъ денегъ, опредѣлилъ: признать дѣло кр. Калабина подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ (общ. собр. января 1874 г. д. Калабина).

227. Въ вопросахъ должны быть непремѣнно указаны отличительные признаки преступленія: а) были ли при кружкахъ образа и б) на какое употребленіе собирались деньги ($^{260}/_{71}$), причемъ

не требуется, чтобы похищенныя деньги составляли собственность церкви (ib.).

229 ч. 2. Похищеніе денегъ, данныхъ на церковь, но еще въ церковное имущество не поступившихъ, подходитъ подъ дѣйствіе 2 ч. 229 ст. (общ. собр., январь, 1874 г. д. Калабина). См. ст. 226.

231. Для примѣненія 1 ч. 231 ст. необходимо, чтобы похищенное принадлежало церкви ($^{453}/_{68}$, $^{492}/_{68}$).

232. Первая часть статьи предусматриваетъ преступленіе кражи, а не святотатства ($^{819}/_{70}$).

234 ч. 2. Выраженіе «для суевѣрныхъ дѣйствій» не можетъ быть включено въ вопросъ присяжнымъ ($^{1447}/_{72}$).

Подсудимые Прошинъ и Курдюковъ ($^{1447}/_{72}$) были признаны виновными въ томъ, что, съ цѣлью удостовѣрить легковѣрныхъ въ нетлѣнности будто бы крестьянина Агафона Папина, они въ ночь на 7 іюля 1869 г. вырыли изъ могилы трупъ (тѣло усопшаго) Агафона, который и перенесли въ свое жилище. Подсудимые жаловались, что судъ отказалъ имъ въ постановкѣ вопроса о томъ, что̀ такое—суевѣрное дѣйствіе и что въ дѣяніи, въ коемъ они признаны виновными, не заключается вовсе суевѣрныхъ дѣйствій. Сенатъ нашелъ, что вопроса о томъ, что такое—суевѣріе, судъ не только не былъ обязанъ, но не имѣлъ и права предлагать на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ въ предложенномъ подсудимыми вопросѣ не заключалось вовсе вопроса о фактѣ и что такъ какъ подсудимые признаны виновными въ томъ, что они вырыли тѣло *усопшаго* крестьянина Агафона съ цѣлью удостовѣриться въ нетлѣнности его и для распространенія суевѣрія относительно святости покойнаго, то судъ совершенно правильно примѣнилъ къ дѣянію подсудимыхъ 2 ч. 234 ст. улож.

238. Вопросы обыкновенно предлагаются въ слѣдующей формѣ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что далъ въ такомъ-то судѣ, по такому-то дѣлу, ложное подъ присягою свидѣтельское показаніе, по замѣшательству въ трудныхъ обстоятельствахъ и по слабости разумѣнія о святости присяги?» См. ст. 942.

263. «Противодѣйствіе власти» составляетъ юридическое выраженіе; въ вопросахъ присяжнымъ понятіе это должно быть разложено на его признаки ($^{807}/_{71}$).

270. Существенныя условія преступленія: а) совмѣстность дѣйствій нѣсколькихъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ или трехъ виновныхъ лицъ ($^{184}/_{68}$, $^{250}/_{73}$), или б) вооруженіе лица во время сопротивленія ($^{39}/_{71}$), причемъ подъ выраженіемъ «съ оружіемъ», упо-

требленнымъ въ ст. 270, должно понимать оружіе въ тѣсномъ смыслѣ, холодное или огнестрѣльное, а не всякое орудіе, напр. колья ($^{250}/_{73}$). Признаки эти, какъ подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ, должны быть помѣщены въ вопросахъ (ib.).

271. Отсутствіе остановки въ дѣйствіяхъ чиновника, коему сопротивленіе оказано, не составляетъ существеннаго признака преступленія, предусмотрѣннаго 271 ст. ($^{527}/_{69}$).

Фактическія данныя, изложенныя въ нижеслѣдующихъ вопросахъ, признаны соотвѣтствующими признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 271 ст.

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 30 іюля 1866 г., когда въ квартиру его прибылъ судебный приставъ столичнаго мироваго съѣзда для описи его имущества, согласно рѣшенію мироваго судьи, подсудимый заперъ пристава въ своей квартирѣ?» ($^{69}/_{68}$).

«Виновенъ ли подсудимый Гороховъ въ томъ, что толкнулъ пристава, когда тотъ, исполняя обязанности службы, направился въ верхнее помѣщеніе трактира, для розысканія тамъ публичныхъ женщинъ, скрывающихся отъ врачебно-полицейскаго надзора?» «Виновенъ ли Блесткинъ въ томъ, что старался насильно высвободить Горохова изъ рукъ пристава, когда тотъ задержалъ его для отправленія въ часть?» ($^{572}/_{72}$). «Виновенъ ли Гушанъ въ томъ, что лошадь свою, описанную становымъ приставомъ и помѣщенную, по его распоряженію, въ общественномъ магазинѣ, самовольно взялъ оттуда, снявъ для этого съ петель запертую дверь того магазина?» ($^{1249}/_{72}$). По дѣлу Гайжевскаго ($^{527}/_{69}$) подъ ст. 271 признаны подходящими дѣйствія подсудимаго, заключавшіяся въ томъ, что онъ въ квартирѣ своей не допускалъ судебнаго пристава къ исполненію рѣшенія мироваго судьи объ описи и арестѣ имущества по иску Волейко, вслѣдствіе чего приставъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ содѣйствію полиціи, но и при полицейскомъ чиновникѣ Гайжевскій продолжалъ кричать, что не допуститъ пристава до описи, и вслѣдъ за тѣмъ вытолкалъ изъ комнаты взыскателя Волейко. По дѣлу кр. Матвѣевыхъ ($^{250}/_{73}$) слѣдующія обстоятельства признаны подходящими подъ ст. 271: что когда волостной старшина явился вмѣстѣ съ понятыми, для освидѣтельствованія самовольно срубленнаго лѣса, они, подсудимые, вооружившись кольями, нанесли нѣкоторымъ изъ понятыхъ побои, чѣмъ лишили старшину возможности освидѣтельствовать лѣсъ, причемъ Иванъ Матвѣевъ замахнулся коломъ на старшину и обругалъ его площадными словами».

273. Соглашеніе между собою обвиняемыхъ есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ, безъ котораго немыслимо самое преступленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно предусмотрѣно 273 ст. Поэтому обстоятельство соглашенія должно быть помѣщено въ главномъ вопросѣ и не можетъ быть выдѣлено въ особый вопросъ, дополнительный (1399/72). Дѣйствія подсудимыхъ, состоящія въ томъ, что они согласились не платить взыскиваемыхъ становымъ приставомъ, по распоряженію мироваго посредника, поземельныхъ денегъ, — признаны предусмотрѣнными 273 ст. (1249/72).

280. Существенные признаки: а) ругательство, будетъ ли оно выражено въ письмахъ, сочиненіяхъ или другихъ бумагахъ, и б) оглашеніе этого ругательства какимъ бы то ни было образомъ (43/66).

282. Существенныя условія: а) время совершенія преступленія и б) мѣсто его совершенія (621/69). Поэтому не правильна постановка такого вопроса: «виновенъ ли подсудимый въ поднятіи руки на предсѣдателя съѣзда, въ залѣ засѣданія, при самомъ окончаніи судебнаго разбирательства», такъ какъ въ вопросѣ не обозначено точно, произошелъ ли фактъ во время или по закрытіи засѣданія (621/69).

Къ числу присутственныхъ мѣстъ, о которыхъ говорится въ 282 ст., отнесены: камера мироваго судьи (267/70), дума (199/72), сельскія присутственныя мѣста (877/69).

Дѣйствія подсудимаго, заключающіяся въ томъ, что послѣ объявленія ему мировымъ судьею, что окончательный разборъ его дѣла откладывается до другаго времени, сказалъ судьѣ: «нынѣшніе законы не дозволяютъ разорять» (267/70), или: «что подсудимый, явившись пьяный къ разбирательству дѣла мировымъ судьею, ходилъ по камерѣ, говорилъ неотносящіяся къ дѣлу вещи и произносилъ стихи» (700/70), или: «что онъ самовольно взялъ со стола суда бумаги и удержалъ ихъ у себя, не смотря на требованіе суда (877/69), признаны подходящими подъ 1-е отд. 282 ст.

283. По смыслу 283 ст. законъ признаетъ оскорбительными не только бранныя и поносительныя, но и неприличныя слова, т. е. выраженія, не соотвѣтствующія ни принятымъ приличіямъ, ни тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находится между собою лицо, произнесшее или употребившее такія слова на письмѣ, и лицо, къ которому эти слова отнесены (76/73). Къ этимъ послѣднимъ относятся слова неумѣстныя и по колкости своей признаваемыя оскор-

бительными для тѣхъ должностныхъ лицъ, къ которымъ они относятся ($^{1509}/_{72}$).

Дѣйствіе 283 ст. распространяется и на случаи оклеветанія присутственнаго мѣста или должностнаго лица въ оффиціальной бумагѣ ($^{80}/_{67}$).

Къ фактамъ, подходящимъ подъ ст. 283, относятся: указаніе въ апелляціонномъ отзывѣ, что приговоръ мироваго судьи противорѣчитъ закону и здравому разсудку ($^{359}/_{71}$), обвиненіе должностнаго лица въ томъ, что оно завѣдомо помѣстило въ актѣ то, чего не было, какъ заключающее прямое обвиненіе въ подложномъ составленіи акта ($^{1089}/_{71}$).

285. Выраженія: «при исполненіи обязанностей службы или вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей» должны быть замѣнены въ вопросахъ конкретными фактами, такъ какъ въ этихъ выраженіяхъ заключается юридическая оцѣнка обстоятельствъ, не предоставленная присяжнымъ засѣдателямъ ($^{305}/_{69}$).

Слѣдующіе вопросы признаны правительствующимъ сенатомъ постановленными по признакамъ 285 ст.: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 9 января 1871 г. нанесъ Липкѣ Парафіевскому побои за то, что послѣдній не далъ ему мѣста письмоводителя въ своей канцеляріи, какъ мироваго судьи ($^{1066}/_{71}$); виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, схвативъ полицейскаго надзирателя, во время отправленія имъ обязанностей службы, за пальто, сказалъ ему: «пошелъ вонъ» ($^{1051}/_{71}$), что въ то время, когда полицейскій надзиратель пришелъ въ гостинницу, содержимую подсудимымъ, для прекращенія происходившей тамъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, запрещенной карточной игры, онъ, подсудимый, заперъ надзирателя въ пустомъ номерѣ ($^{415}/_{71}$).

286. Статья 286 можетъ быть примѣнлема и къ оскорбленіямъ, нанесеннымъ должностному лицу на письмѣ ($^{43}/_{66}$). «Виновенъ ли Снѣжко-Блоцкій въ томъ, что оскорбилъ бранными словами Липку Парафіевскаго за то, что не далъ ему мѣста письмоводителя въ своей канцеляріи, какъ мироваго судью?» Сенатъ нашелъ, что къ дѣйствіямъ подсудимаго примѣнена 285 ст. правильно ($^{1066}/_{71}$).

2 ч. 286 ст. можетъ быть примѣнена только къ оскорбленіямъ должностныхъ лицъ во время или по поводу отправленія ими обязанностей службы, а не ко всякому оскорбленію должностныхъ лицъ въ присутствіи или внѣ онаго ($^{592}/_{70}$). По смыслу 2 ч. 286 ст., произнесеніе неприличныхъ словъ къ лицу чиновника, при отправленіи имъ обязанности службы, не обусловливаетъ наказуемости

наличностью особаго намѣренія нанести этимъ оскорбленіе должностному лицу (30 марта 1873 г., Близно. Указ.). Смотр. также 285 ст. и *частные вопросы*.

287. Существенные признаки: а) нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ, ругательными или поносительными словами; б) всякому, не принадлежащему къ составу присутствія, лицу ($^{592}/_{70}$), частному или должностному (ib.); в) въ камерѣ суда или управленія, и г) во время присутствія ($^{1448}/_{70}$).

Употребленное въ ст. 287 слово: «камера» имѣетъ точное, опредѣленное закономъ значеніе комнаты, устроенной для присутствія по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 47—49 св. зак., т. 2 ($^{80}/_{67}$). Поэтому подъ понятіе камеры не подходитъ, напр., комната, гдѣ происходитъ дворянское собраніе ($^{269}/_{69}$), мѣсто, гдѣ производитъ торги судебный приставъ ($^{780}/_{72}$).

Слова, сказанныя жалобщицѣ въ камерѣ мироваго судьи, во время разбирательства: «ей, какъ торговкѣ, ничего не значитъ поднять и подолъ, и рубашку на голову и такъ ходить по улицѣ», по неприличію и крайней дерзости, относятся прямо къ числу поносительныхъ, упоминаемыхъ въ 287 ст. ($^{1603}/_{72}$).

288 статья предусматриваетъ двоякаго рода случаи: а) когда оскорбленія насильственными дѣйствіями или словами нанесены волостному старшинѣ какимъ-либо посторонним человѣкомъ, и б) когда эти оскорбленія нанесены лицами, подвѣдомственными оскорбленному ($^{1601}/_{72}$).

294 статья предусматриваетъ вообще всѣ виды подложнаго составленія для какихъ-либо дѣлъ или видовъ официальныхъ документовъ ($^{859}/_{68}$), или злонамѣренное измѣненіе, поправки или подчистки въ дѣйствительныхъ официальныхъ бумагахъ ($^{455}/_{71}$). Существенными признаками преступленія, предусмотрѣннаго 294 ст., слѣдуетъ считать то, чтобы подложно составленная бумага соотвѣтствовала вообще установленнымъ закономъ и практикою формамъ официальныхъ документовъ и могла ввести въ заблужденіе относительно своей подлинности ($^{393}/_{71}$).

Статья 294 предусматриваетъ не только поддѣлку или измѣненіе официальной бумаги, но и завѣдомое употребленіе поддѣльныхъ бумагъ для какихъ бы то ни было видовъ или дѣлъ (30 ноября 1874 г., по д. Пашкина).

Въ вопросахъ обыкновенно обозначается, какая именно бумага поддѣлана или измѣнена. Къ числу официальныхъ бумагъ, о которыхъ говорится въ 294 ст., сенатомъ отнесены: свидѣтельство

о несостояніи подъ судомъ, написанное отъ имени оберъ-полиціймейстера, копія съ билета, подписаннаго губернскимъ воинскимъ начальникомъ, какъ относящіеся до правъ состоянія документы (472/70); талонъ отъ имени С.-Петербургскаго воспитательнаго дома (536/70 [1])), повѣстка отъ имени главнаго выкупнаго управленія (370/68), приказъ отъ имени уѣзднаго начальника о вызовѣ въ полицейское управленіе (877/70), расчетные листы Государственнаго Казначейства на право полученія пенсій (893/70), удостовѣреніе отъ имени мѣщанскаго старосты о самоличности и объ уплатѣ податей (708/71), удостовѣреніе отъ полиціи о сгорѣвшемъ домѣ (859/68), приговоръ общества крестьянъ о разрѣшеніи права на производство продажи питей (1099/71, 1740/71), исполнительный листъ окружнаго суда (393/71), копія съ опредѣленія сената (26 октября 1873 г. Павловскаго. Указ.), протоколъ судебнаго засѣданія мироваго судьи и другія бумаги изъ его производства по какому-либо дѣлу (17 ноября 1873 г., Масленникова. Указ.), почтовая росписка (13 сентября 1873 г., Брошевана. Указ.), квитанція губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, удостовѣряющая принятіе прошенія и пошлинъ (30 ноября 1874 г., Панкина).

Вопросъ: «виновенъ ли подсудимый Ѳедоръ Борисовъ въ томъ, что будучи прикомандированъ для занятія въ канцеляріи С.-Петербургскаго полиціймейстера 1-го Отдѣленія, составилъ подложныя отъ имени сего послѣдняго, а также полковника Колышкина и оберъ-полиціймейстера, предписаніе, рапортъ и резолюцію о закрытіи послѣ 12 часовъ ночи трактира купца Ѳедорова, предъявилъ эти бумаги Ѳедорову и, предложивъ ему задержать исполненіе резолюціи за извѣстную плату, получилъ отъ него часть условленныхъ денегъ?» (545/68).

296 статья предусматриваетъ поддѣлку казенныхъ, а не частныхъ печатей (152/69) Поддѣльная печать должна имѣть нѣкоторое сходство съ настоящею (757/70).

Статья 296 караетъ не только поддѣлку печати или штемпелей, но и употребленіе таковыхъ, съ знаніемъ объ ихъ фальшивости (491/69), причемъ для отвѣтственности по этой статьѣ безразлично,

---

[1]) Въ рѣшеніи по д Франца (676/69), признаннаго виновнымъ въ подложной на талонѣ надписи отъ имени частнаго лица, сенатъ нашелъ, что видъ такого подлога, не имѣя ничего общаго съ подлогами актовъ и вообще официальныхъ бумагъ, упоминаемыхъ въ 291—297 и 554 ст. ул., ближе подходитъ подъ смыслъ 1692 ст. улож.

сдѣлано ли употребленіе самимъ поддѣлывателемъ или же онъ предоставилъ, или допустилъ, чтобы таковое сдѣлали другіе ($^{653}/_{70}$).

Вопросъ о виновности въ употребленіи завѣдомо фальшивой печати не можетъ быть слитъ съ вопросомъ о виновности въ составленіи подложнаго акта, къ которому печать та приложена ($^{491}/_{69}$). Поэтому правительствующій сенатъ слѣдующую редакцію вопроса признаетъ неправильною: «виновенъ ли крестьянинъ Семенъ Кулевъ въ томъ, что составилъ подложный видъ на жительство и приложилъ къ этому билету подложную печать Тумскаго волостнаго правленія?» ($^{491}/_{69}$).

300 статья предусматриваетъ спеціальный видъ поддѣлки офиціальныхъ документовъ, составляющій исключеніе изъ общаго правила, указаннаго въ 294 ст. ($^{850}/_{68}$). Такъ какъ ни 294, ни 300 ст. не исчисляютъ всѣхъ тѣхъ случаевъ подложнаго составленія офиціальныхъ документовъ, которые могутъ быть подводимы подъ эти статьи, то при примѣненіи ихъ слѣдуетъ принимать за исходную точку важность поддѣланнаго документа и степень опасности, угрожавшей или цѣлому обществу, или отдѣльнымъ лицамъ отъ употребленія его ($^{117}/_{69}$). Ст. 300 имѣетъ въ виду подложное составленіе упоминаемыхъ въ ней документовъ, содержаніе которыхъ не налагаетъ на кого-либо никакой опредѣленной юридической обязанности и не можетъ служить удостовѣреніемъ права на имущество (23 января, 1875 г., Мушникова. «С. В.» ($^{109}/_{75}$).

Дѣйствія подсудимаго, состоящія въ томъ, что онъ предъявлялъ два завѣдомо фальшивыхъ свидѣтельства, выданныя будто бы изъ волостнаго правленія для сбора подаянія на погорѣвшихъ крестьянъ, къ каковымъ свидѣтельствамъ были приложены фальшивыя печати и церковныя,—признаны подходящими подъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 300 ст. ($^{117}/_{69}$).

303. Подъ выраженіемъ «присутственныя мѣста» слѣдуетъ разумѣть не только правительственныя установленія, которыя имѣютъ присутствіе, устроенное по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 47 и 48 т. II учр. губ., но и всякое правительственное установленіе или управленіе ($^{982}/_{69}$).

Печать присутственнаго мѣста сама по себѣ не можетъ быть отнесена къ вещамъ, о которыхъ говорится въ 303 ст. Для того, чтобы похищеніе печати могло быть подведено подъ 303 ст., необходимо, чтобы въ предложеніомъ на разрѣшеніе присяжныхъ вопросѣ были указаны фактическія данныя, которыя, придавая похищенной печати значеніе предметовъ, означенныхъ въ 303 ст.,

составляли бы признаки караемаго по этому закону преступнаго дѣянія (7 декабря, 1874 г., Иванова). Къ числу предметовъ, о которыхъ говорится въ 303 ст., сенатомъ отнесены: похищеніе разсыльной книги изъ управленія Николаевской желѣзной дороги ($^{982}/_{69}$), похищеніе дѣла изъ присутственнаго мѣста для укрывательства обмана ($^{223}/_{72}$), похищеніе паспорта изъ канцеляріи волостнаго правленія (11 декабря 1874 г., Мизюры).

309 статья предусматриваетъ случаи побѣга не одного, а нѣсколькихъ арестантовъ, по предварительному уговору, въ противоположность 312 ст., предусматривающей одиночные побѣги заключенныхъ ($^{924}/_{72}$). Существенное условіе преступленія, означеннаго въ 3 ч. 309 ст.,—совершеніе взлома тюрьмы или какого-либо пролома ($^{410}/_{71}$).

По д. Кожина ($^{561}/_{72}$) были постановлены слѣдующіе вопросы: «1) виновенъ ли ссыльно-каторжный Кожинъ, 32 лѣтъ, въ томъ, что въ ночь на 7 августа 1870 г. вмѣстѣ съ двумя другими содержавшимися въ томъ же зданіи товарищами по заключенію, проломавъ отверстіе въ печи той камеры, въ которой содержался, и сломавъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ отхожаго мѣста тюрьмы, бѣжалъ, вмѣстѣ съ этими товарищами, изъ Орловскаго тюремнаго замка? и 2) если Кожинъ не виновенъ въ преступленіи, означенномъ въ 1-мъ вопросѣ, то виновенъ ли онъ въ томъ, что, не принимая никакого участія въ проломѣ печи и окна тюремнаго замка и не зная, кѣмъ и для чего сдѣланы тѣ проломы, въ ночь съ 6 на 7 августа 1870 г. бѣжалъ изъ тюремнаго замка?» По провозглашеніи этихъ вопросовъ, защитникъ подсудимаго объяснилъ, что въ главномъ предложеніи обоихъ вопросовъ является одно и то же обстоятельство, именно: «бѣжалъ ли подсудимый изъ тюрьмы», съ тою только разницею, что въ вводныхъ предложеніяхъ упоминается по 1-му вопросу о «взломѣ», а по 2-му о «незнаніи» кѣмъ и когда учиненъ этотъ взломъ. А потому защитникъ просилъ измѣнить редакцію проектированныхъ вопросовъ такъ: виновенъ ли такой-то подсудимый въ томъ, что для того, чтобы убѣжать, проломалъ стѣну печи той камеры, гдѣ онъ содержался, и затѣмъ сломалъ рѣшетку тюремнаго окна, а 2-й вопросъ: виновенъ ли онъ въ томъ, что бѣжалъ изъ тюрьмы, причемъ на третій день былъ пойманъ, каковое послѣднее обстоятельство, по мнѣнію защитника, необходимо имѣть въ виду въ данномъ случаѣ для опредѣленія мѣры наказанія. Товарищъ прокурора заявилъ, что если судъ приметъ проектированные защитникомъ вопросы, то въ такомъ случаѣ онъ

просить прибавить 3-й вопросъ о томъ, зналъ ли подсудимый, кѣмъ и съ какою цѣлью былъ совершенъ взломъ тюрьмы. По поводу сего заявленія, защитникъ возразилъ, что заявленіе товарища прокурора о постановкѣ предложеннаго 3-го вопроса не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ «знаніе» въ данномъ случаѣ не есть обстоятельство, которое имѣло бы вліяніе на опредѣленіе наказанія. Далѣе защитникъ, въ подкрѣпленіе сдѣланнаго имъ по поводу вопросовъ заявленія, объяснилъ, что если присяжнымъ предложить вопросы по редакціи суда, то выйдетъ, что присяжные, отвѣчая на 1-й вопросъ отрицательно, отвергнутъ тѣмъ самымъ побѣгъ подсудимаго, между тѣмъ, отвѣчая утвердительно на 2-й вопросъ, они признаютъ этотъ побѣгъ. Такимъ образомъ присяжные невольно должны будутъ впасть въ противорѣчіе самимъ себѣ. Судъ постановилъ: постановленные судомъ вопросы оставить безъ измѣненія. Въ жалобѣ на этотъ приговоръ подсудимый указывалъ на нарушеніе ст. 755 и 763 тѣмъ, что защитѣ отказано въ дополненіи втораго вопроса указаніемъ времени, когда онъ былъ пойманъ, ст. 786 и 760 тѣмъ, что включеніемъ во второй вопросъ словъ «не зная, кѣмъ и для чего сдѣланы тѣ проломы» и разъясненіемъ, даннымъ предсѣдателемъ о причинѣ такого включенія, въ опредѣленіе преступленія внесенъ не существенный признакъ преступленія, а совершенно побочное обстоятельство, а также и тѣмъ, что логическое построеніе перваго вопроса, при сознаніи подсудимаго въ побѣгѣ, дѣлало необходимымъ утвердительный на него отвѣтъ, между тѣмъ какъ въ томъ же вопросѣ, въ видѣ вводнаго предложенія, помѣщено было опредѣленіе совершенно другаго преступленія,—взлома тюрьмы, въ которомъ присяжные могли признать его, подсудимаго, невиновнымъ. Правительствующій сенатъ, оставивъ безъ разсмотрѣнія возраженія противъ редакціи втораго вопроса, въ виду утвердительнаго отвѣта присяжныхъ на первый вопросъ, относительно перваго вопроса нашелъ, что онъ изложенъ согласно признакамъ предусмотрѣннаго 309 ст. ул. преступленія, въ коемъ подсудимый обвинялся, причемъ включеніе въ этотъ вопросъ признака о взломѣ согласно съ 751 ст. уст., по которой въ вопросѣ о виновности включаются всѣ обстоятельства, входящія въ составъ преступнаго дѣянія; соображенія же подсудимаго о томъ, что въ виду сознанія его въ побѣгѣ присяжные должны были обвинить его и во взломѣ, — лишено основанія, ибо, вопервыхъ, собственное сознаніе подсудимаго не лишаетъ присяжныхъ засѣдателей права не вмѣнить ему въ вину содѣянное, и вовторыхъ, при-

сяжнымъ, какъ видно изъ протокола, была разъяснена 812 ст. уст., и слѣдовательно они, еслибы не признали въ настоящемъ случаѣ взлома, могли оговорить это обстоятельство въ данномъ ими отвѣтѣ.

311. Слово «стража» не предполагаетъ непремѣнно наличности нѣсколькихъ конвойныхъ, но и наличность одного лица, подъ надзоромъ котораго освободившіеся арестанты находились ($^{1751}/_{71}$).

Стражей, по точному смыслу 218 ст. уст. о содерж. подъ стр. и 311 ст. ул., можетъ быть признано только такое лицо, которое въ данномъ случаѣ имѣло исключительнымъ занятіемъ охраненіе ввѣреннаго ему арестанта и присмотръ за нимъ, съ цѣлью воспрепятствовать его побѣгу или съ цѣлью доставить его по принадлежности другому начальству. Поэтому стражей не можетъ быть признано лицо, которому сверхъ надзора за арестантомъ поручены еще другія занятія, по самому свойству своему препятствующія ему исполнять обязанности по надзору, напр. управленіе лошадьми, на которыхъ слѣдуетъ арестантъ. Поэтому, такъ какъ побѣгъ изъ-подъ присмотра подводчика не сопряженъ ни съ особенной трудностью, ни съ особой дерзостью со стороны арестанта, и такъ какъ именно эти свойства побѣга и служатъ основаніемъ къ усиленію за оный наказанія въ томъ видѣ, въ какомъ оно опредѣлено 311 ст. ул., то посему побѣгъ изъ-подъ надзора подводчика не можетъ быть признанъ побѣгомъ изъ-подъ стражи (23 января 1872 г., Абдулъ Гифаръ Шабаева, «Суд. В.» $^{32}/_{75}$).

338. На основаніи 338 ст., превышеніемъ власти признается, когда должностное лицо, выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, должности его предписаннаго, учинитъ что-либо въ отмѣну существующихъ узаконеній, или приметъ такую мѣру, которая могла быть принята не иначе, какъ въ силу новаго закона, или самовольно рѣшитъ какое-либо дѣло, или сдѣлаетъ какое-либо распоряженіе, котораго онъ безъ разрѣшенія начальства сдѣлать не вправѣ. При-этомъ нарушеніе обвиняемымъ всѣхъ основныхъ формъ и обрядовъ, установленныхъ для его дѣятельности, нисколько не лишаетъ поступка его характера распоряженія должностнаго лица, если распоряженіе послѣдовало отъ него, какъ лица должностнаго и по предмету, предоставленному его вѣдѣнію ($^{377}/_{70}$).

Дѣянія, заключающіяся въ томъ, что двое подсудимыхъ, состоя въ должности волостныхъ судей, приказали высѣчь крестьянокъ, обращавшихся къ нимъ съ обоюдными другъ на друга жалобами ($^{377}/_{70}$) и что, въ бытность сельскимъ старостою, подсудимый, пре-

выснвъ свою власть, наказалъ крестьянку нѣсколькими ударами розогъ ($^{812}/_{72}$), — признаны подходящими подъ дѣйствіе 338 ст.

341. Присяжные засѣдатели въ дѣлахъ о преступленіи по должности могутъ разрѣшать только вопросы о томъ, совершено ли подсудимымъ извѣстное дѣяніе, и о томъ, должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину, поэтому въ вопросы о виновности, предлагаемые на разрѣшеніе присяжныхъ, не можетъ быть включаемъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли подсудимый право совершить разсматриваемое дѣяніе по предоставленной ему закономъ власти должностнаго лица, а равнымъ образомъ и то, составляетъ ли такое дѣяніе неисполненіе возложенныхъ на него обязанностей по службѣ ($^{1123}/_{72}$). Вопросы должны заключать въ себѣ указаніе на то, что именно было совершено подсудимымъ, съ какимъ намѣреніемъ и для какой цѣли были предприняты имъ тѣ дѣйствія, которыя заключаютъ въ себѣ признаки бездѣйствія власти ($^{1260}/_{72}$).

Ст. 341, говоря о случаяхъ превышенія или бездѣйствія власти особенно важныхъ, не опредѣляетъ существенныхъ признаковъ того, что должно разумѣть подъ словами «*особенно важныхъ*». Важность эта зависитъ, съ одной стороны, оттого, насколько должностное лицо переступило границы своей власти, а съ другой — отъ свойства послѣдствій, проистедшихъ отъ преступленія; только второй признакъ можетъ быть предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ, и то въ видѣ фактическихъ обстоятельствъ съ точнымъ указаніемъ послѣдствій ($^{1123}/_{72}$).

По дѣлу мироваго посредника Ушакова ($^{1123}/_{72}$) были постановлены слѣдующіе вопросы: «5) виновенъ ли Ушаковъ въ томъ, что, не составивъ, какъ бы слѣдовало по закону, надлежащаго постановленія и притомъ по такому дѣлу, по которому не могъ, по должности мироваго посредника, подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, при отправленіи должности наказалъ розгами крестьянина Матвѣя Степанова за то, что Степановъ, по мнѣнію Ушакова, производилъ безпорядокъ и шумъ на улицѣ? 7) Виновенъ ли Ушаковъ въ томъ, что, не составивъ, какъ бы слѣдовало по закону, надлежащаго постановленія и притомъ по такому дѣлу, по которому не могъ, по должности мироваго посредника, подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, при отправленіи должности наказалъ розгами крестьянина Андрея Ефимова за то, что тотъ прислонился къ стѣнѣ и выказалъ, по мнѣнію Ушакова, неуваженіе къ нему? 9) Виновенъ ли онъ же, Ушаковъ, въ томъ, что, не имѣя по должности своей права наказывать подчиненныхъ ему волост-

ныхъ старшинъ постановленіемъ на колѣни, подвергъ старшину Рожкова означенному наказанію»? Вопросы 2, 4, 6, 8, 10 и 12 составляли повтореніе одного и того же вопроса: «если Ушаковъ виновенъ по предыдущему вопросу, то должно ли быть означенное въ оном дѣяніе подсудимаго отнесено къ числу случаевъ особенно важныхъ»? По прочтеніи проекта вопросовъ, товарищъ прокурора заявилъ: 1) что онъ считаетъ необходимымъ исключить вопросы 2, 4, 6, 8, 10 и 12, ибо разрѣшеніе вопроса о важности или неважности превышенія и бездѣйствія власти Ушакова, предусмотрѣнныхъ въ остальныхъ вопросахъ, въ случаѣ утвердительныхъ на нихъ отвѣтовъ присяжныхъ зависитъ не отъ сихъ послѣднихъ, а отъ суда; 2) въ вопросахъ 5, 7 и 9 исключить, на томъ же основаніи, выраженія, коими предоставляется присяжнымъ рѣшить, имѣлъ ли право Ушаковъ, по должности мироваго посредника, налагать на крестьянъ такія наказанія, въ приведеніи коихъ въ исполненіе онъ обвиняется, и 3) раздѣлить вопросы 5 и 7 такимъ образомъ, чтобы постановлены были отдѣльные вопросы о томъ, наказалъ ли подсудимый Степанова и Ефимова, и о томъ, совершилъ ли онъ эти дѣйствія безъ всякаго разбирательства и письменнаго постановленія. Обсуждая замѣчанія, сдѣланныя на проектъ вопросовъ, судебная палата приняла на видъ слѣдующія соображенія: 1) въ ст. 341 улож. превышеніе или бездѣйствіе власти, въ случаяхъ особенно важныхъ, указано какъ обстоятельство, имѣющее вліяніе на степень виновности подсудимаго, и оцѣнка того, было ли это превышеніе или бездѣйствіе особенно важнымъ или нѣтъ, составляетъ фактическую сторону дѣла, подлежащую рѣшенію присяжныхъ, потому и долженъ быть по этому предмету, на основаніи 755 ст. уст., постановленъ особый вопросъ; 2) такъ какъ существенные признаки преступленія, называемаго въ законѣ превышеніемъ власти, заключаются въ томъ: а) что чиновникъ не имѣлъ права на извѣстное дѣйствіе по службѣ и б) несмотря на это, дѣйствіе сіе совершилъ то для обвиненія подсудимаго въ означенномъ преступленіи необходимо, чтобы присяжные признали въ дѣяніяхъ его существованіе этихъ двухъ признаковъ, составляющихъ фактическую сторону преступленія, въ коемъ онъ обвиняется, а потому и указанія на эти фактическіе признаки должны заключаться въ предлагаемыхъ присяжнымъ вопросахъ, и 3) такъ какъ товарищъ прокурора не возбуждалъ сомнѣнія ни во время преній, ни при замѣчаніяхъ на вопросы, въ томъ, что Степановъ и Ефимовъ были наказаны розгами, что, раздѣливъ 5 и 7 вопросы,

согласно указанію прокурора, палата допустила бы только выдѣленіе изъ этихъ вопросовъ одного изъ существенныхъ признаковъ преступленія, приписываемаго подсудимому, т. е. допустила бы нарушеніе какъ ст. 754, такъ и всѣхъ правилъ, выработанныхъ кассаціонною практикою относительно постановки вопросовъ въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По симъ основаніямъ, палата не признала просьбу товарища прокурора уважительною. Правительствующій сенатъ нашелъ, что онъ 1) «находитъ правильнымъ заключеніе товарища прокурора судебной палаты о томъ, что въ дѣлахъ о преступленіи по должности присяжные могутъ только разрѣшать вопросы о томъ, совершено ли подсудимымъ извѣстное дѣяніе, и о томъ, должно ли быть разсматриваемое дѣяніе вмѣнено подсудимому въ вину. Затѣмъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли подсудимый право совершить означенное дѣяніе по предоставленной ему закономъ власти должностнаго лица, а равнымъ образомъ и составляетъ ли такое дѣяніе неисполненіе возложенныхъ на него обязанностей по службѣ, подлежитъ разрѣшенію самого суда, примѣняющаго законъ къ извѣстному преступленію и назначающаго подсудимому наказаніе по степени и мѣрѣ вины его. Поэтому правительствующій сенатъ не можетъ не признать излишнимъ включеніе въ вопросы присяжнымъ словъ: «не составивъ, *какъ бы слѣдовало по закону*, надлежащаго постановленія и притомъ по такому дѣлу, по которому *не могъ, по должности мироваго посредника*, подвергать» и проч., *не имѣя по должности своей права* наказывать подчиненныхъ ему волостныхъ старшинъ постановленіемъ на колѣни, и проч. Но въ виду того, что слова эти составляли только повтореніе того, что уже было выслушано присяжными при чтеніи обвинительнаго акта, что слова эти не могли ввести въ недоумѣніе присяжныхъ въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ они не привели ихъ къ *обсужденію законности дѣйствій* подсудимаго котораго они оправдали по всѣмъ взведеннымъ противъ него обвиненіямъ вполнѣ, — правительствующій сенатъ не находитъ въ прибавкѣ этихъ выраженій такого существеннаго нарушенія, которое могло бы вести къ отмѣнѣ судебнаго приговора; 2) что же касается до указанія товарища прокурора на то, что палата неправильно отказала ему въ раздѣленіи 5 и 7 вопросовъ, каждаго на двое: *наказывалъ ли* Ушаковъ крестьянъ и производилъ ли это наказаніе *безъ надлежащаго постановленія* [1]),

[1]) Товарищъ прокурора въ своемъ протестѣ по этому пункту объяснялъ:

то независимо отъ приведенной выше причины, по которой указаніе это не можетъ составлять кассаціоннаго повода, слѣдуетъ замѣтить и то, что на палатѣ не лежало прямой обязанности раздѣлять такіе вопросы на-двое, такъ какъ Ушаковъ былъ преданъ суду *за наказаніе* крестьянъ розгами *безъ составленія* на этотъ конецъ постановленія, и что присяжные, встрѣтивъ какое-либо недоумѣніе въ этихъ вопросахъ, могли воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ 812 ст. уст., и отвѣтить: да, виновенъ, т. е. наказывалъ, но при-этомъ дѣлалъ надлежащія постановленія. 3) Переходя затѣмъ къ послѣднему указанію товарища прокурора на неправильную постановку вопросовъ относительно важности сдѣланнаго Ушаковымъ нарушенія по службѣ, правительствующій сенатъ находитъ указаніе это вполнѣ справедливымъ. 341 ст., говоря о случаяхъ превышенія или бездѣйствія власти особенно важныхъ, не опредѣляетъ существенныхъ признаковъ того, что̀ должно разумѣть подъ словомъ «*особенно важныхъ*». Важность эта зависитъ, съ одной стороны, оттого, насколько должностное лицо переступило границы своей власти, а съ другой, отъ свойства послѣдствій, происшедшихъ отъ преступленія; только второй вопросъ можетъ быть предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ, и то въ видѣ фактическихъ признаковъ, съ точнымъ указаніемъ послѣдствій. Затѣмъ разрѣшеніе первой части вопроса, какъ разрѣшеніе, стоящее въ прямой зависимости отъ *толкованія закона* и опредѣленія *значенія* поступка подсудимаго по отноше-

---

«отказавъ въ раздѣленіи 5 и 7 вопросовъ, каждаго на два отдѣльные вопроса—о наказаніи розгами и наказаніи безъ надлежащаго постановленія, палата признала два эти обстоятельства существенными признаками преступленія, въ коемъ обвинялся Ушаковъ, и не признала возможнымъ выдѣлить изъ вопроса о виновности одинъ изъ существенныхъ признаковъ преступленія. Между тѣмъ наказаніе розгами и наказаніе безъ постановленія не были только признаками преступленія, въ коемъ обвинялся Ушаковъ, но каждое составляетъ самостоятельное, отдѣльное преступленіе превышенія власти. Присяжные засѣдатели могли отвергнуть обвиненіе въ несоставленіи постановленія о наказаніи, но признать событіе наказанія. Признаніе этого послѣдняго обстоятельства само по себѣ уже было бы признаніемъ такого дѣйствія, которое въ данномъ случаѣ составляетъ превышеніе власти, совмѣщеніе обоихъ предметовъ въ одномъ вопросѣ давало присяжнымъ засѣдателямъ, особенно въ виду изложеннаго выше взгляда на этотъ предметъ палаты, поводъ неправильно думать, что виновность обусловливается только совмѣстнымъ существованіемъ обоихъ, указанныхъ въ вопросѣ, обстоятельствъ».

нію его *къ служебнымъ обязанностямъ*, и самое избраніе одного изъ разнообразныхъ наказаній, перечисленныхъ въ статьяхъ о превышеніи и бездѣйствіи власти, подлежатъ всецѣло разрѣшенію одного суда, безъ участія присяжныхъ. Поэтому, предложивъ на рѣшеніе присяжныхъ вопросъ о томъ, должно ли быть допущенное подсудимымъ дѣйствіе отнесено къ числу случаевъ особенно важныхъ, безъ указанія при-этомъ какихъ-либо фактическихъ признаковъ, судебная палата нарушила 760 ст. уст.»

351. Вопросы, предлагаемые на разрѣшеніе присяжныхъ, не могутъ быть изложены въ тѣхъ общихъ выраженіяхъ, которыя употреблены въ 351 ст., а должны заключать въ себѣ указаніе на тѣ фактическія обстоятельства, которыя составляютъ признаки этого преступленія ($^{1260}/_{72}$).

О подсудимомъ Городецкомъ ($^{1260}/_{72}$) былъ постановленъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли Городецкій въ томъ, что, состоя въ должности экспедитора одесской почтовой конторы, не принялъ своевременно необходимыхъ мѣръ для повѣрки полученной 23 февраля 1868 г. берлинской корреспонденціи и для розысканія неоказавшихся упомянутыхъ въ 1-мъ вопросѣ пяти рекомендованныхъ писемъ и тѣмъ оказалъ нерадѣніе въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей?» Сенатъ нашелъ, что палата поставила этотъ вопросъ въ такомъ видѣ что онъ не заключалъ въ себѣ точнаго и опредѣлительнаго указанія на то, что было совершено обвиняемымъ, и что затѣмъ, вслѣдствіе неполноты и неудовлетворительности предложеннаго вопроса, палата собственною властью признала дѣйствительно существовавшими фактическія обстоятельства, о которыхъ вовсе не было предложено вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ, а именно, что при полученіи въ Одессѣ берлинской почты не оказалось карты, что Городецкій не свѣрилъ корреспонденціи и что ему могло быть не извѣстно, что въ полученной корреспонденціи находились письма, адресованныя Лейбенгерцу.

354 статья, преслѣдующая растрату ввѣренныхъ по службѣ денегъ и самовольное пользованіе такими деньгами ($^{817}/_{72}$), предусматриваетъ при семъ три случая и сообразно имъ опредѣляетъ и наказанія: первый, когда растративній деньги возвратитъ самъ вполнѣ все имъ растраченное прежде открытія его злоупотребленія, второй - когда онъ возвратитъ, хотя и самъ собою и вполнѣ все имъ растраченное, но уже послѣ открытія его злоупотребленія и до постановленія приговора ($^{560}/_{69}$), и наконецъ третій - когда онъ

не возвратить растраченнаго и послѣ открытія его злоупотребленія ($^{560}/_{69}$).

Преступленіе это всегда соединяется съ умышленнымъ употребленіемъ во зло возложеннаго по службѣ на виновнаго довѣрія ($^{156}/_{68}$).

Предлагая присяжнымъ вопросъ по 354 ст., судъ обязанъ упомянуть въ немъ о томъ, возвратилъ ли подсудимый присвоенныя имъ деньги, и если возвратилъ, то до обнаруженія растраты или послѣ того ($^{285}/_{69}$, $^{603}/_{69}$). Разрѣшеніе же этого вопроса собственною властью суда составляетъ нарушеніе 7 ст. учр. суд. уст. (24 октября 1874 г., Костыгова).

Выраженія «растрата», «растратилъ»—выраженія юридическія и должны быть замѣняемы въ вопросахъ общедоступными, напр.: «израсходовалъ», «издержалъ на свои надобности» и т. п. ($^{379}/_{69}$).

Неточное обозначеніе въ вопросѣ, утвержденномъ присяжными, количество растраченнаго имущества не составляетъ существеннаго нарушенія закона ($^{837}/_{72}$). По дѣлу Гусева въ вопросѣ было сказано: «растратилъ 17 саженъ дровъ, или часть этого количества». Сенатъ нашелъ обстоятельство это не существеннымъ, такъ какъ оставленіе присяжными безъ точнаго разрѣшенія вопроса о количествѣ растраченныхъ дровъ не могло имѣть вліянія на наказаніе виновнаго и такъ какъ оно не повлекло никакихъ послѣдствій для подсудимаго.

Не составляетъ также существеннаго нарушенія закона постановка въ вопросѣ о виновности двухъ различныхъ признаковъ преступленія, предусм. 354 ст., въ альтернативной формѣ ($^{1079}/_{72}$). По дѣлу Цурина въ вопросѣ о виновности было сказано, что подсудимый, занимая должность казначея волостнаго правленія, *ссужалъ другихъ лицъввѣренными ему для храненія общественными деньгами, безъ разрѣшенія на то своего начальства*, или же *недостающую по составленному учету сумму употребилъ на свои надобности*. Сенатъ нашелъ, что помѣщеніе двухъ означенныхъ обстоятельствъ въ одномъ вопросѣ составляетъ нарушеніе 756 ст., но въ виду того, что обстоятельства эти составляютъ дѣянія, имѣющія одинаковое значеніе въ смыслѣ уголовномъ и влекущія за собою одинаковыя послѣдствія (ст. 354), нарушеніе это не представляется существеннымъ, тѣмъ болѣе, что подсудимый не возражалъ противъ редакціи вопроса. См. *альтерн. вопросы*.

Вопросы, признанные постановленными по признакамъ 354 ст.: «виновенъ ли подсудимый Августъ Левенстамъ въ томъ, что въ

маѣ 1870 г., принявъ по должности нотаріуса г. С.-Петербурга, которую онъ въ то время занималъ, девять тысячъ рублей, принадлежащихъ тайному совѣтнику Новосельскому, для внесенія крѣпостныхъ пошлинъ и на другіе расходы по купчей и закладной на домъ Демидовыхъ, присвоилъ себѣ изъ означенныхъ денегъ около 8 тысячъ рублей, коихъ не возвратилъ Новосельскому и до настоящаго времени?» (1146/72). «Виновенъ ли бывшій судебный приставъ коллежскій ассесоръ Горбуновъ, 41 года, въ томъ, что, получа отъ покупщика дома крестьянина Федотова въ сентябрѣ 1867 г. сумму и удовлетворивъ кредитора по закладной, оставшіяся деньги, въ количествѣ 2197 руб., подлежавшія къ выдачѣ Федотову, не выдалъ ему своевременно, а выдавалъ оныя ему по частямъ, употребляя невыданную сумму на свои расходы, и даже не удовлетворилъ его, Федотова, остальною суммою и послѣ подачи Федотовымъ жалобы, вслѣдствіе чего остальныя, въ размѣрѣ 505 руб., по опредѣленію суда, удержаны были изъ залога въ маѣ мѣсяцѣ 1869 г.?» Сенатъ нашелъ, что сущность вопроса постановлена по признакамъ 354 ст. (817/72).

356. Время полученія денегъ и время записи ихъ на приходъ не составляютъ существеннаго признака преступленія и потому могутъ быть не обозначаемы въ вопросахъ присяжнымъ (391/71).

По дѣлу Васильева (391/71) были постановлены между прочимъ слѣдующіе вопросы: «5) виновенъ ли Васильевъ въ томъ, что, получивъ по должности предводителя дворянства 1 декабря 1864 г. отъ Красногорскаго мироваго посредника 779 р. и изъ Государственнаго банка отъ 26 іюня того же 1864 г. 86 руб., съ умысломъ не записалъ ихъ на приходъ? 6) если не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что промедлилъ записать въ приходъ, безъ законныхъ причинъ, означенныя въ 5 вопросѣ деньги?» Присяжные признали виновнымъ по 5 вопросу. Васильевъ жаловался, что въ вопросахъ, предложенныхъ присяжнымъ, было указано только, какія суммы имъ получены, но не опредѣлено, когда именно онѣ получены и до какого времени продолжалось замедленіе безъ законныхъ причинъ; что эти вопросы разрѣшила сама палата и притомъ неправильно, такъ какъ въ основаніе своего исчисленія приняла за дни полученія имъ денегъ тѣ числа, въ которыя деньги были имъ отправлены и въ которыя очевидно онъ не могъ ихъ получить. Правительствующій сенатъ нашелъ: 1) что Васильевъ рѣшеніемъ присяжныхъ по предложенному имъ вопросу, въ которомъ сдѣлана ссылка на 5-й во-

просъ, признанъ виновнымъ въ томъ, что промедлилъ, безъ законныхъ причинъ, записать на приходъ деньги, подробно означенныя въ 5 вопросѣ; 2) что о дополненіи вопросовъ указаніемъ полученія имъ денегъ и времени возвращенія ихъ Васильевъ во время судебнаго слѣдствія не просилъ, и за симъ объясненія его по сему предмету не подлежатъ нынѣ обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ, и 3) что время полученія денегъ и время записи ихъ на приходъ, какъ не составляющее существеннаго признака въ составѣ преступленія, наказуемаго по 356 ст. ул., можетъ быть опредѣлено по письменнымъ документамъ самимъ судомъ.

357. Въ статьѣ 357 предусматривается тотъ случай, когда убыль и недочетъ во ввѣренныхъ по службѣ суммахъ произошли отъ нерадѣнія, а не совершенно случайно, при такихъ обстоятельствахъ, которыхъ обвиняемый ни предвидѣть, ни предотвратить не могъ ($^{156}/_{68}$).

358 статья предусматриваетъ незаписку съ умысломъ прихода въ приходную книгу. Поэтому необходимо, чтобы въ вопросѣ, предложенномъ присяжнымъ, было упомянуто объ умыслѣ (24 октября 1874 г., Костыгова).

362 статья предусматриваетъ помѣщеніе въ заготовленныхъ по службѣ и представляемыхъ начальству бумагахъ ложныхъ свѣдѣній, съ цѣлью извлечь изъ этого противозаконную выгоду ($^{455}/_{71}$).

Противозаконность намѣренія, съ которымъ помѣщены въ официальныхъ актахъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія, составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ преступленія, предусм. 362 ст. ($^{487}/_{70}$). Въ вопросахъ присяжнымъ слѣдуетъ обозначать, какія именно дѣйствія, обнаруженныя слѣдствіемъ, указываютъ на противозаконную цѣль нарушенія установленныхъ правилъ для совершенія извѣстныхъ актовъ и какого именно рода были побужденія или виды, вслѣдствіе которыхъ допущены эти нарушенія ($^{487}/_{70}$). По дѣлу Преображенскаго (ib.), былъ постановленъ между прочимъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый, бывшій становой приставъ Преображенскій, въ томъ, что вслѣдствіе предписанія Алексинскаго земскаго суда, составляя 22 марта 1872 г., по обязанности своей становаго пристава, описи имѣнію жены надворнаго совѣтника Половцевой, находящемуся въ Алексинскомъ уѣздѣ, подъ названіемъ села Покровскаго, *съ намѣреніемъ, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*, не помѣстилъ лѣсъ, разныя постройки, каменныя и деревянныя, фруктовый садъ, подъ № 1 въ описи на-

звалъ кухню ветхою, тогда какъ она была прочная, а не ветхая, каменный сарай подъ № 2 назвалъ плетневымъ и, наконецъ, означенныя описи составилъ безъ бытности свидѣтелей, подписавшихся подъ ними?» Присяжные отвѣтили: «да, виновенъ, но безъ корыстныхъ видовъ». Судъ призналъ, что Преображенскій признанъ виновнымъ въ совершеніи преступленія изъ личныхъ видовъ. Правительствующій сенатъ нашелъ, что точное фактическое опредѣленіе тѣхъ побужденій, вслѣдствіе которыхъ были помѣщены въ опись имѣнія Половцевой свѣдѣнія, признанныя невѣрными, было необходимо, потому что противозаконность намѣренія составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ, отличающихъ преступленіе, предусмотрѣнное 362 ст., отъ однородныхъ съ нимъ, но имѣющихъ меньшую важность, преступленій, указанныхъ въ 417 ст. ул.; притомъ помѣщенныя въ 362 ст. общія выраженія о томъ, что означеннымъ въ этой статьѣ закона преступленіемъ считается нарушеніе правилъ, для совершенія или засвидѣтельствованія актовъ постановленныхъ, когда нарушеніе послѣдовало съ намѣреніемъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, суду не слѣдовало въ томъ же видѣ помѣщать въ вопросѣ, который, на основаніи 760 ст. уст., долженъ быть составленъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсуднаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій, и въ вопросѣ слѣдовало указать, какія именно дѣйствія, обнаруженныя слѣдствіемъ, указывали на противозаконную цѣль нарушенія установленныхъ правилъ составленія описи и какого именно рода были побужденія или виды, вслѣдствіе которыхъ допущены эти нарушенія.

Слѣдующія дѣйствія составляютъ преступленіе, предусмотрѣнное 362 ст.: помѣщеніе въ заготовленныхъ по службѣ и представленныхъ по начальству бумагахъ ложныхъ свѣдѣній о количествѣ слѣдовавшихъ къ выдачѣ денегъ извѣстному лицу, съ цѣлью извлечь изъ этого для себя противозаконную выгоду ($^{455}/_{71}$); составленіе почталіономъ подложной квитанціи чрезъ учиненіе на квитанціонномъ бланкѣ фальшивой подписи отъ имени смотрителя почтовой станціи ($^{981}/_{72}$).

372. Лихоимство въ юридическомъ смыслѣ сего слова (по ст. 372) составляетъ принятіе лицомъ, состоящимъ на государственной или общественной службѣ, какого бы то ни было, по дѣйствію, касающемуся обязанностей его должности, подарка ($^{274}/_{69}$). Подъ лихоимствомъ законъ понимаетъ требованіе подарка или воз-

награжденія за такое дѣйствіе, которое требующій обязанъ исполнить безвозмездно, по долгу лежащей на немъ обязанности ($^{314}/_{70}$), причемъ дѣйствія эти должны входить въ кругъ служебныхъ обязанностей принявшаго подарокъ ($^{711}/_{68}$), хотя и не требуется, чтобы лихоимецъ состоялъ на дѣйствительной службѣ ($^{314}/_{70}$).

373. Принятіе денегъ за такое по службѣ дѣйствіе, которое виновный обязанъ совершить по дѣлу службы, составляетъ существенный признакъ преступленія лихоимства ($^{1621}/_{71}$).

Въ вопросахъ о виновности слѣдуетъ ограничиться изложеніемъ тѣхъ фактовъ, которые послужили основаніемъ къ преслѣдованію преступленія подсудимаго и которые выяснились на судѣ; оцѣнка же ихъ, т. е. составляютъ ли эти факты дѣяніе, *противное обязанностямъ службы*, должна быть сдѣлана въ приговорѣ самимъ судомъ ($^{1621}/_{71}$). Поэтому слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ несогласно съ этимъ положеніемъ: «виновенъ ли подсудимый, бывшій волостной писарь коллежскій регистраторъ Дмитрій Баталинъ, 45 лѣтъ, въ томъ, что взялъ съ крестьянина Ефима Ершова три руб. за то, чтобы *незаконно* освободить семейство его, Ершова, отъ рекрутства (ib.).

Карауловъ былъ признанъ присяжными виновнымъ въ томъ, что, «состоя спасскимъ уѣзднымъ стряпчимъ, получилъ 20 рублей отъ крестьянина Себуханкулова за содѣйствіе въ спасскомъ рекрутскомъ присутствіи освободить сына его отъ рекрутства?» Подсудимый жаловался на неправильное примѣненіе къ дѣянію его 373 ст. уложенія и объяснялъ, что онъ не могъ имѣть вліянія на рѣшеніе рекрутскаго присутствія и могъ содѣйствовать Себуханкулову только въ качествѣ частнаго лица. Сенатъ нашелъ это объясненіе незаслуживающимъ уваженія и примѣненіе 373 ст. правильнымъ, «ибо, получая взятку, онъ (подсудимый) состоялъ въ должности стряпчаго, а содѣйствіе стряпчаго, обусловленное денежнымъ вознагражденіемъ, къ освобожденію кого-либо отъ исполненія воинской повинности, безъ всякаго сомнѣнія, противно обязанностямъ службы» ($^{1554}/_{72}$).

377. Вымогательствомъ, по 377 ст., признается всякое требованіе подарковъ по касающемуся до службы виновнаго дѣлу, или дѣйствію, подъ какимъ бы то ни было видомъ или предлогомъ ($^{294}/_{70}$). Вымогательствомъ вообще законы наши считаютъ всякія, дѣлаемыя должностнымъ лицомъ кому-либо, съ цѣлью полученія отъ него незаконныхъ денежныхъ или иныхъ матеріальныхъ вы-

годъ, притѣсненія или угрозы, или предъявляемыя требованія ($^{892}/_{71}$).

Наличность условія, отличающаго вымогательство отъ лихоимства, заключается въ томъ, что подсудимымъ было употреблено требованіе подарка ($^{1118}/_{72}$), что прибыль, получаемая имъ, доставляется ему по принужденію, а не по добровольному согласію дающаго ($^{440}/_{69}$), причемъ характеръ его опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ между виновнымъ должностнымъ лицомъ и тѣмъ, у кого вымогаются деньги или иныя вещи (7 февраля 1874 г., Болотова, «С. В.» $^{110}/_{75}$). Въ вопросахъ присяжнымъ должны быть изложены одни конкретные факты и не могутъ быть помѣщаемы признаки, въ которыхъ заключается законная оцѣнка этихъ фактовъ. Слѣдующіе вопросы признаны постановленными неправильно: «2) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что требовалъ съ крестьянина Моисея Фомина сначала 5 руб., но потомъ взялъ два рубля за то, чтобы написать удостовѣреніе отъ волостнаго правленія о принадлежности семейству Фомина ратницкой квитанціи, *тогда какъ онъ обязанъ былъ это сдѣлать, по должности волостнаго писаря, безвозмездно?* 3) виновенъ ли тотъ же подсудимый въ томъ, что истребовалъ отъ крестьянина Сергѣя Васильева шесть рублей за то, чтобы выхлопотать изъ казенной палаты ратницкую квитанцію, *тогда какъ волостное правленіе обязано было вытребовать эту квитанцію безплатно?* 4) виновенъ ли тотъ же подсудимый въ томъ, что съ крестьянина Никиты Демидова взялъ три рубля на отправку въ Калугу рекрутской квитанціи, *тогда какъ это лежало также на обязанности волостнаго правленія?*» Сенатъ нашелъ, что судомъ допущено существенное нарушеніе закона, состоящее въ томъ, что «судъ предложилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросъ о томъ, были ли для Баталина, по долгу службы, обязательны тѣ дѣйствія, за совершеніе которыхъ онъ бралъ деньги съ крестьянъ, между тѣмъ какъ присяжные засѣдатели, на основаніи 7 ст. учрежд. суд. устав., входятъ въ составъ суда единственно для разрѣшенія фактичной стороны дѣла, т. е. вопросовъ о дѣйствительности событія преступленія и о вмѣненіи въ вину совершившему его; соображенія же, на основаніи коихъ къ признаннымъ присяжными засѣдателями фактамъ примѣняется та или другая статья закона, должны быть, какъ это требуется 797 и 827 ст. уст., изложены въ приговорѣ суда. Такъ какъ принятіе денегъ за такое по службѣ дѣйствіе, которое виновный обязанъ совершить по долгу службы, составляетъ

существенный признакъ преступленія, въ которомъ обвинялся Баталинъ, то суду, на основаніи 754 ст. уст., слѣдовало въ вопросѣ о виновности ограничиться лишь изложеніемъ этихъ фактовъ, которые послужили основаніемъ къ преслѣдованію Баталина и которые выяснились на судѣ, а оцѣнку ихъ съ точки зрѣнія закона сдѣлать въ приговорѣ» ($^{1621}/_{71}$).

380. Примѣненіе 1 ч. 180 и 373 ст. улож. къ дѣйствіямъ подсудимаго (полицейскаго надзирателя), заключающимся въ томъ, что не принялъ никакихъ мѣръ для прекращенія незаконныхъ поборовъ, взимавшихся его подчиненными, или нанятыми имъ людьми, съ торговцевъ, подъ предлогомъ употребленія этихъ денегъ на очистку занимаемыхъ ими мѣстъ, безъ знанія о вытребованіи,— неправильно, «въ виду неясности и неполноты вопроса, въ коемъ самый фактъ дѣйствительнаго полученія незаконныхъ поборовъ не выраженъ» ($^{892}/_{71}$).

382. Лиходательство, на точномъ основаніи 382 ст. улож., составляетъ преступленіе лишь въ томъ случаѣ, когда лиходатель склонитъ должностное лицо къ совершенію одного изъ дѣйствій, положительно указанныхъ въ сей статьѣ закона ($^{570}/_{71}$).

393. Статья эта предусматриваетъ ослушаніе начальнику въ дѣлахъ службы, т. е. такое преступное дѣяніе, которое не можетъ имѣть мѣста внѣ служебныхъ отношеній (^{1121} 72).

394. Примѣненіе 394 ст. не обусловливается наличностью служебныхъ отношеній въ моментъ оскорбленія и законъ опредѣляетъ наказаніе, указанное въ этой статьѣ, и въ томъ случаѣ, когда оскорбленіе нанесено начальнику въ его отсутствіи, при томъ лишь условіи, чтобы оскорбленіе было нанесено подчиненнымъ (^{1121} 72).

395. Исполненіе начальникомъ обязанностей службы, во время нанесенія ему оскорбленія дѣйствіемъ, не входитъ въ число существенныхъ признаковъ 395 ст.; посему статья эта должна быть примѣняема во всѣхъ случаяхъ нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ подчиненнымъ начальнику, хотя бы это имѣло мѣсто внѣ служебныхъ отношеній ($^{1121}/_{72}$). Вслѣдствіе этого постановка вопроса: «виновенъ ли подсудимый Постниковъ въ нанесеніи Чуговелю удара по лицу въ такое время, когда не находился къ нему въ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальнику», не имѣетъ законнаго основанія (ib.).

Вопросъ по признакамъ 395 ст.: «виновенъ ли подсудимый Постниковъ въ томъ, что 28 апрѣля 1872 года, въ зданіи министерства юстиціи, нанесъ, съ цѣлью оскорбленія, ударъ по лицу

старшему помощнику столоначальника Чуговелю, которому онъ, Постниковъ, былъ подчиненъ по службѣ, и сдѣлалъ это въ сильномъ раздраженіи, вслѣдствіе того, что имѣлъ на Чуговеля претензію за невыдачу ему денежнаго пособія»? (ib.).

571. Статья 571 относится, во-первыхъ, къ составленію подложныхъ, или фальшивыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, билетовъ и, во-вторыхъ, къ передѣлкѣ настоящихъ билетовъ изъ низшаго въ высшее достоинство какимъ бы то ни было способомъ ($^{453}/_{70}$). 2 ч. 571 ст. распространяется на случаи похищенія бланковыхъ листовъ для билетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій, а не билетныхъ бланковъ частныхъ банковъ ($^{1256}/_{71}$). Способъ поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ составляетъ обстоятельство, относящееся къ фактической сторонѣ дѣла, и потому подлежитъ разрѣшенію присяжныхъ, а не суда ($^{831}/_{69}$).

«*Механическимъ способомъ*»—выраженіе юридическое и потому не можетъ быть употреблено въ вопросахъ присяжнымъ (11 іюня 1873 г., Кочетковыхъ. Указ.).

573. Вопросы объ открытіи соучастниковъ въ поддѣлкѣ не ставятся ($^{422}/_{68}$, $^{406}/_{67}$, $^{534}/_{68}$, $^{268}/_{68}$).

576. Существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго въ первой части этой статьи,—знаніе виновнымъ поддѣлывателей и переводителей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ ($^{325}/_{68}$). Но сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, пріобрѣтенныхъ завѣдомо фальшивыми, хотя и безъ знанія поддѣлывателей или переводителей ихъ, также подходитъ подъ дѣйствіе 1 части 576 ст. ($^{335}/_{67}$, $^{385}/_{68}$). Въ вопросахъ должно быть указано, что фальшивые билеты были переданы другому лицу «съ цѣлью противозаконнаго сбыта ихъ», иначе подсудимый не можетъ быть признанъ виновнымъ въ преступномъ выпускѣ означенныхъ билетовъ въ народное обращеніе ($^{265}/_{73}$).

Существенные моменты преступленія, предусмотрѣннаго 2 ч. 576 ст., состоятъ въ слѣдующемъ: а) случайное полученіе фальшиваго кредитнаго билета, т. е. добросовѣстное полученіе его за незавѣдомо фальшивый, б) обнаруженіе потомъ фальшивости его и в) сбытъ или покушеніе на сбытъ подъ видомъ настоящаго ($^{782}/_{65}$).

Вопросы: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, получивъ для сбыта фальшивые, завѣдомо, кредитные билеты трехъ-рублеваго достоинства, сдѣланные на простой бумагѣ посредствомъ машины, выпускалъ ихъ въ обращеніе, причемъ зналъ поддѣлывателей или лицъ, занимающихся переводомъ тѣхъ фальшивыхъ билетовъ»?

($^{392}/_{72}$); «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, получивъ фальшивый кредитный билетъ пяти-рублеваго достоинства совершенно случайно и узнавъ потомъ о фальшивости его, сбылъ его подъ видомъ настоящаго»?

895. Статья эта предусматриваетъ отпускъ изъ аптеки лекарствъ по копіямъ рецептовъ или по сигнатурамъ безъ подписи врача, если въ составъ оныхъ входятъ вещества сильнодѣйствующія ($^{256}/_{73}$).

922. Шайкою, въ общепринятомъ значеніи этого слова, называется нѣсколько людей, собравшихся для общаго преступнаго дѣла или промысла. Въ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ точнаго опредѣленія шайки, но есть только указанія на то, что подъ шайкою разумѣется преступное сообщество, составленное нѣсколькими лицами для какого-либо рода преступленій вообще, или совершенія какого-либо преступленія въ особенности, что въ составѣ шайки, какъ и во всякомъ сообщничествѣ лицъ, предварительно согласившихся, различаются: 1) въ качествѣ зачинщиковъ или подговорщиковъ – составители или начальники шайки; 2) въ качествѣ сообщниковъ — вступившіе въ шайку съ знаніемъ о цѣли ея; 3) въ качествѣ пособниковъ — доставляющіе завѣдомо шайкѣ оружіе или иныя средства для содѣянія преступленій; 4) въ качествѣ укрывателей — пристаноподержатели (улож. ст. 922—931, 1607, 1633, 1639 и 1645). Изъ этихъ указаній, какъ они ни кратки, можно вывести заключеніе, что по уложенію о наказаніяхъ преступное сообщество, именуемое шайкою, имѣетъ два главные вида: вопервыхъ, оно можетъ существовать какъ сообщество, составленное для совершенія *нѣсколькихъ* преступленій, опредѣленныхъ только въ родѣ ихъ, или въ данныхъ случаяхъ и, вовторыхъ, оно можетъ существовать какъ сообщество, составленное для совершенія *одного или нѣсколькихъ преступленій*, опредѣленныхъ заранѣе въ данныхъ случаяхъ ($^{613}/_{69}$).

Въ общепринятомъ понятіи о шайкѣ обыкновенно высказывается требованіе, чтобы въ шайкѣ было по крайней мѣрѣ *трое сообщниковъ* ($^{613}/_{69}$); но вмѣстѣ съ этимъ, по самому понятію этого слова, а именно, по сообществу людей для общаго преступнаго дѣла или промысла, вовсе не предполагается, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи этого общества непремѣнно участвовали всѣ сообщники или по крайней мѣрѣ трое, но чтобы цѣль этихъ дѣйствій была одна и та же, общая всѣмъ прочимъ сообщникамъ ($^{1305}/_{70}$).

Главный отличительный признакъ перваго вида шайки состоитъ въ предварительномъ соглашеніи на совершеніе какого-либо рода преступленій безъ предварительнаго опредѣленія отдѣльныхъ случаевъ ($^{613}/_{69}$).

При обвиненіи въ первомъ видѣ шайки, нѣтъ надобности предлагать присяжнымъ вопросъ о подробностяхъ организаціи шайки ($^{613}/_{69}$).

Напротивъ того, для установленія различія между шайкою втораго вида и простымъ сговоромъ нѣсколькихъ лицъ на совершеніе извѣстнаго преступленія, необходимо положительное признаніе присяжными засѣдателями тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыми обусловливается организація шайки, а именно, что между сговорившимися лицами опредѣлено было заранѣе назначеніе начальниковъ, распредѣленіе дѣйствій между сообщниками, раздѣлъ, по извѣстнымъ правиламъ, добычи, и тому подобные признаки соединенные въ своихъ частяхъ преступнаго сообщества ($^{613}/_{69}$).

Вопросъ о томъ, была ли составлена подсудимымъ шайка, или же было только сообщество по предварительному соглашенію, какъ вопросъ факта, подлежитъ разрѣшенію присяжныхъ ($^{324}/_{67}$).

Слово *шайка* — выраженіе юридическое и должно быть замѣняемо указаніемъ главныхъ признаковъ, при существованіи которыхъ преступленіе считается совершеннымъ шайкою ($^{324}/_{67}$); взамѣнъ этого юридическаго термина въ вопросѣ должны быть исчислены законные признаки этого понятія (22 марта 1875 г., Маховитова и др. «Суд. Вѣсти» $^{113}/_{75}$). Такимъ образомъ въ вопросѣ вмѣсто «шайка» употребляютъ: «по предварительному уговору съ другими лицами заниматься сообща воровствомъ» ($^{613}/_{69}$), или: «совершены ли кражи по предварительному соглашенію съ другими лицами заниматься сообща съ ними кражами, т. е. въ составѣ шайки»? ($^{1305}/_{70}$).

924. Ст. 924 предусматриваетъ, между прочимъ, составленіе шайки для поддѣлки государственныхъ кредитныхъ бумагъ, т. е. для совершенія преступленій противъ устава монетнаго, указанныхъ въ отдѣленіи 2, главы 2, раздѣла VII улож.; хотя въ статьѣ этой буквально говорится о составленіи шаекъ для дѣланія или привоза фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, но какъ существенная часть поддѣлки кредитныхъ билетовъ есть выпускъ кредитныхъ билетовъ въ народное обращеніе и какъ, на основаніи п. 1 ст. 576 улож., сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, съ знаніемъ поддѣлывателей ихъ, наказывается какъ сообщничество въ самой

поддѣлкѣ ихъ, то посему къ составу шайки дѣлателей и доставителей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ должны принадлежать и лица, сговорившіяся на сбытъ этихъ билетовъ, какъ необходимые соучастники въ осуществленіи преступленія поддѣлки кредитныхъ билетовъ, достиженіемъ предположенной этимъ преступленіемъ противозаконной цѣли. Поэтому подъ дѣйствіе закона о шайкѣ, предусмотрѣнной ст. 924, подходитъ составленіе организованнаго сообщества съ цѣлью противозаконнаго сбыта фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ ([265]/73).

На основаніи отдѣл. 2 ст. 924, подвергаются наказаніямъ лица, вступившія въ одну изъ шаекъ, предусмотрѣнныхъ отдѣл. 1 этой статьи, съ знаніемъ о свойствѣ и предназначеніи ея, хотя и неучинившія, вслѣдствіе того, преступленій; посему одно участіе въ шайкѣ, указанной въ ст. 924, завѣдомо о противозаконной цѣли ея и при отсутствіи такихъ обстоятельствъ, которыми оправдывалось это участіе по закону, составляетъ вину и преступленіе, предусмотрѣнныя означеннымъ закономъ (ib.).

940. По понятію о ложномъ доносѣ, въ составъ его должны входить: 1) несправедливое обвиненіе не только въ безчестномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ преступномъ дѣяніи; 2) намѣреніе навлечь на виновнаго уголовное преслѣдованіе, и 3) сообразное съ этимъ намѣреніемъ представленіе ложнаго обвиненія той власти, отъ которой зависитъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія ([946]/71).

«Ложный доносъ» составляетъ выраженіе юридическое и, вмѣсто употребленія этого термина, въ вопросахъ слѣдуетъ опредѣлять ложный доносъ въ существенныхъ его признакахъ ([22]/68). По дѣлу Зайцева (ib.) были предложены слѣдующіе вопросы: «1) письмо отъ имени полковника Добродѣева къ московскому генералъ-губернатору писано ли подсудимымъ маіоромъ Зайцевымъ? 2) Если письмо это писано подсудимымъ, то содержитъ ли оно въ себѣ обвиненія противъ Гончаровой: а) въ сокрытіи духовнаго завѣщанія, б) въ присвоеніи себѣ 80 тысячъ и в) въ подкупѣ чиновъ полиціи? 3) Если это письмо содержитъ въ себѣ обвиненіе Гончаровой въ подкупѣ полиціи, то содержитъ ли оно обвиненіе противъ чиновъ полиціи въ принятіи ими того подкупа для содѣйствія Гончаровой по тѣмъ предметамъ направленныхъ противъ нея обвиненій, которые признаны содержащимися въ письмѣ по предыдущему 2-му вопросу? 4) Если письмо отъ Добродѣева содержитъ въ себѣ то или другое, или нѣкоторыя, или же всѣ помянутыя выше обвиненія, то составляетъ ли письмо сіе ложный доносъ? 5) Если письмо отъ пол-

ковника Добродѣева писалъ подсудимый Зайцевъ и оно составляетъ ложный доносъ, то виновенъ ли Зайцевъ въ таковомъ доносѣ? 6) Содержитъ ли въ себѣ письмо подсудимаго Зайцева къ министру внутреннихъ дѣлъ обвиненіе противъ Гончаровой въ сокрытіи духовнаго завѣщанія? 7) Если письмо подсудимаго Зайцева содержитъ помянутое въ 6-мъ вопросѣ обвиненіе Гончаровой въ сокрытіи духовнаго завѣщанія, то составляетъ ли оно ложный доносъ? 8) Если письмо Зайцева къ министру внутреннихъ дѣлъ составляетъ ложный доносъ, то виновенъ ли онъ въ такомъ доносѣ?» Сенатъ нашелъ, что употребленіе въ предложенныхъ присяжнымъ вопросахъ выраженія: составляютъ ли дѣйствія подсудимаго ложный доносъ и виновенъ ли онъ въ такомъ доносѣ, не согласно съ требованіемъ 760 ст. уст. и что вмѣсто этого юридическаго термина слѣдовало опредѣлить ложный доносъ въ его существенныхъ признакахъ.

942. Существенный признакъ преступленія, означеннаго въ ст. 942, заключается въ завѣдомо ложномъ показаніи свидѣтеля, а не въ отсутствіи доказательствъ правдоподобности такого показанія ($^{458}/_{71}$). Вліяніе ложнаго показанія на приговоръ суда не относится къ числу законныхъ признаковъ преступленія лжесвидѣтельства ($^{47}/_{72}$). То обстоятельство, что ложное показаніе дано съ цѣлью скрыть преступленіе, не измѣняетъ свойства преступленія лжесвидѣтельства ($^{578}/_{68}$).

Относительно формы вопросовъ, правительствующій сенатъ въ однихъ рѣшеніяхъ призналъ, что въ вопросахъ должны быть помѣщаемы фактическіе признаки, указывающіе на лживость показанія. По дѣлу Субботина ($^{354}/_{70}$) С.-Петербургскій окружной судъ предложилъ присяжнымъ два вопроса: «1) Свидѣтельствовалъ ли надворный совѣтникъ Николай Субботинъ, по дѣлу титулярнаго совѣтника Вильбасова, о томъ, что видѣлъ чиновника Дмоховскаго въ конторѣ нотаріуса до свиданія его, Субботина, съ Бѣлянкинымъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1865 года, въ кондитерской Доминика? 2) Если означенное въ 1-мъ вопросѣ показаніе было дано Субботинымъ, то виновенъ ли онъ въ томъ, что далъ означенное показаніе ложно подъ присягою, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія?»

Товарищъ прокурора въ протестѣ между прочимъ указывалъ на то, что, въ нарушеніе 760 ст. уст., во второмъ вопросѣ содержался совокупный и сложный вопросъ о виновности подсудимаго и о событіи преступленія, т. е. лжесвидѣтельства, причемъ слова «далъ показаніе ложно» составляютъ принятое въ законѣ опре-

дѣленіе, могущее ввести присяжныхъ въ заблужденіе. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «въ виду 751 и 754 ст. уст. и того, что обстоятельства дѣла на судебномъ слѣдствіи не измѣнились, присяжнымъ засѣдателямъ слѣдовало предложить согласный съ выводами обвинительнаго акта вопросъ, т. е. спросить ихъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, встрѣтивъ свидѣтеля Дмоховскаго въ конторѣ нотаріуса въ августѣ 1865 г., на судебномъ слѣдствіи по дѣлу Бильбасова 5 и 6 октября 1868 года, подъ присягою показалъ, что не могъ не узнать Дмоховскаго въ кондитерской Доминика въ февралѣ 1865 г., такъ какъ до того времени находился съ нимъ въ конторѣ нотаріуса, когда онъ, Дмоховскій, совершалъ тамъ актъ на крупную цифру 600 т. рублей?» По дѣлу Ямкаберидзе ($\frac{458}{71}$) Тифлисская судебная палата о каждомъ изъ подсудимыхъ постановила слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ дачѣ ложнаго подъ присягою показанія по дѣлу объ убійствѣ Малакія Ямкаберидзе?» Защитники подсудимыхъ просили палату поставить вопросы по фактическимъ признакамъ, а именно: виновны ли подсудимые въ томъ, что, будучи очевидцами нанесенія раны Малакію Ямкаберидзе или узнавъ объ этомъ отъ другихъ, скрыли это при дачѣ присяжныхъ показаній и показывали подъ присягою другое? Но палата, принимая во вниманіе, что въ предложенныхъ защитниками вопросахъ заключаются признаки болѣе тяжкаго преступленія, чѣмъ то, въ которомъ они признаны виновными приговоромъ окружнаго суда, именно обвиненіе въ укрывательствѣ убійства, въ ходатайствѣ защитниковъ отказала. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «дозволеніе суду, рѣшающему дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей, употреблять юридическія выраженія не освобождаетъ его отъ обязанности указывать въ вопросахъ фактическіе признаки преступленія, по которымъ должно быть постановлено законное опредѣленіе о виновности подсудимаго. Это правило прямо нарушено было судебною палатою въ производствѣ настоящаго дѣла постановкою вопроса о виновности подсудимаго юридическимъ терминомъ, безъ указанія фактовъ, которые соотвѣтствовали бы признакамъ преступленія, въ которомъ подсудимые обвинялись, несмотря на то, что защитники подсудимыхъ просили палату о постановкѣ вопросовъ по фактическимъ признакамъ преступленія. Содержащееся въ протоколѣ палаты основаніе, по коему палата отказала въ удовлетвореніи просьбы защитниковъ, нельзя считать заслуживающимъ уваженія, ибо еслибы въ редакціи вопросовъ, предложенныхъ защитниками, и дѣйстви-

тельно заключалось обвиненіе подсудимыхъ въ болѣе тяжкомъ преступленіи, чего правительствующій сенатъ вовсе не усматриваетъ, то и въ такомъ случаѣ палата обязана была бы только исправить редакцію вопросовъ соотвѣтственно предмету обвиненія».

Но затѣмъ правительствующій сенатъ призналъ, что въ вопросѣ можетъ быть употреблено выраженіе: «ложное подъ присягою показаніе на судѣ», какъ выраженіе вполнѣ понятное и общеупотребительное, и что самое содержаніе ложнаго показанія въ вопросѣ излагается только въ случаѣ требованія о томъ стороны (45/73). По дѣлу Цукерманъ (45/73) былъ предложенъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ: «показала ли Анести, съ обдуманнымъ намѣреніемъ, подъ присягою, ложно противъ мѣщанина Борагана при разбирательствѣ мировымъ судьею дѣла по обвиненію Борагана въ кражѣ у Цукермана воловъ?» Сенатъ нашелъ, что въ вопросѣ этомъ «опредѣлительно выражены всѣ существенные признаки предусмотрѣннаго закономъ преступленія лжесвидѣтельства и если подсудимый признавалъ необходимымъ, чтобы въ вопросѣ, предложенномъ присяжнымъ засѣдателямъ, было изложено самое содержаніе показанія Анести, то отъ него зависѣло просить объ этомъ судъ, по праву, предоставленному ему ст. 760 и 762 уст., и въ такомъ случаѣ было бы возможно обсужденіе въ кассаціонномъ порядкѣ правильности отказа суда въ требованіяхъ его по сему предмету; такимъ образомъ изъ кассаціоннаго рѣшенія по дѣлу Ямкаберидзе, 1871 года № 458, на которое Цукерманъ ссылается въ жалобѣ своей, видно, что защитникъ Ямкаберидзе просилъ тифлисскую судебную палату постановить, для обсужденія виновности подсудимыхъ, вопросъ съ болѣе точнымъ означеніемъ предмета ложнаго показанія, въ которомъ они обвинялись, но палата отказала защитнику въ этомъ требованіи его, руководствуясь такими причинами, которыя найдены были правительствующимъ сенатомъ незаслуживающими уваженія, слѣдовательно ссылка Цукермана на означенное рѣшеніе не можетъ быть признана въ данномъ случаѣ основательною и притомъ, приведенное въ вопросѣ о подсудимомъ Цукерманѣ, выраженіе: «ложное подъ присягою показаніе на судѣ», хотя оно и употреблено въ 943 ст. улож., для опредѣленія понятія о преступленіи лжесвидѣтельства, само по себѣ принадлежитъ къ выраженіямъ вполнѣ понятнымъ и общеупотребительнымъ въ обыкновенной рѣчи».

Умолчаніе въ вопросѣ суда о подстрекателѣ, къ какому именно ложному свидѣтельскому показанію на судѣ склонялъ онъ данное

лицо, т. е. къ показанію ли подъ присягою или безъ присяги, не измѣняетъ существеннаго значенія преступленія подстрекательства, ибо подговоръ къ лжесвидѣтельству на судѣ такого лица, которое можетъ и обязано по закону давать показанія на судѣ подъ присягою, должно влечь за собою, по ст. 13 и 120, наказаніе для подговорщика за соучастіе въ томъ самомъ преступленіи лжесвидѣтельства, которое дѣйствительно совершено было по его подговору ($^{45}/_{73}$).

943. Статья 943 не можетъ быть примѣнена къ ложнымъ показаніямъ предъ судебною властью такихъ лицъ, которыя являются по дѣлу въ качествѣ лицъ обвиняемыхъ въ томъ самомъ противозаконномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ дѣла ($^{1059}/_{72}$).

Законъ (10 п. 129 ст. улож.) не налагаетъ отдѣльнаго наказанія только за такія ложныя показанія, которыя дѣлаются самими подсудимыми и отнесены къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго и слѣдующее за оное наказаніе; но подкупъ подсудимымъ сторонними людей къ дачѣ ложныхъ показаній составляетъ отдѣльное преступленіе и подвергаетъ его наказанію, какъ подговорщика ($^{1059}/_{72}$).

Вопросы по признакамъ 913 ст.: 1) виновенъ ли Гавриловъ въ дачѣ ложнаго безъ присяги показанія при разбирательствѣ у мироваго судьи дѣла о крестьянкѣ Маріи Калининой? 2) Если виновенъ, то совершилъ ли преступленіе это вслѣдствіе подкупа другимъ лицомъ? ($^{1077}/_{71}$).

975. Статья 975 относится до составленія кому-либо или себѣ ложнаго паспорта и до измѣненія въ настоящемъ паспортѣ имени того, кому онъ выданъ ($^{795}/_{71}$).

Ст. 975 и 976 предусматриваютъ составленіе и употребленіе паспорта, билета, пропуска или другаго на жительство, или же для перехода либо проѣзда вида, т. е. всякаго документа, служащаго для жительства и удостовѣренія личности, безразлично, отъ имени кого онъ будетъ составленъ ($^{4}/_{73}$).

Для состава преступленія, предусм. 975 ст., вовсе не существенно приложеніе фальшивой печати къ подложному виду на жительство ($^{401}/_{69}$), равно не существенно и то, извлекъ ли изъ такого вида виновный пользу или сдѣлалъ ли изъ него употребленіе, или нѣтъ ($^{284}/_{71}$).

976. Ст. 976 предусматриваетъ два однородныя, но различныя преступленія: а) измѣненіе въ *своемъ* или *чужомъ* видѣ срока или мѣстопребыванія и б) употребленіе другимъ лицомъ такого измѣ-

иснаго вида ($^{877}/_{69}$, $^{795}/_{71}$). Предъявленіе измѣненнаго вида составляетъ необходимое условіе втораго, а не перваго преступленія ($^{877}/_{69}$).

Вопросъ: виновна ли подсудимая въ томъ, что, выдавая себя за другое лицо, предъявляла для прописки и удостовѣренія своей личности свидѣтельство отъ имени будто бы дяди ея, зная, что оно ложное? ($^{4}/_{73}$).

977. Ст. 977 предусматриваетъ передачу своего паспорта другому для жительства и употребленіе такого чужаго вида ($^{795}/_{71}$).

Передача подставному лицу, вмѣсто вѣрителя, паспорта послѣдняго равносильна передачѣ своего вида другому лицу, и потому подходитъ подъ дѣйствіе 977 ст. ($^{223}/_{72}$).

990. Подъ 990 ст. подходятъ тѣ случаи, когда кто-либо въ своемъ домѣ или заведеніи постоянно даетъ пристанище игрокамъ, съ знаніемъ цѣли, для которой они собираются, но законъ не требуетъ, чтобы игра производилась непрерывно и чтобы хозяинъ извлекалъ выгоды отъ игры, или чтобы заведеніе было устроено исключительно для игры ($^{1591}/_{70}$).

994. См. *участіе необходимое.*

995. Существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 995 и 996 ст., есть насильственное противоестественное совокупленіе, причемъ безразлично, совершено ли оно надъ мущиною, или надъ женщиною ($^{642}/_{69}$).

997. Слово «порокъ», означая не исключительно только наклонность къ дурному, обратившуюся въ привычку, но и вообще предосудительный поступокъ, употреблено въ ст. 977 въ этомъ послѣднемъ значеніи ($^{1362}/_{72}$).

По дѣлу Костерина (ib.) былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли Костеринъ въ томъ, что 17 октября 1871 года имѣлъ половое совокупленіе съ коровою?» Защитникъ объяснялъ въ кассаціонной жалобѣ, что ст. 998 подвергаетъ наказанію виновныхъ въ *порокѣ* скотоложства, Костеринъ же признанъ виновнымъ въ единичномъ безнравственномъ дѣйствіи, а не въ порокѣ, предполагающемъ наклонность къ извѣстнымъ безнравственнымъ дѣйствіямъ, вслѣдствіе которой эти дѣйствія входятъ въ привычку, что еслибы присяжнымъ засѣдателямъ былъ предложенъ еще второй вопросъ о томъ, изобличается ли Костеринъ дѣяніемъ, означеннымъ въ 1-мъ вопросѣ, въ порокѣ скотоложства, и они дали бы на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, то примѣненіе 977 ст. имѣло бы мѣсто. Правит. сенатъ, «принимая во вниманіе, что слово «по-

рокъ», означалъ не исключительно только наклонность къ дурному, обратившуюся въ привычку, какъ полагаетъ защитникъ подсудимаго, но и вообще предосудительный поступокъ (Словарь Императ. Академіи наукъ, изд. 2, т. III, стр. 791) употреблено въ ст. 997 въ семъ послѣднемъ значеніи, какъ это видно изъ проэкта уложенія 1845 года, въ которомъ объяснено, что постановленіе, изложенное нынѣ въ означенной 997 ст., основано на прежде дѣйствовавшей статьѣ 791 Свод. зак. угол., изд. 1842 года, а по точному смыслу сей статьи, уличенный и въ единичномъ случаѣ скотоложства подвергался наказанію, опредѣленному за это преступленіе, — призналъ вышеобъясненный предметъ жалобы защитника неимѣющимъ законнаго основанія».

1001. Статья эта предусматриваетъ двоякаго рода сочиненія: во-первыхъ, тѣ, которыя имѣютъ цѣлью развращеніе нравовъ, и во-вторыхъ сочиненія, явно противныя нравственности и благопристойности ($^{347}/_{72}$), причемъ признаніе извѣстныхъ описаній или изображеній неблагопристойными зависитъ отъ свойства сочиненія ($^{348}/_{72}$).

На основаніи 151 ст. улож., ст. 1001 должна быть примѣнима и къ сочиненіямъ, не подлежащимъ предварительной цензурѣ ($^{347}/_{72}$).

1035. Законъ различаетъ предусмотрѣнные въ 1035 ст. оскорбительные въ печати отзывы о дѣйствующихъ законахъ и существующихъ установленіяхъ, направленные къ колебанію общественнаго довѣрія, отъ предусмотрѣнныхъ въ 1039 и 1040 ст. оскорбленій въ печати должностныхъ лицъ и установленій (Высочайше утвержденнаго 2 декабря 1866 года мнѣнія Госуд. Совѣта ст. 3). Преступленіе перваго рода, какъ направленное преимущественно къ колебанію общественнаго довѣрія, не обусловливается означеніемъ индивидуально того установленія, о дѣйствіяхъ котораго сдѣланъ оскорбительный отзывъ; оно не теряетъ своего преступнаго характера и въ томъ случаѣ, когда означенъ лишь одинъ родъ или видъ тѣхъ установленій, довѣріе къ которымъ злоумышленно подрывается. Напротивъ того, преступленіе втораго рода, какъ направленное преимущественно къ оскорбленію личному, обусловливается означеніемъ того именно установленія или должностнаго лица, къ которому оскорбленіе обращено (21 декабря 1867 года—Арсеньева и Звенигородскаго).

1039. Статья эта предусматриваетъ опозореніе, заключающееся въ оглашеніи въ печати о частномъ лицѣ такого обстоятельства,

которое можетъ повредить чести, достоинству и доброму имени ($^{1871}/_{71}$). Для опозоренія необходимо, чтобы оскорбленіе добраго имени и чести частнаго лица совершено было оглашеніемъ опредѣлительно указанныхъ въ сочиненіи поступковъ частнаго лица, могущихъ повредить его доброму имени, достоинству и чести (ib.). Ложность обвиненія не входитъ въ составъ существенныхъ признаковъ этого преступленія (ib.), равно и то, чтобы оскорбленное лицо было названо по имени, такъ какъ для примѣненія 1039 и 1040 ст. достаточно такихъ указаній, по которымъ можно опредѣлить, что оскорбленіе относится къ данному лицу (Арсен. и Звенигородскаго).

Ст. 1039 примѣняется къ тому случаю, когда позорящіе факты оглашены въ изданіи подцензурномъ ($^{275}/_{72}$). См. также ст. 1035.

1040 статья предусматриваетъ употребленіе въ печати относительно какого-либо лица оскорбительныхъ отзывовъ, заключающихъ въ себѣ злословіе и брань, безъ указанія опредѣленныхъ позорящихъ честь обстоятельствъ ($^{187}/_{71}$, $^{1659}/_{70}$, $^{1300}/_{70}$), причемъ лицо это можетъ быть названо и вымышленнымъ именемъ, и отъ суда зависитъ признать тожественность его съ лицомъ, выставленнымъ подъ вымышленнымъ именемъ ($^{187}/_{71}$). См. ст. 1039.

1081. Для признанія существованія преступленія, означеннаго въ 1081 ст., необходима наличность умысла (намѣренія) со стороны обвиняемаго, т. е. достовѣрность того обстоятельства, что поврежденіе желѣзной дороги, или положеніе на рельсы ея какого-либо предмета, могущаго угрожать проходящему транспорту (напр. камня), послѣдовали не случайно ($^{226}/_{73}$).

Статья предусматриваетъ такіе случаи поврежденія желѣзныхъ дорогъ, совершая которыя виновный сознавалъ, что проходящій по дорогѣ поѣздъ можетъ подвергнуться опасности ($^{124}/_{73}$).

Къ дѣйствіямъ подсудимыхъ, состоящимъ въ томъ, что «изъ мостовъ Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, находившихся на 162, 163 и 164 верстахъ отъ города Рыбинска, съ умысломъ, вынули болты, которыми были скрѣплены балки тѣхъ мостовъ, зная, что вслѣдствіе такихъ поврежденій проходившіе транспорты были въ опасности подвергнуться несчастью, которое могло наступить не тотчасъ послѣ вынутія болта, а чрезъ нѣкоторое даже продолжительное время», ст. 1081 примѣнена правильно ($^{124}/_{73}$).

1082. Статья эта предусматриваетъ поврежденіе, сдѣланное съ умысломъ подвергнуть поѣздъ неминуемымъ послѣдствіямъ ($^{124}/_{73}$).

Для примѣненія 1082 ст. необходимо, чтобы было доказано не только то, что дорога повреждена (или на нее что-либо положено или брошено) не случайно, а *съ намѣреніемъ*, но и то, что виновный совершилъ означенныя въ 1081 ст. улож. дѣйствія *съ намѣреніемъ подвергнуть опасности* слѣдующій по желѣзной дорогѣ транспортъ ($^{226}/_{73}$).

1085 статья опредѣляетъ отвѣтственность не однихъ кондукторовъ, но и вообще лицъ, которымъ принадлежитъ главный надзоръ за движеніемъ поѣзда (22 ноября 1874 г. — фонъ-Курселя).

1149. Примѣненіе 1149 ст., какъ закона исключительнаго, можетъ имѣть мѣсто лишь въ отношеніи тѣхъ видовъ поддѣлки, которые одинаково возможны какъ по отношенію къ билетамъ Государственныхъ кредитныхъ установленій, такъ и по отношенію собственно къ Государственнымъ кредитнымъ билетамъ, а къ такимъ видамъ поддѣлки 571 ст. улож. относитъ только: во-первыхъ, составленіе подложныхъ, или фальшивыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, билетовъ и, во-вторыхъ, передѣлку настоящихъ билетовъ изъ низшаго въ высшее достоинство, какимъ бы то ни было способомъ. Затѣмъ всѣ остальные виды подлоговъ въ билетахъ государственныхъ или общественныхъ кредитныхъ установленій должны быть подведены подъ дѣйствіе общихъ уголовныхъ законовъ, опредѣляющихъ наказаніе за подлоги въ актахъ и обязательствахъ ($^{453}/_{70}$).

1150. Статья эта предусматриваетъ поддѣлку билетовъ банковъ общественныхъ и частныхъ, учрежденныхъ съ разрѣшенія и утвержденія Правительства ($^{1256}/_{71}$).

1151. Ст. 1151 должна быть распространяема и на подлоги при уплатѣ по займамъ изъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ установленій ($^{660}/_{69}$).

1160. Существенные признаки преступленія, предусм. въ 1160 ст., состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ поддѣлкѣ подъ чужую руку или составленіи всякимъ инымъ способомъ подложнаго векселя отъ имени другаго лица ($^{992}/_{69}$, $^{990}/_{72}$), причемъ поддѣлка бланковой надписи на векселѣ равносильна поддѣлкѣ цѣлаго векселя ($^{901}/_{72}$, $^{389}/_{68}$), и 2) въ требованіи по векселю, составленному подложно или пріобрѣтенному завѣдомо подложнымъ, уплаты денегъ ($^{992}/_{69}$). Несущественные признаки: явка векселя къ засвидѣтельствованію ($^{907}/_{68}$), протестъ его ($^{685}/_{70}$).

Слѣдуетъ ли въ вопросѣ употребить выраженіе: «подписалъ векселъ именемъ и фамиліей такого-то лица» или же: «подписалъ

подъ руку такого-то, зависитъ отъ усмотрѣнія суда, рѣшающаго дѣло по существу (${}^{689}/_{72}$).

Вопросы о составленіи подложнаго векселя и о предъявленіи ко взысканію его, пріобрѣтеннаго завѣдомо подложнымъ, должны быть, на основ. 756 ст. уст., раздѣлены (${}^{992}/_{69}$). См. *раздѣленіе вопр. 2 част. 1160 ст.*: представленіе къ учету подложнаго векселя есть одинъ изъ видовъ требованія платежа (${}^{1622}/_{72}$, ${}^{1237}/_{71}$).

Вопросы: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, имѣя намѣреніе пріобрѣсть не на наличныя деньги товаръ изъ лавки купца Филиппова, съ этою цѣлью написалъ два векселя, отъ 20 іюля 1869 года, по сто руб. каждый, отъ имени купца Абаковскаго, подписалъ векселя именемъ и фамиліей Абаковскаго, сдѣлалъ на нихъ, 6 февраля 1870 г., передаточныя надписи подъ вымышленною фамиліею Бѣляева и передалъ того же 6 февраля эти два векселя купцу Филиппову, въ уплату за полученный въ его лавкѣ товаръ?» (${}^{689}/_{72}$). Или: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, получивъ завѣдомо фальшивый вексель отъ имени купца Севрюгина, передалъ оный, въ обезпеченіе своего долга, крестьянину Алексѣеву, которымъ тотъ вексель и былъ предъявленъ ко взысканію?» (${}^{1988}/_{72}$).

1161. Ст. 1161 предусматриваетъ сдѣланіе на векселѣ передаточной надписи заднимъ числомъ и не можетъ быть примѣняема къ подлѣлкѣ самой надписи, которая равносильна подлѣлкѣ цѣлаго векселя (${}^{389}/_{68}$).

1354. По точному смыслу узаконеній (ст. 74—32 прил. къ ст. 77 т. XI ч. II уст. о пром. фабр. и зав.), налагаемыя на издѣлія россійскаго происхожденія клейма тогда только присвоиваютъ этимъ издѣліямъ опредѣленныя въ законѣ преимущества (ст. 76 означ. уст.), когда клейменіе оныхъ производится согласно установленнымъ на этотъ предметъ правиламъ (тамъ же ст. 77 и прил.), требующимъ между прочимъ, чтобы фабрикантъ или заводчикъ, желающій клеймить свои издѣлія, представлялъ въ департаментъ торговли и манufактуръ образецъ и описаніе клейма, которое онъ намѣренъ налагать на издѣлія. Только къ такого рода дозволеннымъ отъ правительства клеймамъ или знакамъ относится и то опредѣленное въ ст. 78 приведеннаго устава преимущество клейменыхъ издѣлій, которое заключается въ огражденіи клейма отъ подлѣлки, воспрещаемой этою статьей подъ страхомъ наказанія. А такъ какъ въ 1354 ст. улож. содержится тотъ же самый законъ, какой изображенъ въ 78 ст. уст. о пром. фабр. и завод., то посему означен-

ная статья уложенія можетъ быть примѣнялема къ тѣмъ лишь случаямъ, когда преслѣдуется поддѣлка такихъ, прикладываемыхъ къ издѣліямъ, клеймъ или знаковъ, образцы которыхъ были надлежащимъ порядкомъ представлены въ свое время въ департаментъ торговли и мануфактуръ и симъ правительственнымъ установленіемъ дозволены къ употребленію производителю издѣлій (914/70).

Статья 1354 распространяется и на поддѣлку клеймъ иностранныхъ фабрикантовъ тѣхъ государствъ, которыя заключили съ Россіею трактаты по этому предмету (514/70).

1441. Помѣщеніе въ вопросѣ о виновности: «*умышленно* написалъ не то время рожденія» какое значилось въ метрической книгѣ, исключаетъ необходимость включать въ вопросъ то обстоятельство, что подсудимый зналъ, выдавая метрическую выпись объ извѣстномъ лицѣ, о рожденіи его не въ томъ году, въ которомъ означено въ выписи, такъ какъ приведенныя слова ясно выражаютъ обвиненіе объ извѣстности настоящаго времени рожденія (1231/72).

Явка съ повинною составляетъ обстоятельство, особо уменьшающее вину, и потому о ней долженъ быть постановленъ частный вопросъ (1082/70).

Вопросы: «виновенъ ли подсудимый священникъ Константинъ Осиповъ Соколовъ въ томъ, что, по просьбѣ мѣщанина Спиридона, выдалъ ему метрическую выписку о рожденіи брата Спиридона, Михаила, въ коей умышленно написалъ время рожденія Михаила Спиридона въ 1840 году, тогда какъ онъ рожденъ въ 1843 году и записанъ въ метрическую за этотъ годъ книгу (1231/72).

1451. 2-я часть 1451 ст. можетъ быть примѣнена и къ замужнимъ женщинамъ, виновнымъ въ убійствѣ незаконнорожденныхъ ими дѣтей (1021/72).

Вопросъ по 2 ч. 1451 ст.: «виновна ли подсудимая въ томъ, что безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, отъ стыда или страха, нанесла незаконнорожденному ею ребенку, при самомъ рожденіи его, по головѣ удары, отъ которыхъ онъ умеръ?» (1021/72).

1453. Ст. 1453 предусматриваетъ различные виды убійствъ, совершенныхъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и при особенныхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (98/71, 1511/72).

Заранѣе обдуманное намѣреніе на убійство составляетъ необходимое условіе для примѣненія 1452 и 1453 ст. (1037/69, 1177/72) и должно быть во всякомъ случаѣ разрѣшено присяжными (531/69, 1177/72 и др.).

Убійство для ограбленія составляетъ одно преступленіе, а не

два, и потому долженъ быть поставленъ одинъ вопросъ ($^{329}/_{67}$). Но если возбуждается сомнѣніе въ цѣли убійства, то объ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ ставить отдѣльный вопросъ ($^{956}/_{72}$).

Вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 13 января 1871 г., вмѣстѣ съ прочими, задумавъ заранѣе лишить жизни Ивана Червенкова, зазвалъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ и задушилъ веревкою?» ($^{1511}/_{72}$).

1454. Существенное условіе для примѣненія 1454 ст. — признаніе, что убійство совершено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ ($^{531}/_{69}$).

Вопросъ: «виновенъ ли Карпъ Семеновъ въ томъ, что, задумавъ заранѣе убійство Чипенова, привелъ свое намѣреніе въ исполненіе 9 іюня 1871 года, нанеся ему смертельный ударъ въ голову?» ($^{974}/_{72}$).

1455 Существенный признакъ ст. 1455, отличающій ее отъ ст. 1484, состоитъ въ сознаніи подсудимаго, что онъ своими дѣйствіями посягаетъ на жизнь другаго ($^{522}/_{70}$). Въ вопросахъ по 1455 ст. должно быть означено, что подсудимый, нанося ударъ, имѣлъ намѣреніе лишить жизни. О кр. Кольцовѣ ($^{283}/_{73}$) былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 7 октября, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости и раздраженіи, но однако и не случайно, причинилъ крестьянину Бредову смерть ударомъ въ лѣвый бокъ, отчего произошелъ разрывъ селезенки и подрывъ лѣвой почки?» Сенатъ нашелъ, что «изъ отвѣтовъ присяжныхъ на предложенные имъ вопросы не видно того, чтобы они признали, что Кольцовъ, нанося побои Бредову, имѣлъ намѣреніе лишить его жизни, а вслѣдствіе того судъ не имѣлъ основанія подводить дѣянія Кольцова подъ силу 1455 ст. улож (по прод. 1872 г.), такъ какъ по точному смыслу отвѣта присяжныхъ онъ признанъ виновнымъ не въ умышленномъ убійствѣ, а въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ Бредову (1489 ст.), послѣдствіемъ коихъ была смерть послѣдняго (1490 ст.)».

1459. При обвиненіи по 1459 ст., судъ обязанъ постановить два вопроса—одинъ о виновности въ преступленіи, при совершеніи котораго было учинено убійство, и другой — объ убійствѣ ($^{619}/_{71}$). По дѣлу Маринина (ib.) преданнаго суду по 1459 ст., были поставлены два вопроса: объ открытомъ отнятіи денегъ у рядоваго Савельева и о нанесеніи при-этомъ сему послѣднему такихъ ударовъ острымъ оружіемъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть

его, сенатъ нашелъ, что окружной судъ имѣлъ право и по 756 ст. уст. обязанъ былъ при постановленіи вопросовъ о виновности подсудимаго указать каждое изъ двухъ преступленій въ отдѣльныхъ вопросахъ.

При обвиненіи подсудимаго, во-первыхъ, въ вооруженной кражѣ, сопровождавшейся предусмотрѣнными въ 1654 ст. обстоятельствами и, во-вторыхъ, въ нанесеніи, при-этомъ, смертельной раны пожемъ хотѣвшему задержать его караульщику, который отъ той раны умеръ, послѣднее преступленіе, состоящее въ прямой связи съ первымъ, являетъ собою видъ убійства, предусмотрѣнный 2 ч. 1459 ст. улож., именно умышленное убійство, учиненное для избѣжанія поимки при содѣяніи преступленія ($^{375}/_{72}$).

1460. Статья 1460 предусматриваетъ одинъ изъ видовъ дѣтоубійства, а именно: оставленіе матерью, вслѣдствіе стыда и страха, незаконнорожденнаго ею ребенка въ безпомощномъ состояніи, вслѣдствіе чего ребенокъ лишился жизни. Статья эта караетъ такое дѣяніе, которое, завѣдомо для матери, должно имѣть непремѣннымъ или вѣроятнымъ послѣдствіемъ лишеніе жизни незаконнорожденнаго ребенка. Поэтому законъ этотъ не можетъ быть примѣненъ къ слѣдующимъ фактамъ: «не виновна ли подсудимая въ томъ, что, почуя въ одной комнатѣ съ лицомъ женскаго пола и чувствуя приближеніе родовъ, не обратилась за помощью къ ней или къ другому лицу, слѣдствіемъ чего была смерть ребенка» ($^{334}/_{72}$).

2 ч. 1460 ст. относится и къ тѣмъ случаямъ, когда мать скроетъ тѣло такого ребенка, который хотя и родился живымъ, но умеръ тотчасъ послѣ родовъ ($^{1626}/_{72}$).

Вопросъ по признакамъ 2 ч. 1460 ст.: «виновна ли подсудимая въ томъ, что когда родившійся ребенокъ умеръ, по причинамъ отъ нея независящимъ, то она, желая утаить роды, скрыла тѣло младенца въ проруби рѣки Днѣпра, вмѣсто того, чтобы заявить о томъ кому слѣдовало?» ($^{1626}/_{72}$).

1464. Статья 1464, помѣщенная въ отдѣлѣ о смертоубійствѣ, по точному смыслу ея, изъясненному Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государств. Совѣта 16 ноября 1849 г., имѣетъ въ виду такіе насилія и побои, которые, по всей вѣроятности, не могли подвергнуть жизнь опасности и только по стеченію особыхъ обстоятельствъ причинили смерть, а это иногда можетъ произойти и отъ одного удара, нанесеннаго случайно на нѣжную и большую часть тѣла ($^{291}/_{70}$).

Выраженіе: «съ намѣреніемъ» составляетъ юридическій терминъ, противополагаемый неосторожности (560/70).

Вопросъ по признакамъ 1464 ст.: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости и раздраженіи, но однакожъ умышленно, нанесъ крестьянину Полякову три удара рукою по шеѣ, которые произвели расторженіе связи головнаго черепа съ позвоночнымъ столбомъ, сопровождавшееся смертью?» (531/72).

1465. Статья 1465 предполагаетъ, что драка происходила между двумя сторонами болѣе или менѣе равными и что ни одна изъ нихъ не была лишена средствъ къ защитѣ (565/69).

Преступленіе, предусмотрѣнное 1465 ст., относится къ числу смертоубійствъ отъ неосторожности, что выражается словами закона: «если въ начавшейся безъ всякаго намѣренія на совершеніе убійства дракѣ причинится кому-либо смерть» (11/71).

Редакція вопроса: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ начавшейся между нимъ и крестьяниномъ Пономаревымъ дракѣ, безъ всякаго намѣренія на убійство, нанесъ Пономареву такіе побои, послѣдствіемъ которыхъ была смерть Пономарева», совершенно проста и доступна пониманію присяжныхъ (829/70).

Обозначеніе въ вопросѣ по 1465 ст. того, какіе были нанесены побои въ дракѣ, и умышленно или безъ умысла, не должно имѣть мѣста, такъ какъ въ статьѣ этой ни о свойствѣ побоевъ или поврежденій, ни объ умыслѣ не упоминается (829/70).

1466. Дѣяніе, отъ котораго произошла смерть, должно быть воспрещено закономъ (560/70).

Дѣйствіе, признаваемое противнымъ постановленіямъ, ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ, обозначается въ вопросѣ обыкновенно фактическими признаками. Таковыми дѣйствіями признаны: а) недостаточное прикрѣпленіе вывѣски, которая, сорвавшись, причинила смерть проходившему лицу (426/71); б) неустройство шлагбаумовъ при путяхъ, пролегающихъ чрезъ желѣзную дорогу, вслѣдствіе чего произошла смерть; в) неосторожная ѣзда, послѣдствіемъ коей была смерть (160/72); г) держаніе у себя мышьяка, неожиданнымъ послѣдствіемъ чего была смерть (592/69); д) оставленіе безъ перестройки фабричнаго зданія, покачнувшагося и трещавшаго отъ непрочности сооруженія, послѣдствіемъ чего было разрушеніе зданія и причиненіе смерти работавшей тамъ крестьянкѣ (1565/72).

1468 статья предусматриваетъ совершеніе дѣяній, хотя и явно

неосторожныхъ, но не воспрещенныхъ закономъ и такого рода, что отъ нихъ нельзя было ожидать вредныхъ послѣдствій, а потому она не должна быть примѣняема къ проступку служащаго на желѣзной дорогѣ лица, признаннаго виновнымъ въ нарушеніи предписанныхъ ему правилъ, постановленныхъ въ огражденіе несчастій на желѣзныхъ дорогахъ (22 ноября 1874 г., фонъ-Курселя).

Явно неосторожными дѣяніями признаны: а) ветхое положеніе потолка на фабрикѣ и допущеніе туда рабочихъ, безъ принятія мѣръ предосторожности для отвращенія грозившей опасности, вслѣдствіе чего послѣдовала смерть нѣкоторыхъ рабочихъ ($^{1354}/_{72}$); б) загибъ въ шутку ногъ къ головѣ, безъ принятія надлежащихъ мѣръ предосторожности, послѣдствіемъ чего была смерть ($^{306}/_{67}$); в) непринятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности для предупрежденія столкновенія между пароходами, вслѣдствіе чего причинилась кому-либо смерть ($^{1657}/_{70}$).

1475 статья караетъ умышленное побужденіе однимъ лицемъ другаго къ самоубійству ($^{160}/_{68}$).

1476. Законъ этотъ караетъ виновныхъ за такое жестокое съ ввѣреннымъ ихъ попеченію лицомъ обращеніе, которое довело его до отчаянія, выразившагося въ посягательствѣ на собственную свою жизнь ($^{160}/_{68}$).

Подъ дѣйствіе 1476 ст. подходитъ также совершеніе малолѣтнимъ, вслѣдствіе указанныхъ въ статьѣ причинъ, не посягательства на самоубійство, а какого-либо другаго преступленія ($^{160}/_{68}$).

Вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что чрезъ явное, соединенное съ жестокостью, злоупотребленіе своей родительской власти побудилъ дочь свою Ольгу къ самоубійству? ($^{160}/_{68}$).

1477. Подъ увѣчьями тяжкими законъ разумѣетъ такія, которыя, производя важное въ тѣлесныхъ способностяхъ поврежденіе, лишаютъ потерпѣвшаго отъ преступленія человѣка дѣйствія какого-либо органа, или окончательно разстраиваютъ отправленіе какой-либо существенной части организма, тогда какъ менѣе тяжкія увѣчья могутъ имѣть послѣдствіемъ лишь временное, болѣе или менѣе продолжительное, разстройство организма (^{1072} 72).

Проводя разграниченіе между тяжкими и менѣе тяжкими увѣчьями, законъ не имѣлъ въ виду, исчисляя въ ст. 1477 различные виды тяжкихъ увѣчій, ограничивать виды эти только этимъ исчисленіемъ и выставилъ ихъ какъ виды, безусловно причисляе-

мые къ тяжкимъ увѣчьямъ и наиболѣе опредѣляющіе характеръ этихъ увѣчій (1072/72).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ увѣчьи, непоименованномъ въ ст. 1477 (напр. переломъ челюсти), однимъ словомъ, когда признаніе увѣчья тяжкимъ зависитъ отъ вліянія онаго на здоровье человѣка, вопросъ о свойствѣ нанесеннаго увѣчья, какъ вопросъ о фактѣ, долженъ быть разрѣшенъ присяжными засѣдателями (1072/72).

1478. Менѣе тяжкія увѣчья суть тѣ, которыя могутъ имѣть послѣдствіемъ лишь временное, болѣе или менѣе продолжительное, разстройство организма (1072/72). См. ст. 1477.

1480 статья предусматриваетъ причиненіе увѣчья или обезображенія не побоями, а иными насильственными дѣйствіями; упоминаемое въ ст. этой предвидѣніе послѣдствій своего дѣянія равносильно умыслу, слѣдовательно законъ этотъ имѣетъ въ виду только умышленное нанесеніе увѣчья или обезображенія (430/68).

Вопросъ: виновенъ ли подсудимый мѣщанинъ Матушкинъ въ нанесеніи крестьянину Мозжухину тяжкаго увѣчья, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, а въ запальчивости, но однако и не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія? (180/68).

1481. Во всѣхъ статьяхъ уложенія, опредѣляющихъ взысканіе за нанесеніе ранъ, съ точностію обозначается, была ли рана тяжкая или легкая (ст. 1481—1485); поэтому въ вопросахъ присяжнымъ должно быть непремѣнно упомянуто о свойствѣ раны, т. е. была ли она тяжолая или легкая (91/66, 280/73).

Предумышленность, означенная въ 1481 ст., должна быть непремѣнно признана присяжными (1440/72).

Относительно того, должно ли вопросъ о свойствѣ раны ставить особо отъ главнаго или же включать его въ этотъ послѣдній, въ практикѣ не существуетъ однообразія. Окружные суды то включаютъ этотъ признакъ въ главный вопросъ, то ставятъ его отдѣльно и притомъ въ альтернативной формѣ (68/69).

1482. См. ст. 1481.

1483. Для примѣненія 1483 ст. необходимо: нанесеніе раны или иного поврежденія (930/71), въ запальчивости или раздраженіи (567/68, 1037/69) или же хотя и не въ запальчивости и раздраженіи, но умышленно, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія (567/68, 930/71). По ст. 1483, раны и поврежденія раздѣляются на тяжкія и легкія; посему раздѣленіе ихъ въ вопросѣ на «тяжкія, довольно тяжкія и легкія» не правильно (681/69). Вопросъ о томъ, была ли рана

тяжкая или легкая, долженъ быть разрѣшенъ непремѣнно присяжными и судъ не имѣетъ права опредѣлять своею властію свойства раны, предложивъ на утвержденіе присяжныхъ одно описаніе раны, напр., что «рана въ два дюйма длиною, въ 2 линіи шириною, проникающая въ глубину до кости и отъ которой потерпѣвшій лечился въ клиникѣ 16 дней» (280/73).

Слово «поврежденіе» безспорно общеупотребительное и всѣмъ понятное (533/67).

Слѣдующій вопросъ признанъ формулированнымъ недостаточно ясно: «виновенъ ли крестьянинъ, нынѣ матросъ 1 флотскаго экипажа, Анисимъ Антоновъ, въ томъ, что 11 января 1870 г. нанесъ въ запальчивости крестьянину Сергѣю Ермолаеву ударъ коломъ по головѣ, съ намѣреніемъ причинить ему тяжкую рану?» Защитникъ въ кассаціонной жалобѣ указывалъ на то, что въ отвѣтѣ присяжныхъ, утвердившихъ означенный вопросъ, вовсе не признано, чтобы Антоновъ нанесъ тяжкую рану, а говорится только о намѣреніи причинить тяжкую рану, но намѣреніе не есть еще самое дѣйствіе. Сенатъ, съ своей стороны, также нашелъ неточность въ изложеніи вопроса, такъ какъ въ немъ фактъ причиненія Ермолаеву Антоновымъ тяжкой раны формулированъ недостаточно ясно (629/71).

1484 статья предусматриваетъ предумышленное или умышленное нанесеніе увѣчья и ранъ, вслѣдствіе которыхъ послѣдовала смерть, а не умышленное нанесеніе побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1464 ст. улож. (531/72, 271/70).

1 часть 1484 ст. предусматриваетъ совершеніе преступленія съ предумышленіемъ, которое должно быть положительно признано присяжными, умышленное же совершеніе предусмотрѣно 2 ч. той же статьи (1449/72). Существенные признаки преступленія, предусмотрѣннаго 2 ч. 1484 ст., заключаются въ нанесеніи умышленно ранъ, а не смерти, которая должна быть непредвидѣннымъ послѣдствіемъ ранъ (1057/72).

Выраженіе *умышленно* противополагается заранѣе обдуманному намѣренію и означаетъ внезапный, но сознательный умыселъ нанести увѣчье или раны (560/70).

Въ вопросѣ по 1484 ст. должно быть употреблено выраженіе «умышленно», а не «съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія» (1017/72). По дѣлу Гриневича (ib.), преданнаго суду по 2 ч. 1484 ст., были предложены слѣдующіе вопросы: «1) виновенъ ли под-

судимый въ томъ, что нанесъ крестьянину Клѣтчикову двѣ тяжкія раны въ животъ, въ запальчивости или раздраженіи, но однако не случайно, *а зная, какія могутъ быть отъ сего послѣдствія для Клѣтчикова?* и 2) если виновенъ, то отъ нанесенныхъ ли имъ ранъ послѣдовала смерть Клѣтчикова?» Товарищъ прокурора въ протестѣ указывалъ на то, что судъ неправильно замѣнилъ употребленное въ обвинительномъ актѣ выраженіе «умышленно» словами: «зная, какія могутъ быть отъ сего послѣдствія для Клѣтчикова», ибо такая замѣна совершенно измѣнила составъ преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый, и имѣла послѣдствіемъ оправданіе его присяжными. Сенатъ нашелъ, что выраженія «умышленно» и «съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія» могутъ имѣть приблизительно одинаковыя значенія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выраженія эти относятся къ отдѣльнымъ преступнымъ дѣяніямъ, не имѣвшимъ какихъ-либо особыхъ предусмотрѣнныхъ въ законѣ послѣдствій. Но когда преступное дѣяніе, въ которомъ обвинялся подсудимый, имѣло такое послѣдствіе, которое по закону измѣняетъ составъ преступленія обвиняемаго, то очевидно, что судъ не могъ употребить безразлично то или другое выраженіе. Доказательствомъ сего служитъ настоящее дѣло. Подсудимый Гриневичъ обвинялся въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1484 ст., а именно въ томъ, что умышленно нанесъ потерпѣвшему лицу тяжкія раны, послѣдствіемъ коихъ, ненамѣреннымъ со стороны подсудимаго, была смерть потерпѣвшаго. Раздѣливъ вопросъ по этому обвиненію на два, судъ въ первомъ вопросѣ относительно виновности обвиняемаго въ нанесеніи ранъ могъ употребить только выраженіе «умышленно», которое, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта присяжныхъ засѣдателей, какъ на этотъ вопросъ, такъ и на второй—о томъ, послѣдовала ли смерть потерпѣвшаго отъ этихъ ранъ, соотвѣтствовало бы дѣянію, предусмотрѣнному въ обвинительномъ актѣ и 2 ч. 1484 ст. улож., существенные признаки коего заключаются въ нанесеніи умышленно ранъ, а не смерти, которая, какъ выше сказано, должна быть непредвидѣннымъ послѣдствіемъ ранъ. Между тѣмъ если слово «умышленно» замѣнить въ первомъ вопросѣ выраженіемъ: «зная, какія могли быть послѣдствія этихъ ранъ для пострадавшаго», то, при утвердительномъ отвѣтѣ на оба вопроса, подсудимый окажется виновнымъ не въ преступленіи, въ коемъ онъ обвинялся, а въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1455 ст. улож., такъ какъ совокупность фактовъ, заключающихся въ обоихъ вопросахъ, обвинила бы подсудимаго въ томъ,

что онъ, нанося раны, имѣвшія послѣдствіемъ смерть, зналъ при этомъ, что онъ посягаетъ на жизнь другаго. Поэтому правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда.

Въ вопросѣ должно быть точно означено, что именно было нанесено подсудимымъ потерпѣвшему, раны или увѣчья, или то и другое вмѣстѣ; употребленіе же вопроса альтернативнаго выраженія «раны или увѣчья» вноситъ въ вопросы неопредѣленность. По дѣлу Немѣшаева и Рѣшетниковой ($^{705}/_{70}$), былъ постановленъ между прочимъ вопросъ: «если невиновенъ по первому вопросу, то невиновенъ ли въ томъ, что безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ запальчивости или раздраженіи, но однакожъ умышленно, причинилъ раны или увѣчья, вслѣдствіе которыхъ Зайцевъ умеръ?» Относительно употребленія въ вопросѣ выраженія: «раны или увѣчья» сенатъ нашелъ, что оно составляетъ отступленіе отъ требованія закона, такъ какъ въ дѣйствительности могло быть или то и другое вмѣстѣ, или же что-нибудь одно изъ двухъ; приведенное же въ вопросѣ двойное обвиненіе внесло въ вопросы неопредѣленность и представило дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто-бы слѣдствіемъ не обнаружено даже и того, въ чемъ именно обвиняются подсудимые. Въ вопросахъ, постановляемыхъ по фактическимъ признакамъ, указаніе на причину, вызвавшую раздраженіе, представляется правильнымъ. По дѣлу Бѣляева ($^{1202}/_{72}$), постановленъ былъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый пономарь Николай Петровъ Бѣляевъ, 29 лѣтъ, въ томъ, что 23 декабря 1871 года, получивъ отказъ отъ крестьянина Афанасія Иванова Короченкова возвратить ему, Бѣляеву, деньги три рубля, въ раздраженіи, но, сознавая, что онъ дѣлаетъ, нанесъ Короченкову твердымъ задкомъ калоши по головѣ раны, отъ которыхъ Короченковъ умеръ?» Сенатъ, замѣтивъ, что вопросъ этотъ постановленъ по признакамъ 1484 ст., нашелъ, что заявленное защитникомъ требованіе объ исключеніи изъ этого вопроса словъ, указывающихъ на причину раздраженія, не могло быть уважено въ виду того, что, по 754 ст. уст., вопросы присяжнымъ предлагаются по фактическимъ признакамъ преступленія и потому судъ поступилъ вполнѣ правильно, упомянувъ въ вопросѣ о причинахъ, вызвавшихъ раздраженіе въ Бѣляевѣ.

1485 статья предусматриваетъ неосторожное и безъ всякаго намѣренія причиненіе увѣчья и ранъ во время ссоры или драки, притомъ когда не одинъ, а нѣсколько лицъ участвовали въ на-

сильственныхъ противъ пзувѣченнаго дѣйствіяхъ ($^{535}/_{67}$, $^{171}/_{69}$). Но сила ст. 1485 распространяется и на случай нанесенія увѣчья въ ссорѣ или дракѣ непосредственно одного лица съ другимъ (ib.).

Вопросъ, признанный постановленнымъ по признакамъ 1485 ст.: «если Бѣляевъ невиновенъ по 1-му вопросу, то невиновенъ ли въ томъ, что когда на требованіе его, Бѣляева, отъ Короченкова обратно своихъ денегъ, трехъ рублей, послѣдній отказалъ ему въ этомъ, то въ происшедшей по поводу сего ссорѣ или дракѣ, не имѣя намѣренія убить Короченкова, нанесъ ему такія раны, отъ которыхъ Короченковъ померъ?» ($^{1202}/_{72}$).

1486 статья предусматриваетъ умышленное разстройство въ здоровьи; въ ней случаи, когда разстройство здоровья или болѣзнь будутъ признаны неизлечимыми, сравнены по наказанію съ тяжкими увѣчьями, а прочіе случаи разстройства здоровья съ менѣе тяжкими увѣчьями ($^{1072}/_{72}$) [1]).

1489. Существенные признаки: а) тяжесть нанесенныхъ побоевъ и б) опасность ихъ для жизни побитаго ($^{114}/_{68}$). Признаки эти должны быть непремѣнно помѣщены въ вопросахъ и признаны присяжными (ib.).

Нанесеніе побоевъ предполагаетъ намѣреніе или умыселъ ($^{430}/_{68}$, $^{920}/_{72}$, $^{967}/_{72}$). Употребленное въ 1489 ст. выраженіе «съ умысломъ», а не «по внезапному побужденію» соотвѣтствуетъ свойству преступленія, которое совершается не иначе, какъ съ намѣреніемъ (бить кого-либо) и указываетъ на то, что побои должны быть признаны нанесенными сознательно ($^{747}/_{68}$), при явной невозможности повторять на комъ-либо нѣкоторое время удары безъ намѣренія нанести ему вредъ или страданіе ($^{1203}/_{72}$).

Вопросъ объ умыслѣ долженъ быть непремѣнно разрѣшенъ присяжными ($^{473}/_{67}$). Но въ рѣшеніи по дѣлу Петрухина ($^{1716}/_{71}$) сенатъ нашелъ, что въ вопросѣ о виновности въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ вовсе не должно быть упоминаемо объ умыслѣ, такъ какъ побои, причиненные человѣкомъ, находящимся въ состояніи вмѣняемости, могутъ быть нанесены только умышленно, и выраженіе «съ умысломъ» должно быть понимаемо не въ томъ смыслѣ, что законъ отличаетъ умышленность отъ неумышленности при причиненіи побоевъ, слѣдовательно, какъ бы признаетъ возможность нанесенія ихъ безъ умысла, а въ томъ смыслѣ, что причиненіе по-

[1]) Въ текстѣ рѣшенія означена 1480 ст. улож., но это, видимо, опечатка.

боевъ наказуемо при сознательномъ состояніи виновнаго въ ихъ нанесеніи и при знаніи что побои причиняются имъ другому лицу.

Отличительный признакъ ст. 1489 заключается въ томъ, что насильственное дѣйствіе, ею предусмотрѣнное, отличается особою продолжительностью или жестокостью, независимо отъ того, послѣдовалъ ли и какой вредъ для здоровья потерпѣвшаго, а также, съ какимъ намѣреніемъ или цѣлью дѣяніе это совершено ($^{317}/_{72}$, 2 ноября 1874 г., по дѣлу Алексѣева).

Состояніе запальчивости и раздраженія при нанесеніи побоевъ можетъ имѣть вліяніе только на мѣру наказанія; поэтому постановка вопроса о томъ: не былъ ли подсудимый при нанесеніи побоевъ въ запальчивости и раздраженіи, не можетъ имѣть мѣста ($^{747}/_{68}$, $^{323}/_{70}$). Но въ рѣшеніи по дѣлу Камбергъ (4 мая 1873 г. указ.) сенатъ призналъ, что въ виду того, что въ 1489 ст. полагаются разныя степени наказанія, причемъ должны быть принимаемы въ соображеніе нетолько большая или меньшая жестокость и степень причиненнаго вреда, но и другія сопровождавшія преступное дѣяніе обстоятельства, а въ числѣ ихъ не можетъ не имѣть значенія и вопросъ о томъ, нанесены ли они обдуманно, или вслѣдствіе сильнаго раздраженія, въ вопросахъ должно быть упомянуто о степени злаго умысла.

Такъ какъ опасность отъ побоевъ жизни потерпѣвшаго входитъ въ существенные признаки преступленія, то обстоятельство это должно быть помѣщено въ главномъ, а отнюдь не въ дополнительномъ вопросѣ ($^{194}/_{69}$). Но въ рѣшеніи по дѣлу Тришѣева и Горенкова (30 января 1875 г. «Сенат. Вѣд.» $^{92}/_{75}$) сенатъ призналъ, что хотя вопросы о томъ, были ли побои, нанесенные подсудимымъ потерпѣвшему лицу, тяжкіе или легкіе и подвергали ли тяжкіе побои опасности жизнь потерпѣвшаго, должны быть предложены присяжнымъ, но предлагать эти вопросы—отдѣльно или въ одномъ главномъ вопросѣ зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

Подъ «истязаніями» разумѣется такое посягательство на личность человѣка, которое сопровождалось мученіемъ и жестокостью ($^{1413}/_{70}$, $^{552}/_{69}$, $^{491}/_{72}$). Мученіе и жестокость должны представлять высшую и притомъ болѣе продолжительную степень страданія, нежели при обыкновенномъ насиліи и побояхъ, хотя бы и тяжкихъ ($^{491}/_{72}$); но при этомъ законъ вовсе не требуетъ, чтобы мученіе и жестокость подвергали опасности жизнь и здоровье истязуемаго ($^{1413}/_{70}$, $^{491}/_{72}$). Слова: «подвергающіе жизнь опасности» относятся

только къ побоямъ и не распространяются на предусмотрѣнныя въ этой статьѣ истязанія и мученія ($^{84}/_{71}$).

Въ вопросахъ о виновности въ причиненіи истязаній не должно быть упоминаемо объ опасности для жизни истязуемаго ($^{875}/_{69}$).

Слово «истязаніе» сенатъ признаетъ «до нѣкоторой степени» юридическимъ терминомъ. Въ вопросахъ обозначаются обыкновенно тѣ дѣйствія, въ которыхъ выразилось это понятіе, и такая постановка вопросовъ не признается неправильною ($^{330}/_{72}$). Впрочемъ, употребленіе этого выраженія допускается, если наряду съ нимъ помѣщены фактическіе признаки, въ которыхъ осуществляется понятіе объ истязаніяхъ ($^{534}/_{71}$, $^{1407}/_{72}$). Слѣдующіе фактическіе признаки признаны подходящими подъ понятіе объ истязаніяхъ: дѣйствія подсудимаго, заключавшіяся въ томъ, что онъ, бросившись на потерпѣвшаго, связалъ ему руки и ноги, душилъ его, переломилъ въ горлѣ кость и завязалъ ротъ и носъ ($^{454}/_{70}$); надѣвъ на шею жены своей веревочную петлю и привязавъ конецъ веревки къ ножкѣ стола, давилъ жену петлею ($^{875}/_{69}$); приковалъ своего сына къ столу цѣпью и держалъ его въ такомъ положеніи въ первый разъ въ теченіе 5-ти, а во второй въ теченіе 4-хъ дней ($^{317}/_{72}$); сѣченіе розгами, отъ 40 до 80 ударовъ, отъ которыхъ остались синебагровыя кровавыя полосы ($^{491}/_{72}$); сѣченіе одиннадцатилѣтняго мальчика розгами и кнутомъ, съ цѣлью добиться отъ него сознанія въ кражѣ денегъ ($^{1054}/_{72}$), вообще сѣченіе розгами ($^{1228}/_{72}$) [1]); совершеніе часто повторявшихся, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, насильственныхъ дѣйствій, причинявшихъ мучительныя страданія, хотя бы и не представлявшія опасности для жизни (9 августа 1873 г. Хрѣнова. Указ.); дѣйствія, заключавшіяся въ томъ, что подсудимый повалилъ потерпѣвшую на землю, тащилъ ее за волоса въ избу, а потомъ приковалъ за ногу желѣзнымъ путомъ и держалъ въ такомъ положеніи отъ времени обѣда до вечера, пока сельское начальство не приказало ее расковать (15 января 1875 г. Гнотенко. «Суд. В.», $^{92}/_{75}$).

[1]) Но въ рѣшеніи по дѣлу Хомутовыхъ и Іевлева (28 сентября 1874 г.) сенатъ разъяснилъ, что сѣченіе розгами не должно быть признаваемо при всякихъ обстоятельствахъ преступленіемъ, предусмотрѣннымъ 1489 ст., и что для разрѣшенія вопроса о томъ, составляетъ ли въ каждомъ данномъ случаѣ сѣченіе розгами истязаніе, насиліе или болѣе или менѣе тяжкіе побои, необходимо, чтобы судъ, рѣшающій дѣло по существу, опредѣлилъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ признаки разсматриваемаго дѣянія и обстоятельства, сопровождавшія оное.

Жалоба на постановку вопросовъ по законнымъ, а не по фактическимъ признакамъ, оставляется сенатомъ безъ послѣдствій, если сторона не возражала на судѣ противъ редакціи вопросовъ. По дѣлу Клячкина ($^{1487}/_{72}$) былъ предложенъ вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что подвергалъ дочь свою Хаю-Этту Клячкину истязаніямъ и съ умысломъ нанесъ ей тяжкіе, подвергавшіе жизнь ея опасности, побои»? Защитникъ жаловался, что въ вопросахъ употреблены юридическіе термины, безъ указанія соотвѣтствующихъ имъ фактическихъ признаковъ преступленія. Сенатъ нашелъ, что защитникъ подсудимаго, по прочтеніи на судѣ проекта вопросовъ не сдѣлалъ противъ редакціи ихъ никакихъ возраженій, а затѣмъ не имѣетъ права жаловаться на нарушеніе въ постановкѣ вопросовъ.

1490. Разстройство въ умственныхъ способностяхъ ($^{603}/_{70}$), а также причиненіе увѣчья, предусм. 1490 ст., должно быть признано присяжными ($^{713}/_{72}$).

Причиненіе увѣчья и—поврежденія умственныхъ способностей, какъ послѣдствіе побоевъ, означенныхъ въ 1489 ст., не составляютъ двухъ преступленій а одно, предусмотрѣнное 1490 ст. ($^{603}/_{70}$).

Статья 1490 можетъ быть примѣнима къ виновнымъ въ нанесеніи такихъ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть потерпѣвшаго, побоевъ, угрожавшихъ опасностью жизни, а не къ виновнымъ въ нанесеніи побоевъ, вслѣдствіе которыхъ причинилась смерть, что предусмотрѣно 1464 ст. ($^{390}/_{70}$). Поэтому въ вопросахъ, поставленныхъ по 1490 ст., должно быть означено, что побои подвергали опасности жизнь потерпѣвшаго (ib.). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ вопросахъ должно быть означено, что побои были настолько подвергавшіе жизнь опасности, но и *тяжкіе*, ибо при отсутствіи этого послѣдняго признака нанесеніе побоевъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть, подходитъ не подъ 1489, а подъ 1464 ст. ул. (3 ноября 1873 г. Дроботовыхъ. Указ.).

Въ вопросахъ должно быть упомянуто о степени злаго умысла, обнаружившагося при нанесеніи побоевъ, т. е. о томъ, нанесены ли они обдуманно или вслѣдствіе сильнаго раздраженія, такъ какъ при обвиненіи въ нанесеніи смертельныхъ побоевъ присяжные могутъ отвергнуть причиненіе смерти и оставить одно обвиненіе въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ; въ этомъ же послѣднемъ случаѣ должно быть принимаемо во вниманіе, нанесены ли побои обдуманно или вслѣдствіе сильнаго раздраженія (4 мая 1873 года, Канбергъ. Указ.). Но въ рѣшеніи по дѣлу Боровика (16 января

1875 г «Суд. В.» $^{63}/_{75}$) сенатъ высказъ, что отказалъ въ ходатайствѣ защитника подсудимаго, обвинявшагося по 1490 ст., о постановкѣ дополнительнаго вопроса присяжнымъ о томъ, не дѣйствовалъ ли подсудимый въ состояніи запальчивости и раздраженія и подъ вліяніемъ страсти во время совершенія имъ преступленія, не можетъ быть признанъ нарушеніемъ 755 ст. уст., такъ какъ обстоятельства эти не принадлежатъ къ числу такихъ, кои входили бы въ составъ законныхъ признаковъ преступленія, въ которомъ обвинялся подсудимый, и имѣли бы вліяніе на опредѣленіе степени наказанія, положеннаго въ 1490 ст. См. *Частные вопросы*.

1491. Для состава преступленія, означеннаго въ 1491 ст., необходимо, съ одной стороны, чтобы женщинѣ, находящейся въ беременности, нанесены были побои и чтобы вслѣдствіе этихъ побоевъ произошли преждевременные роды и смерть ея младенца, а съ другой стороны, чтобы побои, причинившіе такія событія были нанесены лицомъ, дѣйствовавшимъ сознательно, т. е. находившимся въ состояніи вмѣняемости и притомъ знавшимъ, что побои наносятся имъ женщинѣ беременной. Что касается упоминаемаго въ 1491 ст. *намѣренія* причинить побоями преждевременные роды и смерть младенца, то непремѣнная наличность такого намѣренія не составляетъ необходимаго условія преступленія, предвидѣннаго этою статьею, какъ это ясно видно изъ заключительныхъ словъ опредѣлительной части сей статьи: «хотя и будетъ доказано, что онъ (виновный) не имѣлъ прямаго намѣренія причинить сіе несчастіе». Относительно же употребленнаго въ 1491 ст. выраженія «съ умысломъ» слѣдуетъ имѣть въ виду, что такъ какъ побои, причиненные человѣкомъ, находящимся въ состояніи вмѣняемости, могутъ быть нанесены только умышленно (рѣш. 1868 г. №№ 430 и 747, 1869 г. № 562 и др.), то означенное выраженіе «съ умысломъ», помѣщенное въ 1491 и другихъ статьяхъ улож., предусматривающихъ, отдѣльно или совмѣстно съ иными насильственными дѣйствіями, причиненіе побоевъ (1489 и 1533) должно быть понимаемо не въ томъ смыслѣ, что законъ отличаетъ умышленность отъ неумышленности при причиненіи побоевъ, слѣдовательно какъ бы признаетъ возможность нанесенія ихъ и безъ умысла, а въ томъ смыслѣ, что причиненіе побоевъ наказуемо при сознательномъ состояніи виновнаго въ ихъ нанесеніи и при знаніи, что побои причиняются имъ другому лицу. Такимъ образомъ, для признанія кого-либо виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ

въ 1491 ст., въ чемъ она относится къ побоямъ, не представляется необходимости ни въ наличности *намѣренія* причинить ими преждевременные роды и смерть младенца, ни въ признаніи, что побои были нанесены *умышленно*, а оказывается необходимымъ, чтобы побоями, сознательно причиненными беременной женщинѣ, съ знаніемъ такого ея состоянія, были произведены преждевременные роды и смерть ея младенца (1716/71).

По обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1491 ст., на основаніи 760 ст. уст., упоминаніе въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ засѣдателямъ, о такихъ признакахъ, какъ *намѣреніе* причинить побоями, нанесенными беременной женщинѣ, преждевременные роды и смерть ея младенца, или же *умыселъ* на причиненіе побоевъ, когда не было возбуждено сомнѣнія о возможности вмѣненія въ вину подсудимому этого преступленія, о чемъ долженъ быть постановленъ особый вопросъ (ст. 754 уст.), не только излишне, но легко можетъ повести къ недоумѣніямъ и разнаго рода неправильностямъ какъ при рѣшеніи дѣла присяжными засѣдателями, такъ и при постановленіи приговора судомъ (ib.).

По поводу вопроса: «виновенъ ли Петрухинъ въ томъ, что онъ 2 мая 1870 г. завѣдомо и съ умысломъ нанесъ Петрухиной, во время ея беременности, побои ударами рукою по лицу ея и паденіемъ на нее, послѣдствіемъ чего были преждевременные роды и смерть младенца?» сенатъ нашелъ, что «въ этомъ вопросѣ совмѣщены всѣ необходимые признаки, входящіе въ составъ преступленія, въ которомъ обвинялся Петрухинъ, именно: о приписываемомъ ему причиненіи солдаткѣ Петрухиной, во время ея беременности, о которой ему было извѣстно, такихъ побоевъ, послѣдствіемъ коихъ были преждевременные роды и смерть ея младенца, причемъ, какъ и слѣдовало, въ вопросѣ не упоминалось объ одномъ изъ несущественныхъ условій этого преступленія — *о намѣреніи* причинить означенное несчастіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же вопросѣ, безъ всякой нужды, помѣщено указаніе на то, что означенное преступленіе совершено Петрухинымъ «*съ умысломъ*», вслѣдствіе чего какъ бы допускалась неправильная мысль о возможности нанесенія Петрухинымъ, находившимся въ состояніи вмѣняемости, побоевъ солдаткѣ Петрухиной *неумышленно* (ib.).

1494. Статья эта состоитъ изъ двухъ частей: въ первой ея части предусмотрѣно нанесеніе ранъ или увѣчій по неосторожности и она опредѣляетъ за это преступленіе самостоятельное наказаніе, причемъ изъ содержанія ея видно, что она примѣняется только въ

тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго было нанесеніе ранъ или увѣчья, само по себѣ принадлежитъ къ числу легкихъ нарушеній, подвергающихъ такому же наказанію, которое опредѣлено въ 1 ч. 1494 ст., или болѣе легкому; вторая же часть этой статьи предусматриваетъ тѣ случаи нанесенія, по неосторожности, увѣчья или ранъ, когда самое дѣйствіе, имѣвшее эти послѣдствія, подвергаетъ наказанію болѣе строгому, нежели опредѣленное 1 ч. 1494 ст., причемъ въ ней прямо указано, что въ такихъ случаяхъ виновные подвергаются отвѣтственности по совокупности преступленій ($^{1303}/_{70}$).

Въ уложеніи о наказаніяхъ есть только двѣ статьи, предусматривающія ненамѣренное нанесеніе ранъ и увѣчья, а именно: 1494 и 1485. Первая изъ этихъ статей наказываетъ такія, противныя ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ, дѣянія, неожиданныхъ послѣдствіемъ которыхъ были раны или увѣчья; но къ такимъ дѣяніямъ не могутъ быть отнесены побои, что явствуетъ изъ буквальнаго смысла 1494 ст. ($^{567}/_{68}$, $^{535}/_{67}$). Запальчивость и раздраженіе, коими сопровождалось какое-либо дѣйствіе, сами по себѣ не устанавливаютъ отвѣтственности за то дѣйствіе, коль скоро оное совершено случайно и притомъ не признано за послѣдствіе какой-либо неосторожности ($^{1220}/_{72}$).

1516. Статья 1516 наказываетъ тѣхъ, которые, будучи обязаны по долгу природы, званію или обѣщанію имѣть попеченіе о малолѣтнихъ или лишенныхъ умственныхъ или физическихъ силъ, оставятъ ихъ сознательно безъ помощи и чрезъ то подвергнутъ жизнь ихъ опасности. Для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы присяжными было признано, что подсудимый обязанъ былъ имѣть попеченіе о лицѣ, оставленномъ безъ помощи, по долгу природы, званію или данному обѣщанію, или вообще чтобы онъ находился въ такихъ отношеніяхъ къ этому лицу, при существованіи коихъ (ст. 1517—1522 ул.) неподаніе помощи человѣку признается уголовнымъ преступленіемъ. Поэтому не содержитъ въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ преступленія, предусм. 1516 ст., слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, видя Петра Копюшенкова въ безчувственномъ отъ опьяненія состояніи, оставилъ его въ такомъ небезопасномъ мѣстѣ, послѣдствіемъ чего Копюшенкову приключилась смерть отъ утопленія въ рѣкѣ Саго?» (16 марта 1874 г., Масюты «С. В.» $^{76}/_{75}$). Въ статьѣ 1516 предусматривается тотъ случай произвольнаго оставленія человѣка въ опасности, когда лицо, попеченію коего ввѣренъ больной или малолѣтній, съ намѣ-

реніемъ оставить его безъ всякой помощи и тѣмъ подвергнетъ жизнь ихъ большей или меньшей опасности. Ст. 1516 вовсе не предусматриваетъ такого намѣреннаго оставленія человѣка въ безпомощномъ состояніи, которое имѣло цѣлью лишить его жизни; такой случай предусмотрѣнъ въ ст. 1519 улож. и подвергаетъ виновнаго наказанію, какъ за убійство, по ст. 1454 улож. — Употребленное въ ст. 1516 выраженіе: «съ намѣреніемъ оставить его безъ всякой помощи» обозначаетъ лишь намѣренное, т. е. сознательное неисполненіе лицомъ, попеченію коего ввѣренъ больной или малолѣтній, своей обязанности, выразившееся въ оставленіи безъ всякой помощи, причемъ виновный могъ и не имѣть вовсе цѣли лишенія жизни больнаго или малолѣтняго ($^{541}/_{70}$).

Законный признакъ: «съ намѣреніемъ оставить безъ всякой помощи» можетъ быть замѣняемъ конкретными фактами. По дѣлу Филиппова ($^{541}/_{70}$), признаннаго виновнымъ въ томъ, что «порученнаго ему, для доставленія въ становую квартиру, больнаго мѣщанина Зуева, *во избѣжаніе хлопотъ, оставилъ на скотопрогонной дорогѣ* и чрезъ то подвергъ жизнь его опасности», сенатъ нашелъ, что ст. 1516 примѣнена къ дѣянію подсудимаго правильно.

1519 ст. предусматриваетъ такое намѣренное оставленіе человѣка въ безпомощномъ состояніи, которое имѣло цѣлью лишить его жизни ($^{541}/_{70}$).

1520. Преступленіе, предусм. 1520 ст., предполагаетъ знаніе и предвидѣніе возможности причиненія смерти совершаемымъ дѣйствіемъ. Поэтому для примѣненія 1520 ст. присяжные должны признать, что виновный завѣдомо и съ умысломъ поставилъ кого-либо въ опасное для его жизни положеніе (16 іюня 1873 г. Кузнецова. Указ.). Преступленіе, означенное въ этой статьѣ, признается совершившимся, когда послѣдовала смерть человѣка, поставленнаго въ положеніе, о которомъ говорится въ сей статьѣ; если же смерть не послѣдовала, то виновный наказывается за покушеніе на преступленіе (17 ноября 1873 г., Никифорова. Указ.).

1523 Слово «растлѣніе» законъ понимаетъ не въ общепринятомъ смыслѣ посягательства одного лица на цѣломудріе другаго, а въ болѣе точномъ смыслѣ посягательства мущины на дѣвство женщины посредствомъ половаго съ нею совокупленія ($^{386}/_{70}$, $^{1018}/_{69}$).

Растлѣніе предполагаетъ лишеніе дѣвственности ($^{958}/_{69}$).

Судъ не имѣетъ права предлагать вопросъ присяжнымъ о лѣтахъ малолѣтней, такъ какъ достовѣрность возраста основывается

на документахъ, именно означенныхъ въ законѣ, и не подлежитъ ни разрѣшенію ни утвержденію присяжныхъ ($^{65}/_{70}$).

Вопросъ: виновенъ ли подсудимый Вяликовъ, 29 лѣтъ, въ томъ, что 30 мая 1866 г. ночью, въ имѣніи помѣщика Бунина имѣлъ половое совокупленіе съ крестьянскою дѣвочкою Палагеею Б., имѣвшей отъ роду 13 лѣтъ, и лишилъ ее невинности, употребивъ для того насиліе? ($^{1167}/_{70}$).

1524 статья предусматриваетъ лишеніе дѣвицы, не достигшей 14 лѣтъ, дѣвственности, съ употребленіемъ во зло ея невинности, а не совокупленіе съ дѣвицей, хотя бы и недостигшей 14 лѣтняго возраста, но лишенной уже прежде сего дѣвственности и безъ употребленія во зло невинности ($^{1167}/_{70}$). На вопросъ: «виновенъ ли подсудимый Вяликовъ въ томъ, что имѣлъ половое совокупленіе съ Б., имѣвшей 13 лѣтъ, и лишилъ ее дѣвственности, безъ насилія, употребивъ во зло ея невинность», присяжные отвѣчали: «да, виновенъ въ половомъ совокупленіи, но не лишилъ дѣвственности и безъ употребленія во зло невинности». Сенатъ нашелъ, что при такихъ условіяхъ къ проступку Вяликова не можетъ быть примѣнена 1524 ст. (ib.).

1525. Для наличности преступленія изнасилованія (ст. 1525 и 4 п. 1526) законъ требуетъ насилія съ одной стороны и сопротивленія съ другой, или приведенія насилуемой въ безпамятство, или состояніе неестественнаго сна, при которомъ не возможно требовать сопротивленія ($^{885}/_{72}$).

Подъ изнасилованіе подходитъ и тотъ случай, когда лицо воспользовалось безпомощнымъ и изнуреннымъ состояніемъ потерпѣвшей, чтобы, противъ ея воли и съ употребленіемъ насилія, лишить ее невинности ($^{295}/_{69}$).

Подъ 1525 ст. подходитъ, на основаніи 151 ст. улож., и случай изнасилованія дѣвицы, не достигшей 14-ти лѣтняго возраста, но уже лишенной невинности ($^{958}/_{69}$).

Въ вопросахъ присяжнымъ должно быть изложено, что подсудимый и потерпѣвшая совершили такія-то внѣшнія дѣйствія, раскрытыя судебнымъ слѣдствіемъ, которыя составляютъ признаки сопротивленія одной къ плотскому совокупленію и насилія со стороны другаго къ преодолѣнію такого сопротивленія ($^{1233}/_{70}$). По дѣлу Рожнова (ib.) были предложены слѣдующіе вопросы: 1) «виновенъ ли Рожновъ въ томъ, что 16 іюля 1868 г., въ селеніи Глинкахъ, въ собственномъ дворѣ, войдя внезапно въ чуланчикъ своей снохи М. А. и замкнувъ за собою дверь щеколдою, совершилъ съ

означенною снохою своею плотское совокупленіе? 2) совершено ли Рожновымъ плотское совокупленіе съ М. А. вопреки ея волѣ?» Вопросы эти были утверждены присяжными и судъ подвелъ дѣяніе подъ 1525 и 1596 ст. улож. Сенатъ нашелъ, что «вопросъ, предложенный присяжнымъ засѣдателямъ, не соотвѣтствуетъ требованію 760 ст. уст., потому что въ немъ не означены существенные признаки преступленія; слова: «вопреки ея волѣ» указываютъ лишь на выраженіе несогласія А. на кровосмѣшеніе съ свекромъ, но не заключаютъ въ себѣ никакого признака, относящагося къ самому обвиняемому, и ни одного изъ существенныхъ признаковъ насилія, совершеннаго имъ къ одолѣнію сопротивленія, оказаннаго ему А., на обязанности суда лежало предложить на разрѣшеніе присяжныхъ: «признаютъ ли они, что Рожновъ и А совершили такія-то внѣшнія дѣйствія, означенныя или раскрытыя судебнымъ слѣдствіемъ, которыя составляютъ признаки сопротивленія одной къ плотскому совокупленію и насилія со стороны другаго къ преодолѣнію такого сопротивленія».

1526. Вопросъ о томъ: состояла ли потерпѣвшая въ замужествѣ (1 п. 1526) не предлагается на разрѣшеніе присяжныхъ ($^{1233}/_{70}$). По дѣлу Рожнова (ib.) судъ предложилъ частный вопросъ: «состояла ли М. А. въ означенное въ первомъ вопросѣ время въ законномъ бракѣ?» Сенатъ нашелъ: «вопросъ, постановленный судомъ, лишенъ всякаго основанія, потому что вопросъ о существованіи въ данное время законнаго брака не зависитъ отъ внутренняго убѣжденія присяжныхъ, но разрѣшается духовною властью».

Для примѣненія 4 п. 1526 ст. необходимо, чтобы присяжные признали нетолько тотъ фактъ, что потерпѣвшая находилась въ опьянѣломъ состояніи, но что это опьянѣніе привело ее въ совершенное безпамятство ($^{885}/_{72}$). По дѣлу Грошева (ib.) былъ постановленъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, воспользовавшись опьянѣлымъ состояніемъ 17-лѣтней дѣвицы Л., насильно, противъ ея желанія, имѣлъ съ нею совокупленіе, причемъ лишилъ ее невинности?» Присяжные отвѣчали: «да, виновенъ, но безъ насилія, воспользовавшись опьянѣлымъ состояніемъ Л.» Сенатъ нашелъ: 1) что на основаніи 1525 и 4 п. 1526 ст. улож., для наличности преступленія изнасилованія, законъ требуетъ насилія съ одной стороны и сопротивленія съ другой, или приведенія насилуемой въ безпамятство, или состояніе неестественнаго сна, при которомъ невозможно требовать сопротивленія; 2) что въ настоящемъ дѣлѣ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей

не признано такихъ дѣяній подсудимаго, которыя соотвѣтствовали бы означеннымъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго вышеприведенными статьями закона, по точному смыслу которыхъ обвиненіе подсудимаго въ томъ, что онъ, для совершенія половаго совокупленія, воспользовался опьянѣлымъ состояніемъ потерпѣвшей, могло имѣть значеніе въ разсматриваемомъ дѣяніи подсудимаго въ томъ лишь случаѣ, еслибы рѣшеніемъ присяжныхъ признано было, что это опьяненіе привело потерпѣвшую въ совершенное безпамятство.

1528. На точномъ основаніи законовъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ (улож. ст. 1523—1532), растлѣніе дѣвицы, достигшей 14-лѣтняго возраста, тогда только подвергаетъ уголовной карѣ, когда оно сопровождалось: или насиліемъ, или похищеніемъ дѣвицы противъ ея воли, или обольщеніемъ ея торжественнымъ обѣщаніемъ на ней жениться ($^{1490}/_{72}$). См. также ст. 1523.

1531. Выраженіе: «*торжественное обѣщаніе*» жениться не принадлежитъ къ такимъ юридическимъ терминамъ, помѣщеніе которыхъ въ вопросахъ присяжнымъ воспрещается безусловно ($^{826}/_{69}$).

1532. Для примѣненія этого закона необходимо, чтобы мужчина, имѣющій какую-либо власть или надзоръ надъ дѣвицею, обольстилъ невинную дѣвицу, что и выражаетъ законъ подъ словомъ «обезчестить», такъ какъ растлѣнная уже прежде другимъ лицомъ дѣвица не можетъ быть обезчещена во второй разъ ($^{1490}/_{72}$). Поэтому въ вопросахъ присяжнымъ должно быть означено, что потерпѣвшая была лишена невинности (ib.). По дѣлу Басанова (ib.) окружной судъ предложилъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что находящуюся у него на попеченіи и воспитаніи 14-лѣтнюю Марію Матвѣеву, лѣтомъ 1871 года, зазвавъ къ себѣ въ комнату и воспользовавшись властью своею надъ нею воспитателя, обезчестилъ, *лишивъ ее невинности*»? Товарищъ прокурора просилъ судъ исключить изъ вопроса слова: «лишивъ ее невинности». Судъ отказалъ. Сенатъ, по изложеннымъ выше основаніямъ, нашелъ, что судъ, включивъ въ вопросъ, въ числѣ признаковъ, лишеніе невинности, поступилъ правильно и не нарушилъ смысла 760 ст. уст.

1533 Въ вопросѣ присяжнымъ не слѣдуетъ упоминать *объ умыслѣ* ($^{1716}/_{71}$). См. ст. 1489 и 1491.

1535. Клеветою признается ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести или противозаконномъ ($^{408}/_{67}$,

$^{474}/_{68}$, $^{582}/_{}$, $^{771}/_{}$, $^{856}/_{69}$, $^{685}/_{71}$ и др.), причемъ законы о клеветѣ могутъ быть примѣнены лишь въ такомъ случаѣ, когда одно лицо умышленно взводитъ на другое такое ложное обвиненіе, которое омрачаетъ честь и доброе имя, и притомъ съ цѣлью нанести этимъ оскорбленіе ($^{1303}/_{72}$). Для примѣненія 1535 ст., судъ долженъ положительно признать, что обстоятельства, изложенныя въ бумагѣ и заключающія въ себѣ обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, ложны и оглашены съ умысломъ повредить чести потерпѣвшаго ($^{1094}/_{71}$). Клеветою не слѣдуетъ признавать оскорбительное искаженіе значенія поступка, дѣйствительно совершеннаго. ($^{1147}/_{72}$, $^{771}/_{69}$, $^{1448}/_{70}$, $^{1459}/_{71}$ и др.).

Выраженіе «обвиненіе» въ безчестномъ поступкѣ не можетъ быть толкуемо въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ формальнаго отъ имени подсудимаго обвиненія ($^{187}/_{71}$).

Ст. 1535 не содержитъ требованія, чтобы бумага, заключающая въ себѣ клевету, была представлена въ присутственное мѣсто самимъ писавшимъ ее; но для примѣненія сего закона достаточно и того, что бумага представлена съ согласія или по порученію клеветника ($^{629}/_{68}$).

Подъ дѣйствіе 1525 ст. признаны подходящими: клевета въ письмѣ, представленномъ въ коммерческій судъ ($^{322}/_{69}$); клевета въ объявленіи, поданномъ въ волостное правленіе ($^{479}/_{71}$); оклеветаніе въ апелляціонномъ отзывѣ на рѣшеніе мироваго судьи ($^{893}/_{68}$); клевета въ жалобѣ, поданной мировому судьѣ или вообще въ судъ и содержащей обвиненіе въ проступкѣ, но въ этомъ случаѣ преслѣдованіе за клевету можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда судъ, постановляя оправдательный приговоръ по той жалобѣ, признаетъ, что содержащееся въ оной обвиненіе было недобросовѣстное. ($^{685}/_{71}$, $^{464}/_{68}$, $^{2024}/_{69}$).

1540. Средствомъ принужденія можетъ быть не только физическое насиліе, но и угроза насильственнымъ или инымъ преступнымъ дѣйствіемъ противъ угрожаемаго ($^{712}/_{71}$).

Судъ въ вопросахъ о виновности обязанъ упомянуть о срокѣ задержанія, какъ объ одномъ изъ существенныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1540 ст. Правило это относится въ одинаковой мѣрѣ какъ къ дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ и безъ ихъ участія ($^{764}/_{70}$). См. *Част. вопр.*

Подъ дѣйствіе 1540 ст. признаны подходящими: задержаніе въ продолженіе нѣсколькихъ дней подъ карауломъ, въ казармѣ при

заводѣ, и лишеніе на это время свободы (⁷⁹³/₆₃); самовольное задержаніе крестьянъ (на постояломъ дворѣ) съ насиліемъ, въ продолженіе 12 дней (⁷⁹⁶/₆₈). Дѣяніе подсудимаго, заключающееся въ томъ, что, въ бытность сельскимъ старшиною, нанесъ рядовому побои и затѣмъ, безъ всякихъ законныхъ причинъ, держалъ его подъ арестомъ до слѣдующаго дня, признано соотвѣтствующимъ преступленію, предусм. 348 и 3 отд. 1540 ст. (⁴⁴³ ₇₂).

1545. «Законодательство наше признаетъ лишь одинъ видъ угрозы, именно угрозу причинить того или другаго рода физическое насильственное дѣйствіе (лишеніе жизни, поджогъ и т. п.) и затѣмъ уже для опредѣленія подсудности и мѣры наказанія этого преступленія, раздѣляетъ его, смотря по имѣвшейся въ виду угрожаемаго цѣли, на двѣ группы, изъ коихъ одна, характеризующаяся корыстною или вообще преступною цѣлью, подсудна общимъ судебнымъ мѣстамъ и влечетъ за собою строгую по улож. о наказ. отвѣтственность (каторгу или поселеніе), а другая, отличающаяся отсутствіемъ этого обстоятельства, отнесена къ вѣдомству мировыхъ учрежденій и сопряжена лишь съ арестомъ или даже денежнымъ взысканіемъ». Но русское уголовное право не предусматриваетъ цѣлаго ряда тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя состоятъ въ угрозѣ подвергнуть кого-либо не физическому, а нравственному насилію, съ цѣлью принудить его къ невыгодной или убыточной для него сдѣлкѣ, изъ страха разглашенія какого-нибудь позорнаго на его счетъ или хотя и не безчестнаго, но подлежащаго тайнѣ, обстоятельства, другими словами, поставить его въ необходимость цѣною незначительнаго (сравнительно) пожертвованія откупиться отъ болѣе важнаго матеріальнаго или нравственнаго вреда (⁹¹/₇₁).

Угроза возбудить судебное преслѣдованіе, если не будетъ выдана извѣстная сумма денегъ, составляетъ одинъ изъ видовъ мошенничества (ib.).

Законный признакъ: «отказаться отъ законнаго права» можетъ быть замѣняемъ въ вопросѣ конкретнымъ фактомъ. Подсудимый (³⁹¹/₆₇) былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что «грозилъ въ письмахъ купцамъ Рябушкинымъ поджечь ихъ фабрику, *въ случаѣ, ежели они не будутъ уволены нѣкоторые изъ служащихъ на той фабрикѣ*». Правительствующій сенатъ нашелъ, что въ словахъ «ежели не будутъ уволены нѣкоторые изъ служащихъ на фабрикѣ» заключается требованіе, обращенное къ Рябушкинымъ, отказаться

отъ ихъ законнаго права; поэтому призналъ ст. 1545 примѣненною правильно.

1554. *Слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ согласно признакамъ 1554 ст.*: виновенъ ли подсудимый Кожевниковъ ($^{1372}/_{72}$) въ томъ, что, будучи женатъ на дочери рядоваго Маріи Кожевниковой, вступилъ, завѣдомо, при существованіи этого перваго брака, во второй бракъ съ дочерью мѣщанина Анастасьею Богдановою, скрывъ, для вступленія въ этотъ бракъ, существованіе перваго, выдавая себя завѣдомо ложно за холостаго?» Защитникъ въ кассаціонной жалобѣ объяснилъ, что судъ отказалъ ему въ измѣненіи проекта вопроса, именно въ замѣнѣ выраженія «завѣдомо» словами: «зная, что жена его жива». Сенатъ нашелъ, что въ предложенномъ судомъ присяжнымъ засѣдателямъ вопросѣ заключаются всѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1554, и судъ имѣлъ полное основаніе отказать защитнику въ дополненіи вопроса такими фактами, которые прямо вытекали изъ смысла предложеннаго вопроса.

1558. *Вопросъ по признакамъ 1558 ст.*: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, состоя въ брачномъ союзѣ въ мѣщанкою Таубо, урожденной Пропъ, вступилъ въ новый бракъ со вдовою Кейле Мечниковою, противно законамъ іудейской вѣры?» ($^{1114}/_{72}$).

1583. Сѣченіе жены розгами, какъ истязаніе, подходитъ подъ дѣйствіе 1583 ст. (15 марта 1873 г. Шатолова, Указ.).

1591. Наши уголовные законы различаютъ нанесеніе ранъ и увѣчій отъ нанесенія побоевъ и въ преступленіи послѣдняго рода предусматриваютъ различные виды, какъ-то: а) тяжкіе побои, подвергающіе жизнь опасности (ст. 1489); б) побои тяжкіе, не подвергающіе жизнь опасности (ст. 1534), и в) побои не тяжкіе, подходящіе подъ одинъ изъ видовъ обиды дѣйствіемъ вообще (уст. о нак. ст. 133—135). Но въ преступленіяхъ дѣтей противъ родителей законъ не слѣдуетъ въ точности этимъ подраздѣленіямъ, а указавъ, что за нанесеніе отцу или матери увѣчій, ранъ или иныхъ тѣлесныхъ поврежденій, въ томъ числѣ и тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности, побоевъ, виновные подвергаются наказанію тремя степенями выше противъ опредѣленнаго общими законами (ул. ст. 1492 и 1591, п. 1), прямо переходитъ къ оскорбленію родителей какимъ бы то ни было насильственнымъ дѣйствіемъ, хотя бы оно и не соединялось съ побоями ($^{725}/_{68}$).

Всякое насильственное дѣйствіе дѣтей противъ родителей составляетъ оскорбленіе родительской власти и подвергаетъ одина-

ковой степени наказанія, соединялось ли насиліе съ побоями, или не соединялось, и были ли побои тяжкіе или не тяжкіе, если только они не подвергали жизнь опасности (727/68).

Употребленное въ ст. 1591 выраженіе: «хотя и не соединенное съ побоями насильственное дѣйствіе» показываетъ, что, когда при насильственныхъ дѣйствіяхъ были и побои, разумѣется не тяжкіе, то виновные подвергаются наказанію, опредѣленному въ 1534 ст.; это выраженіе означаетъ, сверхъ того, что причиненіе отцу или матери оскорбительныхъ дѣйствій, даже не похожихъ на побои (какъ напр. толчки, схватываніе за воротъ, наплеваніе въ глаза), почитается преступленіемъ важнымъ, наказуемымъ по 2 ч. 1591 ст. (418/68).

Вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что позволилъ себѣ нанести матери своей ударъ въ голову кулакомъ? (570/68).

1606 Подъ словомъ «поджогъ» всегда разумѣется пожаръ, сдѣланный съ преступнымъ умысломъ (79/70). Поэтому неуказаніе въ вопросахъ присяжнымъ, что поджогъ былъ совершенъ «съ умысломъ» и неутвержденіе этого признака присяжными не влечетъ кассаціи приговора, если не признано, что виновный совершилъ поджогъ въ умопомраченіи или безпамятствѣ (ib.).

1609. Статья 1609 исключительно предусматриваетъ умышленный поджогъ нежилаго строенія (1008/72).

Статья эта имѣетъ въ виду поджогъ чужаго строенія, и потому въ вопросахъ должно быть указано, кому принадлежало подожженное строеніе. По дѣлу Попова и Долженкова (473/70), признанныхъ виновными въ поджогѣ нежилаго строенія (куреня), находившагося на бакчѣ вдовы Булгаковой, не въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими строеніями, притомъ въ то время, когда извѣстно было, что въ немъ не было людей, сенатъ нашелъ, что 1609 ст., предусматривающая одинъ изъ видовъ поджигательства, помѣщена въ 1-мъ отдѣлѣ главы 2-й, раздѣла XII, гдѣ полагается наказаніе, какъ видно изъ ея заглавія, за истребленіе и поврежденіе чужаго имущества, и самая глава эта принадлежитъ къ 12 раздѣлу уложенія о преступленіяхъ противъ собственности частныхъ лицъ и что въ вопросѣ, на который присяжные дали утвердительный отвѣтъ, сказано только, что курень находился на бакчѣ Булгаковой, но кому принадлежалъ подожженный курень, изъ вопроса не видно, точно также, какъ изъ него не видно и того, кому принадлежала земля, на которой была разведена бакча». Поэтому сенатъ призналъ, что вопросъ поставленъ неопредѣленно, вслѣд-

ствіе чего не можетъ быть правильно опредѣлено и свойство дѣянія подсудимаго.

Обстоятельство, что поджогъ совершенъ *ночью*, можетъ быть означено и въ главномъ вопросѣ и притомъ въ выраженіяхъ: «въ ночь съ такого-то на такое-то число». По дѣлу Вавилиной ($^{568}/_{71}$) судъ, въ виду того, что словами вопроса «въ ночь съ 16 на 17 іюля» опредѣлялось лишь число мѣсяца, въ какое поджогъ былъ совершенъ, и что особаго вопроса, согласно 755 ст. уст., объ этомъ обстоятельствѣ постановлено не было, примѣнилъ къ дѣянію подсудимой 1-е отдѣленіе 1609 ст. Сенатъ нашелъ, что «такъ какъ въ вопросѣ упоминалось о томъ, что Вавилина сдѣлала поджогъ ночью, то окружной судъ обязанъ былъ принять это, особо увеличивающее вину обстоятельство, во вниманіе при опредѣленіи наказанія Вавилиной, не стѣснялся тѣмъ, что объ этомъ обстоятельствѣ не было предложено отдѣльнаго вопроса».

Близкое сосѣдство нежилаго строенія къ другимъ обитаемымъ составляетъ обстоятельство, особо увеличивающее вину и дѣйствительность его должна быть признана присяжными. Указаніе въ вопросѣ на то, что вслѣдствіе поджога сгорѣлъ и обитаемый домъ, неравносильно близкому сосѣдству, такъ какъ переходъ огня съ подожженнаго строенія на обитаемое не предполагаетъ безусловно близкаго сосѣдства между ними (9 августа 1873 г., Фельдшера. Указ.).

Выраженіе: «*близкое сосѣдство*» принадлежитъ къ общеупотребительнымъ и не можетъ быть замѣнено выраженіемъ: «*не въ далекомъ разстояніи*» (19 мая 1873 г., Доброва. Указ.).

1612. Поджогъ своего имущества, т. е. истребленіе онаго огнемъ, по праву собственника распоряжаться своимъ имуществомъ, не наказуемъ только при отсутствіи нарушенія правъ другихъ лицъ и безопасности для жизни и имущества ихъ: въ противномъ случаѣ учинившій поджогъ преслѣдуется по 1612 ст. ($^{658}/_{72}$).

Въ 1 ч. 1612 ст. говорится не объ «образѣ» или способѣ поджога, а о принадлежности имущества и намѣреніи поджигателя ($^{658}/_{72}$).

2 ч. 1612 ст. предусматриваетъ и случаи поджога собственнаго имущества, находящагося въ чьемъ-либо обитаемомъ зданіи ($^{788}/_{71}$). Она относится и къ незастрахованнымъ имуществамъ собственника, и къ поджогу со всякою цѣлью ($^{658}/_{72}$).

1614. Эта статья закона предусматриваетъ поджогъ хлѣба, садовъ, сѣнокосовъ, скошеннаго сѣна, дровъ и торфовыхъ земель

(251/73). Въ преступленіи, о которомъ говорится въ 1614 ст., предусматривается тотъ видъ поджога, въ которомъ умыселъ направленъ на истребленіе огнемъ чужаго хлѣба или иного хозяйственнаго имущества, а не на истребленіе строенія, которое можетъ быть развѣ случайнымъ послѣдствіемъ истребленія хлѣба (1008/72, 279/73).

Къ существеннымъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннымъ въ 1614 ст., принадлежатъ также: когда учиненъ поджогъ, днемъ или ночью, была ли отъ него опасность для обитаемыхъ строеній (251/73). Признаки эти должны быть указаны въ вопросахъ (ib.).

1621 статья предусматриваетъ случаи умышленнаго разрушенія или поврежденія строеній изъ злобы или мщенія (798/69).

Не подходятъ подъ 1621 ст.: похищеніе изъ стѣны риги нѣсколькихъ бревенъ, причемъ изъ дѣла не видно, чтобы рига эта находилась въ цѣлости до похищенія изъ нея бревенъ — что составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 169 ст. уст. о наказ. (798/69); нападеніе на питейное заведеніе и разбитіе въ немъ окна — что подходитъ подъ 38 ст. уст. о нак. (791/72); порча невода—что составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 152 ст. уст. о нак. (1528/72).

1627 статья не устанавливаетъ никакого наказанія за разбой, т. е. не имѣетъ характера карательнаго закона, а исчисляетъ лишь дѣйствія, входящія въ составъ онаго (755/71), фактическіе признаки, могущіе входить въ общее понятіе о разбоѣ (334/70).

Существенные признаки разбоя состоятъ: а) въ открытомъ нападеніи; б) въ нанесеніи опасныхъ для жизни тѣлесныхъ поврежденій, и в) въ похищеніи чужаго движимаго имущества (932/71).

Виды разбоя. Исчисливъ съ большою подробностью въ 1627 ст. всѣ, могущіе входить въ общее понятіе о разбоѣ, фактическіе признаки, уложеніе о наказ. въ послѣдующихъ затѣмъ статьяхъ переходитъ къ указанію на различные виды сего преступленія: 1) по мѣсту совершенія (1628, 1629, 1630, 1631 ст. — церковь, обитаемое зданіе, цѣлое селеніе, улица, море, пристань, уединенное мѣсто и т. д.); 2) по предмету нападенія (1632 ст. — почта, дилижансы и вообще учрежденные для лицъ и вещей транспорты); 3) по особенной жестокости сопровождавшихъ нападеніе дѣйствій (ст. 1632 — увѣчье, раны, истязанія и пр.); 4) по особенной для общества или извѣстной мѣстности опасности нападенія (1633 ст. — сговоръ нѣсколькихъ лицъ, шайка); 5) по явной необуздавности нападающихъ и особенно бѣдственнымъ послѣдствіямъ на-

паденія (1634 ст.—смертоубійство, поджогъ); наконецъ 6) по доказанной неисправимости преступника (1635 ст. — повтореніе преступленія, т. е. новый разбой) ($^{334}/_{70}$).

Насиліе при разбоѣ. Насиліе, сопряженное съ похищеніемъ чужой собственности, не можетъ быть разсматриваемо какъ отдѣльное преступленіе; напротивъ оно составляетъ одно цѣлое съ похищеніемъ и даетъ ему характеръ грабежа или разбоя, смотря по свойству насильственныхъ дѣйствій, характеризующихъ эти два вида похищенія чужой собственности ($^{931}/_{71}$). Поэтому не могутъ быть постановлены отдѣльные вопросы о виновности — одинъ о похищеніи имущества, а другой—о насильственныхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ при похищеніи ($^{454}/_{70}$, $^{305}/_{70}$).

Не всякіе побои и раны придаютъ нападенію характеръ разбоя, но только побои и раны, подходящіе подъ общій признакъ насильственныхъ дѣйствій, свойственныхъ разбою, т. е. побои и раны, угрожающіе явною опасностію для жизни или здоровья ($^{1099}/_{69}$). Вопросъ о томъ, представлялась ли опасность для жизни отъ тѣлесныхъ поврежденій, долженъ быть непремѣнно предложенъ присяжнымъ ($^{1099}/_{69}$, $^{770}/_{72}$; тоже въ рѣш. 14 декабря 1874 г. по дѣлу Курицына и др.). Но въ предложеніи такого вопроса нѣтъ надобности: а) когда въ главномъ вопросѣ уже опредѣлено, что нападеніе сопровождалось нанесеніемъ увѣчья, истязаній или побоевъ и ранъ тяжкихъ ($^{1099}/_{69}$) и б) когда въ главномъ вопросѣ означено, что нападеніе сопровождалось нанесеніемъ ранъ изъ огнестрѣльнаго оружія и острымъ орудіемъ, т е. при очевидной ясности, что нападеніе угрожало жизни жертвамъ преступленія ($^{841}/_{71}$).

Для признанія разбоя необходимо, чтобы тѣлесныя поврежденія были причинены виновнымъ именно какъ средство для похищенія; но достаточно наличности этихъ двухъ признаковъ и въ томъ случаѣ, если мысль о похищеніи появилась во время причиненія тѣлесныхъ поврежденій ($^{931}/_{71}$).

Упоминаемыя въ 1627 ст. увѣчья, а также раны и побои тяжкіе обозначаются въ главномъ вопросѣ ($^{1099}/_{69}$). Тутъ же могутъ быть помѣщаемы и фактическіе признаки, указывающіе на истязанія ($^{1099}/_{69}$, $^{454}/_{70}$).

О важности или свойствѣ насильственныхъ дѣйствій долженъ быть постановленъ особый дополнительный вопросъ ($^{1099}/_{69}$).

Оружіе при разбоѣ. Для признанія разбоя безразлично, можетъ ли оружіе дѣйствительно причинить смерть или нѣтъ, а достаточно, чтобы подсудимый имѣлъ при себѣ оружіе или орудіе и

чтобы подвергшійся нападенію имѣлъ основаніе предполагать, что, при сопротивленіи съ его стороны, ему будетъ нанесена смерть или увѣчье ($^{935}/_{71}$). Поэтому отказъ суда въ постановкѣ вопроса о томъ: были ли орудія, находившіяся при нападавшихъ, способны причинить смерть или увѣчье, не признанъ отступленіемъ отъ закона, имѣющимъ существенное значеніе, такъ какъ изъ вопросовъ видно, что противъ ограбленнаго былъ употребленъ для угрозы пистолетъ, изъ котораго подсудимый выстрѣлилъ холостымъ зарядомъ ($^{935}/_{71}$).

При нападеніи съ оружіемъ въ рукахъ (безъ употребленія его въ дѣло) побои и вообще насильственныя дѣйствія не составляютъ необходимаго условія разбоя ($^{755}/_{71}$).

Угрозы при разбоѣ. Угроза должна быть сдѣлана во время и для совершенія похищенія; если же сдѣлана послѣ, то она не можетъ придать преступленію свойства разбоя ($^{200}/_{72}$).

Вопросы по признакамъ 1627 ст.: 1) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, вмѣстѣ съ другими лицами, напалъ на дорогѣ изъ Сокольниковъ въ село Алексѣевское на мѣщанина Завьялова, отнялъ у него, при содѣйствіи тѣхъ лицъ, деньги, часы и другія вещи причемъ похитители грозили Завьялову ножемъ, а одинъ изъ нихъ душилъ его за горло? 2) если виновенъ, то означенное насильственное дѣйствіе представляло ли опасность для жизни и здоровья Завьялова? ($^{1068}/_{72}$).

1629. Открытое нападеніе на обитаемое зданіе входитъ въ число признаковъ и грабежа, и разбоя (ст. 1629 и 1639); такого рода нападеніе считается разбоемъ только тогда, когда оно сопровождалось существенными признаками, отличающими разбой отъ грабежа и исчисленными въ 1627 ст. ($^{128}/_{68}$).

Ст. 1629 разумѣетъ нетолько разбой съ нападеніемъ на домъ, но и разбой, совершенный въ домѣ, безъ насильственнаго входа въ оный ($^{454}/_{70}$).

1630. То обстоятельство, что разбой совершенъ на большой дорогѣ, должно быть непремѣнно разрѣшено присяжными ($^{88}/_{66}$).

При обвиненіи по 1630 ст., существенные признаки разбоя вообще, какъ напр. опасность насильственныхъ дѣйствій для жизни, должны быть констатированы въ вопросахъ и разрѣшены присяжными ($^{770}/_{72}$).

1632 статья указываетъ на три квалифицированные виды разбоя: а) нападеніе на почту, транспорты и пр.; б) нападеніе съ

нанесеніемъ увѣчья, ранъ, побоевъ и т. п., и в) нападеніе нѣсколькими сговорившимися лицами (755/71).

Истязанія могутъ входить въ число существенныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1627 ст.; но такъ какъ разбой можетъ быть и безъ тѣлесныхъ поврежденій, то причиненіе ихъ во всякомъ случаѣ увеличиваетъ вину разбойниковъ по 1632 ст. (1406/72).

Для увеличенія наказанія по 1632 ст., законъ не требуетъ, чтобы увѣчья, раны, побои или иныя истязанія, или мученія представляли явную опасность для жизни, здоровья или свободы, т. е. для признанія означенныхъ въ ст. 1632 улож. дѣйствій обстоятельствами, увеличивающими мѣру наказанія за разбой, законъ не требуетъ тѣхъ самыхъ условій, какія постановлены въ ст. 1627 (158/70).

Обстоятельства, упоминаемыя во 2 п. 1632 ст., постановляются въ общемъ вопросѣ о виновности (127/71, 1551/71), хотя могутъ быть и выдѣлены при просьбѣ о томъ стороны (1551/71).

Сговоръ съ другими лицами составляетъ особо увеличивающее вину обстоятельство и должно быть, по силѣ 755 ст. уст., предметомъ частнаго вопроса; но помѣщеніе этого обстоятельства въ главномъ, при отсутствіи возраженія противъ редакціи вопросовъ, не служитъ поводомъ кассаціи (1624/72).

Относительно постановки вопросовъ о нанесеніи ранъ, увѣчій и пр. при разбоѣ, изъ разъясненія сената можно вывести слѣдующія положенія: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда раны, увѣчья или истязанія входятъ въ число существенныхъ признаковъ преступленія разбоя (напр. при разбоѣ безъ оружія и угрозъ), обстоятельства эти должны быть помѣщены въ главномъ вопросѣ, хотя наказаніе, при наличности ихъ, возвышается независимо отъ того, входятъ ли нанесеніе увѣчій, ранъ и пр. въ составъ преступленія или нѣтъ, и б) когда же для наличности разбоя существуютъ другіе признаки, независимо отъ побоевъ, ранъ, увѣчій или истязаній (напр. при разбоѣ съ оружіемъ), то обстоятельства нанесенія побоевъ и пр. должны быть предметомъ особаго, частнаго вопроса, по силѣ 755 ст. уст.

1634. См. ст. 1459.

1637. Законъ различаетъ два вида грабежа: 1) съ насиліемъ или угрозами, не представлявшими опасности для жизни, здоровья или свободы ограбленнаго, и 2) безъ насилія и угрозъ; по существеннымъ признакамъ этихъ обоихъ видовъ грабежа слѣдуетъ считать отнятіе имущества въ присутствіи его законнаго владѣльца, совершенное открыто и съ цѣлью похищенія (43/69), притомъ, чтобы владѣлецъ вполнѣ сознавалъ, что лицо, отнимающее у него имущество, не имѣетъ на владѣніе имъ никакого законнаго права, и уступалъ только передъ насиліемъ или передъ возможностью онаго (135/67), или чтобы посторонніе лица сознавали, что передъ ними происходитъ открытое похищеніе (1406/71), а не были случайными только свидѣтелями происшествія или находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ происшествія (1059/71).

Для открытаго похищенія недостаточно, чтобы похититель предполагалъ сознаніе жертвы своей о томъ, что у него совершаютъ похищеніе, а необходимо еще, чтобы образъ дѣйствій его имѣлъ характеръ явнаго похищенія, которое при обыкновенномъ порядкѣ вещей не можетъ оставаться незамѣченнымъ во время самаго совершенія похищенія (186/68), чтобы въ дѣйствіяхъ его выражалась особая дерзость совершеніемъ похищенія явнаго, въ глазахъ хозяина и свидѣтелей, вслѣдствіе чего при признаніи, что подсудимый имѣлъ намѣреніе похитить имущество тайно, такъ, чтобы хозяева и свидѣтели не могли этого замѣтить, дѣяніе является кражею, а не грабежемъ (1159/71).

Правительствующій сенатъ призналъ, что слово «отнялъ» вполнѣ обнимаетъ понятіе о грабежѣ втораго рода; поэтому помѣщеніе въ вопросахъ одного слова «отнятіе», безъ указанія на другіе существенные признаки этого преступленія, не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора, если только сопровождающими дѣло обстоятельствами не возбуждается сомнѣнія въ виновности подсудимаго въ самоуправствѣ (43/69, 187/68, 673/68). Но выраженіе «отнялъ» безъ указанія на корыстную цѣль отнятія, можетъ быть допущено въ вопросахъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда корыстная цѣль отнятія очевидна изъ обвинительнаго акта и не опровергнута и на судебномъ слѣдствіи. Если же корыстная цѣль не выяснена въ обвинительномъ актѣ, а на судѣ дѣло представилось въ такомъ видѣ, что судъ самъ усумнился въ ней и вслѣдствіе этого поставилъ два вопроса — одинъ о виновности въ грабежѣ, а другой въ самоуправствѣ, то въ вопросѣ о грабежѣ

онъ не можетъ ограничиться однимъ выраженіемъ «отнятіе», а безусловно долженъ указать и на корыстную цѣль отнятія (18 мая 1873 г. Жекулина. Указ.).

1642 статья предусматриваетъ грабежъ, соединенный съ большимъ или меньшимъ насиліемъ противъ ограбленнаго, не подходящимъ по свойству своему подъ разбой (31 января 1875 г. по дѣлу Дьякова и Покровскаго) или съ угрозами, не представлявшими опасности для жизни или здоровья ($^{88}/_{66}$).

Какъ насиліе, такъ и угрозы должны быть средствомъ для отнятія имущества, а не сопровождать отнятіе, и должны быть направлены противъ самого ограбленнаго ($^{135}/_{67}$).

Въ вопросахъ можетъ быть употреблено законное выраженіе: «съ насиліемъ, не подвергавшимъ опасности ни жизнь, ни здоровье ограбленнаго», хотя болѣе правильнымъ признается указаніе въ вопросахъ самыхъ дѣйствій, въ которыхъ выразилось насиліе, если эти дѣйствія опредѣлены слѣдствіемъ несомнѣнно и точно ($^{243}/_{70}$). По дѣлу Киселевыхъ (ib.) сенатъ нашелъ, что «употребленныя въ вопросахъ присяжнымъ слова: «было ли употреблено противъ Натальи Григорьевой насиліе, которое однако не подвергало опасности ни жизнь, ни здоровье ограбленной?» понятны для всякаго и довольно точно выражаютъ свойства и степень насилія; что хотя свойство насилія лучше и ближе всего къ требованію закона (ст. 760 уст.) можетъ быть выражено указаніемъ самыхъ насильственныхъ дѣйствій, когда эти дѣйствія опредѣлены слѣдствіемъ несомнѣнно и точно, но о томъ, была ли возможность такого указанія въ данномъ случаѣ, можетъ судить лишь тотъ судъ, который разсматривалъ дѣло въ существѣ». Поэтому вопросы по 1642 ст. ставятъ напр. такимъ образомъ: «виновенъ ли Ивановъ въ томъ, что днемъ на улицѣ, взявъ Судакова за плечо, заставилъ его отдать деньги Маркова?» ($^{510}/_{70}$); виновенъ ли Бакулинъ въ томъ, что 31 мая 1868 года, близъ сельца Пасынкова, отнялъ у солдатской вдовы Васильевой пальто, причемъ нанесъ ей побои по лицу, разорвавъ платье и рубашку ($^{623}/_{71}$) и т. п.

Употребленное въ вопросѣ о виновности въ грабежѣ выраженіе «*выхватилъ*» содержитъ въ себѣ понятіе о томъ насиліи, о которомъ говорится въ 1642 ст. (9 іюля 1873 г., Шевченко. Указ.).

1643 статья предусматриваетъ открытое похищеніе чужаго имущества безъ всякаго насилія и безъ угрозъ (31 января 1875 г., по д. Дьякова и Покровскаго). Вмѣсто «открыто похитилъ» въ во-

просахъ можетъ быть употреблено слово «отнялъ» вполнѣ обнимающее понятіе о грабежѣ, предусмотрѣнномъ ст. 1643 (43/69, 673/68, 73/68, 536/69). См. ст. 1637.

2 п. 1643 ст. Вопросъ о совершеніи грабежа на проѣзжей дорогѣ долженъ быть разрѣшенъ присяжными засѣдателями (43/69). Обстоятельство совершенія грабежа на проѣзжей дорогѣ можетъ быть помѣщено и въ главномъ вопросѣ и выражено словами: «на дорогѣ изъ села въ село» (43/69). Вопросъ былъ слѣдующій: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, встрѣтя крестьянку Маргачеву, *на дорогѣ изъ села Сытухи въ село Алисово*, отнялъ у нея принадлежащіе ей чекмень и мѣшечекъ, въ которомъ находились разныя вещи?»

4 п. 1643 ст. Изъ буквальнаго смысла послѣдней части 1643 ст. о совершеніи открытаго похищенія нѣсколькими лицами вовсе не слѣдуетъ, чтобы опредѣленное за это преступленіе уголовное наказаніе относилось лишь къ случаямъ, когда открытое похищеніе совершено въ ночное время, о чемъ говорится въ предыдущей части означенной статьи закона, и когда совокупное дѣйствіе грабителей было слѣдствіемъ предварительнаго уговора (1426/70).

Слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по фактическимъ признакамъ преступленія: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, по дорогѣ изъ села Матеры на Рыльскій перевозъ, передъ вечеромъ отнялъ явно у крестьянина Михайла Сизова кошелекъ съ деньгами 35 руб. 25 коп., съ намѣреніемъ присвоить ихъ себѣ (1426/70).

Вопросы по признакамъ 1642 и 1643 ст.:

1) Виновенъ ли Захаровъ въ томъ, что 29 апрѣля 1871 года, въ городѣ Холму, напавъ на крестьянина Федорова, явно похитилъ принадлежащія ему деньги?

2) Виновенъ ли въ томъ же преступленіи мѣщанинъ Дьяконовъ?

3) Сопровождалось ли отнятіе денегъ у Федорова насиліемъ?

4) Совершено ли преступленіе въ ночное время?

5) Если оба виновны въ ограбленіи Федорова, то совершено ли ими это преступленіе при совмѣстномъ участіи? (1594/72).

1644. Существенныя условія кражи: взятіе вещи втайнѣ, безъ вѣдома и согласія хозяина ея, б) съ цѣлью извлечь изъ нея для себя пользу (643/69), присвоить ее или распорядиться ею, какъ своею собственностію (43/71), причемъ намѣреніе присвоенія должно предшествовать переходу имущества въ фактическое обладаніе (98/72) и в) завѣдомо чужой (1643/70).

Вопросъ о принадлежности похищаемаго имущества подлежитъ разрѣшенію не присяжныхъ, а суда. По дѣлу Поликайнъ (55/68) были постановлены на разрѣшеніе присяжныхъ слѣдующіе вопросы: 1) «виновна ли подсудимая Поликайнъ въ томъ, что, сломавъ замокъ, которымъ былъ запертъ сундукъ Семеновыхъ, похитила оттуда деньги, на сумму менѣе 300 руб.? 2) если виновна, то принадлежали ли эти деньги одному Марку Семенову? 3) если деньги принадлежали одному Марку Семенову, то позволилъ ли онъ подсудимой взять и воспользоваться взятыми ею деньгами, находившимися въ сундукѣ?» Сенатъ нашелъ, что, по закону, предлагаемые присяжнымъ вопросы должны относиться къ виновности подсудимаго въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія, и къ такимъ обстоятельствамъ, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности (ст. 755 уст.). Между тѣмъ изъ вопросовъ, постановленныхъ по настоящему дѣлу, можно признать сообразными съ этимъ закономъ только первый вопросъ, какъ относящійся къ предмету обвиненія, и послѣднюю часть третьяго вопроса, какъ относящуюся къ обстоятельству, которое могло имѣть вліяніе на вмѣняемость или, по крайней мѣрѣ, на уменьшеніе степени виновности подсудимой; второй же вопросъ и условіе, постановленное въ первой части третьяго вопроса, относились къ юридической сторонѣ дѣла, насколько она зависѣла отъ обсужденія, кому принадлежали въ собственность деньги, хранившіяся въ сундукѣ Марка Семенова, и потому вопросы по этому предмету, касавшемуся гражданскаго права, ни въ какомъ случаѣ не подлежали обсужденію и разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей».

Нѣтъ сомнѣнія, что постановка 2-го и 3-го вопросовъ по дѣлу Поликайнъ не имѣетъ законнаго основанія. При утвердительномъ отвѣтѣ на эти вопросы разрушается законный составъ преступленія кражи, такъ какъ отвергается одинъ изъ существенныхъ признаковъ этого преступленія, именно взятіе вещи втайнѣ, безъ вѣдома и согласія хозяина ея. При-этомъ, при утвержденіи всѣхъ трехъ вопросовъ вышло бы, что по первому вопросу подсудимая виновна въ похищеніи, а по двумъ послѣднимъ, что она дѣйствовала по праву; взятіе же имущества, на которое подсудимый считалъ себя имѣющимъ право, не составляетъ кражи (1648/70). По 812 ст. уст., присяжные засѣдатели имѣютъ право сами отвѣтить отрицательно на который-либо изъ признаковъ, входящій въ со-

ставъ вопроса; но о томъ, чтобы на разрѣшеніе ихъ предлагались обстоятельства, на основаніи коихъ можетъ быть отвергнутъ такой признакъ, въ законѣ нигдѣ не говорится, и по точному указанію въ уставѣ предметовъ, служащихъ содержаніемъ вопросовъ, такіе вопросы и допущены быть не могутъ. Такимъ образомъ, по означенному дѣлу, не постановляя 2 и 3 вопросовъ, присяжнымъ слѣдовало только объяснить (ст. 801 уст.), что если они найдутъ, что деньги принадлежали Марку Семенову и что этимъ послѣднимъ дано было позволеніе подсудимой взять ихъ и воспользоваться ими, то должны отвѣтить на вопросъ о виновности въ кражѣ отрицательно. Что же касается того положенія, высказаннаго правительствующимъ сенатомъ, что вопросъ о принадлежности похищеннаго долженъ быть разрѣшенъ не присяжными, а судомъ, то положеніе это, во-первыхъ, противорѣчитъ закону (ст. 760 уст.), въ силу котораго присяжные должны утвердить или отвергнуть всѣ существенные признаки преступленія, слѣдовательно въ дѣлахъ о кражахъ признать, что вещь по отношенію къ подсудимому была *чужая*; во-вторыхъ, противорѣчитъ въ данномъ случаѣ словамъ же самого правительствующаго сената, признавшаго постановку перваго вопроса по дѣлу Полпкайпъ сообразною съ закономъ, а между тѣмъ въ вопросѣ этомъ говорится: «похитила», похищеніе же предполагаетъ, что вещь не принадлежала подсудимой, что она была по отношенію къ ней чужая; утверждая же этотъ признакъ, присяжные, само собою разумѣется, рѣшаютъ вопросъ о принадлежности вещи.

1647. Кража со взломомъ составляетъ одинъ изъ видовъ тайнаго похищенія имущества, и взломъ входитъ въ составъ опредѣленія этого преступленія, какъ существенный его признакъ ($^{429}/_{67}$, $^{447}/_{67}$, $^{568}/_{68}$, $^{574}/_{69}$).

Поэтому обстоятельство взлома не можетъ быть выдѣляемо въ особый вопросъ, а должно быть помѣщаемо въ главномъ вопросѣ, въ которомъ излагаются всѣ существенные признаки преступленія ($^{429}/_{67}$, $^{574}/_{69}$).

Подъ взломомъ законъ понимаетъ такія поврежденія, которыя имѣютъ цѣлью проникнуть въ запертое помѣщеніе, въ которомъ хранится какое-либо имущество ($^{1693}/_{71}$).

Законъ разумѣетъ два рода взломовъ: къ первому отнесены поврежденія, дѣлаемыя съ намѣреніемъ проникнуть внутрь зданія,

за исключеніемъ поврежденія оконъ, которое во всякомъ случаѣ составляетъ взломъ низшаго рода; затѣмъ какъ поврежденіе оконъ, такъ и всѣ другія поврежденія внутри зданія, состоятъ ли они въ разбитіи или поврежденіи внутреннихъ дверей, или какихъ-либо хранилищъ, отнесены ко взлому втораго рода (681/68).

Вопросъ о томъ, къ какой категоріи долженъ быть отнесенъ взломъ, безусловно подлежитъ разрѣшенію присяжныхъ (259/67).

«Взломъ» — понятіе юридическое и потому не можетъ быть употреблено въ вопросахъ присяжнымъ (367/70, 1720/71).

Въ вопросахъ должны быть указаны всѣ тѣ признаки, по которымъ можно бы было судить, совершена ли кража со взломомъ перваго или втораго рода (1720/71, 1738/71, 414/68). Такимъ образомъ, въ вопросахъ должно быть указано: были ли взломаны двери наружныя или внутреннія (1415/72), былъ ли взломанъ замокъ на наружной или на внутренней двери (681/68, 734/68, 817/69, 1720/71 и др.) и т. п.

«Проломомъ» признается всякое отверстіе въ стѣнѣ, кровлѣ или иной части зданія или строенія, когда оно сдѣлано посредствомъ поврежденія, съ цѣлью проникнуть въ то мѣсто, изъ котораго виновный намѣренъ похитить имущество (376/68, 558/70). Проломомъ можетъ быть признаваемо лишь такое въ стѣнѣ, кровлѣ или иной части строенія отверстіе, которое сдѣлано посредствомъ поврежденія сихъ частей (1844/71).

Подъ словомъ «проникнуть» законъ понимаетъ не то, чтобы совершившій взломъ могъ войти въ зданіе, а чтобъ онъ могъ облегчить для себя возможность похитить предметы, находящіеся въ немъ (838/70).

Въ вопросахъ указываются фактическіе признаки, въ которыхъ выражается понятіе о взломѣ 1-го рода. Къ взлому 1-го рода правительствующій сенатъ относитъ: разобраніе соломенной крыши, стѣны, окружавшей дворъ (376/68); просверленіе дыры въ стѣнѣ амбара для похищенія чрезъ отверстіе это хлѣба (261/71), просверленіе, съ тою же цѣлью, дыръ въ полу хлѣбнаго амбара (1027/72, 838/70); разобраніе досокъ деревянной крыши сарая, укрѣпленныхъ веревками (112/70), сломаніе подворотни (849/69), поврежденіе потолка строенія (558/70), поврежденіе наружной двери выпутіемъ пробоя (140/69), разломаніе плетня и раздвинутіе его (301/69).

Постановка особаго вопроса о томъ, когда именно совершенъ

взломъ, до совершенія кражи, во время или послѣ ея совершенія, закономъ не требуется ($^{982}/_{71}$).

Цѣна покраденнаго не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи наказанія за кражу со взломомъ и потому неозначеніе въ вопросѣ таковой цѣны не составляетъ нарушенія закона ($^{269}/_{67}$).

1648. Главный и существенный признакъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1648 ст., есть похищеніе изъ запертыхъ помѣщеній, открытыхъ посредствомъ какого-либо орудія, безъ употребленія той силы, какая необходима для учиненія подкопа, пролома или иного поврежденія, требующаго извѣстнаго усилія. Такимъ образомъ, по точному смыслу 1648 ст., для примѣненія второй половины первой части этой статьи, представляется безусловно необходимымъ то существенное обстоятельство, чтобы кража была произведена изъ запертыхъ хранилищъ или помѣщеній, открытыхъ похитителемъ безъ поврежденія, подобнаго взлому, безразлично, будутъ ли они открыты ключами, указанными въ этой статьѣ, т. е. украденными, подобранными или поддѣланными, или же какими-либо другими орудіями: крючьями, гвоздями и т. п. ($^{649}/_{69}$, $^{435}/_{70}$); безразлично также, самъ ли виновный укралъ такой ключъ, или воспользовался ключемъ, украденнымъ другимъ лицомъ ($^{2000}/_{69}$).

Существенный признакъ ст. 1648 есть то, чтобы помѣщеніе, изъ котораго совершена кража, было заперто въ моментъ кражи и отперто именно для совершенія оной ($^{544}/_{72}$).

Если бы даже для совершенія похищенія изъ запертаго помѣщенія и не было употреблено какого-либо орудія, но для открытія требовалось извѣстное напряженіе силы и этимъ напряженіемъ достигнуто было уничтоженіе дѣйствія запора, находящагося на хранилищѣ похищеннаго имущества, то такое дѣяніе соотвѣтствуетъ взлому, предусмотр. 2 ч. 1648 ст. и состоящему въ открытіи, посредствомъ какого-либо рода орудій, запертаго хранилища, съ цѣлью похищенія находящагося въ немъ имущества ($^{1440}/_{72}$). Поэтому дѣйствіе подсудимаго, заключающееся въ томъ, что онъ снялъ съ петель ничѣмъ не прикрѣпленное полотно одной половины запертыхъ воротъ сарая и похитилъ изъ сарая имущество, соотвѣтствуетъ, по своимъ признакамъ, преступленію, предусмотрѣнному 2 ч. 1648 ст. (ib.).

Цѣна покраденнаго имущества не имѣетъ никакого вліянія на опредѣленіе наказанія за кражу посредствомъ похищеннаго ключа, и потому невключеніе въ вопросы цѣны похищеннаго не имѣетъ никакого значенія ($^{215}/_{71}$).

бывшій на дорогѣ и увязшій въ снѣгу, отправился съ работникомъ своимъ за помощью, оставивъ сани съ вещами на дорогѣ?» ($^{1920}/_{71}$).

1653. Существенные признаки: а) нахожденіе оружія или орудія, независимо отъ того, было ли оно взято для взлома или находилось при виновномъ случайно ($^{500}/_{67}$, $^{9}/_{684}$, $^{93}/_{68}$, $^{234}/_{70}$, $^{4}/_{72}$, $^{113}/_{73}$) и хотя бы и не съ цѣлью нанести смерть или увѣчье ($^{1569}/_{72}$) и б) возможность нанесенія имъ смерти или увѣчья, независимо отъ величины или исправности орудія или оружія ($^{166}/_{71}$, $^{567}/_{69}$, $^{721}/_{69}$); но вмѣстѣ съ этимъ опредѣленіе закона: «орудіе, коимъ можно нанести смерть или увѣчье», надлежитъ понимать не въ обширномъ, а въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. понимать подъ этимъ не всякое орудіе, коимъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно нанести смерть или увѣчье, а лишь опасное орудіе, коимъ и безъ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ можно нанести съ первыхъ ударовъ смерть или увѣчье ($^{235}/_{73}$).

Наличность орудія или оружія, а равно опредѣленіе свойства его составляетъ вопросъ фактическій, подлежащій разрѣшенію присяжныхъ ($^{9}/_{68}$, $^{111}/_{69}$, $^{1161}/_{72}$). Поэтому въ вопросахъ должно быть указано: было ли у виновнаго оружіе или орудіе ($^{9}/_{68}$, $^{111}/_{69}$) и могъ ли онъ этимъ орудіемъ нанести смерть или увѣчье ($^{567}/_{69}$, $^{774}/_{72}$, $^{1161}/_{72}$). Но въ вопросахъ не предполагается: съ какою цѣлью было взято оружіе и было ли оно употреблено для взлома ($^{111}/_{69}$, $^{500}/_{69}$, $^{732}/_{72}$).

Вопросы: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 8 января 1870 года тайно похитилъ изъ дома крестьянина Иванова разныя вещи, на сумму менѣе 300 руб.? Если виновенъ, то имѣлъ ли онъ при себѣ такое орудіе, которымъ могъ нанести смерть или увѣчье человѣку?

1654. Для примѣненія 1654 ст. достаточно: а) чтобы у одного изъ участниковъ кражи со взломомъ было оружіе или орудіе, которыми могутъ быть нанесены смерть или увѣчье, и б) чтобы въ совершеніи преступленія участвовало два или болѣе лицъ, сговорившихся на кражу ($^{271}/_{72}$, $^{488}/_{67}$, $^{359}/_{67}$, $^{304}/_{72}$).

Выраженіе «вооруженный» тожественно съ выраженіемъ: «имѣющій при себѣ оружіе или орудіе», о чемъ говорится въ 1653 ст. ($^{721}/_{69}$), причемъ понимается не всякое орудіе, коимъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ можно нанести смерть или увѣчье, а лишь опасное орудіе, которымъ и безъ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ можно нанести съ первыхъ ударовъ смерть или увѣчье ($^{235}/_{73}$); выраженіе «сговорившись» имѣетъ такое же

значеніе, какъ и выраженія: «по предварительному соглашенію», «по предварительному уговору» (721/69); «нѣсколько лицъ» можетъ означать и двухъ (721/69, 1/72).

Вооруженное состояніе входитъ въ число существенныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1654 ст., и потому должно быть помѣщено въ главномъ вопросѣ (970/72) [1]).

Въ вопросѣ о свойствѣ орудія можетъ быть употреблено слово «можно». По дѣлу Григорьева и др. (1571/72), подсудимые въ кассаціонной жалобѣ объясняли, что въ отвѣтѣ на 6-й вопросъ [если всѣ или кто-либо изъ подсудимыхъ виновенъ, то при совершеніи похищенія имѣлъ ли кто-либо изъ нихъ такое орудіе (топоръ), которымъ можно нанести смерть или увѣчье] присяжные засѣдатели признали то, что у подсудимыхъ былъ топоръ, которымъ «можно» нанести смерть или увѣчье, а не то, что подсудимые «могли» имъ нанести смерть или увѣчье, между тѣмъ какъ въ этомъ заключается существенная разница, ибо слово «могли» подразумѣваетъ, что въ данномъ случаѣ были обстоятельства, при которыхъ могла послѣдовать и самая смерть, а слово «можно» говоритъ объ общемъ случаѣ т. е. что при извѣстныхъ обстоятельствахъ подсудимые могли нанести смерть, а при другихъ — не могли; при такой неточности отвѣта присяжныхъ засѣдателей, преступное дѣяніе, въ которомъ обвиняются просители, нельзя подвести подъ 1654 ст. ул., тѣмъ болѣе, что ст. 1641, на которую сдѣлана ссылка въ 1654 ст., требуетъ безусловно наличности «оружія», а не «орудія», о которомъ безразлично упоминается только въ ст. 1653 улож. Правительствующій сенатъ нашелъ, что въ рѣшеніи сената 1869 г. № 721, по дѣлу Авловыхъ, уже было разъяснено, что какъ въ ст. 1654, такъ и въ состоящей съ нею въ связи, предшествующей ст. 1653, опредѣляющихъ наказаніе за вооруженную кражу, предусматривается такое похищеніе имущества, при которомъ виновные имѣли при себѣ не только какое-либо оружіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и вообще всякаго рода орудіе, которымъ можно нанести смерть или увѣчье; указываемая же подсудимыми ссылка на статьи 1604 и 1641 улож. относится не къ разъясненію этимъ послѣднимъ закономъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1654, а къ опредѣленію только рода и степени полагаемаго за это преступленіе наказанія; объ измѣненіи изложенія 6-го предложеннаго при-

[1]) Но въ рѣшеніи 567/69 вооруженное состояніе, предусмотрѣнное 1654 ст., признано обстоятельствомъ особо увеличивающимъ вину.

сяжнымъ засѣдателямъ вопроса, относительно признанія судимой кражи вооруженною, согласно буквальному содержанію ст. 1653 улож., въ томъ смыслѣ, имѣлъ ли кто-либо изъ лицъ, признанныхъ виновными по 4 и 5 вопросамъ, во время совершенія кражи, такое орудіе, которымъ онъ «могъ», а не вообще «можно» нанести смерть или увѣчье, ни подсудимые, ни защитникъ ихъ, согласно требованію ст. 762, замѣчаній суду не представляли и понимать утвердительный отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей на 6-й вопросъ въ иномъ смыслѣ, какъ признаніемъ судимой кражи имѣющею, при данныхъ обстоятельствахъ дѣла, законное значеніе кражи вооруженной, не представляется уважительныхъ основаній.

1655. Вопросъ о цѣнѣ похищеннаго разрѣшается присяжными засѣдателями ($^{83\,9}/_{71}$).

Неразрѣшеніе присяжными цѣны покраденнаго толкуется въ пользу подсудимаго, т. е. что кража была на сумму менѣе 300 р. ($^{929}/_{70}$).

1657. Существенные признаки: а) похищеніе или истребленіе актовъ, документовъ и бумагъ, наиболѣе важные виды коихъ указаны, для примѣра, въ статьѣ и б) съ цѣлью не только противозаконнаго пріобрѣтенія права на имущество, но и вообще съ цѣлью доставленія себѣ или кому-либо другому противозаконной выгоды ($^{298}/_{70}$, $^{751}/_{71}$).

Поэтому въ вопросахъ должно быть указано: а) самый документъ или актъ, напр. паспортъ ($^{298}/_{70}$), книжка сберегательной кассы ($^{936}/_{68}$), собственная долговая росписка ($^{972}/_{69}$, $^{751}/_{70}$), платежная росписка ($^{906}/_{70}$), вексель ($^{1452}/_{72}$) и б) на то, что подсудимый имѣлъ намѣреніе поступкомъ своимъ доставить себѣ или другому противозаконную выгоду ($^{751}/_{71}$).

Для примѣненія 1657 ст. необходимо признаніе: а) что документъ, объ уничтоженіи котораго возбуждено дѣло, былъ предъявленъ лицу обвиняемому въ его уничтоженіи; б) что онъ былъ уничтоженъ этимъ лицомъ безъ согласія владѣльца, и в) что уничтожившее этотъ документъ лицо руководствовалось при-этомъ корыстною цѣлью, намѣреваясь доставить этимъ себѣ или другому противозаконную выгоду (20 февраля 1875 г., Степанова. «Судебн. Вѣсти.» $^{92}/_{75}$).

Вопросъ по признакамъ 1657 ст.: «виновенъ ли подсудимый мѣщанинъ Николай Гуляевъ въ томъ, что, состоя должнымъ купцу Прохору Савину 300 руб., по выданному 6 іюня 1868 года век-

селю, и не уплативъ денегъ, истребилъ означенный вексель съ намѣреніемъ воспользоваться неуплоченными деньгами?» (1227/72).

1665. Существенные признаки: а) *похищеніе* (983/71, 15/71, 574/72); б) *чужихъ* денегъ, вещей или движимаго имущества, на которое простиралось право другаго лица (321/69, 591/70); в) *посредствомъ* обмана, т. е. чтобы обманъ былъ употребленъ какъ средство для полученія имущества (885/68, 513/71, 380/69), причемъ обманъ необходимо долженъ предшествовать полученію имущества (852/71, 949/71) и можетъ быть употребленъ не только противъ хозяина имущества, но и противъ другаго лица, напр. въ отсутствіе хозяина (1406/71), и г) такого *обмана*, въ силу котораго владѣлецъ соглашается на выдачу имущества похитителю, полагая, что на полученіе его похититель имѣетъ извѣстное право, или почитая такую выдачу, вслѣдствіе сообщенныхъ похитителемъ ложныхъ извѣстій, увѣреній въ чемъ-либо не совершившемся или не существующемъ, для себя выгодною (67/69, 1510/72), такого обмана, отъ котораго нельзя уберечься посредствомъ обыкновенныхъ въ житейскомъ быту осторожности, предусмотрительности и вниманія къ своимъ интересамъ (983/71).

Въ вопросахъ должны быть указаны фактическіе признаки обмана. По дѣлу Постовскаго (388/68) были постановлены слѣдующіе вопросы: 1) «доказано ли, что у Ликъ былъ взятъ *обманнымъ образомъ* и не возвращенъ вексель въ 6000 р., писанный отъ имени Шварцъ? 2) если это доказано, то виновенъ ли подсудимый Постовскій въ томъ, что, получивъ *обманнымъ образомъ* отъ Ликъ означенный вексель для размѣна, по случаю предположенной покупки имѣнія генерала Юкичева, онъ не возвратилъ Ликъ, несмотря на ея требованія, ни денегъ, ни векселя, подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ разсчеты его съ Ликъ уже покончены, самый же вексель передалъ, какъ свою собственность, генералу Юкичеву?» Правительствующій сенатъ нашелъ, что присяжные, согласно предложеннымъ судомъ вопросамъ, признали, что Постовскій обманнымъ образомъ взялъ вексель у Ликъ, но въ чемъ заключался обманъ, того ни изъ вопросовъ, ни изъ отвѣтовъ на нихъ присяжныхъ не видно. Такого рода постановка вопросовъ совершенно противна правиламъ, изложеннымъ въ 754 и 760 ст. уст. Для того, чтобы обвиняемый могъ быть признанъ виновнымъ въ обманѣ, нужно, чтобы судъ имѣлъ въ виду *фактъ обмана*, т. е. тѣ признаки, изъ которыхъ слагается понятіе объ обманѣ.

1666 и 1667 улож., 173 и 174 ст. уст. о нак.

173. Для признанія «обмана въ качествѣ товара» уголовно наказуемымъ необходимо: а) употребленіе со стороны продавца какихъ-либо особыхъ приготовленій для того, чтобы скрыть отъ покупателя недостатки предмета и утвердить въ немъ убѣжденіе въ справедливости его увѣреній относительно качествъ продаваемаго предмета, совершеніе особыхъ дѣйствій съ намѣреніемъ скрыть отъ покупателя недостатки продаваемаго предмета, совершеніе предварительныхъ тайныхъ дѣйствій, отъ которыхъ продаваемый предметъ получалъ бы мнимыя качества и достоинства, или скрывалъ имѣющіеся въ немъ недостатки, а не простое умолчаніе о недостаткахъ продаваемой вещи или преувеличеніе достоинства ея, если покупатель при-этомъ могъ предостеречь себя отъ обмана при нѣкоторой съ его стороны осторожности, продажа предмета ненадлежащаго или условленнаго качества, и б) съ цѣлью похищенія чужаго имущества (885/68, 742/69, 456/69, 185/69, 905/69, 688/71 и др.).

Для признанія проступка, предусмотрѣннаго въ ст. 173 уст. о нак., подъ именемъ обмана «при размѣнѣ денегъ или въ разсчетѣ платежа», необходимо присвоеніе себѣ денегъ или въ разсчетѣ, или въ размѣнѣ, посредствомъ обмана (1090/71).

174. п. 1. Первый пунктъ 174 ст. предусматриваетъ подмѣнъ вещей съ цѣлью извлечь изъ этого выгоду; поэтому подъ понятіе этого преступленія подходитъ и тотъ случай, когда подмѣнъ былъ не средствомъ похищенія, а средствомъ избѣжать наказанія (471/71).

2 п. Ложныя свѣдѣнія должны быть таковы, чтобы они могли побудить обманутаго къ невыгодной для него сдѣлкѣ (865/69); одно неисполненіе какого-либо обѣщанія не составляетъ мошенничества, хотя бы за это выполненіе и было получено вознагражденіе (588/69).

Въ вопросахъ должно быть указано, какого рода ложныя свѣдѣнія были сообщены подсудимымъ, въ чемъ они заключались, какимъ образомъ подсудимый ввелъ потерпѣвшаго въ заблужденіе. Слѣдующій вопросъ признанъ постановленнымъ не согласно съ 754 ст.: «виновенъ ли купецъ Иванъ Степановъ въ томъ, что, сообщивъ 23 сентября 1865 года Евстратову ложныя свѣдѣнія о покупкѣ у него быковъ за цѣну, которую онъ не имѣлъ намѣренія уплатить, выманивъ тѣмъ у Евстратова 48 быковъ и, воспользовавшись этимъ, не выдаетъ Евстратову ни росписки, ни должныхъ денегъ?» (209/69).

3 п. Для наличности преступленія, предусмотрѣннаго въ 3 п.

174 ст., необходимо: а) чтобы вполнѣ оплаченный документъ былъ удержанъ, не возвращенъ кредиторомъ, а не похищенъ или истребленъ должникомъ ($^{206}/_{70}$, $^{1553}/_{70}$, $^{1334}/_{70}$); б) чтобы причиною невозвращенія документа или неозначенія на немъ о полученіи уплаты было намѣреніе вновь потребовать уплату долга ($^{211}/_{70}$, $^{153}/_{67}$), и в) чтобы намѣреніе это выразилось въ какихъ-либо дѣйствіяхъ, напр. въ представленіи обязательства ко взысканію ($^{153}/_{67}$, $^{180}/_{70}$, $^{211}/_{70}$, $^{970}/_{70}$), или же въ предъявленіи иска, хотя бы и безъ представленія обязательства въ чемъ выражается сознательное намѣреніе вторично взыскать уже оплаченный долгъ ($^{1009}/_{71}$).

4 п. Для примѣненія 4 п. 174 ст. необходимо, чтобы закладъ не только былъ удержанъ, но удержанъ посредствомъ обмана и съ цѣлью присвоенія его ($^{1015}/_{71}$).

5 п. Пунктъ пятый 174 ст. предусматриваетъ случай отдачи заложеннаго имущества въ пользованіе, съ цѣлью присвоить себѣ полученныя за это деньги, или извлечь другую противозаконную выгоду, т. е. тѣ случаи, когда лицо, принявшее залогъ, распоряжается имъ безъ согласія заложившаго его, съ корыстною цѣлью. Поэтому подъ дѣйствіе 5 п. 174 ст. не подходитъ случай пользованія заложенною вещью самимъ залогопринимателемъ безъ согласія закладчика ($^{1171}/_{70}$).

1668 Подъ присвоеніемъ себѣ непринадлежащаго званія слѣдуетъ разумѣть присвоеніе какого-либо служебнаго или должностнаго званія, а не наименованіе себя чужимъ именемъ съ цѣлью мошенничества, каковое дѣяніе составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 7 п. 175 ст. уст. о наказ. (14 декабря 1874 г., Пискунова).

Неточное означеніе виновнымъ присвоеннаго имъ себѣ служебнаго званія (напр. наименованіе себя чиновникомъ особыхъ порученій, безъ указанія при-этомъ, при какомъ установленіи онъ состоитъ и чье порученіе исполняетъ), не имѣвшее никакого значенія для обманутыхъ имъ лицъ, не можетъ имѣть вліянія на опредѣленіе отвѣтственности за преступленіе, предусм. 1668 ст. улож. ($^{73}/_{72}$).

Вопросъ по признакамъ 1668 ст.: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ ноябрѣ 1871 года, выдавая себя за другое лицо, дѣйствовавшее по порученію с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, обманомъ выманилъ у одного или у нѣсколькихъ лицъ подъ видомъ благотворительныхъ приношеній, деньги, на сумму менѣе 300 руб.?» ($^{1432}/_{72}$).

1681, 1682. Присвоеніе ввѣреннаго чужаго движимаго имуще-

ства есть противозаконное обращеніе въ собственность этого имущества, чрезъ удержаніе его подъ ложнымъ предлогомъ, что оно не было поручено, или же возвращено, или употреблено по назначенію, а растрата есть издержаніе или отчужденіе такого противозаконно присвоеннаго имущества ($^{1243}/_{72}$, $^{576}/_{71}$). Въ присвоеніи чужой вещи можетъ быть употребленъ обманъ, но въ этомъ случаѣ онъ служитъ средствомъ не похищенія, а удержанія за собою ввѣренной вещи ($^{380}/_{69}$, $^{612}/_{70}$).

Существенные признаки растраты составляютъ: а) издержаніе или отчужденіе имущества; б) отдача имущества, о растратѣ коего идетъ рѣчь, на сохраненіе или для точно опредѣленнаго употребленія, подъ которое нельзя подводить напр. выдачу денегъ на такой расходъ, который предоставленъ произволу того, кто получилъ деньги ($^{1313}/_{72}$, $^{509}/_{70}$, $^{866}/_{70}$, $^{42}/_{71}$, $^{978}/_{68}$), и в) запирательство въ полученіи вещи или ложное увѣреніе, что вещь уже возвращена или передана, или употреблена по назначенію, или же что она истреблена или утрачена ($^{133}/_{68}$, $^{962}/_{70}$, $^{360}/_{71}$, $^{576}/_{71}$).

Ст. 1682 ул. и 177 ст. уст. о нак., для признанія предусмотрѣннаго ими дѣянія преступнымъ, не требуютъ совмѣстнаго существованія присвоенія и растраты чужаго имущества, но опредѣляютъ наказаніе за присвоеніе или же за растрату ($^{1243}/_{72}$).

Выраженіе «присвоилъ» принадлежитъ къ числу юридическихъ терминовъ и не можетъ быть употреблено въ вопросахъ присяжнымъ; судъ обязанъ указать въ вопросахъ факты, заключающіе въ себѣ признаки присвоенія ($^{1708}/_{71}$). «Растрата» «растратилъ» — термины юридическіе и въ вопросахъ присяжнымъ должны быть замѣняемы выраженіями: «издержалъ на свои надобности», «израсходовалъ» и т. п. ($^{379}/_{69}$).

1688. Сущность преступленія, опредѣленнаго въ 1688 ст., состоитъ въ вовлеченіи кого-либо, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, въ невыгодную сдѣлку, независимо отъ того, будетъ ли она по существу своему признана дѣйствительною или нѣтъ, посредствомъ ложнаго увѣренія въ чемъ-либо несуществующемъ или посредствомъ обмана, который можетъ сопровождаться, какъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, злоупотребленіемъ довѣрія, присвоеніемъ непринадлежащаго званія или подлогомъ ($^{164}/_{67}$, $^{983}/_{69}$).

Если актъ составленъ отъ имени и при участіи лицъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ составленіи акта и при-этомъ какою-либо стороною употреблены, для завладѣнія чужимъ имуществомъ, обманныя дѣйствія, имѣвшія цѣлью побудить къ совершенію акта,

или привесть противную сторону въ заблужденіе относительно значенія сдѣлки, силы и дѣйствительности акта, то подобнаго рода поступокъ, если притомъ употребленныя для обмана средства могутъ быть признаны обманомъ, подлежащимъ преслѣдованію уголовному, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1665 и 1688 ст. ул. ($^{36}/_{73}$).

Употребленіе подложнаго документа составляетъ отличительный признакъ, отдѣляющій преступленіе, предусмотрѣнное въ 1688 ст., отъ преступленія, указаннаго въ 173 и 174 ст. уст. о нак. ($^{67}/_{70}$, $^{164}/_{67}$); но документъ этотъ долженъ быть отъ имени частныхъ лицъ, а не судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и начальствъ ($^{859}/_{68}$).

Дѣяніе подсудимаго, заключающееся въ томъ, что онъ заключилъ подъ чужимъ именемъ условіе о поступленіи за другое лицо въ рекруты, причемъ подписалъ это условіе чужимъ именемъ и предъявилъ для удостовѣренія своего званія чужой паспортъ, чѣмъ вовлекъ потерпѣвшаго въ расходы на покупку платья и на угощеніе, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1688 ст. ($^{164}/_{67}$). Точно также дѣйствія подсудимыхъ, состоящія въ томъ, что, желая воспользоваться деньгами другаго лица, выдали сему послѣднему взаймы пять руб. и уговорили его дать вексель въ 150 руб., ложно удостовѣривъ, что у нихъ, подсудимыхъ, нѣтъ подходящей вексельной бумаги, причемъ обѣщали остальную сумму заплатить на другой день, но обѣщанія этого не исполнили,—вполнѣ подходятъ, по признакамъ своимъ, подъ преступленіе, предусмотрѣнное въ 1688 ст. ($^{219}/_{73}$). Но дѣяніе, состоящее въ томъ, что подсудимый «обѣщаніемъ участія въ займѣ побудилъ другое лицо сдѣлать поручительную подпись на двухъ своихъ заемныхъ письмахъ въ 15 тысячъ руб. и затѣмъ, получивъ подъ эти заемныя письма деньги, обратилъ ихъ въ свою пользу», не подходитъ подъ дѣйствіе 1688 ст., такъ какъ со стороны подсудимаго не было употреблено ложныхъ въ чемъ-либо увѣреній лица, вступившаго въ сдѣлку, а одно обѣщаніе участія въ предполагаемомъ займѣ, впослѣдствіи не исполненное, не составляетъ такого признака и не можетъ служить поводомъ къ уголовному преслѣдованію ($^{983}/_{69}$).

1690. Общее понятіе о подлогѣ заключаетъ въ себѣ непремѣнно намѣреніе ввести кого-либо въ заблужденіе ради личной выгоды виновнаго въ подлогѣ, ибо неосторожнаго подлога быть не можетъ, а поддѣлка документа для шутки не составляетъ подлога ($^{152}/_{71}$).

Въ подлогахъ по обязательствамъ существенный признакъ преступленія заключается *въ наличности подложнаго документа, составленнаго или пріобрѣтеннаго съ преступною цѣлью*, причемъ законъ преслѣдуетъ не только тѣхъ, которые *употребляютъ* такіе документы въ дѣло, но признаетъ виновными даже тѣхъ, которые только *примутъ* или *пріобрѣтутъ съ преступною цѣлью* такіе завѣдомо подложные документы (574 71).

На основаніи 1690—1698 ст., подъ преступленіемъ подлога въ актахъ и обязательствахъ слѣдуетъ признавать: а) подложное составленіе самыхъ актовъ, какъ-то: составленіе акта отъ имени или при участіи лицъ, не принимавшихъ въ совершеніи акта участія, причемъ здѣсь разумѣется не только подлогъ подписи, но и подлогъ самаго текста акта (247/70), б) или подложную явку актовъ, вовлеченіе обманными дѣйствіями должностнаго лица въ совершеніе или засвидѣтельствованіе акта, который отъ имени виновныхъ не могъ быть совершенъ (683/69), в) или же, наконецъ подложныя поправки или измѣненія въ правильно составленныхъ актахъ (36/73).

Ст. 1690 представляетъ собою общее правило о подлогахъ въ актахъ и обязательствахъ, изъ котораго случаи, указанные въ ст. 571, 1149 и 1150 улож., представляются исключеніями; поэтому всякій случай подлога, прямо не указанный ни въ одной изъ этихъ статей, подлежитъ наказанію по ст. 1690 (453/70).

Вопросы по признакамъ 1690 ст.: виновенъ ли подсудимый Пряшишниковъ въ томъ, что подговорилъ Риттиха подписаться именемъ Муханова на описи облигаціямъ Дорофѣева (453/70).

Виновенъ ли Пряшишниковъ въ томъ, что самъ или другое лицо вытравилъ именныя надписи на облигаціяхъ городскаго общества, выданныхъ на имя Дорофѣева? (ib.).

Виновенъ ли Лятерперъ въ совершеніи у нотаріуса Эггерса запродажной записи отъ 4 мая 1868 года за № 596, на сельцо Рогово Серпуховскаго уѣзда, съ цѣлью продать это непринадлежащее ему имѣніе г-жи Бобровой, безъ особаго на то уполномочія или права? (683/69).

Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что съ цѣлью заложить домъ, принадлежащій матери его, предъявилъ къ явкѣ въ 1-й департаментъ Московской гражданской палаты, составленную при содѣйствіи другаго лица, довѣренность на свое имя отъ имени матери, безъ уполномочія ея на эту довѣренность? Сенатъ нашелъ, что вопросъ поставленъ судомъ по обвиненію подсудимаго въ подложномъ составленіи и явкѣ довѣренности отъ имени своей матери,

т. е. въ подложномъ составленіи и явкѣ акта, принадлежащаго къ числу тѣхъ, о коихъ говорится въ ст. 1690 улож., причемъ хотя въ вопросѣ не выведены всѣ подробности обстоятельствъ, при которыхъ состоялся этотъ подлогъ, но упущеніе въ вопросахъ этихъ подробностей, въ виду признанія присяжными главнѣйшаго признака подлога, а именно, что довѣренность совершена подсудимымъ при содѣйствіи третьяго лица, безъ согласія матери, представляется несущественнымъ ($^{73}/_{71}$).

1691. Свидѣтели, подписавшіеся на завѣщаніи послѣ смерти завѣщателя и тѣмъ не менѣе удостовѣряющіе своею подписью, что завѣщаніе было имъ лично предъявлено самимъ завѣщателемъ и что они при-этомъ видѣли его въ здравомъ умѣ и твердой памяти, должны быть признаваемы виновными въ подложномъ составленіи завѣщанія, такъ какъ безъ ихъ подписей завѣщаніе, даже подписанное самимъ завѣщателемъ, никакой бы силы не имѣло ($^{617}/_{69}$).

Заключеніе о томъ подложно или не подложно духовное завѣщаніе, не можетъ быть, за силою 760 ст. уст., предоставлено присяжнымъ, а составляетъ обязанность суда, который долженъ вывести такое заключеніе изъ фактовъ, признанныхъ присяжными. Поэтому въ вопросахъ присяжнымъ должны быть исчислены тѣ фактическіе признаки, въ которыхъ въ данномъ случаѣ выразился подлогъ завѣщанія. По дѣлу Житковой и др. ($^{1274}/_{70}$) Орловскимъ окружнымъ судомъ былъ предложенъ на разрѣшеніе присяжныхъ первый вопросъ въ слѣдующей формѣ: «подложно ли духовное завѣщаніе ротмистра Житкова?» Во время судебнаго засѣданія прокуроръ просилъ, на основаніи 760 ст., измѣнить редакцію этого вопроса, такъ какъ она, въ настоящемъ ея видѣ, трудна для разрѣшенія присяжныхъ, присовокупляя, что вмѣсто перваго вопроса онъ полагалъ бы поставить два, а именно: 1) подписано ли духовное завѣщаніе самимъ Житковымъ и 2) составлено и подписано ли духовное завѣщаніе послѣ смерти Житкова другими лицами, но судъ постановилъ оставить редакцію вопросовъ безъ измѣненія. Затѣмъ, по протесту прокурора, правительствующій сенатъ нашелъ, что, въ исполненіе 760 ст. уст., вопросы, предлагаемые присяжнымъ засѣдателямъ, должны быть составляемы въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, причемъ вопросы о событіи преступленія, на основаніи 754 ст., ставятся отдѣльно въ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждено сомнѣніе въ событіи преступленія, а какъ событіе преступленія отрицалось подсудимыми, то судъ

обязанъ былъ въ предлагаемыхъ на заключеніе присяжныхъ засѣдателей вопросахъ исчислить тѣ факты, по которымъ завѣщаніе представлялось подложнымъ; между тѣмъ въ вопросѣ не указано ни одного факта, а засимъ нельзя не признать правильнымъ объясненіе прокурора, что судъ предложилъ на разрѣшеніе присяжныхъ одно юридическое понятіе о подлогѣ; такое дѣйствіе суда тѣмъ болѣе не правильно въ настоящемъ случаѣ, что понятіе о подлогѣ въ завѣщаніи не имѣетъ одного, точно опредѣленнаго значенія, виды этого подлога могутъ быть весьма разнообразны и выводъ изъ обнаружившихся на судебномъ слѣдствіи данныхъ заключенія о томъ, подложно или не подложно завѣщаніе, не можетъ быть, за силою 760 ст., предоставленъ самимъ присяжнымъ, а составляетъ обязанность суда, который долженъ вывести свое заключеніе изъ фактовъ, признанныхъ присяжными. Посему предложеніе по сему дѣлу вопроса несогласно съ требованіемъ 760 ст. уст. и составляетъ такое существенное нарушеніе, которое лишаетъ возможности не только кассаціонный судъ, но и судъ, обязанный постановить приговоръ по рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, убѣдиться въ томъ, что присяжные дали на постановленные имъ вопросы отвѣты вполнѣ сознательные и согласные съ тѣми обстоятельствами дѣла и данными, при существованіи которыхъ завѣщаніе должно считаться подложнымъ.

Въ вопросѣ о подложности духовнаго завѣщанія должны быть помѣщены всѣ основные признаки, по коимъ завѣщаніе признается подложнымъ. По дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева ($^{655}/_{72}$) первый вопросъ былъ слѣдующій: «было ли составлено, въ августѣ или сентябрѣ 1858 года, фальшивое отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы Бѣляева, духовное завѣщаніе, отъ 10 мая 1858 г., въ которомъ подпись: «Козьма Бѣляевъ» была поддѣлана подъ руку Бѣляева другимъ лицомъ?» По прочтеніи протокола вопросовъ повѣренный гражданскихъ истцовъ Лохвицкій заявилъ, что, по его мнѣнію, было бы удобнѣе не опредѣлять въ первомъ вопросѣ времени составленія духовнаго завѣщанія и просилъ дополнить этотъ вопросъ введеніемъ въ него другаго самостоятельнаго признака подложности духовнаго завѣщанія, а именно: не было ли завѣщаніе подписано свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева, при существованіи на завѣщаніи подлинной подписи самого Бѣляева, съ тѣмъ, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ было разъяснено, что, въ случаѣ непризнанія ими перваго признака подложности завѣщанія и признанія втораго, они дали бы ограничительный отвѣтъ.

Судъ, утвердивъ проектъ предложенныхъ имъ вопросовъ, въ постановленіи своемъ по сему предмету изложилъ: что время составленія подложнаго духовнаго завѣщанія означено въ 1-мъ вопросѣ согласно указанію обвинительнаго акта, которое не измѣнилось и при судебномъ слѣдствіи, и что ни судебное слѣдствіе, ни заключительныя пренія не представляютъ никакихъ данныхъ къ постановкѣ условнаго вопроса о томъ, что подложность завѣщанія заключается въ подписаніи его свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева, при существованіи подлинной подписи Бѣляева. Сенатъ нашелъ, что окружной судъ, руководствуясь правиломъ, указаннымъ въ 754 ст. уст., предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ отдѣльные вопросы о событіи преступленія, о виновности подсудимыхъ и о вмѣненіи одному изъ нихъ содѣяннаго въ вину, причемъ вопросъ о событіи преступленія заключался въ первомъ изъ 6-ти предложенныхъ вопросовъ; по содержанію обвинительнаго акта, подсудимые Мясниковы и Карагановъ были преданы суду по настоящему дѣлу за подложное составленіе домашняго духовнаго завѣщанія, отъ имени купца Козьмы Бѣляева, отъ 10 мая 1858 года, и это общее значеніе преступленія, въ которомъ они обвинялись, не измѣнилось и на судебномъ слѣдствіи, какъ видно изъ самаго предложеннаго судомъ присяжнымъ засѣдателямъ 1-го вопроса о томъ, было ли составлено фальшивое отъ имени Бѣляева духовное завѣщаніе, писанное 10 мая 1858 года; по указаніямъ гражданскаго права (ст. 1046, 1048 и 1050, X т., 1 ч.), домашнее духовное завѣщаніе, кромѣ завѣщателя, должно быть подписано опредѣленнымъ числомъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ о подлинности завѣщанія; по смыслу ст. 30 уст. уг. суд. и 565 уст. гр. суд., когда дѣло о подлогѣ акта обращено къ порядку уголовнаго суда, вслѣдствіе прямаго обвиненія кого-либо въ совершеніи подлога, то актъ сей можетъ быть подвергнутъ изслѣдованію и разсмотрѣнію суда гражданскаго, для опредѣленія его подлинности или исключенія изъ числа доказательствъ, въ томъ только случаѣ, если рѣшеніемъ уголовнаго суда, коимъ подсудимый оправданъ, не будетъ постановлено: признается ли актъ подлиннымъ или подложнымъ; изъ этого опредѣлительнаго указанія закона очевидно, что то рѣшеніе уголовнаго суда, которымъ отвергается самое событіе преступленія подлога въ актѣ, должно быть основано на такомъ рѣшеніи присяжныхъ засѣдателей, которымъ было бы вполнѣ и безусловно отвергнуто существованіе всѣхъ основныхъ признаковъ подложности акта и слѣдственно, въ дѣлѣ о подложности домашняго духовнаго

завѣщанія, существованіе подлога, какъ въ подписи завѣщателя, такъ и въ подписяхъ свидѣтелей; а подобное рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, само собою разумѣется, можетъ заключаться въ отрицательномъ отвѣтѣ на такой предложенный имъ вопросъ—о событіи преступленія подлога домашняго духовнаго завѣщанія, въ которомъ содержится указаніе на подлогъ не только въ подписи завѣщателя, но и въ подписяхъ подписавшихся на завѣщаніи свидѣтелей; въ противномъ случаѣ оправдательнымъ уголовнымъ приговоромъ, основаннымъ на отрицательномъ отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей на такой вопросъ о событіи преступленія, которымъ не исчерпываются всѣ признаки разсматриваемаго подлога въ актѣ, рѣшался бы окончательно вопросъ о такихъ признакахъ сего подлога, которые не были разсмотрѣны ни уголовнымъ, ни гражданскимъ судомъ. Поэтому правительствующій сенатъ отказъ повѣренному гражданскихъ истцовъ въ дополненіи вопроса нашелъ неправильнымъ.

Такимъ образомъ вопросъ о событіи подлога духовнаго завѣщанія долженъ быть изложенъ, примѣрно, въ такомъ видѣ: доказано ли, что домашнее духовное завѣщаніе отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы Бѣляева подписано не самимъ Бѣляевымъ, а послѣ его смерти, подъ руку его, другимъ лицомъ, и что подписи свидѣтелей на этомъ завѣщаніи также сдѣланы свидѣтелями послѣ смерти Бѣляева? [1])

1692. Статья 1692, говоря о поддѣлкѣ домашнихъ актовъ и бумагъ, которые могутъ быть по закону принимаемы въ доказательство правъ на имущество, или принятыхъ кѣмъ-либо обязанностей, опредѣляетъ только родъ тѣхъ актовъ или бумагъ, за поддѣлку которыхъ полагается указанное въ ней наказаніе, но вовсе не заключаетъ въ себѣ условія, чтобы означенному наказанію подвергать за поддѣлку лишь такого акта, который не только по роду

---

[1]) По дѣлу о духовномъ завѣщаніи Сѣдкова, С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ вопросъ былъ редактированъ слѣдующимъ образомъ: «было ли представленное 19 іюня 1874 г. въ С.-Петербургскій окружной судъ къ утвержденію домашнее духовное завѣщаніе капитана гвардіи М Сѣдкова, отъ 31 мая 1874 г., въ которомъ все оставшееся имущество Сѣдкова отказывалось вдовѣ его,—составлено не самимъ Сѣдковымъ, а фальшиво, послѣ смерти Сѣдкова, другими лицами, которые, написавъ это завѣщаніе, ложно удостовѣрили, что будто-бы оно писано со словъ завѣщателя, подписано по его просьбѣ за слабостью его руки и что онъ былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти («Спб. Вѣд.» 1875 г., № 93).

своему можетъ служить, но и въ данномъ случаѣ служитъ доказательствомъ права ($^{658}/_{70}$, $^{457}/_{71}$); при-этомъ наказаніе за подлогъ, предусмотрѣнный 1692 ст., не обусловливается намѣреніемъ исключительно корыстнымъ ($^{362}/_{72}$).

Въ вопросахъ обозначаются: а) самые подложные документы или бумаги, напр. домашняя росписка ($^{362}/_{72}$), чекъ ($^{396}/_{70}$), талонъ ($^{676}/_{69}$), накладная ($^{1401}/_{71}$), обязательство купеческаго банка ($^{658}/_{70}$), разсчетная книга ($^{1017}/_{72}$), и б) то, что подложно составленная бумага могла служить «доказательствомъ права на имущество» ($^{1401}/_{71}$). По дѣлу Бойко ($^{1401}/_{71}$) былъ постановленъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли Бойко въ томъ, что написалъ отъ имени курляндскаго уроженца Барковскаго, безъ его вѣдома, и подписалъ его именемъ накладную, *которая давала право на полученіе денегъ*?» Вслѣдствіе заявленія подсудимаго въ кассаціонной жалобѣ, что судъ предложилъ на разрѣшеніе присяжныхъ чисто юридическій вопросъ о томъ, давала ли накладная, въ составленіи которой онъ обвинялся, право на полученіе денегъ, и не уважилъ просьбы защитника объ исключеніи этихъ выраженій изъ вопроса или о замѣнѣ ихъ другими, сенатъ разъяснилъ, что въ число существенныхъ признаковъ преступленія, за которое подсудимый былъ преданъ суду, входитъ то, чтобы подложно составленная бумага служила доказательствомъ правъ на имущество, а на основаніи 754 ст. уст. вопросъ о виновности предлагается по существеннымъ признакамъ преступленія.

2 ч. ст. 1692 имѣетъ въ виду поддѣлку частныхъ, а не казенныхъ печатей ($^{152}/_{69}$).

1697. Существенный признакъ преступленія—знаніе о подложности употребленнаго акта или документа. Признакъ этотъ долженъ быть непремѣнно помѣщенъ въ вопросахъ присяжнымъ. По дѣлу Бильбасова ($^{49}/_{68}$) вопросъ, на который присяжные отвѣчали утвердительно, былъ слѣдующій: «виновенъ ли Бильбасовъ въ томъ, что для полученія денегъ и документовъ отъ князя Гагарина и графа Шувалова употребилъ подложно составленную отъ имени Кушниковой росписку?» Сенатъ нашелъ: наказанію по 1697 ст. подлежитъ только тотъ, кто употребляетъ подложныя бумаги, *зная*, что онѣ подложныя, а не всякій, предъявляющій подложную бумагу, и судъ не имѣлъ права въ приговорѣ своемъ дополнять и распространять значеніе предложеннаго присяжнымъ вопроса для признанія подсудимаго виновнымъ въ употребленіи бумаги завѣдомо подложной.

Невключеніе въ вопросы, постановленные по фактическимъ даннымъ, признака «для своихъ дѣлъ и выгодъ», какъ существенно не измѣняющаго состава преступленія, не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора По дѣлу Фурса, Федорова и Доманина ($^{1584}/_{70}$) были поставовлены вопросы: 1) виновенъ ли Федоровъ въ томъ, что уговорилъ другое лицо представить въ банкъ завѣдомо ложную довѣренность? 2) виновенъ ли Доманинъ въ томъ, что передалъ другому лицу для представленія въ банкъ завѣдомо подложную довѣренность? Защитники ходатайствовали внести въ вопросы объ ихъ кліентахъ содержащееся въ 1697 ст. понятіе о представленіи подложнаго документа *для своихъ дѣлъ и выгодъ*. Судъ отказалъ. Въ кассаціонной жалобѣ подсудимый Федоровъ между прочимъ указалъ на то, что отказомъ въ дополненіи вопросовъ содержащимся въ 1697 ст. существеннымъ признакомъ: «для своихъ дѣлъ и выгодъ» судъ нарушилъ 760 ст. уст. Сенатъ нашелъ, что «отсутствіе корыстной цѣли при совершеніи предусмотрѣннаго 1697 ст. преступнаго дѣянія, если и уменьшаетъ степень безнравственности его, то во всякомъ случаѣ не изглаживаетъ противозаконности такого проступка и не можетъ служить основаніемъ его невмѣняемости; слѣдовательно, неключеніе изъ поставовленныхъ по фактическимъ признакамъ этой статьи вопросовъ выраженія *для своихъ дѣлъ и выгодъ*, какъ существенно не измѣнявшее падавшее на подсудимыхъ обвиненіе въ употребленіи завѣдомо подложнаго, хотя ими и не составленнаго, акта и допускавшее возможность признанія другой, менѣе корыстной, съ ихъ стороны, побудительной причины, клонилось скорѣе въ ихъ пользу, нежели имъ во вредъ, а потому не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ состоявшагося, по даннымъ присяжными засѣдателями отвѣтамъ, приговора».

Въ вопросахъ присяжнымъ не воспрещается помѣщать такое выраженіе: «сдѣлалъ изъ подложнаго акта такое-то *употребленіе*» ($^{859}/_{68}$).

Вопросъ по признакамъ 1697 ст.: «Если Кичеевъ не составилъ означеннаго въ 1-мъ вопросѣ обязательства банка, то, *пріобрѣтя* оное отъ другаго лица и *зная*, что оно фальшивое, *представилъ* ли то обязательство въ контору Дорфнера, подъ видомъ настоящаго, *прося* выдать подъ залогъ онаго ссуду?» ($^{574}/_{72}$).

1698. Статья 1698 перечисляетъ только нѣкоторыя дѣйствія, носящія на себѣ характеръ подлога; слова употребленныя въ ней «или инымъ образомъ» указываютъ, что она относится ко всякой

сдѣлкѣ по документу или акту, завѣдомо подложному, напр. къ залогу поддѣльнаго обязательства ($^{658}/_{70}$).

1701 статья предусматриваетъ продажу вещей похищенныхъ или полученныхъ чрезъ обманъ, и потому подъ дѣйствіе ея не подходитъ продажа вещей, ввѣренныхъ для сохраненія или извѣстнаго употребленія ($^{77}/_{68}$); для примѣненія этой статьи достаточно, если виновный продалъ какое-либо имущество, завѣдомо украденное, и не требуется, чтобы ему при продажѣ было извѣстно, кѣмъ и у кого имущество это похищено ($^{199}/_{68}$).

Вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что часть билетовъ государственнаго банка, на сумму болѣе 300 рублей, похищенныхъ у камеръ-лакея Метельникова, продалъ разнымъ лицамъ, зная, что эти билеты краденые? ($^{199}/_{68}$).

1702. По ст. 1702 участниками того преступленія, чрезъ которое получено движимое имущество, признаются только виновные въ покупкѣ имущества, завѣдомо полученнаго чрезъ насиліе, т. е. чрезъ разбой или грабежъ, а не чрезъ кражу, хотя бы со взломомъ, такъ какъ кражею, во всѣхъ ея видахъ, признается всякое тайное, но безъ насилія похищеніе движимаго имущества ($^{40}/_{68}$).

1705. Преступленіе, предусмотрѣнное въ 1 ч. 1705 ст., состоитъ въ отдачѣ посредствомъ обмана въ залогъ недвижимаго имѣнія, чужаго или вымышленнаго; существеннымъ признакомъ этого преступленія, по которому оно отличается отъ простаго мошенничества, представляется совершеніе залога ($^{695}/_{68}$).

Статья предусматриваетъ закладъ вещей, похищенныхъ или полученныхъ чрезъ обманъ, а не ввѣренныхъ для сохраненія или же какого-либо опредѣленнаго употребленія ($^{77}/_{68}$).

1711. На основаніи этой статьи, подлежатъ наказанію повѣренные, виновные въ присвоеніи ввѣреннаго имъ имущества, т. е. лица, виновные въ преступленіи, заключающемъ въ себѣ нарушеніе довѣрія, а не тѣ лица, которые получили имущество посредствомъ обмана ($^{168}/_{69}$).

Вопросъ по признакамъ 1711 ст.: «виновенъ ли подсудимый Леонтьевъ въ томъ, что, будучи повѣреннымъ Свѣтозарова, получилъ 50 руб. для уплаты Свѣтозарову, но денегъ этихъ ему не отдалъ, а присвоилъ ихъ себѣ?» ($^{1243}/_{72}$).

ГЛАВА V.

Разложеніе вопроса о виновности на его составныя части.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

Общія положенія.

Вопросъ, начинающійся словомъ «виновенъ», совмѣщаетъ въ себѣ три, входящихъ въ составъ его, вопроса: совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли дѣяніе это вмѣнить ему въ вину. Вопросы эти соединяются, по общему правилу, въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе преступленія совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его дѣяніемъ (ст. 754 уст. угол. суд.).

По разъясненію правительствующаго сената, въ случаѣ возбужденія сомнѣнія по которому-либо изъ трехъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго вопроса о виновности подсудимаго, вопросъ, возбуждающій сомнѣніе, долженъ быть выдѣленъ и постановленъ отдѣльно ($^{49}/_{68}$, $^{168}/_{69}$, $^{362}/_{69}$, $^{488}/_{70}$, $^{887}/_{72}$). Но нѣтъ никакой надобности остальные вопросы отдѣлять одинъ отъ другаго, если относительно ихъ сомнѣнія не возбуждалось ($^{488}/_{70}$).

Изъ буквальнаго смысла 754 ст., именно изъ словъ ея: «когда кѣмъ-либо возбуждено сомнѣніе», должно прійти къ заключенію, что элементарный вопросъ выдѣляется по заявленію сторонъ; но такое выдѣленіе можетъ быть сдѣлано и самимъ судомъ, по собственному его усмотрѣнію. По дѣлу Мѣшкова и Мироновой ($^{208}/_{73}$) былъ постановленъ отдѣльный вопросъ о томъ: была ли крестьянка Мѣшкова лишена жизни насильственно другими лицами. Товарищъ прокурора въ протестѣ объяснялъ, что такъ какъ судебное слѣдствіе не представляло основаній къ отдѣленію вопроса о событіи преступленія отъ вопроса о виновности подсудимыхъ, то онъ просилъ судъ первый вопросъ соединить съ остальными, но судъ отказалъ. Между тѣмъ требованіе это, согласно 762 ст. уст., подлежало удовлетворенію и отказъ суда противорѣчитъ точному смыслу 754 ст. устава, на основаніи коей означенные вопросы могли быть раздѣлены только въ случаѣ сомнѣнія, и потому судъ обязанъ былъ

подробно мотивировать свой отказъ. Сенатъ нашелъ, что «заявленія о нарушеніи 754 и 762 ст. не имѣютъ законнаго основанія, такъ какъ, по точному смыслу 754 ст., вопросы о томъ, совершилось ли событіе преступленія и было ли оно дѣяніемъ подсудимаго, соединяются въ одинъ вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе преступленія дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину. Въ данномъ случаѣ сомнѣніе это выразилось уже тѣмъ, что самимъ судомъ признано было необходимымъ постановленные по сему предмету вопросы раздѣлить и, какъ видно изъ рапорта суда, подобное раздѣленіе вопросовъ основано было на обстоятельствахъ, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи, и на заключеніяхъ экспертизы, не исключавшей возможности смерти и безъ насилія другихъ лицъ. На семъ основаніи и въ виду заявленія защитника подсудимыхъ объ оставленіи постановленныхъ судомъ вопросовъ безъ измѣненія и отсутствія, какъ объяснено въ протоколѣ, основаній предъявленнаго товарищемъ прокурора требованія о соединеніи вопросовъ, судъ, оставляя означенное требованіе безъ уваженія, не нарушилъ приводимой въ протестѣ 762 ст., такъ какъ, по точному смыслу этой статьи, судъ обязанъ исправлять постановленные вопросы по тѣмъ только замѣчаніямъ сторонъ, которыя признаетъ уважительными».

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Вопросъ о событіи преступленія.

Вопросъ о событіи, по разъясненію сената, ставится отдѣльно въ слѣдующихъ случаяхъ:

А. *Когда возбуждено сомнѣніе въ томъ, что событіе преступленія дѣйствительно совершилось.* Судить о томъ, представляется ли сомнѣніе въ дѣйствительности событія преступленія и существуютъ ли основанія для выдѣленія вопроса о событіи, можетъ только судъ, рѣшающій дѣло по существу ($^{1170}/_{70}$, $^{1473}/_{70}$). Отказъ суда въ постановкѣ вопроса о событіи на томъ основаніи, что ни выводы судебнаго слѣдствія, ни содержаніе судебныхъ преній не возбуждали сомнѣнія въ дѣйствительности событія преступленія, представляется правильнымъ ($^{630}/_{72}$). Но невыдѣленіе такого вопроса, при существованіи фактическихъ къ тому основаній, составляетъ

существенное нарушеніе правилъ судопроизводства ($^{49}/_{68}$, $^{168}/_{69}$, $^{563}/_{69}$, $^{588}/_{72}$). Такъ напр., при обвиненіи въ полученіи денегъ и документовъ для передачи и присвоеніи ихъ, отрицаніе подсудимымъ полученія денегъ и документовъ для передачи, т. е. самаго событія преступленія, дастъ основаніе для постановки о семъ отдѣльнаго вопроса ($^{49}/_{68}$). Признавая, что сомнѣніе въ дѣйствительности событія преступленія существуетъ, если оно было, напр., возбуждено въ заключительныхъ преніяхъ, судъ не можетъ отказать въ выдѣленіи вопроса о событіи на томъ основаніи, что присяжнымъ будетъ объяснено предсѣдателемъ, что если они не признаютъ самаго факта преступленія, то не можетъ быть и рѣчи о виновности ($^{388}/_{72}$). Точно также, судебная палата, рѣшающая дѣло безъ участія присяжныхъ, не можетъ отказать въ просьбѣ о выдѣленіи вопроса о событіи преступленія потому только, что при производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ подсудимые не заявляли такого требованія ($^{807}/_{71}$). Впрочемъ, нарушеніе этого правила сенатъ считаетъ существеннымъ только на судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и не признаетъ таковымъ при разрѣшеніи дѣла безъ участія присяжныхъ. По дѣлу Ханъ-Мамедъ-Оглы и девяти его товарищей ($^{807}/_{71}$), жаловавшихся на отказъ тифлисской судебной палаты въ постановкѣ вопросовъ о событіи преступленія, сенатъ нашелъ, что раздробленіе вопроса о виновности на составныя его части, въ случаѣ сомнѣнія по которой-либо изъ нихъ, имѣетъ важное значеніе лишь на судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые не участвуютъ въ постановкѣ вопросовъ, не мотивируютъ своего рѣшенія и могутъ не имѣть тѣхъ юридическихъ понятій, которыя необходимы для устраненія въ подобномъ случаѣ всякаго недоразумѣнія; но когда не только постановка вопросовъ, а также и разрѣшеніе ихъ производится одними и тѣми же судьями и притомъ судьями юристами, обязанными мотивировать свое рѣшеніе, тогда нераздробленіе главнаго вопроса на составныя его части не можетъ быть поводомъ къ недоразумѣнію при внимательномъ исполненіи судьями своихъ обязанностей и потому не можетъ быть и достаточнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ приговора.

Со стороны подсудимаго должны быть заявлены на судѣ основанія, по которымъ требуется выдѣленіе вопроса о событіи преступленія изъ общаго вопроса о виновности ($^{1018}/_{72}$, $^{263}/_{67}$, $^{113}/_{68}$, $^{1179}/_{70}$). Жалоба на отказъ суда въ выдѣленіи вопроса о событіи подлежитъ разсмотрѣнію кассаціоннаго сената лишь въ томъ случаѣ, если подсудимый или защитникъ его позаботился о внесеніи въ прото-

колъ судебнаго засѣданія тѣхъ показаній и объясненій, по которымъ можно было бы судить объ основательности просьбы о выдѣленіи вопроса о дѣйствительности событія преступленія (113/68, 1179/70, 1473/70).

Б. *Когда въ дѣлахъ о преступленіи, совершонномъ нѣсколькими лицами, отъ отдѣльнаго разрѣшенія вопроса о событіи преступленія зависитъ правильное разрѣшеніе вопросовъ о виновности участниковъ.* Такъ правительствующій сенатъ призналъ необходимымъ выдѣленіе вопроса о событіи:

а. *Когда по преступленіямъ, совершоннымъ по предварительному соглашенію, одинъ изъ подсудимыхъ обвиняется въ подстрекательствѣ къ совершенію преступленія* (1077/71, 1309/71). По дѣлу Андреева (1077/71), были постановлены слѣдующіе вопросы: «1) виновенъ ли Гавриловъ въ дачѣ ложнаго безъ присяги показанія при разбирательствѣ у мироваго судьи дѣла о крестьянкѣ Маріѣ Калининой? 2) если виновенъ, то совершилъ ли преступленіе это вслѣдствіе подкупа его другимъ лицомъ? и 3) если Гавриловъ виновенъ по 1 и 2 вопросамъ, то виновенъ ли подсудимый Андреевъ въ томъ, что склонилъ Гаврилова, изъ корыстныхъ видовъ, дать ложное передъ мировымъ судьею показаніе?» Присяжные отвѣчали на первые два вопроса отрицательно, а на послѣдній утвердительно. Сенатъ нашелъ, что для признанія Андреева виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 120 и 945 ст. ул., необходимо, чтобы преступленіе, въ подстрекательствѣ къ коему онъ обвинялся, положительно признано было присяжными засѣдателями. Въ этомъ отношеніи изъ вопросовъ, предложенныхъ на ихъ разрѣшеніе, видно, что отдѣльнаго вопроса о фактѣ преступленія постановляемо не было (ст. 754 уст.), и вопросъ о фактѣ, т. е. о дачѣ Гавриловымъ ложнаго показанія, соединенъ былъ въ одномъ совокупномъ вопросѣ о виновности подсудимаго Гаврилова, на который присяжные дали отвѣтъ отрицательный. За таковымъ отвѣтомъ присяжныхъ подсудимый Андреевъ могъ подлежать наказанью какъ подстрекатель Гаврилова лишь въ томъ случаѣ, если бы событіе преступленія признано было присяжными въ третьемъ вопросѣ, постановленномъ о немъ, Андреевѣ. Но изъ этого вопроса, на который присяжные дали отвѣтъ утвердительный, видно только то, что Андреевъ склонилъ Гаврилова дать ложное показаніе, но было ли такое показаніе дано Гавриловымъ, того изъ вопроса, ни изъ отвѣта присяжныхъ не вытекаетъ опредѣлительно. По дѣлу Войникова (1309/71), признаннаго виновнымъ въ подстрекательствѣ Бу-

тузова на растрату денегъ, тогда какъ на вопросъ о виновности Бутузова послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, сенатъ нашелъ, что хотя, по смыслу 754 ст., вопросъ, предложенный присяжнымъ засѣдателямъ о Бутузовѣ, заключалъ въ себѣ въ сущности три вопроса: о дѣйствительности растраты, о томъ, совершена ли она Бутузовымъ, и наконецъ о томъ, можетъ ли она быть вмѣнена ему въ вину,— но за отрицательнымъ отвѣтомъ присяжныхъ остается неразрѣшимымъ вопросъ, отвергли ли они одинъ только изъ составныхъ вопросовъ, или всѣ три, въ томъ числѣ о дѣйствительности факта растраты, такъ какъ отдѣльнаго вопроса о событіи преступленія судомъ предложено не было, поэтому въ виду того, что изъ отвѣтовъ присяжныхъ опредѣленнаго вывода о томъ, признано ли ими событіе преступленія, сдѣлать невозможно, правительствующій сенатъ кассировалъ рѣшеніе присяжныхъ.

b. *Когда при обвиненіи въ укрывательствѣ совершители преступленія не преданы суду и неизвѣстны и когда подсудимый проситъ постановить вопросъ о событіи* ($^{1511}/_{70}$). Интересный случай представился по дѣлу Касумова и др. ($^{773}/_{72}$), производившемуся безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ 1869 году, въ Александропольскомъ уѣздѣ совершены были кража лошадей у Жабина и ограбленіе Федорова, Жабина и Глазова. Въ 1870 году, при розыскѣ быковъ, похищенныхъ у Федорова и Акопова, эти лица съ десятью поселянами увидѣли близъ ущелья палатку, возлѣ которой была привязана осѣдланная лошадь; подозрѣвая по сбруѣ русскаго устройства, что лошадь эта воровская, означенныя лица завязали ее и затѣмъ вошли въ палатку, гдѣ находилось до 10-ти татаръ съ оружіемъ, которые кинулись отнимать лошадь, но затѣмъ, когда Федоровъ объявилъ, что въ числѣ ихъ находятся турецкіе татары, ограбившіе его въ прошломъ году, то трое изъ нихъ были связаны, а остальные разбѣжались. На происшедшій шумъ явился изъ расположеннаго не вдалекѣ кочевья хозяинъ палатки Касумовъ, сыновья его и племянники и, перерѣзавъ веревки, освободили связанныхъ и погнались за поселянами для отнятія взятой лошади. При производствѣ возникшаго вслѣдствіе сего дѣла Житинъ опозналъ лошадь за украденную у него въ августѣ 1869 года, а Жабинъ и Глазовъ объявили, что на сѣдлѣ ремни у стремянъ и подпруги принадлежатъ къ ограбленной у нихъ въ октябрѣ 1869 года сбруѣ. Въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ, а затѣмъ и въ судебной палатѣ, при разсмотрѣніи дѣла о Касумовѣ и др., обвинявшихся въ укрывательствѣ и разбоѣ, защитникъ просилъ

между прочимъ постановить вопросы о томъ: бывшіе въ палаткѣ татары, въ укрывательствѣ которыхъ обвиняются подсудимые, были ли тѣ самые, которые совершили разбой надъ Федоровымъ, а равно о томъ, принадлежали ли отобранныя у подсудимаго Максуръ-Дерзи-оглы лошадь и сбруя бывшимъ въ палаткѣ татарамъ и ремни отъ сѣдла подсудимаго, присвоиваемые Жабинымъ и Глазовымъ, были ли дѣйствительно ограблены у нихъ. Судебная палата, находя постановку этихъ вопросовъ несогласною съ смысломъ 754 ст., въ ходатайствѣ защитника отказала. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «означенные вопросы нельзя не признать относящимися къ разрѣшенію вопроса о томъ, совершено ли подсудимыми преступное дѣяніе, въ которомъ они обвиняются, т. е. дѣйствительно ли подсудимые укрывали лицъ, ограбившихъ Федорова, Жабина и Глазова, и что палата, по точному смыслу 754 ст., разъясненной правительствующимъ сенатомъ въ рѣшеніи 1869 года № 368, могла отказать въ ходатайствѣ о постановкѣ особыхъ вопросовъ о событіи преступленія въ томъ только случаѣ, если бы по этому предмету не было возбуждено никакого сомнѣнія при разсмотрѣніи дѣла.» Впрочемъ, если подсудимый о постановкѣ особаго вопроса о событіи преступленія не просилъ, то оправданіе лица, обвинявшагося въ совершеніи преступленія, не имѣетъ послѣдствіемъ признаніе укрывателя невиновнымъ, хотя бы и не былъ поставовленъ вопросъ о событіи ($^{1511}/_{70}$). Тоже и при обвиненіи въ пособничествѣ. Сенатъ находитъ, что отрицательный отвѣтъ на вопросъ о виновности совершителя и утвердительный на вопросъ о виновности пособника не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, въ особенности если въ вопросѣ о послѣднемъ не упоминается, что онъ помогалъ именно обвиняемому въ совершеніи преступленія ($^{112}/_{72}$).

Относительно того, по всѣмъ ли дѣламъ можетъ быть выдѣленъ вопросъ о событіи преступленія, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что изъ общаго правила, по которому разрѣшеніе вопроса о дѣйствительности факта преступленія предоставляется присяжнымъ, законъ не дѣлаетъ исключенія ни для какихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и для такихъ, въ которыхъ, какъ напр. о злостномъ банкротствѣ, этотъ фактъ признанъ рѣшеніемъ гражданскаго суда. Поэтому въ дѣлахъ сего рода судъ не вправѣ отказать въ выдѣленіи вопроса о дѣйствительности преступнаго факта (16 ноября 1873 г., Яковлева. Указ.).

Въ вопросѣ о событіи преступленія должны быть помѣщены

всѣ существенные признаки, входящіе въ составъ судимаго преступленія ($^{409}/_{71}$, $^{655}/_{72}$).

Вопросъ о событіи долженъ быть постановленъ по фактическимъ признакамъ преступленія ($^{388}/_{68}$, $^{1874}/_{70}$, $^{655}/_{72}$). При-этомъ вопросъ о событіи долженъ быть постановленъ согласно 756 ст. уст., т. е. въ немъ не должны быть соединяемы такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно. напр. нанесеніе побоевъ по 1485 ст. улож. и нанесеніе побоевъ въ дракѣ (1 іюня 1873 г., Горасова и Гаврилова. Указ.).

Вопросъ о событіи можетъ начинаться словами: «доказано ли»; выраженіе это не можетъ быть признано юридическимъ терминомъ ($^{992}/_{71}$).

Примѣрные вопросы:

1) Доказано ли, что въ сентябрѣ 1869 года была совершена кража изъ запертаго амбара крестьянина Гуцкова проса, на сумму менѣе 300 руб., посредствомъ открытія замка того амбара украденнымъ ключемъ?

2) Если доказано, то виновенъ ли въ этомъ похищеніи отставной унтеръ-офицеръ Алексѣй Ивановъ Тереховъ, 40 лѣтъ?

Или:

Доказано ли, что на судебномъ слѣдствіи по дѣлу Вильбасова 5 и 6 октября 1868 года было дано Субботинымъ ложное подъ присягою показаніе о времени встрѣчи его съ свидѣтелемъ Дмоховскимъ?

Если доказано, то виновенъ ли коллежскій ассесоръ Субботинъ въ томъ, что далъ означенное ложное показаніе подъ присягою, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія?

При обвиненіи въ подстрекательствѣ:

1) Было ли дано въ судебномъ засѣданіи у мироваго судьи по дѣлу крестьянки Маріи Калининой ложное безъ присяги показаніе крестьяниномъ Гавриловымъ, вслѣдствіе подкупа его другимъ лицомъ? 2) Если означенное ложное показаніе было дано, то виновенъ ли въ этомъ преступленіи крестьянинъ Гавриловъ? 3) Если ложное показаніе, обозначенное въ 1-мъ вопросѣ, было дано, то виновенъ ли подсудимый Андреевъ въ томъ, что склонилъ Гаврилова, изъ корыстныхъ видовъ, дать это показаніе?

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

Вопросъ о совершеніи преступленія.

Правительствующій сенатъ, какъ мы видѣли, высказалъ, въ видѣ общаго правила, что въ случаѣ возбужденія сомнѣнія по которому-либо изъ трехъ вопросовъ, входящихъ въ составъ общаго вопроса о виновности, вопросъ, возбуждающій сомнѣніе, долженъ быть постановленъ отдѣльно. Отсюда, понимая разъясненіе сената буквально, можно придти къ заключенію, что и вопросъ о томъ, было ли событіе преступленія дѣяніемъ подсудимаго, долженъ быть выдѣляемъ всякій разъ, когда существуетъ сомнѣніе въ совершеніи преступленія обвиняемымъ. Но такое толкованіе 754 ст. едва ли можетъ быть принято, такъ какъ въ этомъ случаѣ каждый разъ, когда подсудимый отрицаетъ свою виновность и доказываетъ, что данное преступленіе имъ не было совершено, т. е. почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ сознанія подсудимаго, пришлось бы выдѣлять вопросъ о совершеніи преступленія, что повело бы къ дробности и путаницѣ въ вопросахъ. Необходимо поэтому думать, что законъ (ст. 754), устанавливая подобное правило, разумѣлъ не общіе случаи отрицанія подсудимыми совершенія преступнаго факта, а тѣ исключительные, когда представляются достаточныя данныя къ предположенію, что подсудимый не совершилъ преступленія, не смотря на его въ томъ сознаніе. Такой случай можетъ представиться, напр., когда подсудимый взводитъ на себя совершеніе извѣстнаго преступленія съ какою-либо цѣлью (напр., чтобъ доказать alibi по другому болѣе тяжкому преступленію и т. п.).

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

Вопросы о вмѣненіи.

А. Общія положенія.

Вмѣненіе есть раскрытіе причинной связи между сознательною волею обвиняемаго и преступнымъ его дѣяніемъ, связи, которая нарушается указанными въ законахъ причинами невмѣняемости (ст. 92—103 улож.) ($^{362}/_{69}$).

Вопросъ о вмѣненіи постановляется отдѣльно въ случаѣ, указанномъ въ 754 ст. уст. уг. суд. Вопросы постановляются только

объ одной изъ причинъ, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину и которыя указаны въ 92—103 ст. улож. Сюда относятся: совершенная невинность того дѣянія, коего случайнымъ и совершенно непредвидѣннымъ послѣдствіемъ было преступленіе (306/67); безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умопзступленіе и совершенное безпамятство (88/68, 499/68, 135/69, 1339/71, 488/70); ошибка въ знаніи обстоятельствъ (1552/71, 533/69) и обманъ, вслѣдствіе котораго было совершено преступленіе (1401/71), необходимая оборона (1038/71) и малолѣтство отъ 10 до 14 лѣтъ [1]).

Къ числу причинъ, «имѣющихъ вліяніе на вмѣняемость или по крайней мѣрѣ на уменьшеніе наказанія», правительствующій сенатъ отнесъ позволеніе одного изъ потерпѣвшихъ взять деньги, въ кражѣ которыхъ подсудимый обвинялся и которыя принадлежали потерпѣвшему совмѣстно съ другими лицами (55/68).

Не принадлежатъ къ числу причинъ, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину и по коимъ вопросы не ставятся: доносы о поддѣлывателяхъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ (268/68, 534/68, 422/68); безпамятство отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ (573/67) и вообще состояніе опьянѣнія (581/68, 96/70 и др.), вслѣдствіе чего не можетъ быть предложенъ вопросъ: совершилъ ли подсудимый преступленіе въ состояніи опьянѣнія, но можетъ быть поставленъ вопросъ: не находился ли подсудимый, вслѣдствіе пьянства, въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое привело его въ совершенное безпамятство (86/68); приказаніе довѣрителя его повѣренному (322/67); состояніе болѣзни солитеръ, имѣвшей послѣдствіемъ потерю сознанія и пр. (695/68); отсутствіе у подсудимаго (при обвиненіи въ растратѣ) сознанія, что безъ формальнаго снятія съ его имущества ареста онъ не имѣетъ права имъ распоряжаться (1552/71); совершеніе преступленія вслѣдствіе непониманія различія бланковыхъ надписей отъ простыхъ (что̀ равняется постановкѣ вопроса о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый, имѣвшій болѣе 17 лѣтъ, безъ полнаго разумѣнія, 389/68); совершеніе растраты несовершеннолѣтнимъ сидѣльцемъ по излишнему къ нему довѣрію хозяина (ст. 694 уст. торг. 286/68).—По дѣламъ о присвоеніи документа: имѣлъ ли подсудимый намѣреніе оставить у себя документъ для избѣжанія платежа долга или нѣтъ (321/69); по дѣлу о кражѣ со

[1]) До 10 же лѣтъ малолѣтніе, по разъясненію сената (1504/71), вовсе не могутъ быть преданы суду, а дѣло о нихъ прекращается въ распорядительномъ засѣданіи.

взломомъ: совершенъ ли взломъ двери въ собственной квартирѣ подсудимаго и есть ли физическая возможность извѣстнымъ орудіемъ совершить данные взломы ($^{293}/_{70}$); по дѣлу объ отравленіи: зналъ ли подсудимый, что въ напиткѣ, поданномъ имъ потерпѣвшему, былъ ядъ ($^{829}/_{71}$).

Кромѣ того, къ причинамъ невмѣняемости не относятся такія обстоятельства, признаніе которыхъ опровергаетъ самый фактъ преступленія. По дѣлу Чернышева ($^{220}/_{73}$), обвинявшагося въ растратѣ посылки съ деньгами и документами, защитникъ жаловался на то, что судъ отказалъ ему въ постановкѣ вопроса по ст. 92 ул., именно о томъ, не произошла ли утрата посылки, вслѣдствіе потери ея подсудимымъ. Сенатъ нашелъ, что въ отказѣ суда поставить вопросъ о потерѣ посылки не представляется вовсе нарушенія 763 ст. уст., такъ какъ въ предложенномъ защитникомъ вопросѣ заключался вопросъ не о причинѣ невмѣняемости какого-либо преступленія, а отрицаніе самаго факта преступленія, т. е. растраты имущества. Но въ рѣшеніи по дѣлу Любицкаго ($^{42}/_{60}$), обвинявшагося въ утайкѣ 2550 руб., сенатъ высказалъ, что такъ какъ при возбужденіи защитникомъ сомнѣнія въ томъ, что растрата Любицкимъ ввѣренныхъ ему денегъ не могла совершиться за послѣдовавшимъ похищеніемъ у него тѣхъ денегъ,—судъ, для разъясненія сего обстоятельства, обязанъ былъ предложить о томъ вопросъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Вопросъ о причинѣ невмѣняемости постановляется только тогда, когда судъ признаетъ, что необходимость постановки его вытекаетъ изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ ($^{232}/_{69}$), когда невмѣняемость дѣянія была предметомъ особаго удостовѣренія ($^{96}/_{70}$). Отказъ въ постановкѣ такого вопроса не можетъ послѣдовать только потому, что судъ не пришелъ къ убѣжденію въ существованіи причины, по коей содѣянное не вмѣняется въ вину. Онъ можетъ отказать единственно въ томъ случаѣ, когда объ указанной при постановкѣ вопросовъ причинѣ невмѣняемости вовсе не было упомянуто и она не подвергалась разъясненію на судебномъ слѣдствіи и во время судебныхъ преній ($^{1401}/_{71}$, $^{86}/_{68}$). Вопросы о невмѣняемости по одной изъ законныхъ причинъ, исчисленныхъ въ уложеніи, «предлагаются присяжнымъ по требованію подсудимаго не только въ томъ случаѣ, когда дѣйствительность причины невмѣняемости представляется суду достаточно выясненною, но и тогда, когда существованіе ея было *доказываемо* подсудимымъ и притомъ доказываемо въ такое время, когда противная сторона имѣла возможность пред-

ставить съ своей стороны возраженія и даже, въ случаѣ надобности, просить судъ объ отсрочкѣ засѣданія для изслѣдованія этого обстоятельства установленнымъ порядкомъ» ($^{1401}/_{71}$, $^{86}/_{68}$). Такимъ образомъ, напр., постановка вопроса о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей обязательна, если объ этомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, были сдѣланы заявленія на судебномъ слѣдствіи и выслушано заключеніе экспертовъ ($^{880}/_{69}$). Вопросъ о болѣзненномъ состояніи, приводящемъ въ совершенное безпамятство, можетъ быть постановленъ, если о болѣзни этой былъ трактатъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи (напр. было прочитано отношеніе частнаго пристава къ судебному слѣдователю о болѣзненномъ состояніи подсудимаго) и пренія сторонъ ($^{86}/_{68}$). Также обязательна постановка вопроса о томъ, что преступленіе совершено по ошибкѣ и обману, если на это указывали выводы изъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній ($^{533}/_{69}$). Но одно голословное заявленіе подсудимаго о совершеніи преступленія въ умопомраченіи не даетъ суду права на постановку вопроса о невмѣняемости ($^{59}/_{69}$). Такъ о сумасшествіи подсудимаго, въ состояніи котораго совершено имъ преступленіе, возбужденномъ въ заключительной рѣчи защитника, на которое не указывали ни выводы обвинительнаго акта, ни судебное слѣдствіе, судъ не имѣетъ права постановлять вопросъ ($^{52}/_{69}$).

Обязанности стороны, при требованіи о постановкѣ вопроса о невмѣняемости, заключаются въ указаніи, на чемъ именно она основываетъ свое требованіе, причемъ должна, на случай отказа, просить о внесеніи въ протоколъ судебнаго засѣданія тѣхъ мѣстъ изъ судебной рѣчи и выдержекъ изъ судебнаго слѣдствія, которыя относились до вопроса о невмѣняемости, такъ какъ жалоба на отказъ въ постановкѣ такого вопроса подлежитъ разсмотрѣнію кассаціоннаго сената только въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ возможность удостовѣриться въ ея основательности ($^{1401}/_{71}$).

Отказъ суда въ постановкѣ вопроса о причинахъ, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину, долженъ быть изложенъ въ особомъ опредѣленіи, внесенномъ въ протоколъ засѣданія, съ изложеніемъ принятыхъ къ тому основаній. Неисполненіе этого правила влечетъ кассацію рѣшенія присяжныхъ и подвергаетъ отвѣтственности судей, участвовавшихъ въ рѣшеніи ($^{533}/_{69}$). —

Вопросъ: «можетъ ли быть вмѣнено подсудимому совершенное имъ преступленіе» признанъ правительствующимъ сенатомъ несогласнымъ съ правилами о постановкѣ вопросовъ, ибо выраженіе

«вмѣненіе» принадлежитъ къ числу опредѣленій, принятыхъ въ законѣ; въ случаѣ же сомнѣнія въ томъ должно ли быть разсматриваемое дѣяніе вмѣнено подсудимому въ вину, отдѣльный по этому предмету вопросъ, постановляемый на основаніи 763 ст., долженъ заключать въ себѣ указаніе не на юридическое понятіе о вмѣненіи или невмѣненіи преступленія, но лишь на существованіе одной изъ тѣхъ означенныхъ въ законѣ (ст. 92 ул.) причинъ, по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину ($^{1414}/_{72}$).

Относительно способа изложенія вопросовъ, при выдѣленіи вопроса о вмѣняемости, правительствующій сенатъ высказалъ два мнѣнія. Въ обоихъ рѣшеніяхъ ($^{139}/_{68}$, $^{135}/_{69}$, $^{1339}/_{71}$) онъ разъяснилъ, что, въ случаѣ возбужденія какого-либо сомнѣнія насчетъ вмѣняемости подсудимому совершеннаго имъ дѣянія по одной изъ указанныхъ въ законѣ причинъ, главный вопросъ долженъ разбиваться на два, изъ коихъ въ первомъ означается не вина подсудимаго, а лишь совершеніе имъ приписываемаго ему дѣянія; во второмъ же вопросѣ указывается на существованіе причины невмѣняемости Необходимость такой редакціи правительствующій сенатъ мотивируетъ тѣмъ, что при постановкѣ перваго вопроса въ формѣ «виновенъ» и при утвердительномъ отвѣтѣ на оба вопроса выйдетъ явное противорѣчіе состоящее въ томъ, что подсудимый окажется признаннымъ виновнымъ при существованіи законной причины невмѣняемости ему въ вину содѣяннаго. По этой причинѣ слѣдующая редакція вопросовъ признана неправильно: 1) виновенъ ли подсудимый Брайленко въ нанесеніи Исаевой, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, но безъ цѣли лишить ее жизни, тридцати ранъ ножемъ въ шею, въ руку, въ спину и въ другія части тѣла? 2) не былъ ли подсудимый въ болѣзненномъ состояніи, доведшемъ его до припадка умопомѣшательства во время совершенія означеннаго преступленія? По дѣлу Мухина ($^{796}/_{72}$) окружнымъ судомъ были предложены три вопроса: первый по признакамъ предумышленнаго убійства крестьянки Николаевой, второй—по признакамъ убійства въ запальчивости и раздраженіи и третій: «если подсудимый не виновенъ ни по первому, ни по второму вопросамъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что лишилъ Николаеву жизни въ припадкѣ болѣзни, приведшей его въ совершенное безпамятство? «Присяжные отвѣтили на первые два вопроса отрицательно, на послѣдній отвѣчали «да, виновенъ». Судъ призналъ подсудимаго оправданнымъ. Прокуроръ жаловался на нарушеніе 819 и 820 ст. уст. Правительствующій

сенатъ, по протесту прокурора, нашелъ, что настоящее рѣшеніе присяжныхъ не можетъ быть признано безусловно оправдывающимъ и что непредложеніе прокурору дать заключеніе о послѣдствіяхъ этого рѣшенія составляетъ существенное нарушеніе, и потому кассировалъ приговоръ суда. О неправильной же редакціи вопроса въ кассаціонной жалобѣ не было упомянуто и правительствующій сенатъ по этому предмету не сдѣлалъ замѣчанія. Но необходимо замѣтить, что и редакція, предлагаемая правительствующимъ сенатомъ въ вышеприведенныхъ рѣшеніяхъ, не можетъ быть признана удовлетворительною. Если въ первомъ вопросѣ будетъ говориться о совершеніи преступленія, а во второмъ о существованіи причины невмѣняемости, то, при утвердительномъ отвѣтѣ на первый вопросъ и отрицательномъ на второй, вопросъ о вмѣненіи не будетъ разрѣшенъ вполнѣ, такъ какъ кромѣ причины, указанной въ данномъ случаѣ, всѣ другія причины, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину, останутся неразрѣшенными. Въ одномъ изъ рѣшеній ($^{488}/_{70}$) правительствующій сенатъ высказалъ, что въ подобномъ случаѣ главный вопросъ долженъ быть разложенъ на три отдѣльные вопроса: 1) о дѣйствительности событія преступленія и о томъ, чѣмъ оно было дѣяніемъ; 2) о причинѣ невмѣняемости и 3) о виновности подсудимаго въ приписываемомъ ему преступленіи. Но и такая редакція вопросовъ не можетъ быть признана удовлетворительною во всѣхъ случаяхъ. Такъ въ преступленіяхъ умышленныхъ свойство умысла не можетъ быть помѣщено въ первомъ вопросѣ, ибо вопросъ находился бы въ явномъ противорѣчіи со вторымъ, содержащимъ въ себѣ обозначеніе причины невмѣняемости, въ случаѣ утвердительнаго на него отвѣта. Такъ напр. нельзя постановить слѣдующіе вопросы: 1) доказано ли, что 9 ноября 1869 года, канцелярскій служитель Высоцкій убилъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, жену свою выстрѣломъ изъ пистолета и 2) не находился ли Высоцкій, при совершеніи означеннаго убійства, въ болѣзни, доведшей его до умопомѣшательства или совершеннаго безпамятства? Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на оба вопроса выйдетъ, что Высоцкій убилъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и въ то же время въ припадкѣ умопомѣшательства, т. е. будутъ утверждены два признака совершенно несовмѣстимые. Вслѣдствіе этого вопросъ объ умыслѣ долженъ быть постановленъ отдѣльно и притомъ послѣ третьяго вопроса, такъ какъ разрѣшеніе его возможно только при отрицаніи причины невмѣняемости и утвержденіи вопроса о виновности вообще. Образцомъ могутъ слу-

жить вопросы, постановленные Тульскимъ окружнымъ судомъ по дѣлу Вашенцовой, признанные правильно редактированными и правительствующимъ сенатомъ ($^{488}/_{70}$):

1) Совершилось ли 11 іюня 1869 года днемъ въ г. Ростовѣ, въ избѣ крестьянки Авдотьи Ѳедоровой, насильственное лишеніе жизни крестьянина Ивана Григорьева постороннимъ лицомъ, и именно женою послѣдняго, Матреною Трофимовою, имѣвшею въ то время 17 лѣтъ, 2 мѣсяца и 24 дня отъ роду?

2) Если совершилось, то доказано ли, что подсудимая Матрена Трофимова, во время совершенія означеннаго преступленія, находилась въ припадкахъ болѣзни, приведшихъ ее въ умопомраченіе или въ совершенное безпамятство?

3) Если не доказано, то виновна ли подсудимая Матрена Трофимова въ означенномъ въ первомъ вопросѣ преступленіи?

4) Если виновна, то было ли совершено ею преступленіе это съ предумышленіемъ?

Здѣсь можно сдѣлать два замѣчанія. Во первыхъ, такъ какъ совершеніе извѣстнымъ лицомъ преступнаго дѣянія предполагаетъ дѣйствительность этого послѣдняго, а не наоборотъ, то, по нашему мнѣнію, первый вопросъ лучше ставить въ такой формѣ, чтобы на первый планъ выступало *совершеніе* событія, а не его дѣйствительность. Во-вторыхъ, такъ какъ изъ общаго вопроса о виновности въ первомъ выдѣлены два входящихъ въ него элемента, дѣйствительность событія и совершеніе его, то употребленіе въ третьемъ вопросѣ слова «виновенъ» представляется нѣкоторымъ плеоназмомъ, повтореніемъ того, что уже разрѣшено одинъ разъ въ первомъ вопросѣ; вслѣдствіе этого правильнѣе было бы въ третьемъ вопросѣ говорить исключительно о вмѣненіи, т. е. излагать его въ слѣдующей формѣ: если не доказано, то должно ли быть совершенное подсудимымъ преступленіе, означенное въ первомъ вопросѣ, вмѣнено ему въ вину. Четвертый вопросъ можетъ начинаться уже словами: «если виновенъ», ибо утвердительный на него отвѣтъ мыслимъ только послѣ разрѣшенія всѣхъ входящихъ въ него трехъ элементарныхъ вопросовъ. Но къ употребленію слова «вмѣнено» встрѣчается важное препятствіе: правительствующій сенатъ призналъ слово «вмѣненіе» юридическимъ терминомъ, который не можетъ быть помѣщаемъ въ вопросахъ присяжнымъ ($^{1414}/_{72}$). Вслѣдствіе этого по необходимости приходится сдѣлать отступленіе отъ строгихъ правилъ логики и пользоваться при постановкѣ третьяго вопроса словомъ «виновенъ».

Б. Отдѣльныя причины невмѣняемости.

Совершенная невинность того дѣянія, непредвидимымъ послѣдствіемъ коего было преступленіе.

При совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 573 ст. улож., зло не можетъ быть непредвидѣннымъ послѣдствіемъ дѣянія подсудимаго, и потому не можетъ быть постановленъ въ этомъ случаѣ и вопросъ по 1 п. 92 ст. улож. ($^{534}/_{68}$).

Вопросъ о причинѣ, указанной въ 1 п. 92 ст., долженъ быть изложенъ по фактическимъ признакамъ.

По дѣлу Усачева ($^{306}/_{67}$), обвинявшагося въ томъ, что, боровшись съ крестьяниномъ Ивановымъ, загнулъ ему ноги къ головѣ, отчего послѣдовало разрушеніе связокъ въ колѣнныхъ сочлененіяхъ, каковое поврежденіе оказалось смертельнымъ и Ивановъ умеръ, защитникъ просилъ постановить вопросъ соотвѣтственно 1 п. 92 ст. улож., въ чемъ судъ отказалъ ему. Сенатъ нашелъ, что отказъ суда въ постановкѣ означеннаго вопроса былъ правилепъ между прочимъ потому, что вопросъ былъ предложенъ защитникомъ въ формѣ, не соотвѣтствующей требованіямъ закона (760 ст.), т. е. безъ указанія тѣхъ фактическихъ признаковъ, которые могли бы подлежать разрѣшенію присяжныхъ. Вопросъ объ Усачевѣ по обвинительному акту былъ слѣдующій: виновенъ ли подсудимый въ причиненіи крестьянину Иванову въ запальчивости или раздраженіи, но съ умысломъ однакожъ, увѣчья, отъ котораго послѣдовала смерть? Разлагая этотъ вопросъ на составныя части для удовлетворенія требованій защитника, мы получимъ слѣдующую редакцію: 1) Было ли причинено подсудимымъ Усачевымъ крестьянину Иванову увѣчье, отъ котораго послѣдовала его смерть? 2) Если да, то доказано ли, что означенное въ 1-мъ вопросѣ преступленіе произошло отъ совершенно невиннаго дѣянія, учиненнаго подсудимымъ, и преступленіе это было послѣдствіемъ того дѣянія случайнымъ и непредвидѣннымъ? 3) Если не доказано, то виновенъ ли подсудимый въ обозначенномъ въ 1-мъ вопросѣ преступленіи, совершонномъ имъ въ запальчивости и раздраженіи, но однакожъ съ умысломъ. При такой постановкѣ вопроса въ данномъ случаѣ присяжнымъ пришлось бы разрѣшить: есть ли игра, подъ названіемъ «загнуть калачъ», совершенно невинное дѣяніе и были ли послѣдствія ея случайны и непредвидимы. Но, допуская постановку вопросовъ обо всѣхъ другихъ причинахъ невмѣняемости въ ихъ законной формѣ, для этой причины правительствующій сенатъ дѣлаетъ исключеніе.

Безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство.

Окончательное разрѣшеніе вопроса о томъ, былъ ли подсудимый, въ моментъ совершенія преступленія, въ здравомъ умѣ или въ умономѣшательствѣ, въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предоставляется закономъ симъ послѣднимъ ($^{54}/_{69}$).

Вопросы о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей и о болѣзненномъ состояніи, приводящемъ въ совершенное безпамятство, не могутъ быть постановлены на основаніи однихъ свидѣтельскихъ показаній и объясненій подсудимаго, безъ выслушанія экспертовъ; нарушеніе этого правила, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на вопросъ, влечетъ отмѣну приговора и рѣшенія присяжныхъ ($^{499}/_{68}$, $^{135}/_{69}$).

Ошибка случайная или вслѣдствіе обмана. Обманъ или ошибка, вслѣдствіе которыхъ было совершено преступленіе, относятся къ числу законныхъ причинъ невмѣняемости. Отказъ суда въ постановкѣ вопроса объ этой причинѣ, если она выяснилась на судебномъ слѣдствіи и была предметомъ заключительныхъ преній, составляетъ существенное нарушеніе 763 ст. уст. ($^{533}/_{69}$, $^{168}/_{69}$).

Но причиною, уничтожающею вмѣнимость, можетъ служить только ошибка въ фактахъ, а не ошибка въ законѣ ($^{1082}/_{71}$).

По дѣлу Попрядухина ($^{75}/_{70}$) были постановлены слѣдующіе вопросы: 1) растратилъ ли кр. Попрядухинъ находившіяся у него на рукахъ, по должности сборщика податей, общественныя деньги 284 руб. 31½ коп.? 2) Если совершено Попрядухинымъ дѣяніе, упоминаемое въ 1-мъ вопросѣ, то произошла ли растрата по случайной ошибкѣ? 3) Если Попрядухинъ допустилъ растрату при условіяхъ, которыя указаны въ 1-мъ вопросѣ, то возвратилъ ли онъ добровольно самъ собою всю растраченную сумму до открытія сего злоупотребленія? 4) Если Попрядухинъ допустилъ растрату при условіяхъ, которыя указаны въ 1-мъ вопросѣ, то возвратилъ ли онъ добровольно растраченную сумму послѣ открытія сего злоупотребленія? 5-й вопросъ былъ условный, на случай отрицательнаго отвѣта на первый, а 6-й о случайной ошибкѣ по отношенію къ пятому вопросу. Присяжные отвѣчали: на 1-й — да, растратилъ, но заслуживаетъ снисхожденія; на 2-й — да, по случайной ошибкѣ: на 3-й — нѣтъ, не возвратилъ; на 4-й — да, возвратилъ; 5-й и 6-й оставлены безъ отвѣта. Судъ призналъ подсудимаго оправданнымъ. Товарищъ прокурора въ кассаціонной жалобѣ указывалъ на

то, что присяжные, отвѣтивъ на первый вопросъ утвердительно, тѣмъ самымъ признали, что подсудимый совершилъ то преступное дѣяніе, за которое онъ былъ преданъ суду, что, признавъ подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія и возвратившимъ растраченную имъ сумму, присяжные засѣдатели тѣмъ болѣе указали, что они именно признаютъ его виновнымъ и что поэтому они, отвѣчая на 2-й вопросъ: «да, по случайной ошибкѣ», совершенно противорѣчили отвѣту, данному ими на первый вопросъ, ибо этимъ они исключили, по отношенію къ обвиненному или подсудимому, возможность вмѣнить въ вину содѣянное преступленіе, хотя по настоящему дѣлу вовсе не было возбуждено сомнѣнія о томъ, должно ли быть вмѣнено подсудимому въ вину его дѣяніе. Сенатъ не вошелъ въ обсужденіе этихъ мотивовъ, на томъ основаніи, что товарищъ прокурора не возражалъ, въ какомъ-либо отношеніи, противъ постановки вопросовъ. Но во всякомъ случаѣ означенные мотивы нельзя признать основательными. Отвѣтъ на 4-й вопросъ былъ совершенно излишенъ, при отрицательномъ разрѣшеніи втораго вопроса, и существованіе его должно быть объяснено недостаточнымъ разъясненіемъ, сдѣланнымъ предсѣдателемъ, а между первымъ и вторымъ вопросами не заключается никакого противорѣчія, ибо въ первомъ вопросѣ, содержащемъ въ себѣ обозначеніе событія преступленія и совершенія его подсудимымъ, вовсе нѣтъ рѣчи о вмѣненіи, что было бы только тогда, когда бы вопросъ этотъ начинался словомъ виновенъ. Единственная неправильность постановленныхъ судомъ вопросовъ заключается въ отсутствіи вопроса о вмѣненіи подсудимому въ вину преступленія по другимъ причинамъ, кромѣ изложенной во второмъ вопросѣ, необходимость каковаго вопроса была бы очевидна, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на второй. Такимъ образомъ, при выдѣленіи вопроса о совершеніи преступленія по случайной ошибкѣ должно соблюдать общія правила, изложенныя нами выше.

Необходимость обороны. По точному содержанію 101 ст. ул., существенными условіями необходимой обороны, при которой принятыя для отвращенія грозящей опасности мѣры, хотя бы они заключали въ себѣ и преступныя дѣйствія, не вмѣняются въ вину, признаются: а) нападеніе, когда оно подвергаетъ дѣйствительной опасности жизнь или другія блага обороняющагося, или когда оно сдѣлано разбойникомъ или воромъ, или же когда нападающій вторгнулся съ насиліемъ въ жительство обороняющагося, а также насильственное сопротивленіе преступника, застигнутаго при похи-

щеніи или поврежденіи какого-либо имущества, и б) невозможность для подвергнувшагося нападенію лица прибѣгнуть въ то время къ защитѣ мѣстнаго или ближайшаго начальства. Поэтому подъ дѣйствіе закона о необходимой оборонѣ не можетъ быть подведено признаніе того, что подсудимый, убивая извѣстное лицо, дѣйствовалъ съ намѣреніемъ воспрепятствовать похищенію своей собственности, заставъ это лицо въ сараѣ въ то время, когда оно готово было похитить лошадей (8 марта 1874 г., по д. Липатова. «Суд. Вѣст.» $^{55}/_{75}$). Необходимость обороны предполагаетъ употребленіе силы и другихъ мѣръ для отвращенія грозящей опасности для жизни и другихъ благъ защищающагося лица, въ случаѣ если лицо это не имѣетъ возможности прибѣгнуть въ то время въ защитѣ мѣстнаго и ближайшаго начальства: слѣдовательно, необходимая оборона обусловливается опасностью, при отсутствіи которой право на употребленіе ея не можетъ уже считаться могущимъ имѣть примѣненіе ($^{1025}/_{70}$).

Совершеніе преступленія безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ раздраженіи, однако не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь другаго, отнюдь не исключаетъ возможности необходимой обороны ($^{1038}/_{71}$).

Необходимость обороны отнесена закономъ (ст. 92 п. 6) къ числу причинъ, по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину; поэтому постановка вопроса сначала о томъ: виновенъ ли подсудимый въ данномъ преступленіи, и затѣмъ: не было ли оно совершено вслѣдствіе необходимой обороны, будетъ противорѣчіемъ въ случаѣ утвердительныхъ отвѣтовъ на оба вопроса, такъ какъ если виновенъ, то и должно быть вмѣнено въ вину. Вотъ почему редакція вопросовъ, постановленныхъ тифлисскою судебною палатою, по дѣлу Вартанова ($^{1038}/_{71}$): «виновенъ ли подсудимый Мосесъ Вартановъ въ томъ, что въ ночь съ 22 на 23 августа 1869 года выстрѣломъ изъ ружья убилъ объѣздчика эриванскаго транзитнаго поста Авдѣя Лукьянова, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ раздраженіи, однако не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь другаго», и затѣмъ второй, дополнительный къ нему, о необходимой оборонѣ, признана неправильною. Утвердительный отвѣтъ на первый вопросъ, т. е. признаніе Вартанова виновнымъ, исключалъ собою необходимость разрѣшенія втораго, вслѣдствіе чего палата и оставила его безъ отвѣта, хотя обязана была отвѣчать на него. Неправильная же постановка перваго вопроса привела и къ другой непослѣдова-

тельности: оставивъ безъ отвѣта второй вопросъ, палата между тѣмъ въ приговорѣ своемъ вошла въ опроверженіе доказательствъ обороны, что имѣло бы мѣсто лишь тогда, когда бы она отвѣчала на второй вопросъ отрицательно. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ вопросы должны быть постановлены по общему правилу о редакціи при выдѣленіи вопроса о вмѣненіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ приведенномъ выше рѣшеніи по дѣлу Вартанова правительствующій сенатъ даетъ указаніе на то, какъ долженъ быть постановленъ самый вопросъ о необходимой оборонѣ. Судебная палата формулировала его слѣдующимъ образомъ: «Если не виновенъ [1]), то выстрѣлъ, причинившій смерть Лукьянова, не былъ ли сдѣланъ подсудимымъ Вартановымъ съ цѣлью отразить нападеніе, произведенное на домъ его убитымъ Лукьяновымъ, какъ воромъ или разбойникомъ?» Сенатъ нашелъ такую постановку вопроса неправильною, разъяснивъ, что палата, разрѣшая вопросъ о томъ, совершилъ ли Вартановъ убійство по необходимой оборонѣ, обязана была разсмотрѣть, было ли это убійство совершено при обстоятельствахъ, допускающихъ право необходимой обороны; изъ редакціи же втораго вопроса видно, что палата ограничилась разсмотрѣніемъ только одного обстоятельства, допускающаго необходимую оборону, и затѣмъ, существовали ли въ настоящемъ дѣлѣ другія условія, допускающія необходимую оборону, оставила вовсе безъ разсмотрѣнія». Отсюда вытекаетъ, что вопросъ о необходимой оборонѣ долженъ быть постановленъ въ такой формѣ которая обнимала бы собою всѣ входящіе въ составъ этого понятія признаки, всѣ обстоятельства, при существованіи коихъ допускается по закону право необходимой обороны, а такою формою можетъ быть только форма законная. Такимъ образомъ вопросы о Вартановѣ должны были быть редактированы слѣдующимъ образомъ:

1) Была ли въ ночь съ 22 на 23 августа 1869 года причинена выстрѣломъ изъ ружья смерть объѣздчику эриванскаго транзитнаго поста Авдѣю Лукьянову подсудимымъ Моссесомъ Вартановымъ, 36 лѣтъ.

2) Если была, то доказано ли, что смерть Лукьянову причинена подсудимымъ Вартановымъ вслѣдствіе необходимой личной

---

[1]) Слово *не* въ вопросѣ должно, конечно, считать грубою описокой, ибо при невиновности по первому вопросу (въ убійствѣ) не можетъ быть виновности въ необходимой оборонѣ.

обороны, для отвращенія опасности, грозившей его жизни, и при невозможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго начальства?

3) Если не доказано, то виновенъ ли Вартановъ въ преступленіи, означенномъ въ 1-мъ вопросѣ, совершенномъ имъ, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ раздраженіи, однакожъ не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь другаго?

Малолѣтство. Къ числу причинъ, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину, принадлежитъ малолѣтство (ст. 92 п. 2 ул.), совершеніе преступленія въ возрастѣ, въ которомъ подсудимый не могъ еще имѣть понятія о свойствѣ дѣянія (¹⁹⁵/₇₃). Дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ, по разъясненію правительствующаго сената (¹⁵⁶⁴/₇₁), вовсе не предаются суду за совершенныя ими преступленія, а дѣла о нихъ прекращаются въ распорядительномъ засѣданіи. О малолѣтнихъ же отъ 10 до 14 лѣтъ ставится вопросъ: дѣйствовалъ ли подсудимый при совершеніи преступленія съ разумѣніемъ (ст. 763 уст. угол. суд.; 92 п. 2 и 137 улож.).

Постановка вопроса о разумѣніи безусловно обязательна для суда, если по документамъ или по другимъ даннымъ оказывается, что подсудимый во время совершенія преступленія находился въ томъ возрастѣ, въ которомъ онъ можетъ быть признанъ дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія. Вопросъ о разумѣніи предлагается самимъ судомъ, независимо отъ заявленія или требованія сторонъ (¹⁹⁵/₆₉). Хотя вопросъ о возрастѣ, по толкованію сената (⁴⁹⁰/₆₇), разрѣшенію присяжныхъ не принадлежитъ, но точное означеніе его въ вопросахъ должно быть сдѣлано самимъ судомъ.

При обвиненіи малолѣтняго въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, вопросъ о разумѣніи долженъ быть постановленъ по каждому преступленію, и различіе на эти вопросы въ отвѣтахъ присяжныхъ не можетъ считаться противорѣчіемъ, такъ какъ признаніе разумѣнія зависитъ столько отъ возраста лица, но и отъ характера преступленія, въ которомъ оно обвиняется (¹⁰⁷⁰/₆₉).

Вопросъ этотъ долженъ быть безусловно постановленъ и въ случаѣ повторенія преступленія въ указанномъ возрастѣ (⁸¹⁹/₆₉). Ст. 759 устава предписываетъ о подсудимомъ, имѣвшемъ во время совершенія преступленія менѣе 17 лѣтъ, ставить вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ *съ полнымъ разумѣніемъ*, а ст. 137 улож. постановляетъ, что дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ не подвергаются наказанію, когда судомъ признано, что преступленіе учинено ими *безъ разумѣнія*. Вслѣдствіе этого является недоумѣніе, въ какой формѣ слѣдуетъ ставить вопросъ о малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е.

спрашивать ли присяжныхъ: дѣйствовалъ ли подсудимый «съ полнымъ разумѣніемъ» или же «съ разумѣніемъ». Нѣкоторые окружные суды, напр. Тверской, по дѣлу Березина (³¹⁹/₆₉), ставятъ о малолѣтнихъ въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ вопросъ въ формѣ: дѣйствовалъ ли подсудимый «съ полнымъ разумѣніемъ», другіе же, обыкновенно, употребляютъ выраженіе «съ разумѣніемъ». Въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената по этому предмету нѣтъ категорическаго разъясненія. Но изъ рѣшенія его по дѣлу Смирнова (¹⁹⁸/₇₃), гдѣ онъ говоритъ, что «въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ законъ предусматриваетъ случаи совершенія преступленія или проступка *безъ разумѣнія*», можно вывести, что въ вопросахъ должно быть употребляемо это послѣднее выраженіе, согласно правилу, изложенному въ 137 ст. улож.

Редакція вопросовъ о малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ должна подчиняться общимъ правиламъ, по которымъ ставятся вопросы, при существованіи причинъ невмѣняемости вообще. Правительствующій сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Кудрявцева (¹⁰⁷⁰/₆₉) высказалъ, что отвѣтъ присяжныхъ «виновенъ» и затѣмъ: «дѣйствовалъ безъ всякаго разумѣнія» вноситъ противорѣчіе въ вопросы, ибо вопросъ, начинающійся словомъ «виновенъ», вмѣщаетъ въ себѣ и вопросъ о вмѣненіи подсудимому совершеннаго имъ дѣянія; слѣдовательно, утвердительнымъ на него отвѣтомъ, безъ всякой оговорки, присяжные устраняютъ вовсе вопросъ о невмѣненіи, между тѣмъ какъ отвѣтомъ на другой изъ предложенныхъ вопросовъ, признавая подсудимаго дѣйствовавшимъ безъ всякаго разумѣнія, они отвергаютъ существованіе въ дѣяніи подсудимаго преступнаго намѣренія или, другими словами, признаютъ невозможность вмѣненія, т. е. отвергаютъ то, что сами признаютъ въ отвѣтѣ на первый вопросъ. Тоже высказано и въ рѣшеніи по дѣлу Смирнова (¹⁹⁸/₇₃). Вслѣдствіе этого не могутъ быть предложены о малолѣтнемъ вопросы въ такой редакціи: «1) виновенъ ли ростовскій мѣщанинъ Илья Петровъ Неклюдовъ, 13 лѣтъ, въ томъ, что далъ у мироваго судьи при разбирательствѣ (по какому дѣлу — не обозначено) ложное подъ присягою свидѣтельское показаніе и 2) если виновенъ, то совершено ли имъ это преступленіе съ разумѣніемъ?» По этому редакція вопросовъ должна принять слѣдующій видъ: 1) было ли дано подсудимымъ N., 13 лѣтъ, ложное свидѣтельское показаніе, при разбирательствѣ такого-то числа и года дѣла у мироваго судьи о крестьянинѣ Z.? 2) Если было, то дѣйствовалъ ли подсудимый при совершеніи этого преступленія съ разумѣніемъ?

3) Если означенное въ 1-мъ вопросѣ ложное показаніе было дано и подсудимый дѣйствовалъ при-этомъ съ разумѣніемъ, то виновенъ ли онъ въ томъ преступленіи?

Наконецъ необходимо, чтобы вопросъ о разумѣніи относился къ цѣлому дѣянію, обозначенному въ стоящемъ передъ нимъ вопросѣ, а не къ части его. Поэтому не правильна слѣдующая редакція вопросовъ: 1) сдѣлалъ ли подсудимый въ выданномъ ему билетѣ подчистки и измѣненія и представилъ ли этотъ билетъ въ управу благочинія? 2) Дѣйствовалъ ли подсудимый при измѣненіи въ паспортѣ съ разумѣніемъ? При такой редакціи втораго вопроса, вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый съ разумѣніемъ при представленіи измѣненнаго паспорта въ Управу Благочинія, остается неразрѣшеннымъ (ср. рѣш. по дѣлу Кудрявцева $^{1070}/_{69}$).

ГЛАВА VI.

Постановка вопросовъ о виновности, при стеченіи преступленій.

Совокупность преступленій.— Судъ обязанъ постановить отдѣльные вопросы о виновности подсудимаго по всѣмъ предметамъ обвиненія, указаннымъ въ обвинительномъ актѣ ($^{183}/_{67}$, $^{254}/_{68}$), о каждомъ преступномъ дѣяніи ($^{1}/_{68}$). Когда обвинительный актъ поддерживается лицомъ прокурорскаго надзора, судъ не имѣетъ права устранить обвиненіе потому, что судебное слѣдствіе, по его мнѣнію, не представило данныхъ, относящихся къ этому обвиненію. Михѣевъ ($^{254}/_{68}$) обвинялся: а) въ кражѣ у неизвѣстнаго пьянаго человѣка вида на жительство и б) въ проживательствѣ съ этимъ чужимъ видомъ. Судъ постановилъ вопросъ о виновности только въ послѣднемъ преступленіи и отказалъ въ требованіи товарища прокурора о постановкѣ вопроса по первому обвиненію, на томъ основаніи, что опредѣленіе того, должны ли вопросы быть составлены единственно на основаніи обвинительнаго акта или же и на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя обнаружились на судебномъ слѣдствіи, зависитъ отъ суда и что во время судебнаго слѣдствія и преній не было обнаружено ни одного обстоятельства, касающагося кражи билета. Сенатъ кассировалъ рѣшеніе, признавъ, что судъ при постановкѣ вопросовъ не имѣлъ права, въ нарушеніе 751 ст., вовсе устранить помѣщенное въ обвинительномъ актѣ обвиненіе подсудимаго въ

кражѣ чужаго вида, которое поддерживалъ товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи.

Отдѣльные вопросы, по каждому предмету обвиненія, постановляются и въ тѣхъ случаяхъ когда подсудимый преданъ суду по совокупности преступленій, изъ коихъ одни преслѣдуются въ общемъ порядкѣ, а другіе въ порядкѣ частнаго обвиненія и оканчиваются примиреніемъ. По дѣлу Горбунова ($^{130}/_{70}$) сенатъ нашелъ правильнымъ преданіе суду и предложеніе присяжнымъ вопросовъ о виновности: а) въ причиненіи непзгладимаго обезображенія на лицѣ крестьянину Поручикову и б) въ оскорбленіи крестьянки Осиповой.

Отдѣльный вопросъ о виновности ставится и по тому преступленію, которое обнаружилось на судебномъ слѣдствіи и которое не подвергаетъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ. По обвинительному акту Максимовъ ($^{695}/_{68}$) былъ преданъ суду по обвиненію въ присвоеніи себѣ чрезъ подложный аттестатъ фамиліи Данилевскаго и въ покушеніи, остановленномъ не по собственной волѣ, заложить несуществующее имѣніе по подложнымъ документамъ съ знаніемъ объ ихъ подложности, т. е. по обвиненіямъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1412, 1677, 1679, 1690, 1699 и 1705 улож. Судъ предложилъ присяжнымъ вопросъ о выдачѣ Максимовымъ подложныхъ векселей. Сенатъ, въ виду того, что высшее наказаніе, опредѣленное означенными выше статьями, состоитъ въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и что за выдачу подложнаго векселя, по ст. 1160 улож., положено то же наказаніе, нашелъ, что судъ имѣлъ основаніе, по смыслу 752 ст уст., признавать это послѣднее преступленіе подлежащимъ обсужденію присяжныхъ.

Когда же изъ обвинительнаго акта не видно ясно, преданъ ли суду подсудимый по одному или по двумъ преступленіямъ, вопросъ ставится только по тому преступленію, въ преданіи суду за которое не возбуждается сомнѣнія ($^{486}/_{69}$).

Подъ отдѣльными преступными дѣяніями, по разъясненію правительствующаго сената, должно разумѣть не разные признаки одного и того же преступленія, а разныя преступленія. Такъ напр. отдѣльныя преступленія составляютъ: похищеніе паспорта (ст. 1657 ул.) и проживательство по нему (ст. 967 улож.) ($^{298}/_{70}$), составленіе подложнаго вида на жительство (ст. 975) и приложеніе къ нему фальшивой печати судебнаго или правительственнаго мѣста (ст. 296) ($^{496}/_{69}$), умышленное лишеніе жизни кого-либо (ст. 1454)

и причиненіе при-этомъ ранъ другому лицу, безъ прямаго на то намѣренія (ст. 1474) ($^{1303}/_{70}$), кража со взломомъ и при оружіи (ст. 1653) и умышленное, для избѣжанія поимки, нанесеніе караульщику ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ (2 ч. 1459) ($^{975}/_{72}$). Два отдѣльныхъ преступленія составляютъ: грабежъ, учиненный хотя въ одинъ и тотъ же день, но противъ разныхъ лицъ, при встрѣчѣ съ ними порознь ($^{1}/_{68}$); одновременное нанесеніе оскорбленія нѣсколькимъ лицамъ ($^{51}/_{72}$), нѣсколько отдѣльныхъ кражъ, произведенныхъ у одного и того же лица ($^{29}/_{72}$). По каждому изъ этихъ преступленій должны быть постановлены отдѣльные вопросы.

Отдѣльные вопросы ставятся по каждому преступному дѣянію, не смотря на то, что оба преступленія предусмотрѣны одною статьею уложенія, въ обвинительномъ актѣ приведенною. По дѣлу Маринина ($^{619}/_{71}$), преданнаго суду по 1459 ст улож., судъ постановилъ два вопроса о виновности въ открытомъ похищеніи у рядоваго Соловьева денегъ и въ нанесеніи при-этомъ сему послѣднему такихъ ударовъ острымъ орудіемъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть его. Сенатъ нашелъ, что окружной судъ имѣлъ право и по ст. 756 уст. обязанъ былъ при постановкѣ вопросовъ о виновности подсудимаго указать каждое изъ двухъ преступленій въ отдѣльныхъ вопросахъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда одно преступленіе входитъ въ составъ другаго, какъ одинъ изъ существенныхъ его признаковъ, вопросъ о виновности ставится общій. По дѣлу Зубковыхъ ($^{603}/_{70}$), признанныхъ виновными въ томъ, что нанесли кр. Зубкову, въ запальчивости и раздраженіи, однако не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій этого дѣянія, тяжкіе, подвергающіе жизнь его опасности побои, послѣдствіемъ коихъ было лишеніе Абрама Зубкова способности владѣть пальцами правой руки и поврежденіе умственныхъ его способностей, судъ назначилъ наказаніе по совокупности преступленій (1 ч. 1480 и 1 п. 1490 ст. улож.). Сенатъ нашелъ, что судъ не имѣлъ основанія дробить преступное дѣяніе подсудимыхъ на два преступленія, предусмотрѣнныхъ одно въ 1480, а другое въ 1489 и 1490 ст., ибо въ составъ послѣдняго преступленія первое входитъ, какъ одинъ изъ существенныхъ его признаковъ. Точно такимъ же образомъ не слѣдуетъ постановлять особые вопросы по предметамъ похищенія, когда похищеніе всѣхъ предметовъ составляетъ одну кражу. О Масляниковѣ ($^{453}/_{68}$) были поставлены вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что 4 марта 1868 г. въ г. Валуйкахъ изъ дома дѣвицы Анны Даниловой укралъ лампадку и двѣ серебряныя ризы, снявъ ихъ съ иконъ?

2) виновенъ ли онъ въ томъ, что укралъ у дѣвицы Д. разныя вещи, отворивъ квартиру заказаннымъ ключемъ? 3) были ли взломаны замки гардероба и шкафовъ для кражи вещей? Сенатъ нашелъ, что не представлялось никакой надобности разбивать вопросы по предметамъ похищенія, такъ какъ похищеніе всѣхъ этихъ предметовъ составляетъ одну кражу со взломомъ и подобраннымъ ключемъ. Преданіе подсудимаго суду за два отдѣльныя преступленія, между тѣмъ какъ оба они составляютъ одно преступное дѣяніе, не можетъ стѣснять судъ при опредѣленіи свойства разсматриваемаго дѣянія, а слѣдовательно и при постановкѣ вопросовъ. По дѣлу Сухино (330/71), преданнаго суду за покушеніе на изнасилованіе съ растлѣніемъ и за разорваніе дѣвственной плевы пальцемъ дѣвицѣ Л., были постановлены судомъ слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ ночь съ 25 на 26 апрѣля 1868 г. покушался изнасиловать съ растлѣніемъ 16-лѣтнюю Л., находившуюся въ услуженіи въ его семействѣ? 2) если Сухино виновенъ по 1-му вопросу, то остановился ли онъ по собственной волѣ или былъ остановленъ по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ? 3) если виновенъ по 1-му вопросу, то все ли имъ сдѣлано *для совершенія преступнаго дѣянія покушенія?* 4) виновенъ ли подсудимый Сухино въ томъ, что *въ ту же ночь* разорвалъ Л. пальцемъ дѣвственную плеву? Сенатъ нашелъ: «что касается опредѣленія свойства и признаковъ преступленія, совершеннаго Сухино, и жалобы его на то, что онъ преданъ суду и обвиненъ въ двухъ разныхъ преступленіяхъ, тогда какъ оба они должны составлять только одно преступленіе – приготовленіе къ насильственному растлѣнію Л., то, сравнивая обвинительные отвѣты присяжныхъ съ приговоромъ суда, въ которомъ покушеніе на изнасилованіе Л. и разорваніе дѣвственной плевы ея пальцами признаны двумя отдѣльными преступленіями, нельзя не прійдти къ тому убѣжденію, что выводы, сдѣланные судомъ, не вполнѣ согласны съ коренными началами уложенія о наказаніяхъ. Присяжные положительно признали, что Сухино покушался изнасиловать Л., что при-этомъ онъ все сдѣлалъ для совершенія преступленія и былъ остановленъ только обстоятельствами, отъ него не зависѣвшими. Произведенный при такихъ обстоятельствахъ, во время покушенія на насильственное половое совокупленіе, разрывъ дѣвственной плевы, хотя бы и пальцемъ, уже не составляетъ отдѣльнаго преступленія, а можетъ служить для суда однимъ только признакомъ при опредѣленіи большей или меньшей близости покушенія къ совершенію самаго пре-

ступленія (ст. 114 ул.), а вмѣстѣ съ тѣмъ и обстоятельствомъ, увеличивающимъ степень наказанія, назначеннаго виновному .

Случаи, когда одно преступленіе служитъ средствомъ для совершенія другаго. Относительно постановки вопросовъ въ тѣхъ случаяхъ, *когда одно преступленіе служитъ средствомъ для совершенія другаго*, въ практикѣ правительствующаго сената нѣтъ прямыхъ разъясненій. Подсудимая Тимофѣева ($^{208}/_{70}$) жаловалась на то, что судъ неправильно отдѣлилъ похищеніе паспорта отъ проживательства по немъ, тогда какъ въ этихъ фактахъ нѣтъ двухъ преступленій, а есть только одно преступленіе съ его послѣдствіями. Сенатъ нашелъ: «не правильно то замѣчаніе (подсудимой), что похищеніе чужаго паспорта и проживательство по немъ составляютъ одно, а не два отдѣльныя преступленія, ибо, очевидно, что каждое изъ этихъ дѣяній соотвѣтствуютъ вполнѣ — первое — понятію о той спеціальной кражѣ, которая предусмотрѣна 1657 ст. улож., а второе — понятію о томъ нарушеніи паспортнаго устава, которое опредѣлено въ ст. 967 того же улож. Конечно, могутъ быть случаи, когда одно преступное дѣяніе служитъ средствомъ для другихъ и поглощается послѣднимъ, какъ болѣе важнымъ, напр. нанесеніе побоевъ или ранъ съ намѣреніемъ изувѣчить или лишить жизни; но это такіе случаи, въ которыхъ предыдущее дѣяніе есть необходимое средство къ совершенію преднамѣреннаго послѣдующаго, которое безъ перваго не мыслимо (никого нельзя изувѣчить или убить, не повредивъ его тѣлесно). Но въ настоящемъ случаѣ между похищеніемъ чужаго паспорта и проживательствомъ по немъ вовсе не было такихъ необходимыхъ отношеній». Примѣняя эти соображенія Сената къ постановкѣ вопросовъ, можно, кажется, сдѣлать слѣдующій выводъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда преступное средство поглощается преднамѣреннымъ преступленіемъ, какъ болѣе важнымъ, когда первое есть средство необходимое къ совершенію втораго, безъ котораго послѣднее не мыслимо, вопросъ о виновности ставится общій; въ противномъ случаѣ, т. е. когда между преступными дѣяніями такихъ необходимыхъ отношеній не существуетъ, вопросы по каждому изъ нихъ ставятся отдѣльные. Поэтому слѣдующіе вопросы должно признать поставленными правильно: «1) виновенъ ли отставной подпоручикъ Николай Алеевскій въ томъ, что растратилъ и присвоилъ себѣ денежный капиталъ по опекѣ Нальянова? 2) если виновенъ въ означенномъ преступленіи, то употреблялъ ли онъ для совершенія онаго росписки, зная, что онѣ подложны?» ($^{78}/_{68}$). Впрочемъ, второй вопросъ не

могъ быть постановленъ въ зависимости отъ перваго, такъ какъ возможно признаніе виновнымъ по второму вопросу, при оправданіи въ растратѣ и присвоеніи. Редакція послѣдняго вопроса поэтому должна бы быть, примѣрно, слѣдующая: «виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, съ цѣлью присвоить деньги (воспользоваться деньгами) по опекѣ Нальянова, употребилъ завѣдомо подложныя росписки?»

Преступленія продолжаемыя. — Особенный интересъ представляетъ способъ постановки вопросовъ *о преступленіяхъ продолжаемыхъ* (crimen continuatum). Правительствующій сенатъ называетъ эти преступленія *длящимися* и *продолжающимися* и опредѣляетъ ихъ такимъ образомъ: «подъ продолжающимся преступленіемъ, говоритъ онъ ($^{453}/_{70}$), подразумѣвается рядъ такихъ дѣйствій, направленныхъ къ одной противозаконной цѣли, изъ которыхъ каждое само по себѣ, не составляя вполнѣ законченнаго преступленія или покушенія на самостоятельное преступленіе, находится въ неразрывной связи съ предшествующими и послѣдующими дѣйствіями». Такимъ образомъ продолжаемое преступленіе, по этому рѣшенію, составляетъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя: а) направлены къ одной противозаконной цѣли, б) сами по себѣ не составляютъ законченнаго преступленія или покушенія на преступленіе, и в) находятся въ неразрывной между собою связи. Но въ рѣшеніи по дѣлу Колоненко (15 марта 1874 г. «Суд. Вѣст.» $^{53}/_{75}$) правительствующій сенатъ высказалъ, что длящимися преступленіями признаются «тѣ случаи, когда однимъ лицомъ совершенъ рядъ, хотя бы отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствій, но исходящихъ изъ одного, общаго намѣренія», причемъ понятіе о длящемся преступленіи можетъ быть примѣнено только къ преступленіямъ одного и того же рода. Подсудимый Колоненко былъ признанъ виновнымъ въ томъ: 1) что въ ночь на 7 декабря 1871 года тайно похитилъ изъ Воскресенской церкви, въ г. Славянскѣ, употреблявшійся при богослуженіи священный предметъ «звѣздицу», для чего сломалъ запоръ и цѣпку у дверей церкви, и 2) что тогда же и изъ той же церкви похитилъ деньги и другое имущество, хранившееся въ церкви, но не принадлежащее церковному имуществу, причемъ сломалъ запоръ и цѣпку у дверей церкви и замокъ у дверей церкви. Подсудимый въ кассаціонной жалобѣ жаловался, что дѣяніе, въ которомъ судъ видитъ два различныя преступленія, совершены въ одно и то же время и изъ одного и того же мѣста. Сенатъ нашелъ: «хотя дѣйствительно наши уголовные законы допускаютъ

понятіе о такъ-называемыхъ длящихся преступленіяхъ, признавая таковыми тѣ случаи, когда однимъ лицомъ совершенъ рядъ хотя бы отдѣльныхъ преступныхъ дѣйствій, но исходящихъ изъ одного общаго намѣренія, но не подлежитъ сомнѣнію, что это понятіе не можетъ быть примѣнено къ настоящему дѣлу, по которому подсудимымъ совершены два, совершенно различныя преступленія, а именно: простая кража и святотатство, относительно которыхъ не только не признано, но и нельзя сдѣлать предположенія, чтобы они исходили изъ одного общаго намѣренія, такъ какъ преступленія эти, различныя по своимъ существеннымъ признакамъ, вслѣдствіе чего они и предусмотрѣны въ различныхъ раздѣлахъ уложенія, предполагаютъ и различное направленіе злой воли; понятіе же о длящемся преступленіи можетъ быть примѣнено только къ преступленіямъ одного и того же рода исходящимъ изъ одного общаго намѣренія. Особенный интересъ представляетъ дѣло Кочкаевыхъ. Андрей Кочкаевъ и жена его ($^{1113}/_{72}$) были преданы суду: 1) за покушеніе на отравленіе Ивана Григорьева Кочкаева, не удавшееся по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ, 2) за убійство того же Ивана Кочкаева, посредствомъ задушенія веревкой. Рѣшеніемъ присяжныхъ, состоявшимся 28 сентября 1871 года, Кочкаевы признаны виновными въ первомъ изъ этихъ преступленій, а по второму обвиненію оправданы. Вслѣдствіе чего окружной судъ приговорилъ Андрея и Авдотью Кочкаевыхъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу защитника, нашелъ, что при производствѣ дѣла было допущено нарушеніе 656 ст. уст. въ томъ, что предсѣдатель предоставилъ подсудимымъ право отвести не болѣе 5 присяжныхъ засѣдателей между тѣмъ какъ за отводомъ прокуроромъ 6 лицъ подсудимые, на основаніи 656 ст. уст., имѣли право отвести такое же число, такъ какъ этотъ законъ, говоря о правѣ отвода, понимаетъ исключительно тѣ случаи, когда отводъ производится изъ полнаго числа 30 присяжныхъ засѣдателей. Признавая, что, въ виду несогласія защитника на такое ограниченіе его въ правѣ отвода, судъ обязанъ былъ отложить засѣданіе по дѣлу, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: за нарушеніемъ 648 и 656 ст. уст., рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда отмѣнить, а дѣло для новаго производства передать въ другое отдѣленіе Симбирскаго окружнаго суда. При вторичномъ производствѣ дѣла, когда предсѣдательствующій объяснилъ, что разсмотрѣнію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей подлежитъ дѣло о кре-

стьяхъ Андреѣ Ивановѣ Кочкаевѣ и женѣ его Авдотьѣ Потаповой, обвиняемыхъ въ покушеніи на отравленіе и въ убійствѣ отца перваго изъ нихъ Ивана Кочкаева, защитникъ заявилъ, что на основаніи 21 ст. уст. дѣло по обвиненію Кочкаевыхъ въ убійствѣ разсматриваться не можетъ. Окружной судъ оставилъ заявленіе это безъ послѣдствій, на томъ основаніи, что указомъ сената предписывалось подвергнуть новому разсмотрѣнію все дѣло, а не одно обвиненіе Кочкаевыхъ въ покушеніи на отравленіе, и что ст. 21 къ настоящему случаю не примѣнима, такъ какъ приговоръ о Кочкаевыхъ въ законную силу не входилъ. Затѣмъ, по окончаніи судебнаго слѣдствія, присяжнымъ были предложены вопросы по двумъ взведеннымъ противъ подсудимыхъ обвиненіямъ; присяжные признали Кочкаевыхъ виновными въ умышленномъ убійствѣ Ивана Кочкаева, по обвиненію же въ покушеніи на отравленіе подсудимые присяжными оправданы. На основаніи этихъ отвѣтовъ окружной судъ приговорилъ Андрея и Авдотью Кочкаевыхъ къ каторжнымъ работамъ на восемь лѣтъ. Защитникъ и самые подсудимые въ кассаціонной жалобѣ доказывали, что Кочкаевы оправданы при первомъ разбирательствѣ дѣла въ убійствѣ Ивана Кочкаева, что приговоръ этотъ вошелъ въ законную силу и что поэтому дѣло по обвиненію въ убійствѣ вторичному обсужденію подлежать не могло Правительствующій сенатъ нашелъ, что соображенія защитника были бы вполнѣ справедливы, если бы Кочкаевы судились по двумъ *разнородным*ъ преступленіямъ и если бы приговоръ суда при-этомъ былъ отмѣненъ только въ одной части его за нарушеніемъ формъ и обрядовъ, допущенныхъ во время судебнаго слѣдствія по отношенію къ одному изъ этихъ преступленій. Между тѣмъ изъ обвинительнаго акта, прочтеннаго на судебномъ слѣдствіи, видно, что Григорій Кочкаевъ [1]) пропалъ безъ вѣсти постомъ 1869 года. Сосѣдъ его, крестьянинъ Ереминъ, заявляя объ этомъ мировому судьѣ въ сентябрѣ того же года, вмѣстѣ съ тѣмъ добавилъ, что сельское общество имѣетъ подозрѣніе въ убійствѣ Кочкаева на сына его, Андрея Иванова Кочкаева, такъ какъ Андрей еще прежде того намѣревался отравить отца своего мышьякомъ, а потомъ подговаривалъ крестьянина Василія Евлампіева Слѣпова удавить его, на что тотъ не согласился и объявилъ о подговорѣ священнику села Урусова и сельскому обществу деревни Мабиной. Показанія эти вполнѣ подтверждены священникомъ села Урусова, крестьянином.

[1]) Т. е. Иванъ Кочкаевъ.

Слѣповымъ и многими другими крестьянами. Когда же вслѣдъ затѣмъ былъ найденъ въ проруби трупъ Григорія Кочкаева [1]), то подозрѣніе въ убійствѣ его было прямо заявлено на сына его Андрея, причемъ крестьяне, бывшіе на сельскомъ сходѣ, единогласно показали, что побудительная причина тому, что Кочкаевы хотѣли *извести* своего отца, заключалась въ томъ, что отецъ, раздраженный дерзкимъ поведеніемъ сына и снохи, рѣшился распродать все свое имущество и уйти изъ селенія. Съ этою цѣлью онъ уже началъ продавать усадьбу три раза торговался на нее съ однимъ изъ покупщиковъ, но не сошелся, и, не желая продешевить цѣны, рѣшился подождать до лѣта. Обвиненія, предъявленныя противъ Кочкаевыхъ, на основаніи этихъ уликъ и въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ и въ вопросахъ присяжнымъ, не только вполнѣ однородны, но въ сущности представляютъ продолженіе одного и того же преступленія—*предумышленнаго убійства*. Поэтому оба обвиненія, какъ это видно изъ протоколовъ суда, разъяснялись однимъ и тѣмъ же судебнымъ слѣдствіемъ нераздѣльно и одновременно и на основаніи однихъ и тѣхъ же данныхъ, такъ что присяжнымъ, которые составили себѣ убѣжденіе въ томъ, что Андрей и Авдотья Кочкаевы хотѣли *извести* Григорія Кочкаева, оставалось въ сущности рѣшить только одинъ вопросъ: было ли совершено подсудимыми самое убійство Григорія Кочкаева, или дѣйствія ихъ ограничивались однимъ покушеніемъ на убійство его. Какъ первое, такъ и второе рѣшеніе присяжныхъ доказываютъ, что присяжные были убѣждены въ виновности Кочкаевыхъ, они ни разу не вынесли имъ полнаго оправданія въ убійствѣ, а, напротивъ, каждый разъ обвиняли ихъ то въ покушеніи на убійство, то въ самомъ совершеніи его. Вотъ почему, разсмотрѣвъ дѣло Кочкаевыхъ въ первый разъ, правительствующій сенатъ, въ виду тѣсной связи и однородности обоихъ обвиненій, не нашелъ возможности примѣнить къ настоящему дѣлу дѣйствіе 909 ст. уст. и вслѣдствіе жалобы подсудимыхъ на неправильность состава присутствія отмѣнилъ приговоръ суда и присяжныхъ во всей полнотѣ его; затѣмъ окружной судъ имѣлъ законное право произвести судебное слѣдствіе *вновь по всѣмъ обвиненіямъ* противъ подсудимыхъ и *повторить* присяжнымъ оба вопроса о виновности Кочкаевыхъ». Изъ этого рѣшенія можно вы-

[1]) Т. е. Ивана Кочкаева.

вести, что продолжаемымъ преступленіемъ должно считать такое, которое состоитъ: изъ двухъ или нѣсколькихъ противозаконныхъ дѣйствій, каждое изъ которыхъ представляетъ полный составъ извѣстнаго преступленія (покушеніе на отравленіе и убійство посредствомъ задушенія), причемъ дѣянія эти должны быть *однородны*, направлены противъ *одного объекта* (Ванъ Кочкаевъ) и связаны *единствомъ намѣренія* (намѣреніемъ *извести* Ивана Кочкаева).

О томъ, кѣмъ именно, присяжными или судомъ, должно быть признано, что данныя преступленія исходятъ изъ одного и того же намѣренія, правительствующій сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Брайловскаго ($^{153}/_{70}$) высказалъ: «подъ продолжающимися (т. е. продолжаемыми) преступленіями подразумѣвается рядъ такихъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію одной противозаконной цѣли, изъ которыхъ каждое само по себѣ, не составляя вполнѣ законченнаго преступленія или покушенія на самостоятельное преступленіе, находится въ неразрывной связи съ предшествующими и послѣдующими дѣйствіями; между тѣмъ *такой связи въ дѣйствіяхъ подсудимаго* въ настоящемъ дѣлѣ *присяжными вовсе не признано*». Такимъ образомъ связь, соединяющая рядъ преступныхъ дѣйствій подсудимаго, для признанія ихъ однимъ продолжаемымъ преступленіемъ по этому рѣшенію, должна быть констатирована присяжными. По въ рѣшеніи по дѣлу Кочкаевыхъ сенатъ, какъ мы видѣли, радикально отступилъ отъ этого правильнаго положенія. Изъ этого послѣдняго рѣшенія вытекаетъ, что вопросъ о томъ, находятся ли данныя преступныя дѣйствія въ такой между собою связи, что представляются однимъ дѣяніемъ, исходящимъ изъ одного и того же намѣренія, можетъ быть разрѣшенъ помимо присяжныхъ и даже самимъ кассаціоннымъ судомъ, на основаніи обвинительнаго акта и протоколовъ судебнаго засѣданія, при разсмотрѣніи дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ.

Взглядъ относительно того, какъ должны быть формулированы вопросы, при обвиненіи въ продолжаемомъ преступленіи, въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената нѣтъ прямаго отвѣта. Окружные суды, обыкновенно, излагаютъ каждое изъ преступныхъ дѣяній въ отдѣльныхъ вопросахъ. Такъ, по дѣлу Багрова ($^{609}/_{70}$) вопросы были о виновности въ томъ: 1) что 4 февраля 1870 года, въ питейномъ заведеніи купца Бояринова съ цѣлью ограбленія лишилъ жизни сидѣльца Ивана Иванова нанесеніемъ ему ножемъ нѣсколькихъ смертельныхъ ранъ; 2) что 4-го же февраля 1870 года, имѣя намѣреніе ограбить питейное заведеніе купца Бояринова и лишить

жизни подручнаго мальчика того заведенія, Христофорова, нанесъ ему нѣсколько ранъ ножемъ и билъ его по головѣ гирею отъ часовъ, но не убилъ только потому, что считалъ его уже отъ нанесенныхъ ему ранъ убитымъ. и 3) что оба изложенныя преступленія совершилъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Точно также Строевъ ($^{215}/_{70}$) былъ признанъ виновнымъ: 1) въ томъ, что, войдя въ квартиру купеческой жены Сергѣевой, съ намѣреніемъ похитить чужую собственность, взялъ со стола подсвѣчникъ и положилъ его себѣ въ сумку, но, не успѣвъ унести его, былъ остановленъ хозяйкой въ той же комнатѣ, и 2) въ томъ, что въ то же самое время, въ томъ же мѣстѣ и также съ цѣлью похищенія, схватился за пальто, принадлежащее Сергѣеву но отъ исполненія своего намѣренія былъ остановленъ тою же хозяйкою. По дѣлу Кочкаевыхъ о каждомъ подсудимомъ были постановлены отдѣльные вопросы по каждому преступленію (Журн. гр. и угол. права 1875 г. кн. I, стр. 38). Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ преступленія были признаны продолжаемыми. то можно думать, что постановка самостоятельныхъ вопросовъ по каждому изъ преступныхъ дѣйствій не только безъ предложенія присяжнымъ отдѣльнаго вопроса о томъ, исходили ли эти преступленія изъ одного и того же намѣренія, но даже безъ всякаго фактическаго указанія на это обстоятельство въ вопросахъ, не можетъ служить препятствіемъ къ признанію преступленія продолжаемымъ. Изъ рѣшенія по дѣлу Кочкаевыхъ можно сдѣлать еще одинъ очень важный выводъ. Если лицо обвинялось, на основаніи 207 ст. уст., *въ разнородныхъ* преступленіяхъ и подало кассаціонную жалобу на обвинительную часть приговора, а часть приговора оправдательная не была обжалована со стороны обвиненія и слѣдовательно не можетъ быть разсматриваема, по силѣ 909 ст., въ порядкѣ кассаціоннаго производства. то въ случаѣ признанія кассаціонной жалобы уважительною, при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла въ другомъ составѣ суда и присяжныхъ, не можетъ быть допущено сужденіе о преступленіяхъ, въ коихъ подсудимый оправданъ, а слѣдовательно не могутъ быть постановлены и вопросы присяжнымъ по означеннымъ обвиненіямъ. Но если преступныя дѣянія подсудимыхъ находятся между собою въ тѣсной связи и не только вполнѣ однородны, но въ сущности представляютъ продолженіе одного и того же преступленія, и если въ опредѣленіи правительствующаго сената, коимъ отмѣненъ первый приговоръ, ст. 909 уст. не примѣнена и въ немъ не указано, что отмѣняется только одна обвинительная часть приговора. то окруж-

ной судъ, говоря словами правительствующаго сената, имѣетъ законное право произвести судебное слѣдствіе *вновь по всѣмъ обвиненіямъ* противъ подсуднаго и *повторить* присяжнымъ всѣ прежніе вопросы о виновности.

Жалоба на соединеніе въ одинъ вопросъ двухъ преступленій оставляется сенатомъ безъ разсмотрѣнія, если не было сдѣлано своевременно возраженія противъ редакціи вопросовъ ($^{795}/_{72}$). Равнымъ образомъ оставляется безъ послѣдствій жалоба на постановку двухъ отдѣльныхъ вопросовъ, хотя преступленіе было одно, если сторона не просила о постановкѣ одного вопроса ($^{533}/_{39}$).

ГЛАВА VII.

Постановка вопросовъ о виновности, при участіи многихъ лицъ въ преступленіи.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

Общія положенія.

Если въ преступленіи или проступкѣ участвовали нѣсколько лицъ, то о степени участія каждаго изъ нихъ постановляется отдѣльный вопросъ (ст. 758 уст. уг. суд.).

Судъ, постановляя вопросы о степени участія каждаго изъ подсудимыхъ, долженъ основывать ихъ на законныхъ опредѣленіяхъ различія степеней участія въ преступленіи, т. е. тѣхъ, которыя обозначены въ уложеніи ($^{1246}/_{71}$).

«Уложеніе же раздѣляетъ участіе въ преступленіи на два рода: 1) безъ предварительнаго соглашенія и 2) по предварительному соглашенію (ст. 11), и въ каждомъ родѣ рѣзко различаетъ лицъ, участвовавшихъ въ преступленіи. Въ преступленіи, учиненномъ безъ предварительнаго соглашенія, различаются главные виновники и участники (ст. 12); въ преступленіи же, совершенномъ по предварительному соглашенію—зачинщики, сообщники, подговорщики и пособники (ст. 13). Сверхъ сего, лицъ, не участвовавшихъ въ самомъ преступленіи, но прикосновенныхъ къ дѣлу, уложеніе раздѣляетъ на попустителей, укрывателей и недоносителей (ст. 14)» ($^{190}/_{87}$). Степень участія въ преступленіи опредѣляется присяж-

ными. «Дозволивъ себѣ входить въ сужденіе о степени участія того или другаго изъ подсудимыхъ въ преступленіи безъ указаній на то въ рѣшеніи присяжныхъ, судъ нарушаетъ предѣлы власти судей и присвоиваетъ себѣ одну изъ функцій присяжныхъ засѣдателей. Для правосудія вовсе не безразлично, кѣмъ опредѣлена степень участія подсудимыхъ въ преступленіи, присяжными засѣдателями или судомъ; ибо только различіе этого участія въ рѣшеніи присяжныхъ можетъ имѣть послѣдствіемъ тѣ законныя послѣдствія въ отвѣтственности, которыя опредѣлены 117—128 ст. улож., тогда какъ соображеніями суда объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину и наказаніе, опредѣляется лишь мѣра наказанія по степени виновности, признанной присяжными» ($^{1022}/_{71}$).

Въ вопросахъ должны быть выражены всѣ признаки, составляющіе преступленіе каждаго изъ подсудимыхъ ($^{998}/_{69}$).

По силѣ 758 ст., судъ обязанъ выразить въ вопросѣ, относящемся до каждаго изъ подсудимыхъ, ту фактическую сторону дѣла, которая относится именно къ тому лицу, до котораго вопросъ касается ($^{1350}/_{71}$). Точно также и судъ, рѣшающій дѣло безъ участія присяжныхъ, обязанъ поставить особый вопросъ о степени участія подсудимаго въ преступленіи, совершенномъ нѣсколькими сговорившимися на то лицами, а равно выразить въ приговорѣ своемъ опредѣлительно и согласно съ выраженіями, употребленными въ 13 ст. улож., какого рода участіе принималъ подсудимый въ преступленіи ($^{643}/_{72}$).

Но при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, напр. предусмотрѣнныхъ въ ст. 573 и 576 улож., опредѣленіе въ вопросахъ степени участія не обязательно, такъ какъ свойство участія и сообщничества въ этомъ родѣ преступленій не имѣетъ вліянія на назначеніе мѣры наказанія ($^{534}/_{68}$, $^{239}/_{68}$).

Общія статьи объ участіи (улож. 12, 13, 17) не имѣютъ примѣненія къ преступленію, означенному въ 1 отд. 1649 ст. улож. ($^{859}/_{72}$). Степень участія не имѣетъ значенія также въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 3 отд. 1643 ст. улож. ($^{552}/_{72}$).

«По общимъ правиламъ объ участіи въ преступленіи и объ отвѣтственности по мѣрѣ участія въ немъ (улож. о нак. ст. 11—15, 117—128), когда преступленіе совершено совокупными силами нѣсколькихъ лицъ, то на каждое изъ нихъ, какъ бы ни была незначительна степень содѣйствія его своимъ товарищамъ, падаетъ цѣлое преступное дѣло въ полномъ его составѣ. Внѣшняя сторона

преступленія, всѣмъ имъ общая и для каждаго изъ нихъ одинаковая, не можетъ быть дѣлима на доли, а потому всѣ они подходятъ подъ одинъ и тотъ же уголовный законъ. Но внутренняя сторона преступленія для каждаго изъ соучастниковъ особая: каждый долженъ быть судимъ по мѣрѣ злой воли, обнаружившейся въ мѣрѣ личнаго его содѣйствія въ совершеніи преступленія, и потому, при наказаніи всѣхъ соучастниковъ по одному уголовному закону, вина ихъ можетъ быть различна, а сообразно съ тѣмъ различается степень и мѣра наказанія (367/70). Отсюда можно вывести два правила, касающіяся постановки вопросовъ: а) внѣшняя сторона преступленія, въ отношеніи всѣхъ соучастниковъ, должна быть опредѣлена въ вопросахъ на столько одинаково, чтобы въ результатѣ не оказалось соучастіе подсудимыхъ не въ одномъ и томъ же, а въ различныхъ по виду и важности своей преступленіяхъ; б) внутренняя сторона преступленія, мѣра личнаго содѣйствія каждаго изъ соучастниковъ, въ преступленіи, въ которой выразилась степень злой воли его, должна быть опредѣлена точно о каждомъ изъ подсудимыхъ.

Обязательность постановки вопросовъ о степени участія.—Такимъ образомъ по общему правилу вопросы постановляются о степени участія каждаго изъ подсудимыхъ. Спрашивается: на сколько это правило для суда обязательно? Вопросъ этотъ можетъ быть разсмотрѣнъ въ троякомъ отношеніи: въ отношеніи къ обвинительному акту, къ судебному слѣдствію и заключительнымъ преніямъ и къ тому и другому вмѣстѣ.

Правительствующій сенатъ призналъ, что указаніе въ обвинительномъ актѣ на степень участія въ преступленіи закономъ вовсе не требуется (263/67, 453/70, 318/73), а если такое указаніе обвинительною камерою сдѣлано, то оно нисколько не стѣсняетъ судъ при постановкѣ вопросовъ (359/71). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ обвинительномъ актѣ содержатся фактическія данныя, указывающія на степень участія каждаго изъ подсудимыхъ въ преступленіи, и эти данныя не измѣнились и на судѣ, то судъ обязанъ постановить вопросы о каждомъ подсудимомъ сообразно выясненному по дѣлу участію его въ преступленіи. По дѣлу Пасынкова и Киктенковой (1246/71), правительствующій сенатъ нашелъ, что «судъ поступилъ неправильно и нарушилъ 754 и 758 ст. уст., отказавъ защитникамъ подсудимыхъ въ постановкѣ вопросовъ о степени участія каждаго изъ подсудимыхъ въ преступленіи, содѣянномъ нѣсколькими лицами. Изъ приговора суда видно, что подсудимые ни

стосердечно сознались въ преступленіи на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ; изъ обвинительнаго же акта, въ коемъ прописано сознаніе подсудимыхъ, видно, что кража имущества у Шевченковой была совершена по предварительному уговору четырехъ лицъ, причемъ одно изъ нихъ сдѣлало подкопъ подъ кладовую и вмѣстѣ съ другими выбрасывало изъ кладовой, чрезъ сдѣланный подкопъ, хранившееся въ ней имущество, которое собирали Киктенкова и другая женщина, а по окончаніи кражи всѣ четверо участвовавшихъ лицъ раздѣлили между собою похищенное. При такихъ обстоятельствахъ, которыя, по удостовѣренію суда, не измѣнились и на судебномъ слѣдствіи, окружной судъ обязанъ былъ принять въ руководство 11 и 13 ст. улож., и затѣмъ, не ограничиваясь постановкой общаго вопроса по законнымъ признакамъ преступленія (виновны ли подсудимые въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами тайно похитили изъ кладовой при домѣ Шевченковой разныя вещи, цѣною менѣе 300 руб., причемъ для совершенія похищенія былъ прорытъ проходъ въ землѣ подъ стѣну кладовой) поставить, по силѣ 758 ст., отдѣльные вопросы о Киктенковой и Пасынникѣ, означивъ въ нихъ тѣ фактическія дѣянія этихъ подсудимыхъ, въ которыхъ, сообразно указаніямъ 13 ст улож., выразилось участіе ихъ въ преступленіи».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное слѣдствіе и заключительныя пренія измѣняютъ выводы обвинительнаго акта, судъ имѣетъ право отступить отъ нихъ и постановить вопросы о степени участія въ преступленіи по даннымъ выяснившимъ на судѣ, причемъ вопросы не должны, конечно, выходить изъ предѣловъ указаннаго актомъ обвиненія. Федоровъ и Доманинъ ($^{1584}/_{70}$) были преданы суду по обвиненію въ томъ что содѣйствовали Фурсу въ представленіи въ государственный банкъ завѣдомо подложной довѣренности, съ цѣлью получить по ней вкладъ въ 1100 руб., т. е. въ предусмотрѣнномъ 13 и 1697 ст. улож. преступленіи. Судъ постановилъ вопросы: виновенъ ли Федоровъ въ томъ, что *уговорилъ* другое лицо представить въ банкъ завѣдомо ложную довѣренность, а Доманинъ, что *передалъ другому лицу* для представленія въ банкъ завѣдомо подложную довѣренность. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «въ обвинительномъ актѣ отношенія подсудимыхъ Федорова и Доманина въ преступленіи, въ коемъ они обвинялись, опредѣлены въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и ссылкою на 13 ст. улож., вмѣщающую въ себѣ всѣ виды участія въ преступномъ дѣяніи и между прочимъ, подговоръ или подстрекательство; слѣдовательно,

независимо отъ того, что судъ, по силѣ 751 ст. уст., при постановкѣ вопросовъ имѣетъ право отступить отъ выводовъ обвинительнаго акта, когда судебное слѣдствіе или заключительныя пренія измѣняютъ ихъ, въ настоящемъ случаѣ, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, нельзя даже сказать, чтобы предложенные присяжнымъ засѣдателямъ вопросы выходили изъ предѣловъ указаннаго актомъ о преданіи Федорова и Романина суду обвиненія». Въ рѣшеніи по дѣлу Медвѣдева и др. (113/73) сенатъ высказалъ, что такъ какъ ссылка въ обвинительномъ актѣ на 13 ст. улож. относилась только къ одному подсудимому, то одно указаніе товарища прокурора въ обвинительной рѣчи на двухъ другихъ подсудимыхъ, какъ зачинщиковъ преступленія, не должно было, само по себѣ, служить достаточнымъ основаніемъ для суда къ постановкѣ объ этихъ послѣднихъ подсудимыхъ вопросовъ о томъ, были ли они зачинщиками.

Для того, чтобы опредѣлить въ вопросахъ мѣру личнаго участія въ совершеніи преступленія каждаго изъ подсудимыхъ, необходимо, конечно, чтобы судъ имѣлъ для того подъ руками пригодный матеріалъ, чтобы обвинительный актъ или судебное слѣдствіе представляли такія данныя, которыя указывали бы на дѣйствія каждаго соучастника. Но если такого указанія нѣтъ, то и обозначеніе въ вопросахъ степени участія каждаго изъ подсудимыхъ въ преступленіи представляется невозможнымъ. Согласно этому и правительствующій сенатъ призналъ (193/71), что «для примѣненія 12 ст. улож. необходимо, чтобы изъ самыхъ обстоятельствъ дѣла выяснилась наличность предусмотрѣнныхъ ею случаевъ участія въ преступленіи лицъ, управлявшихъ дѣйствіями другихъ, приступившихъ къ дѣйствіямъ прежде другихъ, или имъ помогавшихъ, т. е. совпаденіе такихъ условій, которыя не всегда случаются въ преступленіяхъ, нѣсколькими лицами совершенныхъ». Но тоже самое должно сказать и относительно примѣненія 13 ст. улож. Очень часто случается, что, несмотря на преданіе суду по обвиненію въ совершеніи преступленія по предварительному соглашенію, наличность признаковъ участія, предусмотрѣннаго 13 ст. улож., не всегда можетъ быть на-лицо. Вслѣдствіе этого, по необходимости, приходится ставить вопросы о каждомъ изъ подсудимыхъ, какъ о непосредственно совершившемъ преступленіе Правительствующій сенатъ также оставляетъ жалобы на непостановку вопросовъ о степени участія каждаго изъ обвиняемыхъ если изъ рѣшенія видно, что всѣ подсудимые признаны ви-

новными въ непосредственномъ совершеніи преступленія ($^{1350}/_{71}$, $^{613}/_{72}$).

Сводя все сказанное въ одно, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

При наличности въ обвинительномъ актѣ фактическихъ данныхъ, указывающихъ на степень участія каждаго изъ подсудимыхъ въ преступленіи, если эти данныя не измѣнились на судѣ, вопросы должны быть постановлены по фактамъ, относящимся къ каждому изъ соучастниковъ.

Степень участія каждаго изъ соучастниковъ должна быть обозначена въ вопросахъ и въ томъ случаѣ, когда указанія на мѣру содѣйствія въ совершеніи преступленія каждаго изъ подсудимыхъ выяснились на судѣ; указанія на степень участія, сдѣланныя въ окончательномъ выводѣ обвинительнаго акта, не обязательны для суда, который можетъ опредѣлять эту мѣру и по даннымъ судебнаго слѣдствія, не выходя только изъ предѣловъ обвиненія, на которые указываютъ выраженія обвинительнаго акта или 12 или 13 ст. улож., въ немъ приведенныя.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ обстоятельствъ дѣла не выяснилась наличность признаковъ, указывающихъ на мѣру участія каждаго изъ обвиняемыхъ, вопросы, по необходимости, ставятся о каждомъ подсудимомъ, какъ о непосредственно совершившемъ преступленіе.

Редакція вопросовъ.—Вопросы должно ставить отдѣльно о каждомъ подсудимомъ ($^{998}/_{69}$). При наличности въ дѣлѣ отягчающихъ обстоятельствъ судъ также обязанъ поставить о нихъ вопросъ, по отношенію къ каждому изъ соучастниковъ ($^{307}/_{67}$).

Относительно порядка, въ которомъ должны слѣдовать вопросы о соучастникахъ, правительствующій сенатъ не далъ разъясненія, но нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ должны быть поставлены прежде всего вопросы о тѣхъ изъ участниковъ, въ дѣйствіяхъ коихъ совмѣщается совокупность всѣхъ признаковъ даннаго преступленія и съ виною которыхъ соразмѣрна норма наказанія, а затѣмъ уже должны быть поставлены вопросы и о другихъ лицахъ, по степени участія каждаго [1]).

Засимъ, относительно того, должно ли въ вопросахъ о каждомъ изъ подсудимыхъ упоминать имена и фамиліи другихъ участниковъ, правительствующій сенатъ преподалъ слѣдующія разъясненія. Мѣщанинъ Салпацкій ($^{1899}/_{71}$) жаловался, что судъ, несмотря

[1]) Буцковскій, Очерки, стр. 273.

на возраженія защитника его, въ вопросахъ присяжнымъ, между прочимъ, спросилъ: 1) виновенъ ли подсудимый Шелудко въ томъ, что, сговорившись съ крестьяниномъ Четверпковымъ и мѣщаниномъ Салпацкимъ, проникъ въ домъ Коломійцева, напалъ на Коломійцева и жену его открытою силою, нанесъ Коломійцеву побои, угрожалъ смертью, а женѣ его причинилъ истязанія, причемъ похитилъ изъ запертыхъ сундуковъ разное имущество и деньги, и 2) виновенъ ли Салпацкій въ томъ же преступленіи, совершенномъ при тѣхъ же обстоятельствахъ; что вмѣсто такого изложенія вопросовъ, суду слѣдовало, какъ просилъ объ этомъ защитникъ Салпацкаго, изложить первый вопросъ такимъ образомъ, чтобы въ немъ не были упомянуты фамиліи Четверпкова и Салпацкаго; что помѣщеніемъ въ первомъ вопросѣ фамилій другихъ лицъ присяжные засѣдатели были поставлены въ невозможность, отвѣтивъ утвердительно на первый вопросъ дать правильные отвѣты на вопросы о Салпацкомъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы признали его невиновнымъ, такъ какъ уже по первому вопросу они утвердили участіе его въ преступленіи вмѣстѣ съ Шелудко, и что этимъ нарушена 756 ст. устава. Сенатъ нашелъ, что «жалоба не заслуживаетъ уваженія, потому что вопросъ о Шелудко и Салпацкомъ былъ постановленъ согласно съ выводами обвинительнаго акта и что изъ протокола судебнаго засѣданія не видно, чтобы присяжные встрѣтили какое-либо затрудненіе въ разрѣшеніи предложенныхъ имъ вопросовъ; притомъ, еслибы присяжные признавали, что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ имъ невозможно съ точностью выразить свое мнѣніе, то, на основаніи 812 ст. уст., они могли придать надлежащее значеніе своему отвѣту прибавленіемъ нѣкоторыхъ словъ». По дѣлу Кудимова, Самойлова и др. ($^{3}/_{72}$), сенатъ нашелъ, что «хотя Самойловъ и указываетъ, что во 2-мъ вопросѣ, относящемся до виновности Безпалова, упомянуто и объ участіи его, Самойлова и Кудимова и что такою редакціею вопроса присяжные не могли не быть стѣснены въ отвѣтѣ, ибо, отвѣчая на вопросъ, они однимъ отвѣтомъ разрѣшали виновность и Безпалова и двухъ другихъ подсудимыхъ, но правительствующій сенатъ не усматриваетъ въ этой редакціи вопроса нарушенія 758 ст., ибо если практика и признала болѣе удобнымъ, при участіи нѣсколькихъ лицъ въ одномъ преступленіи, не называть по именамъ участниковъ въ вопросѣ, относящемся не до нихъ, но до другаго подсудимаго, а означать ихъ какимъ-либо общимъ словомъ, указывающимъ на участіе другихъ неопредѣленныхъ лицъ,

однако законъ не дѣлаетъ этого обязательнымъ для судей; а какъ въ данномъ случаѣ не произошло оттого никакого затрудненія въ рѣшеніи дѣла, ибо присяжные засѣдатели дальнѣйшими своими отвѣтами на вопросы 11 и 16, признали Самойлова и Кудимова виновными въ томъ же преступленіи, какъ и Безпалова, и какъ притомъ указаніе просителя, Самойлова, на то, что въ отвѣтѣ на 11-й вопросъ присяжные были стѣснены своимъ отвѣтомъ на 2-й вопросъ, совершенно гадательно, то засимъ правительствующій сенатъ находитъ эту часть жалобы незаслуживающею уваженія». По дѣлу Балабека и Ибрагимъ-Бека, обвинявшихся въ убійствѣ ($^{1316}/_{71}$), судебная палата въ вопросахъ употребила выраженіе: «по предварительному соглашенію съ другимъ лицомъ». Защитникъ между прочимъ жаловался, что по смыслу вопросовъ каждый изъ подсудимыхъ виновенъ въ предумышленномъ убійствѣ, по предварительному соглашенію съ другимъ лицомъ, но въ рѣшеніи своемъ палата сдѣлала выводъ, что подсудимые виновны въ убійствѣ по предварительному *между собою* соглашенію. Правительствующій сенатъ нашелъ, что «палата поступила бы правильнѣе, еслибы неопредѣленное выраженіе «съ другимъ лицемъ» замѣнила точнымъ указаніемъ лица»... но «если даже признать что слова «по предварительному соглашенію съ другимъ лицомъ» не означаютъ соглашенія между Ибрагимъ-Бекомъ и Балабекомъ, но соглашеніе каждаго изъ нихъ съ третьимъ неизвѣстнымъ лицомъ, то и затѣмъ степень виновности подсудимыхъ остается та же, ибо въ этомъ случаѣ преступленіе должно быть признано совершеннымъ по предварительному соглашенію на то участниковъ въ ономъ». Въ рѣшеніи по дѣлу Артемова и др. ($^{112}/_{72}$) правительствующій сенатъ косвенно высказываетъ также, что въ вопросѣ о виновности въ пособничествѣ къ преступленію имя лица, которому подсудимый помогалъ, можетъ быть и не обозначено. Сенатъ находитъ, что между отрицаніемъ на вопросъ о виновности совершителя, хотя бы вопросъ о событіи и не былъ выдѣленъ, и утвердительнымъ отвѣтомъ на вопросъ о пособничествѣ нѣтъ противорѣчія, въ особенности, если въ вопросѣ о пособникѣ не упоминается, что онъ помогалъ именно обвиняемому въ совершеніи и признанному невиновнымъ. Въ рѣшеніи по дѣлу Соболевыхъ и Кучерова (апрѣль 1873 г. Указ.) сенатъ призналъ, что при обвиненіи одного подсудимаго въ совершеніи преступленія, а другаго въ подстрекательствѣ вопросы должны быть изложены въ такой связи, чтобы изъ нихъ видно было, что подстрекатель, указанный въ первомъ

вопросѣ, подстрекалъ на совершеніе преступленія именно тѣхъ лицъ, о которыхъ постановлены слѣдующіе вопросы. Въ рѣшеніи по дѣлу Немѣшаева и Рѣшетниковой ($^{705}/_{70}$), по поводу замѣчанія прокурора, что виновность Рѣшетниковой слѣдовало опредѣлить безъ указанія того преступника, къ лицу и дѣйствіямъ котораго приписываемое Рѣшетниковой укрывательство относилось, правительствующій сенатъ нашелъ, что «вопросы должны быть постановлены, на основаніи 754 и 760 ст. уст., по обнаруженному слѣдствіемъ опредѣленному событію или случаю, а не въ видѣ отвлеченнаго понятія, опредѣленнаго закономъ, а потому, какъ въ настоящемъ случаѣ обвиняемый въ совершеніи преступленія былъ извѣстенъ и какъ притомъ не было возбуждено никакого сомнѣнія на счетъ того, чтобы Рѣшетникова скрыла или желала скрыть лицо или дѣйствія другаго преступника, на какое сомнѣніе не указываетъ и самъ прокуроръ, то затѣмъ не было ни повода, ни основанія не указывать въ вопросѣ о виновности Рѣшетниковой, кого именно и слѣды чьего преступленія она скрывала». Но въ рѣшеніи по дѣлу Горбатова и Бережковой ($^{1579}/_{72}$) въ вопросѣ о виновности послѣдней въ укрывательствѣ слѣдовъ убійства и преступника не было означено имени виновнаго, хотя въ убійствѣ обвинялись только Горбатовъ и Бережкова. Сенатъ нашелъ: «непоименованіе судомъ Горбатова въ 5-мъ вопросѣ и помѣщеніе, вмѣсто имени виновнаго, общаго выраженія «убійство Камышева другимъ лицомъ» не составляетъ нарушенія закона и судъ поступилъ въ этомъ случаѣ правильно, въ виду неизвѣстности, какой послѣдуетъ отвѣтъ на первые два предложенные имъ вопроса; за утвердительнымъ же отвѣтомъ на 2-й вопросъ не возникло никакого сомнѣнія о томъ, что подъ выраженіемъ «другое лицо» слѣдуетъ понимать Горбатова».

Изъ рѣшеній правительствующаго сената такимъ образомъ нельзя вывести опредѣленнаго правила о томъ, слѣдуетъ ли и въ какихъ именно случаяхъ въ вопросѣ, относящемся до одного изъ соучастниковъ, помѣщать имена и фамиліи другихъ соучастниковъ или же возможно вообще ограничиваться неопредѣленнымъ указаніемъ на личность принимавшаго участіе въ преступленіи.

Обыкновенно, когда имена и фамиліи участниковъ замѣняютъ въ вопросахъ неопредѣленными выраженіями, въ-родѣ «съ другимъ лицомъ» и т. п., то дѣлаютъ это съ тою цѣлью, во-первыхъ,

чтобы не поставить въ затрудненіе присяжныхъ, которые, отвѣчая утвердительно на вопросъ о виновности объ одномъ изъ соучастниковъ, тѣмъ самымъ какъ-бы предрѣшаютъ вопросъ о виновности и другихъ лицъ, имена которыхъ значатся въ томъ вопросѣ; во-вторыхъ, чтобы устранить противорѣчіе въ отвѣтахъ, на случай отрицанія вопросовъ о виновности объ однихъ и утвержденія вопросовъ, касающихся другихъ участниковъ, каковое противорѣчіе въ особенности ощутительно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдуетъ оправдательный вердиктъ относительно главныхъ виновниковъ и обвинительный относительно другихъ, второстепенныхъ участниковъ, помогавшихъ или содѣйствовавшихъ первымъ, и въ-третьихъ, чтобы устранить затрудненіе при разрѣшеніи гражданскаго иска: утвердительный отвѣтъ на вопросъ объ одномъ изъ соучастниковъ, въ которомъ значится, напр., что онъ совершилъ преступленіе вмѣстѣ съ такими-то лицами, точно поименованными, можетъ приводить къ заключенію, что эти послѣднія лица въ отвѣтахъ на вопросы, до нихъ спеціально относящіеся, признаны невиновными только потому, что самое преступленіе не вмѣнено имъ въ вину, но что событіе преступленія ими совершено, ибо это видно изъ другихъ утвердительныхъ вопросовъ. Но устраненіе всѣхъ этихъ затрудненій, при формулированіи вопроса въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, указывающихъ на соучастниковъ,—только кажущееся. Во-первыхъ, отвѣчая утвердительно на вопросъ о виновности въ томъ, что, «сговорившись *съ другими лицами*», подсудимый совершилъ такое-то преступленіе, присяжные тѣмъ самымъ предрѣшаютъ уже отчасти вопросъ и о другихъ лицахъ, ибо подъ этими послѣдними они могутъ разумѣть только данныхъ лицъ, иначе едвали мыслимо самое утвержденіе факта уговора. Во-вторыхъ, отрицая виновность главнаго виновника и обвиняя второстепеннаго, присяжные тѣмъ самымъ допускаютъ, что былъ совершенъ тотъ самый фактъ, который они отрицаютъ въ первомъ отвѣтѣ. Такимъ образомъ противорѣчіе въ сущности не устраняется, будетъ ли обозначено во второмъ вопросѣ имя главнаго участника, или нѣтъ [1]). Что же касается, въ-третьихъ, затрудненій при разрѣшеніи гражданскаго иска, то они также не существенны, ибо если нѣтъ положительнаго указанія на совершеніе подсудимымъ преступленія въ отвѣтѣ на вопросъ, касающійся лично этого подсудимаго, то не можетъ быть и рѣчи о его имущественной отвѣтственности, хотя

[1]) См. «Суд. сборн.», изд. Лиманскаго, 1865—1866 г., стр. XCI и XCII.

бы и существовали предположенія относительно совершенія имъ даннаго преступленія. Вмѣстѣ съ этимъ, въ виду того, что въ вопросѣ относительно каждаго изъ подсудимыхъ долженъ быть опредѣленъ весь составъ преступленія, что подсудимый можетъ отвѣчать только за опредѣленное дѣяніе, имъ совершенное; что прибѣгать къ неопредѣленнымъ указаніямъ на личность главнаго виновника въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣйствительности другаго виновника не было, представляется чѣмъ-то въ-родѣ уловки, желанія добиться обвиненія за какое-то неопредѣленное дѣяніе, нельзя не сочувствовать, вообще говоря, тому положенію, которое проводитъ правительствующій сенатъ въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше рѣшеній требуя обозначенія въ вопросахъ самихъ именъ участниковъ преступленія, хотя, впрочемъ, съ другой стороны можно желать, чтобы предметъ этотъ въ практикѣ правительствующаго сената получилъ болѣе обстоятельную разработку, причемъ было бы положительно указано, въ какихъ именно случаяхъ возможно употребленіе въ вопросахъ общихъ выраженій, указывающихъ на участіе другихъ лицъ, и въ какихъ необходимо точное обозначеніе самой личности участника. Такимъ образомъ, при постановкѣ вопросовъ, напр., о виновности въ подстрекательствѣ, пособничествѣ, укрывательствѣ преступника и т. п. случаяхъ участія, гдѣ лицо физическаго виновника имѣетъ безусловное вліяніе на мѣру отвѣтственности подсудимаго, не можетъ быть допущено неопредѣленное указаніе на личность совершителя преступленія. Но съ другой стороны нѣтъ, какъ кажется, никакой необходимости въ вопросѣ объ одномъ изъ главныхъ виновниковъ (ст. 12 улож.) именовать другихъ такихъ же главныхъ виновниковъ, или въ вопросѣ о сообщникахъ (ст. 13 улож.) называть по именамъ другихъ сообщниковъ. Мѣра наказанія для подсудимаго отъ лица другихъ участниковъ въ этихъ случаяхъ вовсе не зависитъ, между тѣмъ такая редакція вопросовъ можетъ дѣйствительно затруднять присяжныхъ тѣмъ, что, при убѣжденіи въ невинности поименованныхъ въ вопросѣ лицъ, они, давая утвердительный отвѣтъ, чтобы устранить противорѣчіе съ послѣдующими отвѣтами, должны будутъ ограничивать свой отвѣтъ перечисленіемъ ненужныхъ именъ и фамилій, отвлекаясь при-этомъ отъ болѣе важной работы — разсмотрѣнія существенныхъ признаковъ преступленія.

Постановка вопросовъ о степени участія должна быть требуема при объявленіи проекта вопросовъ, иначе на непостановленіе такихъ вопросовъ сторона не можетъ жаловаться (429/71, 844/72). Тоже и на судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей (646/72, 641/71).

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Участіе безъ предварительнаго соглашенія.

Здѣсь различаются по закону: главные виновные и участники. Подъ главными виновными разумѣются, во-первыхъ, распоряжавшіе или управлявшіе дѣйствіями другихъ и, во-вторыхъ, приступившіе къ дѣйствіямъ прежде другихъ, или же непосредственно совершившіе преступленіе, а подъ участниками разумѣются, во-первыхъ, тѣ, которые непосредственно помогали главнымъ виновнымъ въ содѣяніи преступленія, и, во-вторыхъ, тѣ, которые доставляли средства для содѣянія преступленія, или же старались устранить препятствія, къ тому представившіяся.

По разъясненію правительствующаго сената, лица, непосредственно совершившіе преступленіе, считаются главными виновными, хотя бы ни одинъ изъ нихъ не распоряжался дѣйствіями другихъ (454/71).

Участниками преступленія считаются только тѣ, которые помогали главнымъ виновнымъ въ содѣйствіи преступленія, или доставляли для сего средства, или старались устранить препятствія (373/67). Участниками въ преступленіи могутъ почитаться только лица, содѣйствовавшія совершенію преступленія (653/70). Существенное условіе участія, отличающее его отъ попустительства, заключается въ томъ, что виновный принималъ участіе въ совершеніи преступленія (190/68).

Вопросъ о томъ, былъ ли подсудимый главнымъ виновнымъ или участникомъ, подлежитъ рѣшенію присяжныхъ (1123/71).

Для опредѣленія степени участія въ преступленіи, сенатъ требуетъ указанія въ вопросахъ фактическихъ признаковъ и считаетъ нарушеніемъ 760 ст. уст. постановку вопросовъ въ слѣдующемъ видѣ: «былъ ли подсудимый главнымъ виновникомъ или участникомъ» (1123/71). Также не одобряетъ правительствующій сенатъ постановку вопроса и въ такихъ выраженіяхъ: «приступилъ ли подсудимый прежде другихъ или только помогалъ и устранялъ пре-

пятствія», требуя, чтобы въ вопросахъ было обозначено, въ какихъ именно дѣйствіяхъ выразились помощь и устраненіе препятствій ($^{367}/_{70}$). Но употребленіе въ вопросахъ законныхъ выраженій: «распоряжался или управлялъ дѣйствіями другихъ», «приступилъ къ дѣйствіямъ прежде другихъ» не считается неправильнымъ ($^{152}/_{72}$, $^{307}/_{67}$).

Вопросъ о степени участія въ преступленіи постановляется только тогда, когда за это преступленіе предано суду нѣсколько лицъ, или же извѣстно, что оно совершено многими лицами. По дѣлу Чернилкина ($^{368}/_{69}$) были постановлены слѣдующіе вопросы: 1) виновенъ ли подсудимый въ тайномъ похищеніи изъ дома помѣщика Минина запертой шкатулки съ деньгами? и 2) если виновенъ, то дѣйствовалъ ли подсудимый какъ главный виновный въ преступленіи, совершенномъ безъ предварительнаго уговора съ другими лицами, или же только содѣйствовалъ своею личною помощью другимъ виновнымъ?» Правительствующій сенатъ нашелъ, что «за первымъ вопросомъ, приписывавшимъ Чернилкину непосредственное совершеніе преступленія, второй вопросъ, по смыслу 12 ст. улож., представляется не только излишнимъ, но даже и несогласнымъ съ первымъ вопросомъ, какъ заключающій въ себѣ предположеніе, что Чернилкинъ не самъ совершилъ похищеніе шкатулки, а только помогалъ въ томъ какимъ-то другимъ лицамъ, не преданнымъ суду и неизвѣстнымъ. Такая неправильная постановка вопросовъ ведетъ къ сбивчивому и даже противорѣчивому рѣшенію присяжныхъ». Подобныя же неправильности въ редакціи вопросовъ были допущены по дѣлу Талтыкова и др. ($^{367}/_{70}$). Изъ этого рѣшенія можно сдѣлать еще слѣдующіе выводы: а) постановка вслѣдъ за вопросомъ о непосредственномъ совершеніи преступленія втораго вопроса: «дѣйствовалъ ли подсудимый какъ главный виновный» не умѣстна, ибо лицо, непосредственно совершившее преступленіе, и безъ того является главнымъ виновнымъ; б) вопросъ по признакамъ втораго отдѣленія 12 ст. улож. не можетъ быть постановленъ въ формѣ частнаго вопроса, дополнительнаго къ главному, ибо, при утвердительномъ ихъ разрѣшеніи, окажется несовмѣстимое между ними противорѣчіе, но вопросъ такой можетъ быть постановленъ въ формѣ вопроса вспомогательнаго.

При наличности по дѣлу обстоятельствъ, отягчающихъ вину, судъ обязанъ постановить о нихъ особый вопросъ, по отношенію къ каждому соучастнику. По дѣлу Алексѣевой ($^{307}/_{67}$) предложены были присяжнымъ слѣдующіе вопросы: «1) виновна

ли подсудимая Авдотья Романова Алексѣева въ томъ, что 9 мая 1866 года похитила у крестьянина Половина вещи, на сумму менѣе 300 руб.? 4) не отворила ли она для совершенія кражи дверь подобраннымъ ключемъ?» На первый вопросъ присяжные дали утвердительный отвѣтъ, а на послѣдній—отрицательный. На вопросы такого же содержанія, постановленные относительно виновности другой подсудимой Аракчеевой, присяжные дали утвердительные отвѣты на оба вопроса. На 9 вопросъ: «если въ похищеніи виновны обѣ подсудимыя, то приступила ли Аракчеева къ совершенію кражи прежде Алексѣевой», присяжные отвѣчали: «да, прежде». Судъ призналъ Алексѣеву участницею въ кражѣ посредствомъ подобраннаго ключа, но правительствующій сенатъ нашелъ, что «если Алексѣева дѣйствовала безъ предварительнаго соглашенія съ Аракчеевой и приступила къ кражѣ послѣ Аракчеевой, то судъ, безъ надлежащаго участія присяжныхъ, не могъ признавать, что Алексѣева видѣла или по крайней мѣрѣ знала, какимъ образомъ Аракчеева вошла въ комнату, въ которой произведено похищеніе, а засимъ считать Алексѣеву не только участницею въ кражѣ, но и въ томъ способѣ совершенія этого преступленія, который составляетъ обстоятельство особо увеличивающее вину и о которомъ относительно Алексѣевой, на точномъ основаніи 755, 756 и 758 ст. уст., надлежало постановить особый вопросъ, если судъ находилъ въ дѣлѣ достаточныя основанія къ распространенію на Алексѣеву обвиненія и по этому предмету».

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е.

Участіе по предварительному соглашенію.

По ст. 13 улож., различаются: зачинщики, сообщники, подстрекатели и пособники. Существенный признакъ этого рода соучастія въ преступленіи составляетъ «предварительное между участниками соглашеніе». Вопросъ о томъ, было ли между подсудимыми предварительное соглашеніе, долженъ быть разрѣшенъ непремѣнно присяжными засѣдателями ($^{1192}/_{70}$, $^{303}/_{67}$), а при разрѣшеніи дѣла безъ участія присяжныхъ обстоятельство это должно непремѣнно содержаться въ вопросахъ ($^{674}/_{72}$). Но въ преступленіи распространенія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ съ знаніемъ поддѣлывателей оныхъ или лицъ, занимающихся сбытомъ ихъ, законъ всегда

предполагаетъ между сбытчиками съ одной и поддѣлывателями съ другой стороны предварительное соглашеніе (337/67, 397/70).

Предварительное соглашеніе необходимо подразумѣвается и въ каждомъ дѣлѣ о подлогѣ, совершенномъ нѣсколькими лицами (282/70).

Но предварительное соглашеніе не примѣнимо къ преступленію, совершенному въ запальчивости или раздраженіи (193/71).

Вопросъ о существованіи предварительнаго соглашенія можетъ быть предложенъ или отдѣльно отъ главнаго, причемъ выраженія: «по предварительному соглашенію», «по предварительному уговору», «сговорившись» суть выраженія тожественныя (721/69); или же въ самомъ главномъ вопросѣ можетъ быть сдѣлано указаніе на предварительный уговоръ, напр. когда говорится, что подсудимый согласилъ другихъ на преступленіе (325/69, 359/67) или что онъ подговорилъ другое лицо совершить преступленіе (418/70).

Зачинщики. Подъ ними разумѣются: а) тѣ, которые, умысливъ содѣянное преступленіе, согласили на то другихъ; б) тѣ, которые управляли дѣйствіями другихъ при совершеніи преступленія или покушеніи на оное, и в) тѣ, которые первые къ тому приступили (ст. 13).

Слѣдующій вопросъ признанъ правительствующимъ сенатомъ постановленнымъ правильно:

«Виновенъ ли подсудимый Ивановъ (325/69) въ томъ, что склонилъ Трофимова къ похищенію имущества въ квартирѣ Осипова съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности лишить Михайлова или кого-либо другаго жизни, самъ отправился съ нимъ въ квартиру Осипова и участвовалъ въ задушеніи Михайловой?»

Но обыкновенно вопросъ о томъ, былъ ли подсудимый зачинщикомъ, ставится какъ дополнительный къ главному, причемъ спрашиваютъ: согласилъ ли подсудимый на преступленіе другихъ лицъ, руководилъ ли дѣйствіями другихъ? приступилъ ли первый къ совершенію преступленія?

Сообщники. Сообщниками признаются тѣ, которые согласились съ зачинщиками или съ другими виновными совершить, совокупными силами или дѣйствіями, предумышленное преступленіе.

Существенное условіе сообщничества—предварительное согласіе съ прочими участниками въ преступленіи (190/68); при отсутствіи же этого признака будетъ участіе, означенное въ 12 ст. улож. (ib.); при-этомъ, хотя сообщниками признаются всѣ тѣ, которые согласились съ зачинщиками или съ другими лицами совершить,

совокупными силами или дѣйствіями, предумышленное преступленіе, и притомъ подлежащими наказанію по ст. 119 улож., хотя бы они и не находились на мѣстѣ преступленія, но въ томъ лишь случаѣ, когда таковое приведено въ исполненіе именно тѣми лицами, съ коими соглашеніе послѣдовало. Поэтому въ слѣдующемъ вопросѣ, утвержденномъ присяжными, сенатъ не нашелъ всѣхъ необходимыхъ признаковъ сообщничества: «виновна ли подсудимая вдова коллежскаго ассесора Варвара Васильева Диттель въ томъ, что, сговорившись заранѣе съ другимъ лицомъ лишить жизни своего сына отъ перваго брака, Дмитрія Александровича Воейкова, по возвращеніи Воейкова, послѣ принятія данной ему въ г. Мединѣ отравы, въ село Булгаково, больнымъ,—зная о причинѣ болѣзни сына, умышленно не дозволяла окружавшимъ Воейкова лицамъ давать ему средства противъ отравы и вообще принимала мѣры, чтобы Воейкову вовремя не было подано медицинской помощи, вслѣдствіе чего Воейковъ отъ данной ему отравы 28 марта 1867 года умеръ?» ($^{1439}/_{72}$). Отсюда относительно радакціи вопроса о сообщничествѣ можетъ быть выведено слѣдующее правило: въ вопросѣ о сообщничествѣ должно быть сдѣлано указаніе, что преступленіе совершено именно тѣмъ лицомъ, съ которымъ сообщникъ согласился на преступленіе.

Подстрекатели. Подговорщиками или подстрекателями признаются тѣ, которые, не участвуя сами въ совершеніи преступленія, употребляли просьбы, убѣжденія или подкупъ и обѣщаніе выгодъ, или обольщеніе и обманы, или же принужденіе и угрозы; дабы склонить къ оному другихъ.

По дѣлу Цейтлина ($^{418}/_{70}$) былъ постановленъ слѣдующій вопросъ: «виновенъ ли Цейтлинъ въ томъ, что, встрѣтивъ Щербакова съ товаромъ, остановилъ его и, узнавъ, что товаръ порученъ Щербакову для доставки Шафранову, склонилъ Щербакова часть означеннаго товара, на сумму болѣе 300 руб., уступить ему за деньги и тотъ товаръ обратилъ въ свою пользу?» Правительствующій сенатъ призналъ, что въ дѣйствіяхъ Цейтлина совмѣщаются всѣ законные признаки подстрекательства на растрату чужаго имущества, такъ какъ по 13 ст. улож. склонившіе другихъ къ совершенію преступнаго дѣянія чрезъ подкупъ признаются подстрекателями или подговорщиками.

Здѣсь же сенатъ разъяснилъ, что при постановкѣ вопроса о подстрекательствѣ не представляется никакой необходимости ставить вопросъ о предварительномъ соглашеніи, такъ какъ суще-

ствованіе его само собою вытекаетъ изъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ о подстрекательствѣ, какъ видно это и изъ буквальнаго смысла 1 ч. 13 ст. улож.

Вмѣстѣ съ этимъ правительствующій сенатъ разъяснилъ, что *при обвиненіи въ подстрекательствѣ вопросъ о событіи преступленія долженъ быть выдѣленъ изъ общаго вопроса о виновности.* По дѣлу Войникова и Бутузова ($\frac{1309}{711}$) таганрогскій окружной судъ постановилъ слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ ли Бутузовъ въ томъ, что, получивъ 22 декабря 1870 года отъ купца Токарева, для взноса въ казначейство, 1500 рублей, присвоилъ себѣ эти деньги и часть ихъ растратилъ? 2) Виновенъ ли подсудимый Войниковъ въ томъ, что согласилъ Бутузова совершить преступленіе, изложенное въ первомъ вопросѣ? Присяжные отвѣчали на первый вопросъ отрицательно, а на второй утвердительно. Судъ приговорилъ Войникова по 1681 и 1666 ст. улож. Правительствующій сенатъ нашелъ, что по точному смыслу 13 и 120 ст. улож., для признанія кого-либо виновнымъ въ подстрекательствѣ на совершеніе преступленія, необходимо, чтобы преступленіе, въ подстрекательствѣ на которое онъ обвиненъ, дѣйствительно совершилось. Это вытекаетъ какъ изъ общаго смысла закона, опредѣляющаго наказаніе только за преступный умыселъ, выразившійся во внѣшнихъ дѣйствіяхъ подсудимаго, и изъ буквальнаго смысла 11 ст. улож., въ которой подстрекательство упомянуто въ числѣ другихъ видовъ участія въ преступленіи *содѣянномъ*. Переходя отъ этого общаго признака къ дѣлу Войникова, оказывается, что присяжные засѣдатели, признавъ его виновнымъ въ подстрекательствѣ Бутузова на растрату въ тоже время оправдали послѣдняго по обвиненію въ самой растратѣ. Эти два вопроса находятся въ непосредственной связи и зависимости, ибо утвердительный отвѣтъ на второй вопросъ могъ послѣдовать не иначе, какъ подъ условіемъ признанія — если не виновности Бутузова, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствительности растраты. Хотя, конечно, по смыслу 754 ст. уст., вопросъ, предложенный присяжнымъ засѣдателямъ о Бутузовѣ, заключалъ въ себѣ въ сущности три отдѣльные вопроса: о дѣйствительности растраты, о томъ, совершена ли она Бутузовымъ, и наконецъ о томъ, можетъ ли она быть вмѣнена ему въ вину,—но за отрицательнымъ отвѣтомъ присяжныхъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, отвергли ли они одинъ изъ составныхъ вопросовъ, или всѣ три, въ томъ числѣ о дѣйствительности факта растраты, такъ какъ отдѣльнаго вопроса о событіи преступленія

предложено не было. Тоже самое высказано и въ рѣшеніи по дѣлу Андреева (1077/71).

Намъ кажется, что выдѣленіе вопроса о дѣйствительности преступленія не можетъ устранить недоразумѣній. Отвѣтственность подстрекателя находится въ зависимости не только отъ наличности факта преступленія, но и отъ того, совершено ли это преступленіе именно тѣмъ лицомъ, которое онъ подстрекалъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, правильнѣе выдѣлить въ первый вопросъ не только вопросъ о событіи преступленія, но и о совершеніи его подсудимымъ. Такимъ образомъ вопросы о Бутузовѣ и Войниковѣ представятся въ слѣдующемъ видѣ:

1) Были ли присвоены подсудимымъ Бутузовымъ полученные имъ 22 декабря 1870 года отъ купца Токарева для взноса въ казначейство 1500 руб.?

2) Если были, то виновенъ ли подсудимый Бутузовъ (стольких-то лѣтъ) въ этомъ преступленіи?

3) Если преступленіе, означенное въ первомъ вопросѣ, было совершено Бутузовымъ, то виновенъ ли подсудимый Войниковъ въ томъ, что посредствомъ увѣщаній склонилъ Бутузова къ совершенію того преступленія?

Пособники. Пособниками, по закону, почитаются тѣ, которые хотя и не принимали прямаго участія въ самомъ совершеніи преступленія, но, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, а) помогали или обязались помогать умыслившимъ оное совѣтами или указаніемъ, или сообщеніемъ свѣдѣній, б) или же доставленіемъ другихъ какихъ-либо средствъ для совершенія преступленія, в) или устраненіемъ представлявшихся къ содѣянію онаго препятствій, г) или завѣдомо, предъ совершеніемъ преступленія, давали у себя убѣжище умыслившимъ оное, д) или же обѣщали способствовать сокрытію преступниковъ или преступленія, послѣ содѣянія онаго.

Правительствующій сенатъ разъяснилъ, что для примѣненія закона о пособничествѣ необходимо, чтобы между лицами, совершившими преступленіе, былъ предварительный ихъ на то уговоръ (659/72). По смыслу ст. 13 ч. 1 и 4 улож., говоритъ правительствующій сенатъ (1192/70), пособничество есть одинъ изъ видовъ участія въ преступленіи, учиненномъ двумя или нѣсколькими лицами по предварительному на то согласію; поэтому для признанія извѣст-

ныхъ дѣйствій пособничествомъ необходимо, чтобы между ними и дѣйствіями виновнаго въ самомъ совершеніи преступленія была связь, доказывающая предварительное между обвиняемыми соглашеніе на совершеніе преднамѣреннаго ими преступленія. Поэтому признаніе пособничествомъ дѣйствій, означенныхъ въ слѣдующемъ вопросѣ: «виновна ли подсудимая Федорова въ томъ, что старалась разузнать отъ кр. Ефимовой о времени отъѣзда ея домой и ѣдетъ ли она одна, сообщеніемъ этихъ свѣдѣній Ефрему Иванову способствовала тѣмъ самымъ къ совершенію преступленія (разбоя), найдено правительствующимъ сенатомъ неправильнымъ такъ какъ хотя здѣсь и говорится, что Федорова сообщила Иванову свѣдѣнія о томъ, когда и съ кѣмъ поѣдетъ Ефимова и тѣмъ способствовала совершенію Ивановымъ разбоя, но присяжные нетолько не признали, но имъ даже не былъ предложенъ вопросъ о томъ, согласились ли предварительно Ивановъ и Федорова на совершеніе преступленія, въ коемъ обвиненъ Ивановъ, — и изъ ихъ отвѣта нельзя вывести заключенія о томъ, знала ли она, Федорова, сообщая Иванову вышеозначенныя свѣдѣнія, что онъ имѣетъ намѣреніе похитить имущество Ефимовой, и что, слѣдовательно, сообщеніемъ тѣхъ свѣдѣній она тѣмъ самымъ способствуетъ совершенію Ивановымъ преступленія. Дополненіе въ этомъ отношеніи рѣшенія присяжныхъ самимъ судомъ, т. е. признаніе имъ существенныхъ признаковъ преступленія, не признанныхъ присяжными засѣдателями, составляетъ прямое нарушеніе закона. Тоже высказано въ рѣш. $^{674}/_{72}$, $^{1511}/_{72}$.

По продавшій завѣдомо украденное имущество разсматривается, по смыслу 1701 ст. улож., какъ пособникъ въ томъ преступленіи, чрезъ которое имущество получено, причемъ не требуется, чтобы продавцу было извѣстно, кѣмъ и у кого это имущество похищено, а достаточно, если будетъ признано, что виновный продавалъ какое-либо имущество, завѣдомо похищенное ($^{156}/_{70}$, $^{190}/_{68}$).

При обвиненіи подсудимаго, вмѣстѣ съ другими лицами, въ совершеніи преступленія по предварительному соглашенію, отказъ суда о постановкѣ вопроса о пособничествѣ, въ особенности при неуказаніи въ вопросахъ обстоятельствъ, изъ которыхъ можно было бы вывести правильное заключеніе о мѣрѣ участія подсудимаго и о томъ, дѣйствовалъ ли онъ по предварительному съ другими соглашенію или безъ онаго,—составляетъ существенное нарушеніе 758 ст. ($^{1521}/_{70}$).

Относительно формы вопросовъ о пособничествѣ, мы выше за-

мѣтили, что правительствующій сенатъ не одобряетъ постановку вопроса о томъ, что подсудимый «помогалъ и устранялъ препятствія», требуя, чтобы въ вопросахъ было указано, въ какихъ именно дѣйствіяхъ выразились помощь и устраненіе препятствій ($^{367}/_{70}$). Но вопросъ, постановленный въ слѣдующей формѣ, не признанъ неправильнымъ: «виновенъ ли Сармановъ въ томъ, что, не принимая прямаго участія въ совершеніи похищенія 18 боченковъ съ сельдями, помогалъ похитителямъ, изъ корыстныхъ видовъ, своими совѣтами или указаніями для совершенія похищенія, а по совершеніи его способствовалъ, съ цѣлью сокрытія похищенныхъ боченковъ съ сельдями, сбыту ихъ за деньги въ другія руки». Сенатъ нашелъ, что по установленнымъ въ вопросѣ, утвержденномъ присяжными, обстоятельствамъ дѣла, изъ которыхъ слагается вина подсудимаго, онъ правильно признанъ пособникомъ ($^{357}/_{72}$).

Вообще, согласно требованію сената въ вопросахъ указываются фактическія данныя, въ которыхъ выражаются законные признаки пособничества. Слѣдующія фактическія данныя признаны сенатомъ пособничествомъ: отдалъ похитителямъ лошадей и фургонъ для учиненія кражи и затѣмъ, когда по возвращеніи похитители объявили, что лошади и украденный ячмень у нихъ отняты, подалъ ложное объявленіе о похищеніи тѣхъ лошадей ($^{442}/_{71}$), не принимая самъ участія въ похищеніи, доставилъ похитителямъ, по предварительному съ ними соглашенію, долото, чтобы удобнѣе совершить похищеніе ($^{1305}/_{71}$).

Изъ рѣшеній, приведенныхъ выше ($^{1192}/_{70}$, $^{674}/_{72}$), видно, что предварительное соглашеніе составляетъ существенный признакъ пособничества, слѣдовательно обстоятельство это должно быть помѣщено, по общему правилу, въ главномъ, а не въ дополнительномъ вопросѣ.

Засимъ правительствующій сенатъ не признаетъ необходимымъ, при обвиненіи въ пособничествѣ, ставить отдѣльный вопросъ о событіи преступленія и находитъ, что между отрицаніемъ на вопросъ о виновности совершителя преступленія и утвердительнымъ отвѣтомъ на вопросъ о пособничествѣ нѣтъ противорѣчія, въ особенности если въ вопросѣ о виновности пособника не упоминается, что подсудимый помогалъ именно обвиняемому въ совершеніи преступленія и признанному невиновнымъ ($^{112}/_{72}$). Но въ рѣшеніи по дѣлу Раппопортъ (11 декабря 1874 г.) сенатъ высказалъ, что при оправданіи главнаго виновника наказаніе пособнику можетъ быть опредѣлено лишь въ томъ случаѣ, когда въ вопросахъ, предло-

женныхъ присяжнымъ засѣдателямъ, вопросъ о событіи преступленія былъ выдѣленъ изъ вопроса о виновности главнаго виновника. Разъясненіе это дано по слѣдующему случаю: еврейка Фейга Раппопортъ была признана присяжными виновною въ томъ, что завѣдомо доставила Базилевской для проживательства подложный паспортъ. Базилевская же по обвиненію въ проживательствѣ по подложному виду, доставленному ей Раппопортъ, была оправдана. Правительствующій сенатъ отмѣнилъ обвинительный приговоръ окружнаго суда о Раппопортъ на томъ основаніи, что такъ какъ вопроса о дѣйствительности событія проживательства по подложному виду не было постановлено, а на вопросъ о виновности Базилевской присяжные отвѣтили отрицательно, то посему изъ отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей остается неизвѣстнымъ, отвергли ли они своимъ отрицательнымъ отвѣтомъ на вопросъ о виновности Базилевской самый фактъ преступленія, или же признали невмѣняемымъ въ вину совершенное Базилевскою дѣяніе.

За главнымъ вопросомъ, по признакамъ пособничества, поставляется частный *о свойствѣ пособничества*, т. е. о томъ, было ли оно необходимо для совершенія преступленія ([13]/67, [263]/67). Вопросъ этотъ ставится въ формѣ законныхъ признаковъ и не можетъ быть предложенъ въ формѣ конкретныхъ обстоятельствъ, напр. что подсудимый, согласившись съ похитителями, зазвалъ потерпѣвшихъ, подъ предлогомъ угощенія, въ трактиръ, чтобы въ это время дать возможность своимъ товарищамъ совершить въ квартирѣ ихъ кражу ([138]/70).

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е.

Прикосновенность къ преступленію.

Прикосновенными къ преступленію лицами, по ст. 14 улож., считаются: попустители, укрыватели и недоносители

Прикосновенными къ дѣлу лицами считаются только тѣ, которые, въ большей или меньшей степени, принимали участіе въ преступномъ дѣйствіи и которые потому на судебномъ слѣдствіи являются въ качествѣ обвиняемыхъ, а не свидѣтелей ([570]/69).

Попустителями признаются тѣ, которые, имѣвъ власть или возможность предупредить преступленіе, съ намѣреніемъ или, по крайней мѣрѣ, завѣдомо допустили содѣяніе онаго (ст. 14).

Существенными признаками попустительства считаются: а) знаніе объ имѣющемъ совершиться преступленіи, б) нахожденіе на мѣстѣ преступленія и в) допущеніе съ намѣреніемъ совершенія онаго ($^{190}/_{67}$). При-этомъ необходимо, чтобы обвиняемый самъ не участвовалъ въ преступленіи, иначе онъ будетъ участникомъ (ib.). Въ вопросѣ о попустительствѣ должны быть опредѣлены всѣ признаки, изъ которыхъ слагается понятіе о преступленіи, котораго подсудимый былъ попустителемъ. Такимъ образомъ, напр., въ вопросѣ о попустительствѣ кражи со взломомъ должно быть опредѣлено, какого рода былъ взломъ ($^{1720}/_{71}$). Правительствующій сенатъ призналъ, что слѣдующій вопросъ постановленъ не въ формѣ законныхъ терминовъ, а по существеннымъ признакамъ преступленія, согласно 760 ст. уст.: «виновенъ ли Исо Саркисовъ въ томъ, что, имѣя возможность предупредить случившееся 19 октября 1870 года открытое похищеніе денегъ и вещей у Ягуба Рафаиль-оглы, совершенное Погосомъ Даніеловымъ, вооруженнымъ шайкой, завѣдомо допустилъ Погоса совершить означенное преступленіе тѣмъ, что не оказалъ никакого содѣйствія ограбленному и не воспрепятствовалъ Погосу, съ которымъ онъ вмѣстѣ ѣхалъ, насильственно отнять деньги и вещи у Ягуба?» ($^{450}/_{72}$).

Засимъ, по разъясненію сената ($^{101}/_{71}$), попустители подвергаются наказанію за преступленіе, хотя бы лица, его совершившіе, и не были извѣстны, но только подъ условіемъ признанія самаго факта преступленія. Отсюда въ подобныхъ случаяхъ вопросъ о событіи преступленія долженъ быть постановленъ особо.

Укрыватели. Законъ (ст. 14 улож.) признаетъ три вида укрывательства: а) сокрытіе или истребленіе слѣдовъ преступленія, б) сокрытіе преступника и в) сокрытіе вещей, добытыхъ преступленіемъ ($^{443}/_{68}$, $^{578}/_{68}$, $^{174}/_{68}$). Существенный признакъ укрывательства — завѣдомое участіе въ сокрытіи, истребленіи или измѣненіи слѣдовъ преступленія ($^{1338}/_{72}$). Но при-этомъ необходимо, чтобы виновный не принималъ непосредственнаго участія въ самомъ преступленіи ($^{704}/_{70}$). «Различные виды укрывательства преступленія (ст. 128 улож.), смотря по цѣли и побужденіямъ виновнаго, могутъ быть раздѣлены на два рода: во-первыхъ, такое, при которомъ виновный пользуется плодами завѣдомо ему совершеннаго преступленія, и во-вторыхъ, такое, при которомъ виновный, не участвуя вовсе въ выгодахъ преступленія, стараніями своими препятствуетъ дѣйствію правосудія. Въ первомъ случаѣ укрывательство обнаруживаетъ корыстную, злую волю виновнаго, который,

пользуясь плодами преступленія, является участникомъ, если не во всемъ объемѣ преступленія, то въ одной изъ его составныхъ частей, т. е. въ послѣдствіяхъ, и по мѣрѣ этого участія подвергается наказанію, за то преступленіе опредѣленному. Такимъ образомъ укрывательство этого рода нарушаетъ тѣ же права, какъ и преступленіе, къ которому оно относится, и, слѣдовательно, основанія наказуемости того и другаго одни и тѣ же. Во второмъ случаѣ укрыватель не имѣетъ никакого участія ни въ одной изъ составныхъ частей преступленія и основаніе наказуемости его заключается въ томъ, что оно нарушаетъ обязанность каждаго члена общества содѣйствовать правосудію въ преслѣдованіи преступленія. Очевидно, что укрывательство перваго рода, какъ основанное на корыстномъ и въ самомъ себѣ преступномъ побужденіи, всегда должно быть наказуемо. Напротивъ того, укрывательство втораго рода иногда имѣетъ побужденіемъ такія родственныя чувства, которыя законъ признаетъ въ каждомъ человѣкѣ сильнѣе сознанія гражданской его обязанности содѣйствовать обществу въ раскрытіи преступленій, и эти побужденія, какъ сами по себѣ законныя, и не могутъ служить основаніемъ наказуемости укрывательства» ($^{1037}/_{69}$).

«Употребленное въ ст. 14 выраженіе: «сокрытіе преступника» нельзя ограничивать понятіемъ объ утайваніи, т. е. содержаніи его въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ, а должно понимать въ смыслѣ предоставленія ему такого убѣжища, въ которомъ онъ можетъ или воспользоваться плодами содѣяннаго преступленія, или, хотя на первое время, укрыться отъ преслѣдованія законной власти» ($^{238}/_{69}$).

«Ст. 14 улож. не требуетъ для признанія укрывательства, чтобы похищенныя отнятыя у кого-либо или инымъ противозаконнымъ образомъ добытыя вещи были получены укрывателемъ или взяты имъ отъ участниковъ въ преступленіи» ($^{411}/_{69}$).

Редакція вопросовъ.—Согласно общему правилу, правительствующій сенатъ требуетъ, чтобы вопросы объ укрывательствѣ заключали въ себѣ описаніе обнаруженныхъ слѣдствіемъ фактическихъ признаковъ преступленія, а не буквальное изложеніе принятыхъ въ законѣ опредѣленій ($^{705}/_{70}$).

При-этомъ судъ обязанъ ставить вопросъ объ укрывательствѣ по существеннымъ признакамъ преступленія, т. е. съ указаніемъ, въ чемъ именно укрывательство состояло — въ сокрытіи ли преступниковъ, или слѣдовъ преступленія, или добытыхъ преступле-

ніемъ вещей.' Изложеніе же вопроса въ такой формѣ: «виновенъ ли въ томъ, *что скрылъ преступленіе*», хотя бы противъ редакціи вопроса стороны не возражали, лишаетъ рѣшеніе присяжныхъ законной силы и влечетъ замѣчаніе суду за постановку такого вопроса ($^{233}/_{73}$).

Слѣдующіе вопросы признаны *постановленными правильно*:

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, не принимая никакого участія въ совершеніи тайнаго похищенія имущества Пшеничникова, послѣ этого похищенія получилъ въ свою пользу завѣдомо часть похищенныхъ вещей, на сумму свыше 300 руб., зная, что похищеніе совершено посредствомъ взлома замковъ?» ($^{1214}/_{70}$).

1) Виновна ли Акулина Тарасова въ томъ, что, 19 апрѣля 1871 года, днемъ на нижнемъ базарѣ города Нижняго Новгорода, открыто вырвала изъ рукъ крестьянина Жидова принадлежащія ему деньги, въ то время, когда Жидовъ вынулъ ихъ изъ кармана, чтобы переложить въ другое мѣсто, и 2) виновна ли крестьянка Бугрова въ томъ, что, не участвуя сама въ отнятіи денегъ у Жидова, по совершеніи этого Тарасовою, скрыла у себя какъ Тарасову, такъ и похищенныя деньги, зная объ обстоятельствахъ, коими сопровождалось отнятіе денегъ? Сенатъ нашелъ, что дѣйствія Бугровой соотвѣтствуютъ признакамъ преступленія укрывательства (2 ч. 1643, 14 ст.) ($^{1022}/_{72}$).

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, не принимая никакого участія въ отнятіи денегъ у Сизова, взялъ у Осипа Брягина, по совершеніи похищенія, 10 руб. для передачи трактирщику за вино, зная, что деньги эти принадлежатъ Сизову и что онѣ у него отняты?». ($^{1426}/_{70}$).

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, не имѣвъ никакого участія въ тайномъ похищеніи изъ лавки мѣщанки Викторовой товара, на сумму болѣе 300 руб., только по совершеніи похищенія завѣдомо участвовалъ въ сокрытіи слѣдовъ онаго передачею и продажею товара другимъ лицамъ?» ($^{247}/_{68}$). Подсудимый жаловался, что судъ нарушилъ 760 ст. уст., предложивъ вопросъ не въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, а въ видѣ опредѣленій, принятыхъ въ законѣ, причемъ буквально списалъ 2 отдѣленіе 14 ст. улож. Правительствующій сенатъ нашелъ, что вопросъ постановленъ въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, согласно требованію 760 ст. устава.

Вопросы, признанные *неправильными*:

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, будучи сельскимъ стар-

шиною, умышленно скрывалъ предъ слѣдователемъ Даніелова, не имѣя впрочемъ никакого участія въ преступленіи?» Правительствующій сенатъ нашелъ вопросъ неправильнымъ, такъ какъ въ немъ не указаны тѣ факты, изъ которыхъ слагается понятіе объ укрывательствѣ преступленія ($^{1311}/_{71}$).

«Виновна ли Рѣшетникова въ томъ, что, не принимая никакого участія въ преступленіи Немѣшаева, по совершеніи уже онаго, завѣдомо участвовала въ сокрытіи слѣдовъ этого преступленія или же въ сокрытіи самаго преступника?» Вопросъ найденъ неправильнымъ, во-первыхъ, потому, что въ немъ заключается буквальное изложеніе принятыхъ въ законѣ опредѣленій, и во-вторыхъ потому, что вопросъ постановленъ въ альтернативной формѣ, ибо Рѣшетникова «обвинялась въ сокрытіи слѣдовъ преступленія *или* самого преступника, тогда какъ въ дѣйствительности могло быть или то и другое вмѣстѣ, какъ указывалъ обвинительный актъ, или что нибудь одно изъ двухъ» ($^{703}/_{70}$). Но въ рѣшеніи по дѣлу Горбатова и Бережновой ($^{1579}/_{72}$) такой же вопросъ не признанъ неправильнымъ. Вопросъ былъ слѣдующій: «не виновна ли Бережнова въ томъ, что, не принимая участія въ убійствѣ Камышева другимъ лицомъ, уже послѣ сего завѣдомо участвовала въ сокрытіи или истребленіи слѣдовъ этого преступленія или же въ сокрытіи самого преступника». Сенатъ нашелъ, что онъ не усматриваетъ, чтобы вопросъ этотъ былъ изложенъ не въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, непонятныхъ для присяжныхъ.

Подсудимый Ермолаевъ ($^{147}/_{73}$) былъ преданъ суду по обвиненію, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, въ томъ, что скрывалъ похищенныя у Ковригина ложки, что̀ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 172 ст. уст. о наказ. Окружной судъ постановилъ о немъ слѣдующіе два вопроса: «2) виновенъ ли Ермолаевъ въ томъ, что, не участвуя въ означенной въ 1-мъ вопросѣ кражѣ ложекъ (посредствомъ украденнаго ключа), купилъ означенныя ложки? 3) Если Ермолаевъ виновенъ, то зналъ ли онъ, что ложки были украдены у Ковригина?» Прокуроръ находилъ 3-й вопросъ совершенно излишнимъ, такъ какъ для понятія укрывательства кражи вовсе не нужно знанія лица, у котораго совершена кража, и просилъ постановить третій вопросъ согласно формулированію обвиненія въ обвинительномъ актѣ. Судъ, между прочимъ, въ виду того, что второй и третій вопросы оба вмѣстѣ соотвѣтствуютъ преступленію укрывательства, оставилъ вопросы безъ измѣненія. Присяжные отвѣчали на третій вопросъ отрицательно. Сенатъ касси-

ровалъ рѣшеніе вслѣдствіе отказа прокурору въ постановкѣ вопроса согласно формулированію его въ обвинительномъ актѣ по признакамъ 172 ст. уст.

Въ вопросѣ должно быть непремѣнно означено, что укрыватсльство было совершено «завѣдомо» ($^{1665}/_{71}$). Но опущеніе этого признака не считается существеннымъ нарушеніемъ закона, если подсудимый или его защитникъ не возражалъ противъ вопросовъ и если предсѣдатель объяснилъ присяжнымъ, что они должны признать подсудимыхъ виновными въ укрывательствѣ только тогда, когда найдутъ, что это сдѣлано было ими «завѣдомо» ($^{178}/_{68}$).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда при обвиненіи въ укрывательствѣ совершители преступленія не преданы суду и не извѣстны, или когда подсудимый проситъ, *вопросъ о событіи преступленія долженъ быть выдѣленъ* ($^{1511}/_{70}$). Но если подсудимый о постановкѣ такого вопроса не просилъ, то оправданіе лица, обвинявшагося въ совершеніи преступленія, не имѣетъ послѣдствіемъ признаніе укрывателя невиновнымъ, хотя бы и не былъ постановленъ особый вопросъ о событіи преступленія (ib.).

Вопросъ о томъ, зналъ ли укрыватель, что преступленіе совершено при наличности увеличивающаго вину обстоятельства, долженъ быть разрѣшенъ присяжными. По дѣлу Халявки ($^{346}/_{72}$ сенатъ нашелъ, что увеличеніе, на основаніи 170 ст. уст. о наказ., наказанія виновному въ укрывательствѣ похищеннаго можетъ имѣть мѣсто тогда только, когда укрыватель зналъ о способѣ совершенія кражи и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ оную (въ данномъ случаѣ о томъ, что похититель былъ работникомъ у потерпѣвшаго, чего изъ отвѣтовъ присяжныхъ на вопросъ, имъ предложенный, не вытекаетъ). Тоже и въ рѣшеніи $^{1511}/_{72}$, гдѣ въ вопросахъ не было указано, что укрыватели знали о томъ, что убійцы заманили жертву въ свой домъ, и въ рѣш. по дѣлу Монастырскаго (11 января 1875 года), гдѣ не было упомянуто, что кража была совершена ночью.

Недоносители. Существенными признаками недонесенія, по ст. 15 и 125 улож., считаются: а) знаніе объ умышляемомъ преступленіи, б) недоведеніе о томъ до свѣдѣнія правительства или угрожаемаго опымъ лица и в) возможность исполненія этой обязанности ($^{300}/_{69}$) Поэтому въ вопросахъ непремѣнно должно быть означено: имѣлъ ли подсудимый возможность донести о готовящемся преступленіи, или нѣтъ (ib.).

Второй видъ недонесенія (15 и 126 ст. улож.) относится къ

тѣмъ, которые, зная о совершившемся уже преступленіи и имѣя возможность довести о немъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили этой обязанности.

Подъ дѣйствіе 15 ст. улож. могутъ быть подводимы только тѣ лица, которые, знавъ о содѣянномъ уже преступленіи, не исполнили налагаемой на нихъ закономъ обязанности довести о томъ до свѣдѣнія правительства, а вовсе не тѣ, которые прикосновенны совершенному въ ихъ присутствіи преступленію потому, что измѣнили или скрыли слѣды преступленія, чтобы воспользоваться его плодами ($^{411}/_{69}$).

Вопросы о недонесеніи постановляются обыкновенно въ слѣдующей формѣ:

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, узнавъ отъ Ивана Петрова о намѣреніи его совершить кражу имущества изъ дома крестьянина Тихонова и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія Тихонова или начальства, никому о томъ не донесъ?»

«Виновенъ ли подсудимый въ томъ, что, зная лицъ, совершившихъ кражу изъ дома Тихонова, и имѣвъ возможность донести о томъ начальству, не исполнилъ этой обязанности?»

Иногда вопросъ о возможности донесенія ставятъ особо отъ главнаго, по въ виду того, что обстоятельство это составляетъ существенный признакъ преступленія недонесенія, такая постановка должна быть признана неправильною.

ОТДѢЛЕНІЕ 5-е.

Соучастіе необходимое, обусловливаемое самимъ свойствомъ преступленія.

О способахъ постановки вопросовъ при обвиненіи въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя, по самому свойству своему, предполагаютъ двухъ участниковъ, какъ факторовъ, напр. въ преступленіи кровосмѣшенія, незаконнаго сожитія неженатаго съ незамужней, мужеложства, вступленія завѣдомо въ противозаконный бракъ, поединка и пр., кассаціонный судъ не далъ еще разъясненій. Окружные суды постановляютъ вопросы въ этихъ случаяхъ въ слѣдующей формѣ:

«Виновны ли подсудимые: Петръ Леонтьевъ въ томъ, что, пользуясь особеннымъ своимъ положеніемъ въ семействѣ, склонялъ свою

сноху Варвару Иванову къ плотскому съ нимъ сожитію и имѣлъ ли съ нею это сожитіе, а Варвара Иванова въ томъ, что, поддавшись вліянію свекра Петра Леонтьева, имѣла съ нимъ вышеупомянутую противозаконную связь?» [1]).

Или:

«1) Виновенъ ли Григорій Дмитріевъ въ томъ, что имѣлъ плотское сожитіе съ своею снохою, крестьянкою Дарьею Сидоровой? 2) Имѣла ли крестьянка Дарья Сидорова плотское сожитіе съ свекромъ своимъ, крестьяниномъ Григоріемъ Дмитріевымъ? 3) Если имѣла, то не совершено ли преступленіе вслѣдствіе принужденія свекра Григорія Дмитріева, посредствомъ непреодолимой силы или власти надъ нею?» ($^{521}/_{69}$).

Въ литературѣ нашей встрѣчаемъ очень мало разъясненій по этому предмету. Г. Буцковскій [2]), говоря о постановкѣ вопросовъ о виновности по такого рода преступленіямъ, замѣчаетъ, что «когда по неимѣнію законныхъ причинъ невмѣняемости понятіе о такомъ преступленіи выражается въ одномъ главномъ вопросѣ о виновности, вопросъ этотъ долженъ быть постановленъ съ яснымъ указаніемъ, что ему слѣдуетъ получить одинаковое разрѣшеніе въ отношеніи къ обоимъ подсудимымъ». Изъ этихъ словъ можно вывести, кажется, то заключеніе что о двухъ подсудимыхъ, обвиняющихся въ соучастіи преступленія, долженъ быть постановленъ, при отсутствіи причинъ невмѣняемости, одинъ общій вопросъ о виновности; въ чемъ же должны состоять указанія на то, что вопросъ этотъ долженъ получить одинаковое разрѣшеніе въ отношеніи къ обоимъ подсудимымъ, авторъ не объясняетъ. Болѣе обстоятельно разработанъ этотъ вопросъ г. К. А. въ замѣткѣ: «О постановленіи вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей» [3]). Въ своемъ трактатѣ о постановкѣ вопросовъ о кровосмѣшеніи авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «1) постановленіе отдѣльныхъ вопросовъ о виновности каждаго изъ соучастниковъ въ преступленіи кровосмѣшенія, на основ. 758 ст. уст. уг. суд., составляетъ прямое нарушеніе точнаго смысла ея; 2) постановленіе одного общаго вопроса о виновности обоихъ факторовъ преступленія есть необходимое требованіе существа этого преступленія и точнаго разума 754 ст. того же устава; 3) указаніе на

[1]) „Судебн. Вѣсти.“ 1867 г. № 275, „Юр. Вѣсти.“ 1867 г., сентябрь.
[2]) Очерки, стр. 274 и 275.
[3]) «Суд. Вѣст.» 1867 г. № 275.

существованіе въ пользу оправданія одного изъ соучастниковъ особыхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ кровосмѣшенія, которыя принадлежатъ къ числу указанныхъ въ законѣ, даетъ необходимое основаніе для постановленія отдѣльнаго вопроса объ этихъ обстоятельствахъ, согласно 755, 756, 763 ст. устава».

Соглашаясь вполнѣ съ тѣмъ положеніемъ, что ст. 768 уст. въ разсматриваемомъ нами случаѣ не можетъ имѣть примѣненія, такъ какъ соучастіе въ кровосмѣшеніи не подходитъ вовсе подъ тѣ опредѣленія участія, которыя означены въ ст. 11—15 улож. о наказ. и которыя разумѣются въ ст. 758 уст., мы однако не совсѣмъ раздѣляемъ остальные выводы автора замѣтки.

Въ виду того, что преступленіе кровосмѣшенія, равно какъ и другія подобнаго рода преступленія, по самому свойству своему, требуютъ для бытія своего непремѣнно двухъ участниковъ, какъ факторовъ, и что отрицаніе участія одного изъ нихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніе самаго факта преступленія, главная цѣль, при редактированіи вопросовъ, должна заключаться въ томъ, чтобы устранить, на случай объявленія невиновнымъ одного изъ соучастковъ, всякое сомнѣніе въ существованіи самаго факта преступленія. Такъ какъ обвиненіе присяжными одного изъ подсудимыхъ и оправданіе другаго (напр. по причинамъ невмѣняемости, хотя бы о нихъ и не было постановлено особаго вопроса) всегда возможно, то постановленіе одного общаго или, правильнѣе, сложнаго вопроса *о виновности* обоихъ подсудимыхъ не только не ведетъ къ достиженію указанной цѣли, но напротивъ можетъ повести именно къ тому противорѣчію, которое предполагается устранить. Поэтому означенная цѣль, по нашему мнѣнію, можетъ быть достигнута постановкой перваго вопроса о совершеніи преступленія подсудимыми и двухъ другихъ о виновности каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ вопросы примутъ слѣдующій видъ:

«1) Состояли ли Петръ Леонтьевъ и сноха его Варвара Иванова въ незаконномъ плотскомъ сожитіи между собою?

2) Если состояли, то виновенъ ли Петръ Леонтьевъ въ этомъ преступленіи?

3) Если состояли, то виновна ли въ означенномъ плотскомъ сожитіи съ свекромъ своимъ Леонтьевымъ подсудимая Варвара Леонтьева?»

Мы полагаемъ, что при такой редакціи вопросовъ вполнѣ устраняются всякія недоразумѣнія: въ случаѣ, если присяжные засѣдатели признаютъ недоказаннымъ участіе одного изъ подсуди-

мыхъ, они отвѣтятъ отрицательно на первый вопросъ, а въ случаѣ, когда они, признавая фактъ половаго сожительства между данными лицами доказаннымъ, найдутъ, что преступленіе это кому-либо изъ подсудимыхъ не должно быть вмѣнено въ вину, они отвѣтятъ отрицательно на 2-й или 3-й вопросъ. Такое отрицаніе виновности не вноситъ никакого противорѣчія въ отвѣты присяжныхъ, ибо устраняется всякая возможность предположенія, что быть можетъ присяжные отвергли самое участіе одного изъ факторовъ преступленія, какъ это можетъ быть при постановленіи одного сложнаго вопроса о виновности. Что же касается того обстоятельства, что элементарные вопросы о событіи преступленія и совершеніи его выдѣляются изъ общаго вопроса о виновности, по ст. 754 уст., только въ случаѣ сомнѣнія по какому-либо изъ сихъ вопросовъ, между тѣмъ какъ въ разсматриваемомъ нами случаѣ такого сомнѣнія можетъ и не быть, то обстоятельство это не должно препятствовать установленію правильной системы постановки вопросовъ. Законъ въ ст. 754 предусматриваетъ постоянно встрѣчающійся случай на практикѣ и преподаетъ для него извѣстное правило, но это не значитъ, что этимъ правиломъ не слѣдуетъ пользоваться и въ другихъ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ положительно закономъ, когда вынуждаютъ къ тому существо дѣла и самая цѣль, къ которой должно стремиться при редактированіи вопросовъ. Въ практикѣ правительствующаго сената мы также встрѣчаемъ примѣненіе 754 ст. уст. вовсе не въ тѣхъ случаяхъ, которые она предусматриваетъ. Такъ правительствующій сенатъ, какъ мы видѣли выше, призналъ, что при обвиненіи подсудимаго въ подстрекательствѣ вопросъ о событіи и принадлежности его обвиняемому въ совершеніи преступленія долженъ быть непремѣнно постановленъ отдѣльно. То же при обвиненіи въ укрывательствѣ, когда совершители не преданы суду и не извѣстны.

Наконецъ, что касается постановки вопросовъ при наличности одной изъ причинъ, по коей преступленіе не должно быть вмѣнено въ виду, то здѣсь должны имѣть полную силу правила, которыя изложены нами въ главѣ «О разложеніи вопроса о виновности на составныя части». По этимъ правиламъ, какъ уже извѣстно, вопросъ объ одной изъ причинъ невмѣняемости не можетъ быть присоединенъ къ общему вопросу о виновности, такъ какъ при утвердительномъ отвѣтѣ на оба вопроса выйдетъ непримиримое противорѣчіе: «виновенъ», слѣдовательно, преступленіе должно быть вмѣнено въ вину и «совершилъ вслѣдствіе принужденія», слѣ-

довательно, преступленіе не должно быть вмѣняемо. Такимъ образомъ, руководствуясь высказанными выше правилами относящимися исключительно къ постановленію вопросовъ при необходимомъ соучастіи, и правилами о разложеніи коллективнаго вопроса, вопросы о виновности въ кровосмѣшеніи, при наличности причины невмѣняемости, должны получить слѣдующую редакцію:

«1) Состояли ли подсудимые Григорій Дмитріевъ и сноха его Дарья Сидорова въ незаконномъ плотскомъ сожитіи между собою?

2) Если состояли, то виновенъ ли крестьянинъ Григорій Дмитріевъ въ этомъ преступленіи?

3) Если состояли, то не была ли Дарья Сидорова вынуждена къ этому сожитію непреодолимой силой и властью надъ нею свекра ея Григорья Дмитріева?

и 4) (На случай отрицательнаго отвѣта на послѣдній вопросъ и признанія невиновною по другимъ законнымъ причинамъ невмѣняемости). Если не была, то виновна ли она въ незаконномъ сожитіи съ свекромъ своимъ Григоріемъ Дмитріевымъ?»

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Частные вопросы.

ГЛАВА I.

Вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ степень виновности.

Опредѣленіе обстоятельствъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ вину.—Статья 755 устава предписываетъ постановлять за главнымъ вопросомъ частные о такихъ обстоятельствахъ, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности. Но ни уставъ уголовнаго судопроизводства, ни уложеніе о наказаніяхъ не опредѣляютъ, что̀ должно разумѣть подъ этими обстоятельствами. По разъясненію правительствующаго сената, къ обстоятельствамъ, особо увеличивающимъ вину, принадлежатъ тѣ, которыя относятся спеціально къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ видамъ

преступленій и о которыхъ говорится въ отдѣлахъ уложенія, предусматривающихъ эти преступленія (567/69), въ особомъ отдѣленіи закона о судимомъ преступленіи (1082/70), или въ той же статьѣ закона, но отдѣльно отъ главнаго опредѣленія преступленія, или въ особой статьѣ (1094/69). Но къ обстоятельствамъ, особо увеличивающимъ виновность, не могутъ быть относимы видовые признаки, опредѣляющіе самый составъ преступленія, изложеннаго въ главномъ вопросѣ (напр. вооруженное состояніе при кражѣ со взломомъ и нанесеніе ранъ, 970/72), или существенные признаки, образующіе составную часть самаго преступленія (напр. опасность для жизни потерпѣвшаго побои, при обвиненіи по 1489 ст. ул., 1094/69). Къ числу обстоятельствъ, особо уменьшающимъ степень виновности, относятся тѣ, которыя измѣняютъ свойства преступленія, входя въ составъ его законныхъ признаковъ, и опредѣляются въ особомъ отдѣленіи закона о томъ преступленіи, къ которому относятся (3/66, 232/68, 809/68). Это такіе признаки или условія дѣянія, которыя, подлежа оцѣнкѣ присяжныхъ, измѣняютъ видъ преступленія и степень наказанія и по которымъ законъ опредѣляетъ отвѣтственность въ особой статьѣ (151/69). При существованіи обстоятельствъ этого рода, законъ или положительно указываетъ степень уменьшенія наказанія, или же предоставляетъ избраніе степени, а иногда и рода наказанія, усмотрѣнію суда, но во всякомъ случаѣ положительное разрѣшеніе этого обстоятельства влечетъ опредѣленное послѣдствіе (3/66). Такимъ образомъ, по опредѣленію, сдѣланному сенатомъ, подъ особо уменьшающими вину обстоятельствами должно разумѣть такія, которыя характеризуются слѣдующими признаками: а) входятъ въ составъ законныхъ признаковъ преступленія, измѣняютъ его свойство, видъ; б) опредѣляются въ особомъ отдѣленіи закона о томъ преступленіи, къ которому относятся, и в) имѣютъ опредѣленныя послѣдствія, измѣняя степень наказанія или даже родъ его. Но вмѣстѣ съ этимъ къ обстоятельствамъ, особо уменьшающимъ степень вины, правительствующимъ сенатомъ отнесены: крайность и неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ, при кражѣ (987/68, 239/68 и др.) и вовлеченіе несовершеннолѣтняго въ преступленіе другимъ лицомъ, совершеннолѣтнимъ (322/72).

Наконецъ, въ рѣшеніи по дѣлу Лаврова и др. (295/70) сенатъ опредѣляетъ общее понятіе объ обстоятельствахъ особо увеличивающихъ и уменьшающихъ вину слѣдующимъ образомъ: «если для разъясненія, говоритъ сенатъ, какія обстоятельства разумѣетъ за-

копъ (ст. 755) подъ названіемъ особо увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, обратиться къ уложенію о наказаніяхъ, то окажется, что въ этомъ кодексѣ наказаніе повышается или понижается однимъ изъ слѣдующихъ способовъ: или опредѣляется сперва нормальное наказаніе и потомъ въ дополнительномъ опредѣленіи указывается на обстоятельство, возвышающее или понижающее нормальное наказаніе въ точномъ и тутъ же опредѣленномъ размѣрѣ, или же полагается за одно и то же преступленіе нѣсколько различныхъ, одна другую замѣняющихъ, нормъ наказанія, съ предоставленіемъ суду избрать одну изъ этихъ нормъ, или безъ всякихъ спеціальныхъ въ законѣ указаній (ст. 213, 269, 270, 278—281, 850 и др.), или съ указаніемъ въ законѣ только нѣкоторыхъ къ этому основаній (ст. 1081, 1408, 1467, 1480, 1482 и др.), или, наконецъ, съ указаніемъ въ законѣ всѣхъ основаній къ избранію нормы наказанія, болѣе или менѣе строгаго (ст. 277, 423, 433, 448, 456, 940, 986, 1090, 1442, 1494 и др.). Разница между этими способами опредѣленія наказанія очевидна. Въ случаяхъ, подходящихъ подъ опредѣленіе наказанія первымъ способомъ, указанныя въ особыхъ дополнительныхъ опредѣленіяхъ закона обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину, точно опредѣлены какъ въ ихъ фактическихъ основаніяхъ, такъ и въ ихъ законныхъ послѣдствіяхъ, т. е. во вліяніи ихъ на размѣръ наказанія. Почему объ этихъ, такъ-называемыхъ особо увеличивающихъ или уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, можно и должно предлагать вопросы присяжнымъ засѣдателямъ которыхъ рѣшеніе по этимъ вопросамъ не можетъ остаться безъ опредѣленныхъ послѣдствій, обязательныхъ для судебнаго приговора. Напротивъ того, въ случаяхъ, подходящихъ подъ опредѣленіе наказанія вторымъ способомъ, избраніе той или другой изъ положенныхъ въ законѣ нормъ наказанія предоставляется на усмотрѣніе суда, и хотя при-этомъ указываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ основанія, которыми судъ долженъ руководствоваться при избраніи нормы наказанія, но, во-первыхъ, основанія эти большею частью не фактическаго, а юридическаго свойства, и во-вторыхъ они не опредѣляютъ вліянія каждаго обстоятельства въ отдѣльности на размѣръ наказанія, а предоставляютъ суду избрать высшую, среднюю или низшую норму наказанія, смотря по совокупной силѣ всѣхъ основаній, указанныхъ или въ общемъ по этому предмету правилѣ (ст. 149 ул.), или въ спеціальномъ правилѣ на данный случай; почему предложеніе присяжнымъ особыхъ вопросовъ объ этихъ

основаніяхъ къ избранію нормы наказанія было бы и затруднительно, и безполезно, такъ какъ рѣшеніе присяжныхъ по этимъ вопросамъ не имѣло бы опредѣленныхъ послѣдствій, обязательныхъ для судебнаго приговора, а между тѣмъ усложнило бы систему предлагаемыхъ присяжнымъ вопросовъ, чего законодатель старался избѣжать, дабы не затруднять присяжныхъ и не приводить ихъ къ сбивчивымъ и несогласнымъ между собою отвѣтамъ (суд. уст. съ изл. разсужд., на коихъ они основаны, часть вторая, стр. 267). Необходимо только, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніе къ избранію нормы наказанія заключаетъ въ себѣ указаніе на какое-либо фактическое обстоятельство, оно было предусмотрѣно рѣшеніемъ присяжныхъ, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчило этому рѣшенію въ отношеніи свойствъ преступнаго дѣянія». Такимъ образомъ разграничительнымъ признакомъ между обстоятельствами, которыя предлагаются на разрѣшеніе присяжныхъ и тѣми особые вопросы о которыхъ не ставятся, по вышеприведенному рѣшенію, служитъ способъ повышенія или пониженія наказанія, принятый въ уложеніи. Тѣ обстоятельства, которыя указаны въ дополнительномъ опредѣленіи закона къ нормальному наказанію за преступленіе и точно опредѣлены, какъ въ фактическихъ основаніяхъ, такъ и въ законныхъ послѣдствіяхъ относительно повышенія или пониженія наказанія въ точномъ и опредѣленномъ размѣрѣ, составляютъ обстоятельства особо увеличивающія или уменьшающія степень виновности, предлагаемыя на разрѣшеніе присяжныхъ; обстоятельства же которыми слѣдуетъ руководствоваться при избраніи рода или вида наказанія, когда за судимое преступленіе полагается ихъ два или нѣсколько, одно другое замѣняющихъ, и которыя имѣютъ основанія большею частію не фактическаго, а юридическаго свойства, и не имѣютъ опредѣленнаго вліянія на размѣръ наказанія,—не составляютъ обстоятельствъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ.

Обстоятельства, особо увеличивающія вину, въ частности. — Къ *особо увеличивающимъ* вину обстоятельствамъ въ частности принадлежатъ указанныя въ слѣдующихъ статьяхъ уложенія:

200—насиліе, при преступленіи распространенія ереси и раскола ($^{642}/_{72}$) [1]).

[1]) Впрочемъ, правительствующій сенатъ называетъ этотъ признакъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ преступность дѣянія.

225 — обдуманное намѣреніе, при похищеніи (300/70).

228 — совершеніе похищенія лицомъ, которому имущество церковное было ввѣрено на храненіе, причемъ вопросъ объ этомъ обстоятельствѣ долженъ быть предложенъ въ его законной формѣ, а не въ видѣ конкретнаго факта, напр. что подсудимый былъ церковнымъ сторожемъ (528/69).

372 — время принятія подарка (87/68).

571 — способъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ (83/68, 831/69). «Механическимъ способомъ» — выраженіе юридическое, и потому не можетъ быть употреблено въ вопросахъ присяжнымъ (11 іюня 1873 г., Кочетковыхъ. Указ.).

1490 — смерть отъ тяжкихъ побоевъ (562/69, 747/68).

1609 — учиненіе поджога «ночью» (868/71).

1610 обстоятельство, когда виновный скрылся (1562/71).

1653 — наличность оружія или орудія, коимъ похититель могъ нанести смерть или увѣчье (713/68, 567/69).

1643 ч. 2 — совершеніе грабежа на улицѣ или проѣзжей дорогѣ (43/69).

1659 — обстоятельства, исчисленныя въ этой статьѣ (317/67, 1732/71 и др.).

1671 — обстоятельства, указанныя во 2-мъ (144/73), 3-мъ (49/68) и 4-мъ пунктахъ (144/73) статьи.

Уставъ о наказ.: 170 — обстоятельства, исчисленныя въ этой статьѣ (317/67, 1732/71, 987/69, 946/72).

175 — обстоятельства, поименованныя въ этой статьѣ (107/72, 151/69, 309/68, 816/69).

Не относятся къ обстоятельствамъ, особо увеличивающимъ вину, исчисленныя въ ст. 129 улож. (567/69, 839/71) и 14 ст. уст. о нак. (1169/72).

Обстоятельства, особо уменьшающія вину, въ частности. — Къ обстоятельствамъ, особо уменьшающимъ вину, относятся обстоятельства, указанныя въ слѣдующихъ статьяхъ уложенія:

143 — вовлеченіе въ преступленіе несовершеннолѣтняго совершеннолѣтнимъ (322/72), причемъ для примѣненія этой статьи безразлично, будутъ ли эти совершеннолѣтніе родители обвиняемаго или лица посторонніе (1487/70).

182 — неразуміе, невѣжество и пьянство (805/71).

286 ч. 2 — пьянство, невѣжество и неразуміе (809/68, 71, 65/71).

294 и 296 — явка съ повинною, при совершеніи подлога въ официальныхъ актахъ и бумагахъ (859/68, 1082/70).

354—возвращеніе растраченныхъ денегъ (285/69).

1441—явка съ повинною, при преступленіяхъ, предусм. 294 и 1441 ст. улож. (1082/70).

1663—добровольное возвращеніе украденнаго (563/67, 1119/72), причемъ подъ возвращеніемъ понимается не возвращеніе той самой вещи, которая похищена, а удовлетвореніе хозяина за причиненный ему вредъ и выраженное этимъ раскаяніе виновнаго (1290/72); крайность и неимѣніе средствъ къ пропитанію и работѣ, при кражахъ, предусмотрѣнныхъ въ III отд. 3 гл. XII разд. (987/68, 232/68, 413/70, 161/68), а также при кражѣ, преслѣдуемой по 232 ст. улож (369/70).

1681—легкомысліе и обязательство возвратить растраченное или присвоенное (267/67, 527/68, 1287/71); тоже при растратѣ имущества, ввѣреннаго по службѣ (1318/71) и при растратѣ имущества повѣреннымъ, преступленіи, предусмотрѣнномъ 1711 ст. ул. (1708/71).

Уст. о нак.: **171**—обстоятельства, исчисленныя въ этой статьѣ (987/69).

Кромѣ того, въ рѣшеніи по дѣлу Родіонова (3/66) сенатъ высказалъ, что обстоятельства, особо уменьшающія вину, встрѣчаются въ слѣдующихъ статьяхъ уложенія: **176, 178, 182, 183. 211, 234, 235, 276, 282, 286, 291, 292, 294, 296, 373, 1483, 1484, 1663, 1674.**

Не относятся къ обстоятельствамъ, особо уменьшающимъ вину, обстоятельства, указанныя въ ст. **134** и **153** улож. (3/66, 232/68, 1087/72).

Въ частности къ обстоятельствамъ, особо уменьшающимъ вину, не принадлежатъ:

а. Крайняя бѣдность и проч. обстоятельства, указанныя въ ст. 1663 ул., при обвиненіи въ святотатствѣ (161/68).

б. Запальчивость и раздраженіе, при обвиненіи въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1489 ст. ул. (747/68).

в. Поводъ къ нанесенію оскорбленія дѣйствіемъ должностному лицу (ст. 285 ул.), такъ какъ это обстоятельство можетъ имѣть вліяніе лишь на опредѣленіе мѣры наказанія (43/72).

г. Состояніе опьяненія, кромѣ случаевъ, положительно указанныхъ въ законѣ (напр. въ ст. 180, 182 и др.) (31 января 1875 г., Князева, «С. В.» 50/75).

Важность постановки вопросовъ.— Непостановка вопроса объ обстоятельствѣ, особо увеличивающемъ или уменьшающемъ вину, и разрѣшеніе его самимъ судомъ, а не присяжными, состав-

лечъ поводъ кассаціи ($^{144}/_{73}$). Отказъ суда въ предложеніи присяжнымъ вопроса объ обстоятельствахъ, указанныхъ въ 755 ст., основанный не на томъ, что вопросъ этотъ не вытекалъ изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ, есть существенное нарушеніе статей 755 и 763 уст. ($^{232}/_{68}$, $^{322}/_{72}$, $^{1082}/_{70}$). Во всякомъ случаѣ, отказъ въ постановкѣ такого вопроса не можетъ послѣдовать безъ мотивированнаго опредѣленія; неисполненіе этого влечетъ отмѣну рѣшенія ($^{322}/_{72}$).

Но неправильное предложеніе присяжнымъ вопроса о такомъ обстоятельствѣ, о которомъ судъ могъ судить самъ, не составляетъ существеннаго нарушенія ст. 755 ($^{747}/_{68}$).

При обвиненіи нѣсколькихъ подсудимыхъ по одному и тому же преступленію, вопросъ объ обстоятельствахъ, указанныхъ въ 755 ст., постановляется о каждомъ подсудимомъ отдѣльно.

Постановка частныхъ вопросовъ объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, обязательна и для суда, рѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей ($^{809}/_{68}$).

Непредложеніе вопроса объ обстоятельствѣ, указанномъ въ 755 ст., не составляетъ существеннаго нарушенія:

а. Когда не было о томъ требованія стороны и когда кассаторъ не утверждаетъ, чтобы фактъ, признанный судомъ (напр. невозвращеніе растраченныхъ денегъ) былъ не вѣренъ ($^{285}/_{69}$).

б. Когда подсудимый обвинялся въ двухъ преступленіяхъ и когда непостановка вопроса не имѣла вреднаго вліянія на опредѣленіе ему наказанія по совокупности преступленій ($^{1082}/_{70}$).

в. Когда подсудимый или его защитникъ не просилъ о постановкѣ вопроса объ особо уменьшающемъ вину обстоятельствѣ (^{416} $_{70}$, $^{960}/_{70}$).

Редакція вопросовъ.—Постановка вопросовъ объ уменьшающихъ вину обстоятельствъ въ слѣдующей формѣ: «есть ли въ дѣлѣ обстоятельства уменьшающія вину?» признана совершенно неправильною, такъ какъ предложеніе подобнаго вопроса можетъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ, которые поэтому могутъ не воспользоваться правомъ, предоставленнымъ имъ 814 ст. улож. ($^{3}/_{66}$).

Также не можетъ быть предложенъ вопросъ о томъ, «заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія?» ($^{339}/_{68}$).

Относительно того, могутъ ли быть вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ или уменьшающихъ виновность, включаемы въ главномъ вопросѣ или должны быть постановляемы отдѣльно, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что объ обстоя-

тельствахъ этихъ должны быть постановляемы особые, независимо отъ главнаго, дополнительные вопросы (3/66, 87/68); что ст. 756 должна считаться нарушенною, когда вопреки 755 ст. въ одномъ и томъ же вопросѣ, вмѣстѣ съ дѣяніемъ, составляющимъ предметъ обвиненія, будутъ помѣщены и такія обстоятельства, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности и о которыхъ долженъ быть постановленъ, независимо отъ главнаго, частный дополнительный вопросъ (1094/69); что невыдѣленіе изъ общаго вопроса о виновности частнаго не правильно (151/69, 107/72); что судъ, по силѣ 755 ст., не можетъ отказать подсудимому въ отдѣленіи главнаго предмета обвиненія отъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ и въ постановкѣ отдѣльнаго о послѣднихъ вопроса (454/70). Но въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ сенатъ отступаетъ отъ этого правила, находя, что законъ не требуетъ безусловно, чтобы объ этихъ обстоятельствахъ предлагались отдѣльные вопросы, а только воспрещаетъ разрѣшеніе ихъ суду собственною властью. Такъ въ рѣшеніи по дѣлу Григорьева и др. (1571/72) правительствующій сенатъ высказалъ, что «существенное требованіе ст. 755 и 756 уст заключается не въ томъ, чтобы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ степень виновности подсудимаго, безусловно постановляемъ былъ отдѣльный вопросъ, а въ томъ, чтобы существованіе въ дѣлѣ подобнаго обстоятельства, или признаковъ преступнаго дѣянія, измѣняющихъ родъ и степень наказанія, было признано не самимъ судомъ, а присяжными засѣдателями, и чтобы послѣдніе, отвѣчая на предложенный имъ вопросъ, имѣли полную возможность оговорить въ своемъ отвѣтѣ, согласно праву, предоставленному имъ ст. 812 уст., объ исключеніи изъ общаго вопроса о виновности подсудимаго такого отвергаемаго ими особо увеличивающаго вину обстоятельства или признака преступленія, о которомъ могъ быть предложенъ особый вопросъ по 755 ст. уст.». Тоже высказано въ рѣш. 43/69, 567/69 и въ рѣш. по дѣлу Князева (31 января 1875 г., «С. В.» 50/75). Вслѣдствіе этого помѣщеніе обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ 755 ст., въ главномъ вопросѣ не влечетъ кассаціи приговора (127/71, 1732/71, 970/72, 1208/72), а жалобы на соединеніе особо увеличивающихъ вину обстоятельствъ съ общимъ вопросомъ о виновности, если подсудимый или защитникъ о раздѣленіи вопроса не просилъ во время судебнаго засѣданія, сенатъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія, какъ несвоевременныя (198/69, 454/70, 1208/72),

Правительствующій сенатъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше рѣшеній, пытался опредѣлить понятіе объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, различными признаками, именно: а) внутреннимъ содержаніемъ ихъ, объясняя, что подъ обстоятельствами, особо уменьшающими вину, разумѣются такія, которыя входятъ въ составъ законныхъ признаковъ преступленія, а подъ особо увеличивающими виновность— тѣ, которыя къ составу преступленія не относятся; б) мѣстомъ ихъ въ системѣ уложенія, указывая, что они содержатся или въ статьѣ закона, предусматривающей преступленіе, но отдѣльно отъ главнаго опредѣленія преступленія, или въ дополнительномъ къ нему опредѣленіи, или въ особой статьѣ, и наконецъ в) способомъ повышенія или пониженія наказанія за преступленіе при наличности тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Но если взять отдѣльные случаи, которые отнесены сенатомъ къ обстоятельствамъ, особо увеличивающимъ или уменьшающимъ вину, и сообразить ихъ съ опредѣленіемъ, которое даетъ сенатъ этимъ обстоятельствамъ вообще, то окажется, что опредѣленіе это представляется узкимъ, не обнимающимъ всѣхъ разнородныхъ случаевъ. Такъ мы видѣли, что сенатъ относитъ, напр., къ обстоятельствамъ особо уменьшающимъ вину, крайность и неимѣніе средствъ къ пропитанію при кражѣ, добровольное возвращеніе украденнаго, явку съ повинною при совершеніи подлога въ официальныхъ актахъ, возвращеніе растраченнаго должностнымъ лицомъ и т. п., но между тѣмъ обстоятельства эти не входятъ въ составъ законныхъ признаковъ преступленій, къ которымъ они относятся; преступленія эти существуютъ сами по себѣ, независимо отъ указанныхъ обстоятельствъ, которыя только измѣняютъ степень виновности, вліяютъ на опредѣленіе степени или рода наказанія; вовлеченіе несовершеннолѣтняго въ преступленіе, относимое также къ обстоятельствамъ, особо уменьшающимъ виновность, нисколько не составляетъ законнаго признака какого-либо преступленія, но и помѣщено не въ особенномъ отдѣленіи уложенія о преступленіи, а въ общей его части. Наконецъ, опредѣленіе разсматриваемыхъ обстоятельствъ по способу повышенія и пониженія наказанія также представляется не совсѣмъ удачнымъ, какъ потому, что не извѣстно, какое именно наказаніе въ каждомъ данномъ случаѣ должно считать нормальнымъ, такъ, съ другой стороны, и потому, что опредѣленіе это исключаетъ изъ числа обстоятельствъ, предлагаемыхъ на разрѣше-

ніе присяжныхъ, такія, которыя явно совмѣщаютъ въ себѣ всѣ признаки, коими сенатъ въ другихъ опредѣленіяхъ характеризуетъ означенныя обстоятельства. Правительствующій сенатъ относитъ, напр., къ числу обстоятельствъ, о коихъ не предлагаются особые вопросы, обстоятельства, помѣщенныя въ ст. 277 и 986 улож. Первая статья говоритъ: «кто, съ намѣреніемъ оказать неуваженіе властямъ законнымъ, раздеретъ, отброситъ или вычернитъ, или инымъ образомъ повредитъ, или исказитъ выставленные по распоряженію ихъ въ опредѣленномъ публичномъ мѣстѣ гербы или надписи, тотъ за сіе, смотря по тому, учинено ли имъ сіе публично, при стеченіи народа или при многихъ свидѣтеляхъ, или же безъ сихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, приговаривается: къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ. или же, безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ». Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство «публично, при стеченіи народа или при многихъ свидѣтеляхъ» совмѣщаетъ въ себѣ всѣ существенные признаки, коими характеризуетъ сенатъ обстоятельства, особо увеличивающія вину, именно: не входитъ въ составъ законныхъ признаковъ преступленія, заключается не въ общей а въ особенной части уложенія, составляетъ чисто фактическое обстоятельство, влечетъ точныя послѣдствія въ опредѣленіи наказанія, такъ какъ, по смыслу приведенной статьи, судъ, смотря по тому, будетъ ли утверждено или отвергнуто это обстоятельство, долженъ назначить первое или второе наказаніе, и наконецъ, самымъ закономъ названо обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину. Тоже самое должно сказать и относительно 986 ст. улож. Въ этой статьѣ постановлено: «кто будетъ выдѣлывать такое оружіе, которое дѣлать вовсе запрещено, тотъ за сіе подвергается, буде приготовленное имъ количество оружія, бомбъ и т. п. *не весьма значительно*, заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, а *въ противномъ случаѣ*: заключенію въ крѣпости отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ». Здѣсь также обстоятельство значительности количества оружія чисто фактическаго свойства, не входитъ въ составъ законныхъ признаковъ преступленія, помѣщено въ дополнительномъ опредѣленіи закона и влечетъ опредѣленныя послѣдствія относительно назначенія наказанія. Вслѣдствіе этого вопросъ о томъ, «было ли количество выдѣланнаго запрещеннаго

оружія весьма значительно», едвали можетъ быть признанъ неподлежащимъ разрѣшенію присяжныхъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ признаковъ, коими характеризуются обстоятельства, особо увеличивающія и уменьшающія степень виновности, болѣе постоянными и устойчивыми остаются: точное опредѣленіе этихъ обстоятельствъ въ законѣ въ ихъ фактическихъ основаніяхъ и въ ихъ законныхъ послѣдствіяхъ, т. е. во вліяніи ихъ на размѣръ наказанія. Законъ (ст. 755 уст.) предписываетъ постановлять за главнымъ вопросомъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія, частные вопросы «о такихъ обстоятельствахъ, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности», и воспрещаетъ ставить вопросы объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на опредѣленіе лишь мѣры наказанія въ предѣлахъ одной и той же степени. Изъ буквальнаго смысла этого закона можно вывести слѣдующіе отличительные признаки обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ въ 755 ст.: а) чтобы обстоятельства эти увеличивали или уменьшали *степень виновности*, т. е. чтобы виновность, сама по себѣ уже существующая, независимо отъ наличности этихъ обстоятельствъ, при существованіи ихъ, увеличивалась или уменьшалась, и б) чтобы повышеніе или пониженіе наказанія, при такихъ обстоятельствахъ, имѣло мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ степени, хотя, конечно, можетъ быть и въ родѣ. Отсюда обстоятельства, предусмотрѣнныя въ 755 ст., въ виду того, что они составляютъ нѣчто добавочное къ преступленію, констатированному въ главномъ вопросѣ, нѣчто такое, которое только увеличиваетъ или уменьшаетъ наказаніе за преступное дѣяніе, въ которомъ подсудимый обвиненъ, - само собою разумѣется, не могутъ входить въ составъ законнаго понятія о преступленіи, въ число его законныхъ признаковъ. Такимъ образомъ отличительною чертою какъ обстоятельствъ, особо увеличивающихъ, такъ и уменьшающихъ вину, служитъ именно то, что они не входятъ въ составъ законныхъ признаковъ преступленія. Но вмѣстѣ съ симъ, для исполненія требованій 755 ст., необходимо, во-первыхъ, чтобы обстоятельства, въ ней указанныя, были опредѣленно выражены въ самомъ уголовномъ законѣ, и, во-вторыхъ, чтобы разрѣшеніе ихъ, какъ особенно важныхъ, вслѣдствіе чего имъ и удѣляется особое мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ, вело за собою точныя и неминуемыя послѣдствія при назначеніи наказанія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніемъ для вы-

бора одной или нѣсколькихъ нормъ наказанія, опредѣленныхъ за извѣстное преступленіе, служатъ такія указанія въ законѣ, какъ напр.: «смотря по важности вины, смотря по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ преступленіе» (ст. 149 ул.) и т. п., т. е. крайне неопредѣленныя,—предметомъ частныхъ вопросовъ обстоятельства эти быть не могутъ, ибо ихъ невозможно констатировать въ вопросахъ; точно также не могутъ быть постановлены частные вопросы и въ тѣхъ случаяхъ, когда утвержденіе или отрицаніе ихъ не составляетъ ничего обязательнаго для судебнаго приговора и когда избраніе того или другаго наказанія, несмотря на наличность или отсутствіе данныхъ обстоятельствъ, все-таки будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія суда. Поэтому, къ обстоятельствамъ, означеннымъ въ 755 ст., должны относиться тѣ, которыя присоединяются къ извѣстному преступленію, въ дополнительномъ къ нему опредѣленіи, и точно возвышаютъ или понижаютъ наказаніе въ степени или родѣ; тѣ, которыя хотя и включены въ самое опредѣленіе преступленія, но наличность или отсутствіе которыхъ, не разрушая состава преступленія, измѣняетъ самое наказаніе въ означенномъ выше размѣрѣ, и, наконецъ, тѣ, которыя относятся не къ преступленію, а къ лицу виновнаго, но въ тоже время увеличиваютъ или уменьшаютъ степень его виновности. При такомъ опредѣленіи обстоятельствъ, означенныхъ въ 755 ст., вовлеченіе несовершеннолѣтняго въ преступленіе, свойство пособничества, стараніе со стороны подговорщика остановить приведеніе задуманнаго преступленія въ исполненіе и пр., служащія обыкновенно предметомъ особыхъ вопросовъ, но, какъ блудныя дѣти, не нашедшіе себѣ еще пристанища и даже имени, примкнутъ къ обстоятельствамъ, указаннымъ въ 755 ст.

На основаніи сдѣланнаго выше опредѣленія обстоятельствъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, само собою разрѣшается, по нашему мнѣнію, и вопросъ о томъ: могутъ ли быть обстоятельства эти включаемы въ главный вопросъ. Такъ какъ вопросъ главный содержитъ въ себѣ предметъ обвиненія, преступное дѣяніе, со всѣми образующими его существенными признаками, а обстоятельства, означенныя въ 755 ст., составляютъ нѣчто этимъ признакамъ чуждое, съ ними неоднородное, то само собою разумѣется, что они и не могутъ быть слиты съ главнымъ вопросомъ. Цѣль, съ которою установлено правило объ отдѣленіи разсматриваемыхъ нами обстоятельствъ въ особые вопросы, какъ видно изъ сообра-

ній, на коихъ основана 755 ст. (суд. уст., изд. госуд. канц. ч. II, стр. 267), та, чтобы на каждый изъ этихъ вопросовъ были даны отдѣльные отвѣты, чтобы, слѣдовательно, изъ самаго вердикта присяжныхъ было ясно и опредѣлительно видно, что на нихъ было обращено особенное вниманіе; что они были предметомъ особаго совѣщанія и отдѣльной подачи голосовъ присяжными и что такимъ образомъ участь подсудимаго не была отягощена на основаніи одного гадательнаго предположенія, что и эти обстоятельства тщательно обсуждены присяжными и не смѣшаны съ признаками самаго преступленія. Правило, преподанное въ 812 ст. уст., о правѣ присяжныхъ ограничивать смыслъ предложеннаго имъ вопроса отрицаніемъ того или другаго признака, не можетъ быть принимаемо во вниманіе, какъ потому, что оно относится, судя по смыслу этого закона, только къ главному предмету обвиненія, а не къ побочнымъ обстоятельствамъ, такъ и потому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отрицать какіе-либо изъ признаковъ, входящихъ въ составъ самаго преступленія, пользоваться означеннымъ правиломъ не всегда возможно безъ затрудненія уже по самой сложности вопроса. Законъ далъ особое наименованіе вопросамъ объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, и установилъ для нихъ отдѣльное правило въ ряду другихъ, трактующихъ о постановкѣ вопросовъ, и потому предписаніе закона не можетъ быть игнорируемо. Вотъ почему нельзя согласиться съ мнѣніемъ правительствующаго сената, что будто бы законъ не требуетъ *безусловно* выдѣленія означенныхъ обстоятельствъ въ особые вопросы. Ст. 756, которая несомнѣнно имѣетъ въ виду эти вопросы, положительно говоритъ: «не слѣдуетъ *ни въ какомъ случаѣ* соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно», а такое воспрещеніе нельзя не признать безусловнымъ.

ГЛАВА II.

Вопросы о неполномъ разумѣніи несовершеннолѣтняго.

По ст. 759 уст., о подсудимомъ, имѣвшемъ во время совершенія преступленія менѣе семнадцати лѣтъ, во всякомъ случаѣ постановляется вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ. Въ практикѣ принято ставить вопросъ въ такой формѣ только

о подсудимыхъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ, сохраняя для малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ, согласно 137 ст. улож., выраженіе: дѣйствовалъ ли онъ «съ разумѣніемъ». При-этомъ самыя выраженія: «съ полнымъ разумѣніемъ и «съ разумѣніемъ» не считаются тожественными; признаніе, что подсудимый дѣйствовалъ «безъ полнаго разумѣнія», понимается какъ указаніе на неполное его, вслѣдствіе возраста, развитіе и какъ основаніе для особаго къ нему снисхожденія. Вотъ почему въ этомъ случаѣ принято главный вопросъ начинать словомъ: «виновенъ», а затѣмъ прибавлять къ нему дополнительный вопросъ: «дѣйствовалъ ли подсудимый, при совершеніи преступленія, съ полнымъ разумѣніемъ». Признаніе виновнымъ, но дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, не считается противорѣчіемъ [1]).

По разъясненію правительствующаго сената, постановка вопроса о подсудимомъ отъ 14 до 17 лѣтъ о томъ, дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ, безусловно обязательна и не зависитъ отъ требованія сторонъ ($^{105}/_{69}$; $^{525}/_{70}$).

Въ случаяхъ, когда подсудимый обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ вопросъ этотъ долженъ быть постановленъ по каждому преступленію, и различіе въ отвѣтахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться противорѣчіемъ, такъ какъ признаніе разумѣнія зависитъ не только отъ возраста лица, но и отъ характера преступленія, въ которомъ оно обвиняется ($^{1070}/_{69}$).

Постановка этого вопроса безусловно обязательна и при рецидивѣ ($^{319}/_{69}$).

Судъ не можетъ отказать въ постановкѣ такого вопроса и въ томъ случаѣ, когда при несоблюденіи 413 ст. уст. является сомнѣніе въ лѣтахъ подсудимаго ($^{525}/_{70}$).

Нарушеніе этихъ правилъ и разрѣшеніе судомъ собственною властью вопроса о разумѣніи подсудимаго, не достигшаго 17-лѣтняго возраста, признается существеннымъ и влечетъ отмѣну рѣшенія присяжныхъ и приговора суда ($^{1653}/_{70}$).

Редакція вопроса. Вопросъ о неполномъ разумѣніи долженъ относиться ко всему дѣянію, изложенному въ главномъ вопросѣ, а не къ одной изъ его частей. По дѣлу Кудрявцева ($^{1070}/_{69}$) были предложены вопросы: «1) виновенъ ли подсудимый въ томъ, что въ выданномъ ему билетѣ сдѣлалъ подчистки и измѣненія, внизу

[1]) См. г. Таганцева: „Объ отвѣтственности малолѣтн. прест.“, стр. 82 и слѣд.

билета сдѣлалъ надпись отъ имени вымышленнаго имъ генералъ-маіора Жукова и билетъ этотъ представилъ въ Управу Благочинія? 2) дѣйствовалъ ли подсудимый, при совершеніи измѣненія въ паспортѣ, съ полнымъ разумѣніемъ?» Присяжные отвѣтили на первый вопросъ: «да, виновенъ», а на второй: «нѣтъ, безъ всякаго разумѣнія». Сенатъ, между прочимъ нашелъ, что «вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый съ полнымъ разумѣніемъ при представленіи измѣненнаго паспорта въ управу благочинія, остался вовсе неразрѣшеннымъ со стороны присяжныхъ, между тѣмъ какъ по смыслу 976 ст. улож. подлежитъ отвѣтственности не только тотъ, кто сдѣлалъ измѣненіе въ своемъ или чужомъ паспортѣ сроковъ или мѣстопребыванія, но и тотъ, кто будетъ предъявлять или инымъ образомъ употреблять завѣдомо такой измѣненный противъ настоящаго видъ».

ГЛАВА III.

Вопросъ о взаимности обидъ, какъ причинѣ, уничтожающей наказуемость.

При разсмотрѣніи въ окружномъ судѣ дѣлъ о проступкахъ, опредѣленныхъ въ ст. 138 уст. о наказаніяхъ (конечно при совокупности преступленій) и въ примѣч. къ 1534 ст. улож., можетъ возникнуть требованіе о постановкѣ вопроса о взаимности обидъ и оскорбленій. Вопросъ объ этомъ, какъ о причинѣ, по коей наказаніе отмѣняется, по силѣ 763 ст. уст., долженъ быть постановленъ особый. По дѣлу Хелаевой ($^{188}/_{71}$), обвинявшейся по 1533 ст. ул., защитникъ жаловался въ кассаціонной жалобѣ, что Тифлисская судебная палата хотя и приняла заявленіе защиты о постановкѣ вопроса относительно взаимности обидъ, но постановила о томъ не въ числѣ вопросовъ о виновности, а въ числѣ вопросовъ о наказаніи. Сенатъ нашелъ, что «мѣсто, на которомъ вставленъ принятый по просьбѣ защиты вопросъ, не могло имѣть въ настоящемъ случаѣ никакого значенія». Относительно того, кѣмъ долженъ быть разрѣшенъ на судѣ съ присяжными вопросъ о взаимности обидъ въ практикѣ правительствующаго сената нѣтъ разъясненій, но нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о томъ, не была ли нанесена подсудимому обида равная или болѣе тяжкая со стороны самого обиженнаго,

какъ вопросъ чисто фактическій, разрѣшаемый по внутреннему убѣжденію, основанному на соображеніи представленныхъ сторонами доказательствъ, долженъ быть разрѣшенъ присяжными засѣдателями.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Вопросы о послѣдствіяхъ обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ и о порядкѣ производства дѣла.

ГЛАВА I.

Вопросы о послѣдствіяхъ обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ.

По окончаніи преній сторонъ относительно послѣдствій виновности подсуднмаго, судъ приступаетъ къ сужденію по вопросамъ, постановленнымъ въ томъ порядкѣ, какой указанъ въ ст. 762—764 (ст. 825). Вопросы эти слѣдующіе: о наказаніи, о причинахъ, по коимъ наказаніе отмѣняется (ст. 763), и о гражданскомъ искѣ.

Вопросы о наказаніи подсуднмаго по дѣламъ, не подлежащимъ суду присяжныхъ засѣдателей, постановляются вмѣстѣ съ вопросами о виновности подсуднмаго, а по дѣламъ, подлежащимъ ихъ суду, послѣ разрѣшенія ими вопросовъ о виновности. Установленіе этого правила правительствующій сенатъ объясняетъ тѣмъ, что законъ имѣлъ въ виду избѣгнуть того вліянія, которое можетъ имѣть на приговоръ присяжныхъ засѣдателей большая или меньшая строгость наказанія, что обнаруживается при преніяхъ о наказаніи ($^{74}/_{67}$), и, съ другой стороны, что опредѣленіе наказанія относится къ обязанности суда, а не присяжныхъ. При разсмотрѣніи дѣла въ апелляціонной инстанціи, палата обязана постановлять совмѣстно съ вопросомъ о виновности и вопросъ о наказаніи, хотя бы апелляторъ просилъ только о признаніи дѣла неподсуднымъ ($^{525}/_{69}$).

Вопросы о причинахъ, по коимъ наказаніе отмѣняется.— По силѣ 825, 823 и 763 ст., судъ не можетъ отказать въ постановкѣ вопросовъ объ одной изъ причинъ, по коимъ наказаніе отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ. Къ этимъ причинамъ должны быть отнесены поимено-

ванныя въ ст. 155, 166—167 улож., т. е. давность, примиреніе, милостивый манифестъ.

Давность.—Опредѣляя понятіе о *давности*, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что законодательство наше признаетъ два рода давности: давность происшествія и давность обнаруженія виновнаго. Подъ давностію происшествія законъ понимаетъ тотъ случай, когда преступленіе не сдѣлалось извѣстнымъ въ продолженіе опредѣленнаго закономъ времени, по истеченіи котораго виновные въ совершеніи его не подвергаются наказанію; подъ давностью втораго рода слѣдуетъ понимать тотъ случай, когда преступленіе сдѣлалось извѣстнымъ, но произведеннымъ по оному изслѣдованіемъ въ продолженіе того же времени не обнаружено виновнаго (129/68, 281/68, 278/70). Для прекращенія уголовнаго дѣла за давностью, законъ нашъ не требуетъ непремѣнно соединенія обоихъ видовъ давности, а считаетъ для этого достаточнымъ существованіе одного изъ нихъ (933/69).

Относительно изложенія вопросовъ о давности, сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Бердникова (1342/71) разъяснилъ, что если подсудимый или его защитникъ находили, что обвиненіе, взведенное на Бердникова, покрывается давностью то обязаны были при постановкѣ вопросовъ просить о включеніи въ нихъ такихъ фактическихъ признаковъ, на основаніи которыхъ правительствующій сенатъ могъ бы убѣдиться въ томъ, что совершенное Бердниковымъ преступленіе оставалось въ безгласности въ теченіе законнаго промежутка времени; въ кассаціонномъ же порядкѣ правительствующій сенатъ, не разсматривая дѣла по существу, не имѣетъ возможности удостовѣриться въ правильности жалобы по этому предмету. Но изъ рѣшенія по дѣлу Трубецкаго (98/68) видно, что правительствующій сенатъ провѣряетъ правильность примѣненія законовъ о давности на основаніи данныхъ, изложенныхъ въ постановленіи суда, послѣдовавшемъ вслѣдствіе ходатайства защитника объ отмѣнѣ наказанія за силою давности.

Примиреніе. *Примиреніе* подсудимаго съ обиженнымъ относится къ числу законныхъ причинъ, по коимъ наказаніе, въ извѣстныхъ случаяхъ, отмѣняется; поэтому, на основаніи 825 и 763 ст. уст., не можетъ быть отказано въ просьбѣ о постановкѣ вопроса о такой причинѣ. По дѣлу Федорова (725/68), преданнаго суду московскою судебною палатою по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 п. 1591 ст. ул., не смотря на то, что въ

виду палаты была просьба родителей о прекращеніи дѣла за прощеніемъ ими подсудимаго, сенатъ нашелъ, что «хотя, на основаніи 549 ст. уст., окружной судъ не могъ прекратить настоящаго дѣла за прощеніемъ, полученнымъ подсудимымъ отъ родителей, ибо это прощеніе было въ виду при составленіи обвинительнаго акта прокурорскимъ надзоромъ, но не остановило судебную палату въ преданіи крестьянина Осдорова суду; однако ошибка палаты не должна была стѣснять окружной судъ въ постановленіи по рѣшенію присяжныхъ приговора, на точномъ основаніи 2 и. 771 и 826 ст. уст. объ освобожденіи подсудимаго отъ суда, по законной причинѣ прекращенія о немъ дѣла». Такимъ образомъ, даже въ томъ случаѣ, когда подсудимый преданъ суду по постановленію обвинительной камеры, судъ, въ виду просьбы о примиреніи, обязанъ освободить подсудимаго отъ суда и слѣдовательно не можетъ отказать въ требованіи о постановкѣ вопроса по этому предмету.

Гражданскій искъ. При предъявленіи *гражданскаго иска* къ подсудимому судъ обязанъ постановить вопросъ о томъ, насколько требованіе истца о вознагражденіи уважительно ($^{674}/_{70}$).

Гражданскій искъ подлежитъ разрѣшенію уголовнаго суда; а) когда приговоръ о подсудимомъ постановленъ обвинительный ($^{197}/_{73}$); б) когда событіе преступленія признано дѣяніемъ подсудимаго, но не вмѣнено ему въ вину, такъ какъ, по силѣ 31 ст. уст. гр. суд., невмѣненіе подсудимому въ вину его дѣянія не устраняетъ гражданскаго иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ, и уголовный судъ не имѣетъ права устранить отъ себя въ подобномъ случаѣ разрѣшеніе гражданскаго иска, вытекающаго изъ разсматриваемаго этимъ судомъ дѣянія, если только искъ этотъ заявленъ въ порядкѣ, указанномъ въ 6 ст. уст. гр. суд. ($^{639}/_{71}$, $^{120}/_{71}$); в) когда поводъ къ прекращенію дѣла по одной изъ причинъ, исчисленныхъ въ 16 ст. уст. уг. суд., обнаружится во время разсмотрѣнія дѣла судомъ, рѣшающимъ его по существу ($^{157}/_{68}$, $^{524}/_{69}$); г) когда подсудимый, къ которому предъявленъ гражданскій искъ, умеръ послѣ преданія его суду. По дѣлу Егорова и др. ($^{674}/_{70}$) сенатъ нашелъ, что «прямой смыслъ 17 ст. уст. заключается въ томъ, что начатый въ уголовномъ судѣ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, въ означенныхъ этой статьей случаяхъ, разрѣшается тѣмъ же самымъ судомъ и въ томъ порядкѣ, какой вообще установленъ для обсужденія и разрѣшенія правильности подобныхъ исковъ при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ, причемъ судъ разсматриваетъ не степень виновности обвинявша-

гося, а только вопросы, касающіеся гражданской его отвѣтственности, т. е. насколько доказано совершеніе имъ дѣянія, дающаго право требовать вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ, и насколько уважительно самое требованіе о вознагражденіи».

При-этомъ правительствующій сенатъ призналъ, что судъ обязанъ разрѣшить въ существѣ требованіе гражданскаго истца о вознагражденіи за убытки, понесенные имъ отъ преступленія, хотя бы искъ былъ предъявленъ къ подсудимому, признанному несостоятельнымъ должникомъ (1567/72).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ судъ, по общему правилу, обязанъ постановить вопросы объ уважительности требованій гражданскаго истца.

По гражданскій искъ оставляется судомъ безъ разсмотрѣнія: а) когда подсудимый оправданъ по коллективному вопросу о виновности его въ извѣстномъ преступленіи и такое оправданіе послѣдовало по рѣшенію присяжныхъ засѣдателей, основанія котораго не указываются (639/71, 197/73), и б) когда подсудимый признанъ виновнымъ въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя не содержатъ въ себѣ признаковъ преступленія и могутъ подлежать обсужденію не уголовнаго, а гражданскаго суда, такъ какъ по закону (ст. 5 уст. гр. суд.) уголовный судъ можетъ разрѣшать гражданскій искъ только въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ связь съ преступленіемъ и былъ послѣдствіемъ его (577/69).

Гражданскій истецъ можетъ просить о выдѣленіи вопроса о дѣйствительности факта преступленія отъ вопроса о виновности. По дѣлу Житова (197/73), признаннаго невиновнымъ въ томъ, что, состоя полѣсовщикомъ казенной дачи, небрежно отнесся къ своей обязанности сохранять казенный лѣсъ, отчего послѣдовалъ убытокъ казнѣ на 11 руб. 30 коп., управленіе государственными имуществами жаловалось, что судъ, въ нарушеніе 31 и 776 ст. уст. не присудилъ Житова къ уплатѣ казнѣ убытка 11 руб. 33 коп., тогда какъ искъ былъ предъявленъ со стороны управленія своевременно, на основаніи 6 ст. устава. Сенатъ нашелъ, что «на основаніи 776 ст. судъ дѣлаетъ постановленіе о вознагражденіи за вредъ и убытки послѣ разрѣшенія вопроса о виновности и наказаніи, слѣдовательно эта статья примѣняется, когда приговоръ постановленъ обвинительный. Въ настоящемъ же случаѣ рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый оправданъ, а потому разрѣшеніе въ уголовномъ порядкѣ предъявленнаго управленіемъ иска не могло имѣть

мѣста. Равнымъ образомъ не можетъ быть признаваема нарушенною и 31 ст. уст. уг. суд., ибо управленіе не просило своевременно о выдѣленіи вопроса о дѣйствительности факта преступленія отъ вопроса о виновности, въ каковомъ только случаѣ, еслибы на вопросъ о дѣйствительности событія преступленія послѣдовалъ утвердительный вопросъ присяжныхъ, можно бы было разрѣшить искъ управленія».

ГЛАВА II.

Вопросы о порядкѣ производства дѣла.

Хотя въ уставѣ уголовнаго судопроизводства и не содержится постановленія о томъ, чтобы судъ, разсматривающій дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей, ставилъ для собственнаго разрѣшенія вопросы, относящіеся къ порядку производства дѣла, напр относительно подсудности дѣла, неправильнаго его начатія и т. п., но между тѣмъ въ практикѣ судебныхъ палатъ, разсматривающихъ дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, случаи постановки такихъ вопросовъ встрѣчаются нерѣдко. Такъ по дѣлу Мордвинова ($^{525}/_{69}$), доказывавшаго въ апелляціонномъ отзывѣ, что онъ неправильно и несогласно съ 4 и 5 ст. уст. привлеченъ къ отвѣтственности за оскорбленіе мироваго судьи прокурорскимъ надзоромъ, тогда какъ, по его мнѣнію, дѣло о немъ могло производиться только въ порядкѣ частнаго обвиненія, въ случаѣ подачи жалобы самимъ оскорбленнымъ мировымъ судьею, Московская судебная палата постановила слѣдующіе вопросы: 1) заслуживаетъ ли уваженія отзывъ подпоручика Мордвинова о неправильномъ начатіи настоящаго дѣла? 2) Если не заслуживаетъ, то виновенъ ли и т. д.

Одесская судебная палата ставитъ вопросы, при разсмотрѣніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, въ слѣдующемъ видѣ: 1) заслуживаетъ ли уваженія апелляціонный протестъ прокурора окружнаго суда? 2) Если заслуживаетъ, то подлежитъ ли приговоръ окружнаго суда отмѣнѣ или измѣненію, въ чемъ именно и относительно какихъ обвиняемыхъ, и 3) если заслуживаетъ, то какому взысканію подлежатъ подсудимые? ($^{316}/_{72}$).

Правительствующій сенатъ, разсматривавшій оба вышеприведенные приговора въ кассаціонномъ порядкѣ, не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній по поводу постановки вопросовъ по послѣднему

дѣлу, такъ какъ жалобы по этому предмету не было но нѣтъ сомнѣнія, что если постановка такихъ вопросовъ, какъ первый вопросъ по дѣлу Мордвинова, можетъ быть допущена въ видахъ практическаго удобства, а иногда даже и необходимости, ибо въ случаѣ признанія, что дѣло начато неправильно или неподсудно, судъ избавляетъ себя отъ необходимости разрѣшать вопросы о виновности, то система вопросовъ, принятая одесскою судебною палатою по вышеприведенному дѣлу, не можетъ быть ничѣмъ оправдана и составляетъ прямое нарушеніе 878 ст. уст., по которой при производствѣ дѣлъ въ судебной палатѣ наблюдаются тѣ же правила, какія постановлены для окружныхъ судовъ и рѣшеній правительствующаго сената ($^{871}/_{69}$, $^{288}/_{70}$), коимъ разъяснено, что правила о постановкѣ вопросовъ, преподанныя для окружныхъ судовъ, обязательны и для судебныхъ палатъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О формальныхъ условіяхъ постановки вопросовъ.

ГЛАВА I.

Составленіе и прочтеніе вопросовъ.

Время составленія вопросовъ.—Вопросы, подлежащіе разрѣшенію по дѣлу, составляются по окончаніи судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній (ст. 750 уст.), прежде заключительной рѣчи предсѣдателя (73/68). Составленіе вопросовъ послѣ рѣчи предсѣдателя составляетъ существенное нарушеніе (73/68). Но отступленіе, состоящее въ томъ, что измѣненные, согласно замѣчаніямъ сторонъ, вопросы будутъ переписаны во время рѣчи предсѣдателя членомъ суда и подписаны по окончаніи оной, представляется нарушеніемъ несущественнымъ (437/71).

Кѣмъ составляются.—Вопросы составляются судомъ (91/66). Въ комнатѣ совѣщаній, при постановкѣ вопросовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ находиться лицо прокурорскаго надзора. Нарушеніе этого правила влечетъ кассацію рѣшенія присяжныхъ и приговора суда (139/72).

Изложеніе на вопросномъ листѣ. Вопросы излагаются на вопросномъ листѣ (ст. 764 и 825). Законъ не обязываетъ судъ сохранять проекты измѣненныхъ имъ по замѣчаніямъ сторонъ вопросовъ (598 кн.). Помарки на вопросномъ листѣ, надлежащимъ образомъ оговоренныя, не составляютъ ничего противозаконнаго (402/67, 223/72)

По точной силѣ 764 и 825 ст. уст., вопросы о наказаніи, точно такъ же какъ и вопросы по существу дѣла, излагаются на вопросномъ листѣ, который подписывается всѣми членами суда: но подписаніе вопроснаго листа только двумя членами составляетъ отступленіе отъ закона несущественное, въ особенности, если резолюція суда, въ которой означена сущность приговора, а слѣдовательно и все содержаніе отвѣта на вопросномъ листѣ, и которая провозглашена предсѣдателемъ въ самый день засѣданія, подписана всѣми тремя членами ($^{492}/_{67}$).

Прочтеніе вопросовъ. Постановленные вопросы прочитываются въ слухъ (ст. 762).

Законъ не предоставляетъ сторонамъ права требовать передачи имъ на руки проекта вопросовъ, но только обязываетъ судъ къ прочтенію его въ слухъ. Если же вопросы кажутся сторонамъ настолько сложными, что онѣ не въ состояніи, послѣ прочтенія ихъ, представить свои замѣчанія, то могутъ просить предсѣдателя о вторичномъ прочтеніи ихъ ($^{451}/_{70}$). Вторичное прочтеніе вопросовъ, по исправленіи ихъ по замѣчаніямъ сторонъ, не обязательно для суда ($^{635}/_{68}$). Но когда *по поводу*, а *не на основаніи* замѣчаній сторонъ, судъ измѣняетъ видъ обвиненія или его юридическій смыслъ, то вопросъ долженъ считаться новымъ и слѣдовательно подлежащимъ вновь обсужденію сторонъ. На основаніи 752—764 ст. уст. (4 мая 1873 г., Кабергъ, 8 іюня 1873 г., Соболева и др. Указ.), проектъ вопросовъ прочитывается въ слухъ и исправляется по тѣмъ отъ сторонъ замѣчаніямъ, которыя судъ признаетъ уважительными. Дальнѣйшихъ подробностей этого порядка законъ не опредѣляетъ, но изъ постановленій его нельзя вывести такого заключенія, что по замѣчаніямъ сторонъ судъ можетъ только уважить требованіе стороны, или его отвергнуть, не дозволяя себѣ иного измѣненія проектированнаго вопроса. Требованіе стороны, будучи не уважительно само по себѣ, можетъ обнаружить въ постановленныхъ вопросахъ неясность, неточность или двусмысленность и потому судъ поступилъ бы несогласно съ цѣлью закона, еслибы не воспользовался сдѣланнымъ замѣчаніемъ, чтобы *не на основаніи, а по поводу его* выяснить или точнѣе опредѣлить вопросъ, противъ котораго предъявлено возраженіе. Но само собою разумѣется, что если по этому поводу судъ измѣнилъ нетолько опредѣленіе обвиненія, но и самый видъ его, или его юридическій смыслъ, то вопросъ долженъ считаться новымъ, и слѣдовательно подлежащимъ вновь обсужденію сторонъ. Если же судъ, измѣнивъ

въ такомъ смыслѣ вопросъ, не предоставитъ сторонамъ сдѣлать противъ него замѣчанія, то этимъ допускаетъ существенное нарушеніе 762 ст. уст.».

ГЛАВА II.

Дополненіе и измѣненіе вопросовъ.

Кто можетъ предъявлять замѣчанія на вопросы. — Замѣчанія на постановленные судомъ вопросы дозволяется дѣлать однимъ лишь сторонамъ ([91 66], [1487/72]). Подъ сторонами разумѣются: а) подсудимые и ихъ защитники ([91/66]); б) прокуроръ и частный обвинитель ([91/66], [875, 69]), и в) гражданскій истецъ ([956 68], [64/67]).

Подсудимый и его защитникъ составляютъ одну сторону; согласіе защитника на постановку или редакцію вопроса считается согласіемъ на эти дѣйствія самого подсудимаго; невозраженіе противъ постановленныхъ вопросовъ со стороны защитника лишаетъ подсудимаго права приносить жалобу на неправильную постановку вопросовъ, если онъ самъ своевременно никакихъ возраженій противъ редакціи ихъ не дѣлалъ ([573/67], [412/69], [324/72]).

Прокуроръ участвуетъ въ постановкѣ вопросовъ, какъ сторона, и не даетъ заключенія по поводу заявленій защитника или подсудимаго объ измѣненіи или дополненіи вопросовъ ([489/69]). Выслушаніе заключенія прокурора по поводу постановленныхъ судомъ вопросовъ по дѣлу, производящемуся въ порядкѣ частнаго обвиненія, составляетъ существенное нарушеніе ([88/68]).

Частный обвинитель принимаетъ участіе въ постановкѣ вопросовъ и при совокупномъ разсмотрѣніи двухъ преступленій, публичнаго и частнаго ([875/69]).

Участіе присяжныхъ въ постановленіи вопросовъ составляетъ существенное нарушеніе формъ судопроизводства ([91/66], [1487/72]).

Необходимость возраженій противъ постановленныхъ вопросовъ. — Стороны должны предъявлять требованія относительно измѣненія или дополненія вопросовъ, иначе не могутъ жаловаться на неправильность или неполноту постановленныхъ судомъ вопросовъ. При-этомъ заявленія, опроверженія и просьбы по поводу постановленныхъ вопросовъ должны быть предъявляемы своевременно, т. е. при объявленіи проекта вопросовъ ([135/67], [520/6], [1485/71], [877/72], [22/68], [178/68], [854/68], [135/72] и др.); поэтому, напр., за-

мѣчаніе, сдѣланное прокуроромъ на вопросы, въ то время, когда возраженія сторонъ уже были выслушаны и самые вопросы прочтены въ окончательной ихъ редакціи, представляется совершенно несвоевременнымъ (66/70). Вмѣстѣ съ этимъ стороны должны предъявлять всѣ замѣчанія противъ проектированныхъ вопросовъ одновременно, такъ какъ судъ не можетъ быть обязанъ допускать послѣдовательное и неограниченное исправленіе сторонами принятой имъ редакціи вопросовъ (958/69). Впрочемъ, судъ обязанъ выслушать и обсудить всѣ замѣчанія сторонъ на вопросы, сдѣланныя до подписанія ихъ членами суда (872/72, 50/73).

Ходатайство объ измѣненіи редакціи вопросовъ и затѣмъ отказъ отъ этого ходатайства лишаетъ подсудимаго права просить объ отмѣнѣ приговора по поводу неправильностей въ вопросахъ (695/68).

Но правительствующій сенатъ разсматриваетъ жалобы на неправильную постановку вопросовъ и *безъ своевременныхъ противъ редакціи ихъ возраженій* въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда проектъ вопросовъ не былъ прочитанъ и предложенъ на обсужденіе сторонъ (577/69); б) когда вопросъ о невмѣненіи въ вину подсудимому совершеннаго имъ преступленія по причинѣ болѣзненнаго его состоянія доведшаго его до припадка умопомѣшательства, былъ постановленъ безъ выслушанія заключенія свѣдущихъ людей, причемъ главный вопросъ не былъ разложенъ на элементарныя части (499/68); в) когда факты, приведенные въ вопросахъ, утвержденныхъ присяжными, не только не указываютъ на степень виновности подсудимаго, но заключаютъ въ себѣ противорѣчіе, вслѣдствіе чего не представляется возможности кассаціонному суду удостовѣриться ни въ правильности опредѣленія свойства преступленія по признакамъ его, ни въ назначеніи соотвѣтствующаго ему наказанія. Мѣщанинъ Роговъ (1718/71) былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, имѣя намѣреніе тайно похитить лошадь, подошелъ къ ней, стоявшей привязанною у лавокъ, но не угналъ ее, потому что помѣшали угнать другіе. Сенатъ нашелъ, что «по настоящему дѣлу отвѣты присяжныхъ на предложенные имъ судомъ вопросы не только не указываютъ на степень виновности подсудимаго, но заключаютъ въ себѣ даже противорѣчіе, ибо по отвѣту на первый вопросъ оказывается, что подсудимый признанъ виновнымъ въ томъ, въ чемъ не заключается ничего преступнаго, а именно, что онъ подошелъ къ привязанной лошади лишь съ намѣреніемъ угнать ее, но не угналъ; а по отвѣту на второй вопросъ въ томъ, что не угналъ лошади потому, что этому воспрепятствовали другіе, и слѣдовательно въ

послѣднемъ вопросѣ предполагались такія дѣйствія подсудимаго, которыя заключали въ себѣ начало приведенія въ исполненіе умышленнаго имъ преступленія, но о которыхъ въ первомъ вопросѣ не упоминается, такъ что правительствующему сенату нынѣ, при разрѣшеніи кассаціонной жалобы, не представляется возможности удостовѣриться ни въ правильности опредѣленія свойства преступленія по признакамъ его, ни въ назначеніи соотвѣтствующаго ему наказанія». г) Когда въ вопросахъ не означены всѣ признаки, коими опредѣляется извѣстное преступленіе и которыми оно отличается отъ ближайшихъ къ нему преступленій, вслѣдствіе чего вносится неопредѣленность въ рѣшеніе присяжныхъ и теряется возможность повѣрить, правильно ли опредѣлено преступленіе подсудимаго и слѣдующее ему по закону наказаніе (1425/71, 121/73); д) когда постановленъ вопросъ о виновности въ болѣе тяжкомъ преступленіи, чѣмъ то, за которое подсудимый былъ преданъ суду, безъ предупрежденія подсудимаго, что отвѣтственность его усиливается (72/68, 1568/71, 642/72).

Сверхъ того, приговоры судовъ, постановленные безъ участія присяжныхъ, отмѣняются, хотя стороны противъ редакціи вопросовъ не возражали: а) когда ни въ вопросѣ, ни въ приговорѣ судебной палаты не указано фактическихъ данныхъ, изъ которыхъ слагается понятіе о томъ преступленіи, въ которомъ подсудимый признанъ виновнымъ (871/69); и б) когда въ приговорѣ палаты признается наличность такого особо увеличивающаго или уменьшающаго вину обстоятельства, о которомъ вовсе не упоминается въ вопросахъ. Мельманъ (764/70) обвинялся въ самовольномъ лишеніи свободы находившихся въ его магазинѣ учениковъ. Тифлисская судебная палата, разсматривая дѣло въ апелляціонномъ порядкѣ, въ вопросахъ не упомянула о томъ, сколько времени продолжалось это лишеніе свободы, а въ приговорѣ признала, что оно продолжалось болѣе недѣли, но менѣе трехъ мѣсяцевъ. Правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе палаты.

Форма, въ которой предъявляются замѣчанія сторонъ.— Всякое предложеніе сторонъ о дополненіи вопросовъ должно быть мотивировано, т. е подкрѣплено указаніемъ надлежащихъ основаній (522/67). Сторона обязана указать фактическіе признаки, входящіе въ составъ вопроса, о постановкѣ котораго она ходатайствуетъ (884/71). Предложеніе вопроса въ формѣ, не соотвѣтствующей требованію 760 ст. уст., не допускается (306/67, 1189/70). Но въ рѣшеніи по дѣлу Филиповой (166/67) сенатъ высказалъ, что не-

правильная редакція вопроса, предложеннаго стороною, не даетъ суду права отказывать ей въ постановкѣ вопроса по существу ея домогательства, такъ какъ окончательная постановка вопросовъ, а слѣдовательно и редакція ихъ, по силѣ 764 ст., принадлежитъ не сторонамъ, а самому суду.

Во всякомъ случаѣ, сторона обязана озаботиться, чтобы внесены были въ протоколъ судебнаго засѣданія тѣ объясненія и показанія, на основаніи коихъ она просила о постановкѣ или измѣненіи вопросовъ, такъ какъ обсужденіе того, правильно ли отказалъ судъ въ домогательствѣ ея, возможно для кассаціоннаго суда только при соблюденіи этого условія ($^{905}/_{70}$, $^{1401}/_{71}$, $^{492}/_{67}$, $^{322}/_{72}$). Самыя объясненія сторонъ о дополненіи и исправленіи проекта вопросовъ не вносятся въ протоколъ судебнаго засѣданія, безъ требованія о семъ стороны ($^{1114}/_{70}$).

Обязанности суда. — Въ первомъ раздѣлѣ первой книги (гл. II, III и V) съ достаточною подробностью приведены тѣ рѣшенія правительствующаго сената, которыя разъясняютъ, насколько заявленія и просьбы сторонъ объ измѣненіи и дополненіи вопросовъ обязательны для суда, вслѣдствіе чего вновь трактовать здѣсь объ этомъ предметѣ представляется излишнимъ. Необходимо только замѣтить, что по общему правилу, преподанному сенатомъ, по всякому ходатайству стороны о дополненіи, измѣненіи или исправленіи вопросовъ, должно быть постановлено *опредѣленіе*, вносимое въ протоколъ судебнаго засѣданія, причемъ должны быть изложены мотивы, по которымъ судъ отказываетъ въ домогательствѣ или удовлетворяетъ оное ($^{831}/_{69}$, $^{322}/_{72}$). Это правило обязательно и для суда, рѣшающаго дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей ($^{105}/_{72}$).

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ.

ЦИФРЫ УКАЗЫВАЮТЪ НА СТРАНИЦУ КНИГИ.

А.

Альтернативные вопросы. Опредѣленіе ихъ 64. Что не можетъ быть постановлено въ альтернативной формѣ 65—69. Что можно постановлять въ альтерн. формѣ 69. Предложеніе вопроса въ альтерн. формѣ стороною 70. Замѣчанія 74—76.

Аналогія. Постановка вопросовъ въ случаяхъ, когда къ дѣянію подсудимаго примѣняется статья по аналогіи 90—92.

Б.

Безуміе, какъ причина, уничтожающая вмѣняемость 261.

Болѣзнь, приводящая въ безпамятство 261.

В.

Взаимность обидъ. Постановка вопроса 322—323.

Вина и невиновность. Разрѣшеніе вопроса о винѣ присяжными 18, 19.

Вмѣненіе. Разрѣшеніе вопроса о вмѣненіи присяжными 20. Понятіе о вмѣненіи 253. Выдѣленіе вопроса о вмѣненіи 253. Причины, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину и о коихъ постановляются вопросы 254. Когда постановляется вопросъ о причинѣ невмѣняемости 255, 256. Обязанности стороны 256. Обязанности суда при отказѣ въ постановкѣ вопроса 256. Редакція вопросовъ 256—259. Отдѣльныя причины невмѣняемости: невинность дѣянія 260; безуміе и припадки болѣзни 261; ошибка и обманъ 261—262; необходимость обороны 262—265; малолѣтство 265—267.

Вмѣняемость см. *вмѣненіе.*

Вовлеченіе въ преступленіе несовершеннолѣтняго. Постановка вопроса 312.

Возраженія противъ постановленныхъ вопросовъ 331—333.

Возрастъ. Присяжные не разрѣшаютъ вопроса о возрастѣ 8.

Вопросный листъ. Изложеніе вопросовъ на листѣ 329. Подпись 330.

Вопросъ главный см. *главный* вопросъ.

Вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличив. и уменьш. вину см. *Обстоятельства*, особо увелич. вину, *обстоят.*, особо ум. вину.

— о виновности. Раздѣленіе вопросовъ 47. Содержаніе вопросовъ о виновности вообще: индивидуальная сторона дѣла 47—48, существенные признаки преступленія 49. Форма вопросовъ о виновности вообще: замѣна правовыхъ понятій конкрет-

ными фактами и общеупотребительными выраженіями 52—57; соединеніе и раздѣленіе вопросовъ 57—64; альтернативные вопросы 64—76. Главный вопросъ 76—118. Вспомогательные вопросы 118—134. Вопросы о виновности, при различныхъ степеняхъ обнаруженія воли и дѣйствія 134—245. Разложеніе вопроса о виновности 246—267. Вопросы о виновности, при стеченіи преступленій 267—278, при участіи многихъ лицъ 278—308.

— о вмѣненіи см. *вмѣненіе*.

— о гражд. искѣ см. *гражданскій искъ*.

— о наказаніи см. *наказаніе*.

— о покушеніи см. *покушеніе*.

— о порядкѣ производства см. *порядокъ* произв. дѣла.

— о послѣдствіяхъ обвинит. рѣшенія прис. см. *послѣдствія* обвин. рѣш.

— о приготовленіи см. *приготовленіе*.

— о причинахъ, по коимъ содѣянное не вмѣняется въ вину см. *вмѣненіе*.

— о причинахъ, уничтожающихъ наказуемость см. *наказаніе*.

— о событіи преступленія см. *событіе*.

— о совершеніи прест. см. *совершеніе*.

— частные см. *частные* вопросы.

Вспомогательные вопросы. Содержаніе вопросовъ и важность ихъ постановки 118, 121—122. Что можетъ быть предметомъ вспом. вопр. 118—121. Условія, при которыхъ допускается постановка вспом. вопр. 122. Что должна выполнить сторона, домогающаяся постановки вспом. вопр. 123—125, 127—130. Право суда предлагать вспом. вопр. 125—126. Отказъ въ постановкѣ вопр. 126—127. Редакція вопр. 130—134.

Выраженія см. *общеупотребительныя* выраженія.

Г.

Главный вопросъ. Отношеніе къ выводамъ обвинительнаго акта 76—79. Редакція главнаго вопр. 79—90. Редакція вопроса въ отдѣльныхъ случаяхъ 90—104. Отношеніе къ судебному слѣдствію и заключит. преніямъ 104—118. См. также *обвин. актъ*, *измѣненіе* обвин.

Главные виновные 289—291; см. *соучастіе*.

Гражданскій искъ. Постановка вопр. 325. Когда искъ разсматривается уголовн. судомъ 325—326; когда оставляется безъ разсмотрѣнія 326. Редакція вопр. 326—327.

Д.

Давность, какъ причина, уничтожающая наказуемость 324.

Дополненіе и измѣненіе вопросовъ. Кто можетъ предъявлять замѣчанія на вопросы 331; необходимость возраженій противъ постановленныхъ вопросовъ 331—333; форма, въ которой предъявляются замѣчанія 333; обязанность суда 334. Дополненіе главнаго вопроса 80—90, 105—106.

Дополнительные вопросы см. *вспом.* вопр., *частные* вопр.

Дѣйствія непреступныя—могутъ ли быть предметомъ вопросовъ 33, 38—40, 98—100.

Дѣти до 10 лѣтъ не предаются суду за прест. 254, 265; см. *малолѣтство*.

Ж.

Жалобы на неправильную постановку вопр. Въ какихъ случаяхъ оставляются сенатомъ безъ разсмо-

трѣнія 70, 248, 289; въ какихъ случаяхъ разсматриваются безъ своевременныхъ возраженій противъ постан. вопросовъ 332—333.

З.

Заключеніе прокурора при постановкѣ вопросовъ о наказаніи 37, при постановкѣ вопр. по части. обв. 331.

Заключительная рѣчь предсѣдателя 28—37.

Заключительныя пренія 38. Отношеніе главнаго вопроса къ заключительнымъ преніямъ 104—106.

Закопныя выраженія. Помѣщеніе ихъ въ вопросахъ 13, 14, 54.

Замѣчанія на постановленные вопросы 331.

Зачинщики. Кто разумѣется подъ зачинщиками, постановка вопросовъ 292. См. *соучастіе.*

Защитники составляютъ одну сторону подсуд. 331. См. *стороны.*

И.

Изложеніе вопросовъ на листѣ см. *вопр. листъ.*

Измѣненіе обвиненія на судѣ. Уменьшеніе обвиненія 107. Должно ли ставить вопросъ по обвинит. акту при измѣненіи обвиненія въ менѣе тяжкое 107—111. Усиленіе обвиненія 111. Случаи, въ которыхъ дѣло обращается вновь къ предварит. слѣдствію 111. Когда правило 753 ст. уст. не примѣняется 114—115. Случаи, въ которыхъ окончаніе дѣла откладывается для новаго и лучшаго приготовленія къ защитѣ 116—117. Обязанности суда при усиленіи обвиненія 117.

Измѣненіе вопросовъ по замѣчаніямъ сторонъ см. *дополненіе* вопросовъ.

Искъ гражданскій см. *гражданскій искъ.*

М.

Малолѣтство, какъ причина, уничтожающая вмѣняемость 265. Прекращеніе дѣла о малолѣтн. отъ 10 до 14 лѣтъ 254, 265. Постановка вопр. о разумѣніи 265. Редакція вопр. 266—267. См. *несовершеннолѣтніе.*

Н.

Наказаніе. Постановка вопр. о наказаніи 323. Причины, по коимъ наказаніе отмѣняется 323—325.

Невинность дѣянія, какъ причина, уничтожающая вмѣняемость 360.

Недоносители. Существенные признаки недонесенія 303—304. Форма вопросовъ 304. См. *соучастіе.*

Необходимая оборона. Существенныя условія 262—263; способъ постановки вопр. 263—265.

Необходимое соучастіе. Способы постановки вопросовъ при обвиненіи въ кровосмѣшеніи, незаконномъ сожитіи и проч. 304—308.

Необщеупотребительныя выраженія. Перечень необщеуп. выраженій 53. См. *общеупотр. выраж.*

Неоконченное покушеніе см. *покушеніе.*

Несовершеннолѣтніе. Постановка вопр. о неполномъ разумѣніи 320—322. Вовлеченіе въ преступленіе 312. См. *малолѣтство.*

О.

Обвинительный актъ. Содержаніе выводовъ обвинит. акта 76, 77. Обязательность постановки главнаго вопроса по выводамъ обвин. акта 77—78. Право суда постановлять вопросъ по обвинит. акту 79. Отсутствіе такого права 79. Редакція главнаго вопро-

са въ отношеніи къ обвинит. акту: замѣна законныхъ признаковъ конкретными фактами, и наоборотъ 79, пополненіе главнаго вопроса признаками, не обозначен. въ выводахъ обвин. акта 80—90. Отдѣльные случаи редактированія главнаго вопроса: при ошибкѣ въ обвинит. актѣ въ ссылкѣ на статью закона 90, при отсутствіи въ немъ указанія на отдѣлъ статьи 92, при формулированіи обвиненія родовымъ или видовымъ понятіемъ прест. 93—97, при обвиненіи въ дѣяніи непреступномъ 98—100, при отсутствіи соотвѣтствія между дѣяніемъ подсудимаго и статьей закона 100, при сомнѣніи, преданъ ли подсудимый суду по одному или по двумъ преступленіямъ 101—102, при участіи нѣсколькихъ лицъ въ преступленіи 102—104.

Обманъ, какъ причина, уничтожающая вмѣняемость 261—262.

Оборона необходимая см. *необходимая оборона.*

Обстоятельства, особо увеличивающія вину. Опредѣленіе этихъ обстоятельствъ 308—311. Обстоят., особо увеличив. вину въ частности 311—312. Важность постановки вопросовъ 313—314. Редакція вопр. 314—315.

Обстоятельства, особо уменьшающія вину. Опредѣленіе обстоятельствъ 309—311. Обстоятельства, особо уменьш. вину въ частности 312—313. Важность постановки вопр. 313—314. Редакція вопросовъ 314—315. Замѣчанія 316—320.

Общеупотребительныя выраженія. Что подъ ними разумѣется 21, 22; случаи изъ практики 55—57; перечень необщеупотребит. выраженій 53, перечень выраженій, признанныхъ общеупотребит. 53—54.

Ограниченіе вопроса отрицаніемъ какого-либо признака 26—28.

Оконченное покушеніе см. *покушеніе.*

Оконченное преступленіе. Существенные признаки и постановка вопросовъ по отдѣльнымъ видамъ оконч. прест. Богохуленіе и порицаніе вѣры 149—151. Ересь и расколъ 151—154. Оскорбленіе святыни 154. Святотатство 154—157. Лжеприсяга 157. Сопротивленіе власти 157—159. Оскорбленіе и неуваженіе къ присут. мѣстамъ и должностнымъ лицамъ 159—161. Подлогъ въ офиц. документахъ 161—163. Похищеніе изъ присутств. мѣстъ 163—164. Взломъ тюремъ и побѣгъ 164—166. Превышеніе власти 166—171. Противозак. поступки должн. лицъ при храненіи казеннаго имущества 171—174. Подлоги по службѣ 174—175. Мздоимство и лихоимство 175—178. Нарушеніе долга подчиненности 178—179. Поддѣлка кредитныхъ билетовъ 179—180. Нарушеніе устава врачебнаго 180. Шайка 180—182. Лживый доносъ и лжесвидѣтельство 182—186. Нарушеніе постановленій о паспортахъ 186—187. Запрещенныя игры 187. Преступленія противъ нравственности 187—188. Преступленія печати 188—189. Нарушеніе правилъ о путяхъ сообщенія 189—190. Нарушеніе постановленій о кредитѣ 190—191. Нарушенія уставовъ промышленности 191—192. Проступки противъ законовъ о состояніяхъ 192. Убійство 192—196. Самоубійство 196. Увѣчья, раны и поврежденія здоровья 196—207. Оставленіе въ опасности 207—208. Оскорбленіе чести 208—212. Противозаконное задержаніе 212. Угрозы 213. Преступленія противъ союза брачнаго 214. Прест. дѣтей противъ родителей 214—215. Истребленіе и поврежденіе чужаго имущества 215—217. Разбой 217—220. Грабежъ

221—223. Кража 223—232. Мошенничество 233—235. Присвоеніе и растрата 235—236. Обманъ въ обязательствахъ 236—237. Подлоги въ актахъ и обязат. 237. Преступленія по куплѣ, займамъ и по довѣренности 245.

Опредѣленія, постановляемыя судомъ по поводу просьбъ и замѣчаній сторонъ: при усиленіи обвиненія 117, при домогательствѣ о постановкѣ вопросовъ условныхъ 127, объ одной изъ причинъ невмѣняемости 256, объ обстоятельствахъ, особо увелич. и уменьш. вину 314, вообще по всякому измѣненію или дополненію вопросовъ 334.

Опредѣленія, принятыя въ законѣ. Что разумѣется подъ такими опредѣленіями 23—25.

Остановленное покушеніе см. *покушеніе.*

Отмѣна наказанія. Причины, по коимъ наказаніе отмѣняется 323—325.

Отсрочка засѣданія для приготовленія къ защитѣ 116—117. См. *измѣненіе обвиненія.*

Оцѣнка, какъ разграничительная черта между фактическими и правовыми признаками 3—10.

Ошибка, какъ причина, уничтожающая вмѣняемость 261—262.

П.

Повтореніе преступленій. Постановка вопроса о разумѣніи при повтореніи преступленія 265, 321.

Подпись на вопросномъ листѣ 330.

Подговорщики см. *подстрекатели.*

Подстрекатели. Опредѣленіе подстрекательства 293. Постановка вопросовъ 293—295.

Покушеніе на преступленіе. Опредѣленіе понятія о покушеніи 139, 140. Редакція вопросовъ 140—142. Фактическіе признаки, соотвѣтствующіе понятію о покушеніи по отдѣльнымъ видамъ преступленій: преступленія печати 142, поддѣлка кредитныхъ билетовъ 143, оскорбленіе нравственности 143, поджогъ 143, грабежъ 143, кража 144, мошенничество 145, подлогъ и преступленія по куплѣ-продажѣ 145. Свойства покушенія: покушеніе неоконченное 145—147, покушеніе оконченное 147—149.

Попустители. Опредѣленіе 298. Существенные признаки 299. Постановка вопросовъ 299.

Порядокъ производства дѣла. Постановка вопросовъ о порядкѣ производства дѣла 327—328.

Послѣдствія обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ. Вопросы о наказаніи 323, о причинахъ, по коимъ наказаніе отмѣняется 323—325, о гражданскомъ искѣ 325—327.

Пособники. Опредѣленіе пособничества и постановка вопросовъ 295—298.

Предварительное слѣдствіе. Случаи обращенія дѣла къ предварительному слѣдствію 111—115. См. *измѣненіе обвиненія.*

Предварительное соглашеніе. Участіе въ преступленіи по предварительному соглашенію 291—298. См. *соучастіе.*

Приготовленіе къ преступленію. Опредѣленіе понятія о приготовленіи 135—136. Фактическіе признаки, соотвѣтствующіе понятію о приготовленіи по отдѣльнымъ видамъ преступленій: сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, нарушеніе постановленій о паспортахъ, убійство, оскорбленіе чести 136, мошенничество, преступленія по куплѣ-продажѣ, преступленія печати 137, подлогъ 137—138. Редакція вопросовъ 135, 138—139.

Прикосновенность къ преступле-

нію. Лица, прикосновенныя къ преступленію: попустители 298—299, укрыватели 299—303 и недоносители 303—304.

Примиреніе, какъ причина, по коей наказаніе отмѣняется см. *наказаніе*.

Пріостановленіе засѣданія см. *отсрочка*.

Припадки болѣзни, приводящіе въ умонеступленіе 261.

Присяжные засѣдатели. Степень ихъ власти 1—2. Объясненіе имъ предсѣдателемъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла и законовъ 28—37. Участіе въ постановкѣ вопросовъ 123, 331.

Причины, уничтожающія вмѣняемость см. *вмѣненіе*.

Причины, уничтожающія наказуемость см. *наказаніе*.

Продолжаемыя преступленія. Опредѣленіе 272—276. Разрѣшеніе вопроса о единствѣ намѣренія 276. Редакція вопросовъ 276—277. Жалобы на соединеніе и раздѣленіе вопросовъ 278.

Прокурорскій надзоръ. Участіе при постановкѣ вопросовъ по частному обвиненію 331. Нахожденіе въ совѣщательной комнатѣ при постановленіи вопросовъ 329. См. *стороны*.

Протоколъ. Внесеніе въ протоколъ опредѣленій суда, постановленныхъ по поводу ходатайствъ объ измѣненіи и дополненіи вопросовъ 117, 127, 256, 314, 334; внесеніе объясненій и показаній, на коихъ стороны основываютъ свои требованія 125, 248, 256, 334.

Прочтеніе вопросовъ 330—331.

Р.

Разграниченіе судебныхъ функцій между присяжными и судьями 1—46.

Раздѣленіе вопросовъ. Случаи, въ которыхъ вопросы должны быть раздѣлены 60—63. Послѣдствія нарушенія 70. См. *соединеніе* вопросовъ.

Разложеніе вопроса о виновности на его составныя части. Общія положенія: выдѣленіе вопроса, возбуждающаго сомнѣніе, и въ какихъ случаяхъ 246—247. Вопросъ о событіи: въ какихъ случаяхъ выдѣляется 247—251, редакція вопроса 251—252. Вопросъ о совершеніи преступленія 253. Вопросы о вмѣненіи 253—267. См. также *вмѣненіе*.

Разумѣніе см. *малолѣтство, несовершеннолѣтніе*.

Редакція вопросовъ: главнаго 79—106, вспомогательныхъ 130—134; о приготовленіи 138—139, о покушеніи 140—142, о событіи преступленія 252, о причинахъ невмѣняемости 257—259, 260, 264, 266, въ преступленіяхъ продолжаемыхъ 276, 277, при участіи 279, 283—288, 294, 297, 300, 304, при соучастіи необходимомъ 304—308, объ обстоятельствахъ, особо увелич. и уменьш. вину 314—315, о неполномъ разумѣніи 321, о гражданскомъ искѣ 325, 326, о порядкѣ производства дѣла 327.

Рѣчь предсѣдателя присяжнымъ см. *заключит. рѣчь*.

С.

Свойства покушенія. Покушеніе неоконченное, оконченное 145—149.

Свойство пособничества 298.

Смерть подсудимаго послѣ преданія суду 79.

Событіе преступленія. Выдѣленіе вопроса о событіи 247—251, 294, 295, 297—298, 303, 326; редакція вопроса 251—252.

Совершеніе преступленія. Выдѣленіе вопроса о совершеніи преступленія 253; выдѣленіе вопроса о со-

вершенія и событія преступленія 257—9, 264, 266, 295, 306—8.

Совершившееся преступленіе см. *оконченное преступленіе.*

Совокупность преступленій. Постановка вопросовъ по всѣмъ предметамъ обвиненія 267, 268; о преступленіи, обнаруженномъ на судѣ 268; что разумѣется подъ отдѣльными преступными дѣяніями 268—269. Постановка вопросовъ о преступленіяхъ, изъ коихъ одно входитъ въ составъ другаго 269, 270 или служитъ средствомъ для совершенія другаго 271—272.

Соединеніе вопросовъ 57. Какіе признаки и обстоятельства должны быть соединяемы въ одномъ вопросѣ 58—60, 70—73. Послѣдствія нарушенія 70. См. *раздѣленіе вопросовъ.*

Сообщники. Опредѣленіе сообщничества 292; постановка вопросовъ 293.

Составленіе вопросовъ. Время составленія и кѣмъ составляются 329.

Состояніе необходимой обороны см. *необходимая оборона.*

Соучастіе. Постановка вопросовъ при участіи многихъ лицъ въ преступленіи. Общія положенія: различныя степени участія 278—280; обязательность постановки вопр. о степени участія 280—283, 102—104; редакція вопросовъ 283—289. Участіе безъ предварительн. соглашенія 289—291. Участіе по предварит. соглашенію 291—298. Прикосновенность къ преступленію 298—304. Соучастіе необходимое 304—308.

Средства для совершенія преступленія 135, 137, 149, 271—272.

Старшина присяжныхъ. Участіе въ постановкѣ вопросовъ. См. *присяжные засѣд.*

Стеченіе преступленій см. *совокупность преступленій, продолжаемыя преступленія.*

Стороны. Обязанности стороны при домогательствѣ о пополненіи главнаго вопроса 105, при усиленіи обвиненія 115, при постановкѣ вспомогательныхъ вопросовъ 123—125, 127—130, 135, при выдѣленіи вопроса о событіи 248, 326, при постановленіи вопроса о вмѣняемости 256, о степени участія 289, объ обстоятельствахъ, особо увеличив. и уменьш. вину 315, о давности 324, при соединеніи вопросовъ 70. Права сторонъ при чтеніи проекта вопросовъ 330, 331—334.

Судебное слѣдствіе см. *главный вопросъ, вспомогат. вопросы, измѣненіе обвиненія.*

Судьи. Разграниченіе судебныхъ функцій между присяжными и судьями 1—46.

Существенные признаки преступленія. Опредѣленіе 22—23. Помѣщеніе ихъ въ вопросѣ о виновности 49. Обязательность этого правила для суда безъ присяжныхъ 49. Опущеніе въ вопросѣ существеннаго признака 50, 51, 57. Соединеніе существ. признаковъ въ одномъ вопросѣ 58—60. Постановленіе ихъ въ альтернативной формѣ 66—68.

Т.

Термины см. *юридическіе термины.*

У.

Укрыватели. Опредѣленіе 299—300. Редакція вопросовъ 300—303.

Уменьшеніе обвиненія на судѣ см. *измѣненіе обвиненія.*

Усиленіе обвиненія на судѣ см. *измѣненіе обвиненія.*

Условные вопросы см. *вспомогательные вопросы.*

Участіе въ постановкѣ вопросовъ сторонъ, присяжныхъ см. *стороны, присяжные.*

Участіе въ преступленіи см. *соучастіе*.

Участники въ преступленіи 289—291. См. также *соучастіе*.

Ф.

Фактическіе признаки преступленія 3. Разграничительная черта между фактическими признаками и правовыми 3—10.

Факты конкретные. Констатированіе ихъ присяжными 1—10. Отсутствіе конкретныхъ фактовъ 11. Полнота фактич. данныхъ въ вопросахъ 14. Отступленія 14—18. Изложеніе вопросовъ о виновности по фактич. признакамъ 52, о приготовленіи 135, о покушеніи 142, о степени участія 279.

Форма вопросовъ о виновности см. *вопросы о виновности*.

Форма, въ которой предъявляются замѣчанія на вопросы 333.

Формальныя условія постановки вопросовъ. Составленіе и прочтеніе вопросовъ 329—331. Дополненіе и измѣненіе вопросовъ 331—334.

Ч.

Частное обвиненіе. Постановка вопросовъ 78, 122, 123, 268, 331. Участіе частнаго обвинителя въ постановкѣ вопр. 331.

Частные вопросы. Вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ и уменьшающихъ степень виновности 308—320. Вопросы о неполномъ разумѣніи несовершеннолѣтняго 320—322. Вопросъ о взаимности обидъ 322—323.

Ю.

Юридическіе термины. Употребленіе ихъ въ вопросахъ 12, 13. Перечень необщеупотребительныхъ терминовъ 53. См. *общеупотребительныя выраженія*.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ.

Учрежденіе судебныхъ установленій

№№ статей.	Страницы.
7	18

Уставъ уголовнаго судопроизводства

520	76, 77—104
750	329
751	76—111, 118—134
752	19, 111—115, 268
753	111—118
754	18—20, 246—267
755	19, 134—149
756	57—76
757	19, 134—149
758	19, 278—304
759	265—267, 320—322
760	11—13, 21—25, 49—51, 52—57
761	323
762	330, 331—334
763	254—265, 323
764	329, 330
801	28—37
811	19, 26, 118
812	26
818	42
820	37, 38
823	38, 39, 323
825	323, 329, 330
826	41
827	41

Уложеніе о наказаніяхъ.

№№ статей.	Страницы.
6	134
8	135—139
9	139—149
11	278
12	278, 289—291
13	278, 291—298
14	278, 298—304
15	303—304
92—103	254, 260—265
125	303—304
126	
129	312
134	313
137	265
143	312
153	313
155	321
166	324
167	
176	313
177	149, 150
178	150, 313
180	150
182	151, 312
183	313
196	151
197	151
200	152, 311
201	152—154
206	154
211	313

№№ статей.	Страницы.
214	154
219	154, 155
221	155
225	155, 312
226	155, 156
227	156
228	312
229	
231	157
232	
234	157, 313
235	
238	157
250	137
251	142
263	157
270	157, 158
271	158
273	159
276	159, 313
280	159
282	159, 313
283	159, 160
285	160
286	160, 161, 312
287	161
288	
291	313
292	313
294	137, 138, 161, 162, 312
296	162, 163, 268, 312
300	163
303	163, 164
309	164—165
311	166
338	
341	167—171
351	171
354	171—173, 313
356	173, 174
357	174
358	
362	174, 175
372	175, 176, 312
373	175, 313
377	176, 177
380	178
382	
393	
394	
395	
571	179, 312
573	179
576	136, 143, 179
895	180
922	180, 181
924	181, 182

№№ статей.	Страницы.
940	182, 183
942	183—185
943	186
975	136, 186, 268
976	186, 268
977	187
990	
994	187, 304—308
995	143, 187
997	187, 188
1001	188
1035	
1039	188, 189
1040	189
1081	
1082	189, 190
1085	190
1149	
1150	
1151	
1160	190, 191
1161	191
1354	191, 192
1441	192, 313
1451	192
1452	192, 193
1454	193
1455	
1457	136
1459	193, 194, 269
1460	194
1464	194, 195
1465	195
1466	
1468	195, 196
1474	269
1475	196
1476	
1477	
1478	197
1480	
1481	
1482	
1483	197, 198, 313
1484	198—200, 313
1485	200, 201
1486	201
1489	201—204
1490	204, 312
1491	205—206
1494	206—207
1516	207, 208
1519	208
1520	
1523	143, 208
1524	209
1525	209—210

№№ статей.	Страницы.
1526	210—211
1528	136, 211
1529	143
1531	211
1532	211
1533	211
1535	211, 212
1540	212, 213
1545	213
1554	214
1558	214
1583	214
1591	214, 215
1593	304—308
1594	304—308
1606	215
1609	215, 216, 312
1610	143, 312
1612	216
1614	216, 217
1627	143, 217—219
1629	219
1630	219
1632	219, 220
1634	221
1637	143, 221
1642	222
1643	222, 223, 312
1644	144, 223—225
1647	225, 226
1648	227
1649	228
1650	228, 229
1651	229
1652	229

№№ статей.	Страницы.
1653	144, 230, 312
1654	144, 230—232
1655	232
1657	232, 268
1659	312
1663	313
1665	145, 233
1666	137, 234—235
1667	234, 235
1671	312
1674	313
1681	235—236, 313
1682	235—236
1688	236—237
1690	137, 237—239
1691	239—242
1692	145, 242, 243
1697	243, 244
1698	244
1701	245
1702	245
1705	137, 145, 245
1711	245

Уставъ о наказаніяхъ

14	312
138	322—323
169	См. ст. 1644 улож.
170	312
171	313
173	234—235
174	234—235
175	312

СУЩЕСТВЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И НЕТОЧНОСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Слѣдовало напечатать.*
9	15 сверху	фактической правовой	фактической отъ правовой
16	1 снизу	частныхъ фактовъ	чистыхъ фактовъ
18	5 »	полности	полнотѣ
24	14 сверху	сенатъ опредѣленіями	сенатъ подъ опредѣленіями
30	16 »	законъ «явно насильственными	законъ подъ «явно насильственными
36	7 снизу	присяжные засѣдатели, очевидно	присяжные засѣдатели, избирающіеся изъ среды народа, очевидно
39	9 »	принимаемаго по аналогіи	примѣняемаго по аналогіи
68	10 снизу	согласилась ли	согласила ли
77	5 »	Обязанность постановки	Обязательность постановки
89	12 »	уголовный вопросъ	условный вопросъ
91	14 сверху	за противоположное дѣяніе	за противозаконное дѣяніе
101	20 снизу	въ оскорбленіи Авдотьи	въ ограбленіи Авдотьи
106	11 снизу	дополнить	дополнять
115	15 сверху	не имѣло ни рода,	не измѣняло ни рода,
116	5 снизу	обвиненіе указанія	обвиненіе указаніемъ
—	1 »	Хиханова	Хизанова
117	5 сверху	такое измѣненіе дѣленія	такое измѣненіе обвиненія
118	7 снизу	Какъ предметъ	Какъ предметомъ
137	10 »	по дѣлу Троицкаго	по дѣлу Троцкаго
166	18 »	23 января 1872 г.	23 января 1875 г.
178	7 сверху	1 ч. 180	1 ч. 380
181	16 »	соединенные	соединеннаго
184	12 »	Ямкаберидзе	Микаберидзе
202	14 снизу	Сенат. Вѣд.	Судебн. Вѣстн.
236	3 сверху	поручено	получено
257	12 »	Въ обоихъ рѣшеніяхъ	Въ однихъ рѣшеніяхъ
289	16 снизу	въ содѣйствіи преступленія	въ содѣяніи преступленія

2007056015